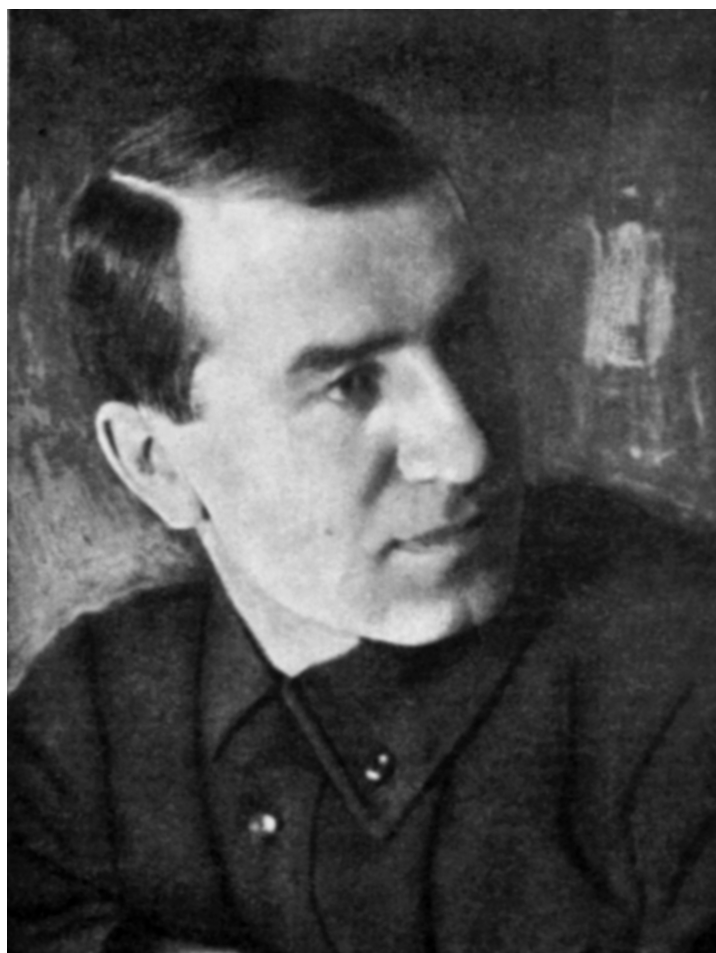

Иван Грузинов

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

Иван Грузинов
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Иван Грузинов

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

МОСКВА
ВОДОЛЕЙ
2016

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1
Г90

Составление, послесловие и комментарии
Олега Демидова

Грузинов И.

Г90 Собрание сочинений / Сост., послесл., комм. О. Демидова. – М.: Водолей, 2016. – 544 с.

ISBN 978–5–91763–330–5

Иван Васильевич Грузинов (1893–1942) – литератор из длинного списка забытых имён. Гражданский муж поэтессы-футуристки Нины Хабиас и верный друг Сергея Есенина; поэт, переживший школу символизма, азарт футуризма и цирковое училище имажинизма; во многом близкий скиту «новокрестьянской купницы», но всегда самобытный. Тонкий критик, внимательный литературовед и яркий мемуарист, Иван Грузинов – автор известного трактата-манифеста «Имажинизма основное», воспоминаний о С. Есенине и В. Маяковском.

В книгу вошли тексты, публиковавшиеся в газетах, журналах, коллективных сборниках и оригинальных изданиях начала XX в., а также новые архивные разыскания..

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1

ISBN 978–5–91763–330–5

- © О. Демидов, составление, послесловие, комментарии, 2016
- © Издательство «Водолей», оформление, 2016

СТИХОТВОРЕНИЯ

1910 – 1941

БУБНЫ БОЛИ

МОСКВА, 1915

БУБНЫ БОЛИ

Батарей обрывки клубы
Быстрых бархатов обвили.
Побежал инкуб рубинов
Оборвать оба на башнях,
Зубы выбитых барбетов
Бороздить бурьяном бомб.
В небесах балет болидов
Бросил бусы. Бронза брызг!
К облакам батальный бант.
Брёвна, сабли, губы, рёбра
Раздробить в багровый борщ.
«Брац!..»

«Урра-а-а-а-а!..»

Трубы бредят бубны боли;
Бредит братом барабан.

Стихотворения

7

~
~
~

1914. Август

ЖЕРНОВА ЗАРЖАЛИ ЖАРОМ

Жалонеры. Ружья. Жерла.
Жрут. Жиреет жаба жути.
Дирижабли дребезжат.
Завизжала жидким жгутом.
Брызжут жемчугом дождей.
Жадны ржавые жирафы.
Лижут жесткое желе.
Жернова заржали жаром
Рыжих жал. Железа скрежет.
Жабры сжать. Жужжит желудок.
Желчь дрожит. Разрежу жилы.
Жердь жую. Жену жалею.
Животы, фуражки, лужи.
Жатва, желтые жуки.

1914. Август

РЫЖИЙ КОНЬ

Катакомбы. Светильника тусклый диск поник
Ореол позолотил твой неизъяснимый лик.
Трепетала, как бледный голубь, твоя узкая ладонь.
Внезапно свистящий топот, и вскрик.
Пылая, выплыл из мрака Рыжий Конь.

И от рук моих надменный Рим пепел и прах.
Но ответно живых факелов свет зажжён.
Ликовал победивший Нерон
На развалинах и гробах.

1914. Май

* * *

Когда безмолвный и покорный
Я пред тобой склонил колени, –
Овеян тьмой одежды чёрной,
Мерцаньем вещим осиян
Твоих очей, – мне снились тени
Казнённых древле христиан...

Воздев ликующие руки,
Они молились на арене.
И медных труб дрожали звуки.
И тихо крались львы и тигры.

Величьем мести упоён,
Смотрел на праздничные игры
В венце и пурпуре Нерон.

1914. Сентябрь

* * *

Deine weissen Lilienfinger
Henrich Heine

В час, когда миры, как вихри пыли,
Заструятся в диком танце предо мной
И потонет в кровавом тумане
Образ твой, коснись концами пальцев-лилий
Моего чела, и голубой волной
Закачает меня рай благоуханий

1914. Март

* * *

Вечер пряный.
Сад гранатовый. Туманы –
Точно тонкие вуали
В змейках розовых заката.

Засверкали
Очи – острых два агата.
Шёлк, и кружев паутина.
И ревниво нежит шея
Отблеск томного рубина.
Саломея!

... И когда мой труп немой
Ты увидишь, Саломея,
Завтра в полдень голубой,
Ты пронзишь ли мне, бледнея,
Очи страстною игрой?

1913. Октябрь

* * *

Позлащённых крыш сосульки хрупкие
Солнце утра
Бледно
Опалило палевыми перьями.
Заплетаются за стёклами цветными
Косы сказочных принцесс.

Протянуло солнце нити влажные
С крыш полдневных
К снегу,
Саваном весенним осенённому.
Расплетаются за стёклами цветными
Косы сказочных принцесс.

1914. Февраль

* * *

В час, когда бред литаний
Глубокая полночь уронит,
Предан Тобою потоку сгораний.

Колыхаю мои сухие и ласковые ладони.
Расторгают пленительный плен
Лучи фосфорических симфоний.

Ах, базарно крикливы Моцарт и Шопен.

1914. Май

ПРИМИТИВ

В иглах пепельных сгорает
Глаз. Янтарный. Белый. Алый.
Чуть мигает. Чуть мигает.
Меркнут краски. Гаснет день.

Прохожу дорожкой малой
Мимо тихих деревень.
Пью водицу из ручьёв,
И беседую с былинкой.

Отуманенный росой,
Пряным трепетом цветов,
Прохожу лесной тропинкой.

Говорят-шумят со мною
Липы. Ели. Сосны. Клёны.
Говорит весь лес зелёный.

1910

ТРАКТИР

Испарина, как лак тягучий,
Ползёт к лицу, слепит глаза.
Табачный дым зелёной тучей
Застлал рекламы, образа.
Промозглый запах дёгтя, сала.
Звон чашек. Чавканье. Плевки.

Старик в поддёвке полинялой
Болтает с нищим: «Ты куски
Продешевил сегодня». – «Знаю.
Я завтра больше настреляю». –
«Ну, не хвались; хвалиться рано»...

Девушка в платьице кумачном
Идёт под окнами; ей вслед
Кричит сапожник полупьяный:
«Кры-кыррр!.. Аллюриста и смачна!»
Она кокетливо: – «Бродяга!» –

Склонясь лениво на буфет,
Трактирщик закурил «Трезвон».
«Сухую Корочку», «Варяга»
Визгливо тянет граммофон.

1913. Май

ДЕНЬ СВЯТОГО ДУХА

Скрип гармоники корявый.
Пересмехи. Из берёзок отголосок:
«Ты, канава! ты, канава!»

К солнцу крадётся дымок от папиросок.
Ноги жадно лижут травы.
Колыхает ветер пьяный
Разноцветные рубахи,
Сарафаны.

Гулкий топот. Вихрь румяный.
Рук алеющих размахи.
Закружились зелёные поляны.

1914. Апрель

* * *

Средь безграничного простора
Блестят лазурные озёра.

И, мерно делая изгибы,
Плывут рубиновые рыбы.

И серебристой вереницей
Летят причудливые птицы.

Исчезло всё на краткий миг.
Вдруг замок пламенный возник.

Из замка в светлой багрянице
В волшебный сад идёт царица.

За ней следит суровый страж –
Седой евнух и тихий паж.

Из синевы безвестных стран
Спешит к царице великан.

И не видать при свете алом
Лица, покрытого забралом.

И зорным золотом горит
Его копьё и круглый щит.

1911

~
~
~

14

Иван Грузинов

* * *

Тлели
Облаков лоскутья
Синие.
Скрипели
Ржавые прутья
О зеркало озёрное.
Звонкие клинья
В черепки кололи
Раскалённую лазурь.
Плыли
Чёрные
Извилины поля.
Ветер шептал:
«Глаза не щурь».
Дребезжал
Фонтан пыли
Белой.
Гудели, гоготали
Гады.
Плавилось в солнечной эмали
Розовое тело
Наяды.

Стихотворения

15

~
~
~

1914. Апрель

* * *

В час багряного заката, –
В час, когда тускнеет золото,
Меркнут белые чертоги, –

Мнится мне, что живы боги.
Мнится мне: в борьбу вступает
С светлым богом бог ночной.

Светлый бог изнемогает.
Льётся кровь его струёй.

Рдеет пурпур. Меркнет золото.
Гаснут алые чертоги.

1911

* * *

Смех твой, Майя, смех певучий;
Голос твой призывно-сладок;
Ослепляет лик твой жгучий,
Манит чарами загадок.

Но в плену твоих объятий –
В узах пламенных и тесных –
Я сгораю в муках крестных;
Множу призраки и тени,
Созидаю мир видений,
Позабыв слова заклятий.

1912

* * *

Дьяволятки голенькие, хилые
В полночь выползли сквозь щели из подполья.
Это вы, мечты бескрылые,
Пали листьями безволья?

Ведьмы пляшут? Ведьмы воют?
Это вихри; это листья шелестят.
Я плащом моим прикрою
Вас, дрожащих дьяволят.

И пока я жду рассвета, –
Тёмен, слеп и духом нищий, –
Ваше тело будет тьмой моей согрето,
В слепоте моей себе найдёте пищу.

Но когда в рассветный час
                                склонюсь к пустынному оконцу,
Не мешайте мне в тиши молиться Солнцу.

1913

* * *

Зыбь пыльной пелены.
Небо – сочная полудыня.
Звёзды – семечки синие.

Режу небо щербатым ножом луны.
Опускаюсь в зарево травы.
Кушаю ломтики прохладной синевы.

1914. Май

АМУЛЕТ

На прощанье подарила
Мне свинцовую гориллу.
Чёрной лентой обезьянку обвязала
И сказала:
«Мой поэт,
Это будет амулет.
А когда... когда разрушится свинец,
Знай, настал конец...»

Долго я хранил заветный амулет.
Но однажды, в час заклатья,
Молвил: «Любишь или нет?»
И едва успел сказать я
Заповедные слова,
У гориллы отвалилась голова.

1913

* * *

Полночный час. Уснули звуки.
Заворожила тишина.
Недвижно небо. Даль мутна.
В окно струится звёздный свет.

Тревожный стук. Мелькнули руки.
Мелькнул твой гибкий силуэт.
И занавес зашелестела
У одинокого окна.

Твой белый лик на ткани зыбкой.
Безмолвный призрак. Призрак белый.
Глаза с укором иль улыбкой?

Безмолвно к призраку приник.
Лобзаю жадно белый лик.

1912

ПАДЕНИЕ

Ковром коричневым пустыня
Цвела за мёртвою рекою.
Тускнела ткань небесной сини.
Взметая розовую пыль,
Стада тянулись к водопою,
И стихли шорохи сухие.
Дремала нежная Рахиль
В своём шатре желтоузорном.
И плакала слепая Лия.
Упала ночь, как войлок чёрный.
Зажглись огни сторожевые.
Во тьме мятущейся возник
Передо мною мой Двойник.
Он жёг меня дыханьем уст.
Ступнёю острою вдавил
Мою ступню в прибрежный ил.
Позор паденья. Жгучесть боли.
Моих костей и лязг и хруст.
И всколыхнулись янтари
Тяжёлой утренней зари.
Собрав остатки дерзкой воли,
Я снова мускулы напряг.
Но некий сумрачный слизняк
В моей груди затрепетал.
И голос предков, льстив и слаб,
Во мне рыдал:
«Люблю Тебя. Твой верный раб».

1914. Апрель

* * *

Поэты,
Пленяющие радужностью музыки,
Вы – помутнённость Пола.
Два начала
В вас неслиянно соприступуют –
Начало мужское и женское.
И оттого вам близки и дети, и гении.

А ваша осиянность, трепетность,
Смятённые видения
Не есть ли предвестие – прозрение Грядущего,
Когда в едином лике человека
Сольются нераздельно два начала жизни?

1913

20

Иван Грузинов

Челлини

Соцветья камней многогонных,
Законченность, чеканность линий
И блеск металлов раскалённых
Влекли к себе мечту Челлини.

Был для него металл упорный
Нежный, чем воск, огню покорный.

Ему вручили гномы гор
Всепобеждающую власть
Над косной массой минерала.

Неумолимо верен взор,
И опьяняющая страсть
Его руки не колебала
При взмахах дерзкого кинжала.

1913

БОГАТЫРИ

Рыдайте, ворота!
Вой голосом, город!
Исайя

Истлевают пламень белый.
Фиолетовые стрелы
В небо ринула вечерняя заря.
С гор лесных спустились три богатыря.
Тонкий юноша с усмешкой горделивой,
Муж и старец с бородой в седых извивах.
В синих шлемах, в златокованных бронях,
С обнажёнными мечами, на конях.
И, вперив в меня упорно тяжкий взор,
Молвил старец: «Камни двинулися с гор».

Муж мне подал на щите своём стожарном
Кубок с влагою рубиново-янтарной:
«Жажду кровию звериной утоли,
В ней сокрыты силы древние Земли».
Молча юноша коснулся мне плеча
Остриём молниеносного меча.
Засмеялась побледневшая заря.
За горами скрылись три богатыря.
Только тени их мерцали в зыбкой мгле.
Только тени я лобзал, склонясь к земле.

1913

В ОТВЕТЕ

Так. Беатриче стала проституткой.
Но не Христос повинен в этом, верю.
Христос сказал: вино и хлеб примите;
Любите лилии, любите птиц небесных.

А мы, сквернящие родную Землю,
Лишь торгоши базарные, не боле.
Мы взвешиваем силы человека,
Миры хотим измерить и исчислить.

И может ли для нас Земля вновь стать благоуханной?
И первозданною красой светиться Небо?

~
~
~
1913

22

СОДОМЛЯНЕ

Два юноши из Горних Стран
К Содому древле притекли.
Им поклонившись до земли,
Промолвил Лот: «Сырой туман
И мгла пути заволокли.
Пусть господа мои найдут
В семье раба благой приют».

Содомляне во тьме ночной
Жилище Лота обступили:
«Веди к нам странников. Пленили
Они неведомой красой».

И Лот возвысил голос свой:
«Не делайте пришельцам зла!
Но если вы неумолимы,
Познайте дочерей моих.
Цветущи, юны их тела».

«Пусть нас коснутся серафимы
Сияньем нимбов золотых!»
И вышли ангелы, сверкая
Лучами пламенных ресниц.
Содомляне простёрты ниц.
Их кружит буря огневая.

Так я, кощунственно влюблённый
В воскрилья ангелов мечты,
Во прах повержен, ослеплённый
От вихрей Горней Красоты.

1913

* * *

Роняют ржавые спицы
Колёса вселенной.
Ах, опусти, опусти ресницы!
Пребудь в слепоте дерзновенной!

Отрешает от ветхой колесницы
Конец Рука Нетленная.
Ах, сомкни, сомкни ресницы!
Пусть опалит слепота дерзновенная.

1914

ВЕЕР ВЕНЕРЫ

Синева весенних вен.
Свет ветвит воздушный вереск.
Вянет воск воспоминаний,
Новой яви веет вихрь.

Снова снов наивна весть:
Вечер матовых мотивов
На левкоях высоты;

Опустив влекущий взор,
Веер выронит Венера
Пред завесами алькова.

1914

* * *

Лёгкий лёт лукавых лун.
Латы. Факелы. Газели.
Голубые акварели
Льют шелка в эмаль лагун.

Бледный блеск атласных глин.
Вёсла. Ласточки. Газели.
В малахитовые мели
Выплывает Лоэнгрин.

Ловит листья белый слон.
Стрелы. Карлики. Газели.
Золотые карусели
Расплескали небосклон.

Флейты, лепеты Селен.
Пляски. Локоны. Газели.
О глубокие качели!
О последний сладкий тлен!

1914. Июль

БЫЧЬЯ КАЗНЬ
М.: Имажинист, 1921

БЫЧЬЯ КАЗНЬ

Сквозь зубы истово цедили чай,
Закусывали сдобным калачом.
Молчали.
Рукавом вытирали пот.
В сени
Хозяин, крикнув, выкатил живот,
Как банным веником распаренный бочонок.
Со двора пахнуло
Прелью и снегом весенним.
И золото луча
На розовые скулы.
В закуте – темь и сонь.
Мерно фыркает бык,
Бычью морду треплет рука,
Ласково к пойлу клонит.
На шею тугой аркан
Рукой судьбы.
И в лоб белясое пятно,
Колун
Заржавленным квадратом обуха.
По горлу хлебный нож.
Бьёт кровь в лохань,
Где сдохлись за ночь мутные помои,
И, брызнув на зипун
Хозяина, слипается как чёрное клеймо.
Парные потроха
Зелёной грудую у ветхого плетня.
И птицы реют над добычей.

Труп бычий
Вздыбили на пялы.
И как последний отблеск дня
Дрожанье жил шафранных, сизых, алых.
Мигай, закат, мигай!
Воронье карканье медлительней и глуше.
Кровавые рога
В навоз вонзая,
Ободранная стынет голова.
Два зеркала – остекленевшие глаза:
В одном – небесная синева,
В другом качается распяленная туша.

Март 1921

РОДЫ

М.: Имажинист, 1921

Ситцевый полог чуть колыхнулся.
Сдавленный стон,
Точно муху тощую пьёт паук.
Икота.
К двери сапожищи шмыг.
Журавец у колодца: ау.
Вечер тенью мохнатой шагнул,
Стёр позолоту
С тонкой
Закатной тесьмы.

Небо в окно
Ветошкой линялой.
Крепко приправлен
Дух щаной
Дымом табачным и потной онучей.
Дрожь.
Ледяная кора.
Схвачен ком одеяла.
Череву воды холодной ведро,
Тестом проквашенным пучит.

Иглами в тело впились.
Всхлип краткий.
Последний порыв.
Подкатило к горлу,
Душит лепешкой клеклой
Из матки
Студнем рыжим
По волосикам слизь.
Круглое, красное медленно пёрло
Как из горшка перепрелая свёкла.

Выплеснут крик звонкий.
Бабка ощерилась сукой поджарой.
Рухлые пальцы вяжут пуп.
На пелёнки
Капля тёмным рубином с ножа.
В копоть лампада луч
Как голубую тропу.

В пыльном божничном углу,
Где сентябрьские мухи сонные
Проползая
По стёклам икон
Кропотливо узоры рисуют,
Дева Мария
Сиськой пергаментной пичкает
Иисуса,
И до зари
На лубочную зыбку и полог тряпичный
Щурит византийские глаза.

Май 1921

ЗАПАДНЯ СНОВ
М.: ИМАЖИНИСТЫ, 1921

* * *

Сергею Есенину

Серебряный и синий
По утру,
А полдень выткан золотом соломы.
Лишь изредка то здесь, то там
Мерцает свет павлиний.
Какая пустота
В моей избе.
Как тихо дышит Русь.
И времени челнок замедлил бег,
Запутавшись в прозрачных паутинах.
А на исходе дня,
В полях
Остановил коня.
Смотрю, как за селом,
У ветхого овина
Стекает с чьих-то светлых рук
Зерно,
И стелется у ног
Тончайшая мякина.
Трубы далёкой звон
Иль август грезит журавлями?
Над оловом реки
Застыла конопля.
Как тихо дышит Русь.
Биенье сердца конского
И трепеты раки.

1921

* * *

Виясь над хладным серебром
Озёрных крыл, алеют дымы.
И утро медленным костром
Туманные сжигает ризы.
На сучьях сумрак бледносизый
Повис как пух неуловимый.
Течёт дремучая теплынь.
И зноем зыблемая синь
Звенит как сеть стеклянных ос,
Шатает соты деревень.
Короче взмахи жадных кос.
На травы клонит солнцелень.
И по лучистому овсу
Неспешно к ветхому селу
Косцы под мышками несут
Охапки златоглазых лун.

1920

* * *

К оврагу сгрудились омёты.
На мхи прилёт седой овин.
Репейник под шатром рябин.
Полей сияет позолота.
Подсолнухов на прутьях тына
Повисли головы. Как сеть
В небесных струях паутина.
С дымящей охрою смешав
Тягучею волною гонит
Закат расплавленную медь.
На космы перезрелых трав
Пылят стреноженные кони.
Росы шафранной пелена,
И замирает потный день.
Дебелой жницею луна
Глядит сквозь щели шалаша.
Покорны бытию ночному
Померкли окна деревень.
Лишь писк промокших лягушат
Шевелит лунную солому.

1920

* * *

Мне мучительно долго снится
Ночи душливый бархат.
В ядовитый угар хат
Апокалипсическая кобылица.
За волною чёрную волну
Расплёскивает буйную гриву,
Глаза бырят оранжевую муть,
Из копыт выпадают ржавые гвозди.

О, если бы к небу метнуть
Звёзд зрелые гроздья,
Медноногую луну
Вымести из болот огненной шваброй,
Выудить из небесного залива
Зарю за алые жабры.

1919

* * *

Мариенгофу

Кремля боярский воротник
Пестрят и флаги, и плакаты.
И тленье пеплом лиловатым
На шлемы предков купола.
Соборов каменные латы
Обвил газетный серпантин.
О, этот лязг и бледный крик
И стали, и стекла
Под ножами гильотин!
А сеть осенних паутин
Глаза заволокла.
Под листопадный гул тяжёлый
Кого поёт, кого хоронит
Вечерний ветер злой чернец?
И льют, и льют багрец
На площади и долы
Мои штыком пропятые ладони.
И золото имён
Бульжниками стёрла
Толпа, в туманах, по ночам.
И песнь лоскут кровотокащий
Арканом сдавленного горла.

1920

* * *

Ивневу

Ни снов ли смутное биенье
Влечёт в неведомый залив
Седые зыбля паруса?
Жнецов ли, птиц ли голоса
С обмерших трав, иссохших нив?
О, холодный путь! О, ветер забвенья!
Ни звёзды ль выткали следы
На розовом песке прогалин?
Сквозь мрак и тлеющие льды
Челнок мой призрачный причален...
Но к берегам какой отчизны?
Какими молниями пронзать
Мир безымянный и пустой?
Мои ли протекут глаза
Ручьёв ручною голубизной?
Волос забрезжат повилики...
Мои ль уста на кровь гвоздики,
А желчь на лютик золотой?

1920

СЕРАФИЧЕСКИЕ ПОДВЕСКИ

ПЕТРОГРАД: ИМАЖИНИСТЫ, 1922

* * *

В помадню резеда
Канцоны сладкий зов.
В булыжник лобызун
Стальной сперматозоид
И на панель суконную слезу.
Истасканная
Всеми кобелями
На всех фронтах и внутренних, и внешних
Грудей иконостас
Дымящей головне.
Прекрасной Даме
Хихи в горячий ливень губ.
Хвостом кропи
Глазищи два нуля.

Стихотворения

35

~
~
~

Затылком вши
И ветер ерником на ляжки
Бегущего авто.
Фальшивым облаком торгуя
Косоворотка
Ночную муть жуёт как медленную жвачку
Слюнявит десятиаршинные
Морщины пизд.
Под мышкой мышку придушить
И выпрет день дебелим животом
У ротной прачки.

1921

* * *

Любовь по бёдрам сонною мокрицей,
Мозгами голубея, полыхает.
Пока не вырезан нежнейший почеревок,
Мокрица юбками альбомами стихами.
Сгорает медленно страница за страницей
И повесть кончена узлом тугих верёвок.
Захлопнулась железная щеколда.
И пустота. Как на пустом дворе.
И гулко. Эхо в гулкий чан.
Последний роковой укол.
Щетина жёлтая в облезлые поля
И восковая теплится свеча
У воскового носа пламя реет.
Мокрицею любовь по бледным миткалям.

1920

* * *

Пока Антихристу не выстриг
Мудей слоновую болесь
Се запусенье от Невы
На нивы пажити и песни.
Вместо плода
В чреве беременных преет
Слюнявый комок кострики.
Пленной поэта канарейкой
В клетке луна седая
Чирикает.
Вечную память усопшим машинам.
И побледневшие качают фонари
Христосиков на лапках лягушиных.
Полярной мятель сулемы
На асфальтовую кору
И зори розовые мыши
Обнюхивают труп.
Пока Антихристу не выстриг
Мудей слоновую болесь
Се запусенье от Невы
На нивы пажити и песни.

Стихотворения

37

~
~
~

1921

ИЗБЯНАЯ РУСЬ

М.: Современная Россия, 1925

МОНГОЛЫ

Веет пыль седой скрипучий ветер.
Сухоруки стебли травяные.
Здесь и там верблюжьи тлеют кости.
Дикий свист и гиканье, и топот.
Круглые засаленные юрты.
Синий пламень. Рыжая землянка.
На песке – кровавая конина.
Спешились. «Аман!» – кричим: «аман!»
И в ответ гортанное: «аман!»

На коврах – шелковые подушки.
На подушках – тучные киргизы.
Душная баранина клокочет,
Дыбясь на сковороде.
Приглашенья знак, и мы садимся
На ковры, на чёрные подушки.
Потным войлоком повисла гарь.

Басурманское монгол бормочет,
Улыбается улыбкой Чингиз-хана –
Скулы вздёрнуты, ощерил зубы,
Прорезь глаз сияет тёплым маслом –
Заскорuzлым пальцем тычет в жирный кус.

У стены (виденье или въяве?)
Дева цвета тёмного лимона,
Складки шали будто дымный пурпур,
А шальвары – вороновы крылья.

Звякают тяжёлые монисты
И горят серебряные серьги.
Свет раскосых глаз: степной зелёный месяц
Расплескался в щели шалаша.

1920

* * *

Почти забыл,
Как нивы пахнут,
Когда жухтрит небесный ржавый серп,
Как хлебной гарью из родной избы,
Как бичевою серую
По косогору к роще зыбкая тропа.
Почти, почти забыл,
Как под хрипкое кукуреку
Радеет голубой
Соломинкой луча
В тёмной закуте
Бык,
Как, в навозной жиже утопая,
Бьёт копытом и сонливо чавкает
Скотий бог.

Стихотворения

39

)}
)}
)}

1921

Мужик

Окончен сев. Погас последний лютик.
Как блёклую суровую холстину
Подсинькой бабы выкрасили небо,
Лишь кое-где, с краёв,
Подмоченной золой мутнеют пятна,
Да ветхим золотом сияет бахрама.
Ржаною гарью тянет из овинов,
А с огородов – душной коноплём.
Багряным ёжиком выкатывает месяц,
Верхушками осин – колючая щетина.
Оглохший скрип возов.
Далёкий лай собачий.
Болотным маревом раскачивает тени.
Прорежет ли вечерний сумрак птица,
Иль ласковым хвостом
Травинки перелистывает мышь, –
Репейник вздрогнувший стряхнёт седые капли.
Виясь по головням тряпьём голубоватым,
В печи булыжной замирает пламя.
С колосников ползёт дремучий злак.
Испарина. Звериное томленье.
Волоковыми дырами сентябрьская дрожь.
Под ягодицы потные ладони
И стебель розовый в увлажненную вату,
И растопыренными пальцами – корявыми клещами –
В дебелом теле, точно в тесте, след.
И веют холодом обветренные губы,
Рубаха – смолами и соком травяным,
А борода табачным перегаром.
Похрустывает свежая упрямая солома,
Тяжёлым золотом сыпается зерно

* * *

Как зноен день и как прохладен творог.
Лимонный тёмный квас
В жестяный жбан – жужжанье ос,
И ласточки травинкою оборванной: пю-и.
Мелькнёт ли бабий ситцевый повойник,
Иль выплывет линиялый картузище. –
Струями горбатыми зыбучая солома.
И муза – жница в розовом платочке,
Нахмурены обугленные брови,
Распаренною луковкою нос,
Гоняется за платьем повилика,
Сырой тысячелистник
Зелёным соком зубчики серпа,
И колокольчиком фьолетовым у горла бьётся песня.

1922

Стихотворения

41

~
~
~

ИЗ ДЕРЕВА

1

На скатерти с полудня разлеглась
Ржаная, как свинец тяжёлая коврига.
А рядом с ней вздыхает томно рыхлый ситник.
В широких блюдах деревянных
Варёная говядина разбухла и размякла,
И борова нежнейший почеревок
Приздынул к потолку тончайший пар.
На глиняных расписанных тарелках
Колёсики копчёной колбасы,
Китайские, волоцкие и грецкие орехи,
Подмоченное слиплось монпансье,
На пряниках аляповато: «Вяз»,
А на обложках карамельных
Под кавалерами усатыми и барыньками: «Смесь».
Пустые рюмочки жеманятся, как модницы-московки,
Готовые кокетливо хихикнуть,
Готовые звенеть стеклянным смехом,
И морщатся галантные умытые графины,
Когда качнётся половица
Под суетящейся ногой.
А чашки чайные в весенних новых платьях –
Украшенных гвоздиками, ромашками, малиной –
От праздности и грезят, и зевают.
Как истовый, исполненный достоинства хозяин,
Над яствами и питьями пыхтит
Приземистый пузатый самовар.

2

Под сенью жестяных георгинов,
Бумажных роз
Угодники в божнице ветхой дремлют
И пепельными пальцами перебирают чётки,

Расчёсывают бледный лён волос.
В красном углу, под божницею,
Шамкают пергаментные губы;
Трудовым ошпаренные потом,
Лысые сияют черепа.
Восковой венки, стеклярус и атлас –
Бабочкой капустницей невеста,
Жених в суконной тройке – таракан.
Зелёную степенно глушат мужики,
А бабы, красную пригубив церемонно
И зарекаясь и божась,
Отводят рюмочку рукою загорелой.

3

Ах, слушайте! ах, слушайте!
На фабрике какой
Полотна вечера расцвечены мерцающим шафраном?
Кто сверху цедит сквозь телесное трико
Златистую смолу?
Пока дурманами дымит трава –
По горло пей хмельную девичью гульбу.

Ах, слушайте!
Из Индии небесной
Весенний караван –
На косы звёздные подвески,
На груди девичьи зелёных лунных бус.

4

Седые пучеглазые лягушки
К полуночи накричали болотного туману.
Ползёт туман оврагами трущобными к селу,
Потёрся у колодезного сруба,
Пушистый хвост повесил на плетень,
Оскалил пасть и лапы влажные просунул в подворотню.

Трухлявою соломенною крышей
Из застрех в сени каплет лунный воск.
В тиши
Лишь пискнет изредка мечтательный цыплёнок,
Лишь цокнет конь раскованным копытом
Иль полусонная корова корявым лязгнет языком.
И полог светится палаткой кочевой,
В объятых скифа бьётся полонянка,
И чёрных две косы скользят из-под холста,
Как две степных змеи.

9–12 июня 1922

~
~
~
* * *

44

Иван Грузинов

На асфальте вспомнил соты и гвоздики,
Причитала ржавая пила,
Сохи охали, сиял и пел топор.
Ты была совсем золотоглазой.
Запах кожи. Запах лисьих нор.
Радугами на ресницы брызнув,
Пригоршнями пили ключевую.
Не забуду тонких пальцев синеву,
Родинку на узенькой груди.
Знойной сетью колыхались листья,
В чашах краснобурые костры
Языками липли к бересте.
А когда в любви и верности клялись, –
От волос твоих ложилась на траву,
На колени розовая тень.

1923

* * *

Говорят, что ты неумоя,
Что тебя целует первый встречный,
Покупают все, кому не лень,
Что тебе проело кожу рабское клеймо.
Может быть, нам разные пути на земле
И ещё не поздно расстаться?
Ах, об этом не может быть и речи.
Ведь тебя всею кровью чую,
Каждым волоском осязаю.
И не ты ли мне снишься, послушная лучу,
Не твои ли в ручьях голубеют глаза?
На призыв твой я всегда отвечу,
Кости сложу под вражеский танк.

1923

* * *

Линялой бичевой на пустыри легла
Дорога. С утренних озёр –
Утятником и сладостной прохладой.
По близорукости моей не разберу –
В тени кленовой дева ли, пастух ли.
И в тишине стеклянной голоса.
Я эту речь совсем не понимаю,
Запомнить не могу, она неповторимей
И призрачней чем щебет птиц.
О, странное самозабвенье!
Средь тонких стебельков
Травинкой вздрагиваешь голубой,
Крылатое отяжелело время,
Как стрекоза, прильнувшая к огню,
И так легко – упасть и не проснуться.

1923

* * *

Отроком ты был золотоглазым,
Пел со мною утренние льны,
Сельское делил уединенье.
И тревога ранняя легла
На лицо твоё: сиянье и тень.
Умывались у седого пня
Ключевой из деревянной кадки.
(Это – плеск воздушной пелены?
Это – травяное аллилуйя?)
На песчаном сохли берегу
Глиняные рыжие лошадки.
Собирали солнечные лучики –
Павшие колосья ячменя –
Тонкие хрустнули ладони.
Голос птиц стальных.
Зиянье труб.
Взмыли гривы огненные кони.
И с тех пор не знаю глаз твоих, не чую губ.
Только в памяти останки берегу,
Только вести смутные приносят сны.
Где ж искать тебя? Кому сказать?
Изредка гляжу в ручьи лесные,
Вижу равнодушные тусклые глаза.

1923

* * *

Мне сегодня вечер целый
Голубые снились стрелы
Слюдяных стрекоз.

Сквозь ветвей дремавших лоз
Бледный свет, как бы вращали
Средь зеркал костёр павлиний.

Эти вздыбленные дали,
Эта пена, звёздный иней,
Перепончатые стаи

Опочившие в траве...
Снова верю – он настанет
Голубой стеклянный век.

1923

РЫБЫ

Весенней пахнет сосной.
Поёт ли уключина стальная,
Стрекозы ль надводные реют?
И птичьих призрачнее снов
Лесная сень, речная зыбь.
Глаза согбенных рыбарей
Светлее утреннего льна,
Бледней небесной бирюзы.

Вздрагивают мускулы.
Мускулы крепче верёвок натягивай.
К берегу тяжкую корму.
Впуталась тина, коренья, утятник.
Волосаты груди.
Мерно дышат.
Сеть шелестит заскорюзлая,
Клейкий крушинник щекочет кадык.

Текут чешуёй сапфиры, ртуть,
Рыбарь не мерит на караты.
Слишком грубы ладони,
Мозоли натёрло весло.
А жабры красные разъяты.
Песок во рту.
И дымной поволокой
Зрачков златой огонь.

1923

* * *

Не всё ли мне равно –
стеклянный век, железный, деревянный.

Вот булькает река,
и мнится –
пращур мой
на берегу
суглинок липкий режет сошником.

Алеет пыль дорожная,
шумит рыжеволосое жнивье,
и, торопя буланого
кленовым кнутовищем,
отец вполголоса бормочет
поэму Пушкина иль песнь Дамаскина.

Едва ли пробегут
четыре сотни лет, –
река отступит
к холму,
где в сизом сумраке березовый лесок.

И ты, которая мне только снится –
золотоглазая,
без имени, –
истлеет,
как истлевают лист древесный
среди душистых трав
в июньский день.

И, может статься,
будущий геолог,
следа в земных пластах шаги тысячелетий,
игрою случая отыщет мой скелет.
«Это – череп Гамлета», он скажет:
«кисти рук, ступни широкие
пещерных поселаян»

1923

Дичь

Каждый поселянин – млад и стар –
Уверяет: лошадь у дьячка зарезала...
Бабы, собиравшие грибы,
Видели в трущобе, у оврага
Волчат с матёрою волчицей.
А вчера
За деревней, у дорожного креста
Встретил серую пастух на утренней заре.
Эти вести дикой сказкой мне, невероятной былью
Перепутали и явь, и сны.
В душу странное, звериное стучится.
Печка ходит поперёк избы.
Это только бред осенний? может быть,
Кот наплакал? птицы мне нащебетали?

50

Иван Грузинов

Тёмной хмарью вышли призраки лесные?
Ой, надену я косматую папаху,
Заряжу шпийтрой дробовое,
На приманку к логову листовяному снесу
Скусные собачьи потраха.
И когда луна жеребой растопырится,
Пуздро красное спустив на голый сук,
Дряхлый филин у дупла завоет
И волчица мутным маревом на пададь кинется, –
У звериной притаясь тропы,
Я, не дрогнув, ржавые взведу курки.

1923

* * *

Нужда петлю плетёт тугую,
Судьба навастривает нож.
Ах, к чёрту! через не могу
В избе бревенчатой поёшь.

И ты, сосед мой бородатый,
(Не зная, как Некрасов ныл), –
Плюя в посконные штаны,
Не числишь вольность на караты.

Тряхнув натруженные плечи,
Горланишь беспардонно: «Пусть!
Кривая вывезет! Пошёл!»

Платочком синим (в синий вечер)
В окно как муху гонишь грусть,
Разбойной пляской глушишь пол.

1924

ХЛЕБ

Мне изба российская просторна.
Светится медянкою повесть.
Окна на восток, в Европу двери
И крыльцо дубовое на юг.
Стружками ещё вчера дышал рубанок
И, венчая брёвна, пел топор.

Нюхом земляным распознаю,
Верю –
У порога новое тысячелетье
Не согнёт по-нищенски горба.
Зреем медленно. Тяжеловесны зёрна.
И рука жнеца упряма и корява,
И скрипуча песня на ветру.

Месим истово. Вскипают на челе
Капли пота. Ах, он вечен, чёрный,
В тлеющей печной золе!
Соль. Мука. Меняется приправа.
Но всё тот же он: как боль, как труд.

1924

* * *

Эту синеву ничем не расплескать.
(Галилей. Да-Винчи. Цеппелин).
Эта синева неисчерпаема:
К пестикам тычинки нагибает,
Наплодила липких лягушат.
И глаза смежишь, и сквозь ресниц
Знойная алеет пелена;
Как сквозь сон – стрекозы; от леска
Свежесть набегают смоляная.
Приоткрыл. Кленовые стволы;
Петушиным гребнем клевера.
Сам ли я торю дорогу от земли,
Или чрез меня бежит тропа?
Всем одно – звериная душа,
Всем одно – звериная судьба.
И легко добраться до норы,
И легко сказать себе: усни.
Вот. Дышу. Июнь прозрачнокрылый
Иль дыхание моё колышет
Травяной зелёный рак?

1924

* * *

Пастух-июль прилёт в тени леска,
Жалейка тростниковая, ореховый костыль,
Лопаточник плетёт из бересты.
Пастух-июль на клеверных полях,
Колышет сизый коленкор река,
Сияет серебро натёртых ветром блях.

Под граблями вздымаются гвоздики,
Ромашки рыжие, сквозная резеда.
Расстегнут ворот. Томен на груди
Девический загар. Мутнеет синева.
Вдали алеет пыль. Бредут стада.
Спадает зной. Пора копнать. Роса.

Пока несли в сарай белены холсты,
Пока над кринкой чванился подойник –
Луна на огородный тын
Повесила фонарь подслеповатый,
По грядам червячков зелёных разбросала.
Небесный влажен лён. Дымит фитиль седой.

Кузнечики, усами шевеля,
Свербят во ржи. Зайчата на лугу
Стряхают капельки с поникнувших стеблей.
Малиновые тонкие стекляшки
Всю ночь бренчат в пастушеской суме.
Кричит петух. Заквакали лягушки.
Промок фитиль. Небесный лён померк.

Предутренней прохладой веет дол.
Запела тростниковая жалейка.
Скрипит калитка. Звякнула щеколда.
Из подворотни глянула цепная.
Зари пугаясь, щёлкает сова.

Из пелены белесоватой
Ползёт, крутыми бёдрами примятая, копна.

1924

* * *

Зброшен сад. И тень, и плесень.
Скривились ветхие столбы.
Шмели звенят в сыром дупле.
День целый сетки голубые
По крыше бегают тесовой.
В зелёных пятнах лемяги.
Разбитой прялки колесо,
Стариковатые чуги.
Чреовещательствуют жабы,
Стрекозы тикают с утра.
За садом тинистый овраг,
Трясины, вязкие ухабы,
Репейник цвета сонных зорь.
По кочкам в лес тропа кривая,
По ней горбатый рыщет хорь.
В лесной глуши тетерева.
Там векши прыгают по сучьям,
В корнях храпит семья барсучья.
Там всяческая быль и небыль.
А дальше – накренилось небо.

Стихотворения

55

~
~
~

1924

* * *

К сердцу седина. Любимой на ресницы
Пепел. Краткая весенняя краса
Ржавчиной по топору.
Нежность срубленной берёзкой касается
Моих загрубленных рук.
Всюду, всюду земляные лица;
Кожа – ссохшаяся береста.
Только листики – подёнки, послушные лучу, –
Плещут зеленью на золотой иконостас.
С детских лет не чуял и не чую
Ни раскаянья, ни греха.
И не сетую. Земляное – земле.
Не вздыхаю
Ни об этом царствии, ни о том.
Тлею, как древесные листья тлеют.
Зелёное на золотом.

1924

* * *

Воспоминанье, как спирт,
Далёких вызывает тени.
Четы обманчивых видений
Томят до утренней зари.

Любовь заиндевила. Пусть.
Вольнее дышишь. С плеч гора.
(О время! жернов растирает
Ячмень в трухлявую крупу).

Быть может, посетит опять
И незначай пробьёт навылет,

И алой пеной сердце взмылит,
Как в скачке ребра торопя.

Но длится сон. Златясь и рдея
Осин качаются листы.
Повитый паутиной стынет
Стеклянный августовский день.

1924

* * *

Вкруг полей веду крутые межи,
Вкруг избы высокий строю тын, –
Чтобы ветер из иных безбрежий
Не сжигал стихов зелёные листы.

Всё забыть. Далёкое, что смутно сердцу снится,
Что виденьем брезжит наяву.
Только чуют льнущие к земле зарницы,
Только слышать тёплое скуластое – живу.

Ах, желанней бледные от страсти
Губы, занавешенные поволокой
Женские зрачки, – когда полдневого костра
Дымное к закату клонится крыло.

Вкруг полей веду крутые межи,
Вкруг избы высокий строю тын, –
Чтобы ветер из иных безбрежий
Не сжигал стихов зелёные листы.

1924

* * *

Всё, что мне рассказывали травы
Про мою звериную судьбу,
На говардовской пером корявым
Выткал я в узоры чёрных букв.

Исповедь мою немую
Под шипение маховика
Руки блузников стальные
Спрессовали на века.

Миг за мигом – маятник медлительный в груди.
В этакую тьму
Не припомнишь алый луч гвоздики,
Щебет птичий, утренние льны.

Дальний мой, безвестный (кто б ты ни был!),
Каждый, для кого ещё сияет звёздный прах,
Златятся дни –
Помяни меня в своих мечтах.

1924

МАЛИНОВАЯ ШАЛЬ
М.: СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ, 1926

Сергею Есенину

* * *

Сумочку-котомочку за плечи повесил
И айда дороги колесить.
Не узнаешь из уютных кресел –
Чем живут, чем дышат на Руси.

В путь иду, пути не выбираю.
Поклонился на четыре стороны.
Ой, вы нивы без конца и краю!
Ой, леса дремучие темны!

Утром косы начинают тренькать.
Бедный странник под кустом проснётся.
Там и сям присела деревенька
С журавлём высоким у колодца.

Под карнизами резные ставни,
На платках узор мордовский вышит.
И хранит обычай стародавний
Кони деревянные на крыше.

Вот возки накрытые рогожей.
Мужики на пегой и на карей.
Ёлки-палки! Да ведь это то же,
Что видал когда-то Олеарий.

Стихотворения

59

}\n}\n}

Лишь кой-где сквозь солнечное сито
Дым от поезда колечком голубым.
Уж не зря ль ты выдумал, пиита,
Будто б вздёрнута Россия на дыбы!

1925, 9 декабря

* * *

Говори со мной как можно проще,
Я от книжной мудрости устал.
Мне теперь ручей поёт за рощей,
У костра сияет береста.

Каждый вечер лишь вздохнёт осинник –
Словно хочет страшное сказать –
Каждый вечер из туманов синих
Синие русаловьи глаза.

Пахнут волосы гвоздиками и воском
И как яблоко упруга грудь.
Платье в розовую полоску
Развевается на ветру.

Ни лесник, ни леший мне не страшен.
Разговоры коротки. Поймёшь.
У меня не раз в багрец окрашен нож.

1925, 13 сентября

* * *

Все-то ночи, все-то дни в истоме,
Поцелуй что полынь горьки.
Мне пора построить тихий домик
У забытой, у лесной реки.

Стройные сосны на десятерик,
Смолы потекут на топоры.
Будет биться в окна по утрам
Золото червонное зари.

И до вечерней голубизны
Будут шептаться под окнами клёны.
Будут поблёскивать ставни резные
Розовым, синим, зелёным.

Будет ветер упруг и пахуч
(Счастье возможно ль представить!)
На пуховики сквозь тонкий лунный луч
Упадёт дремучая девичья коса.

1925, 8 августа

* * *

Душные асфальты надоели,
Докучают ласки любви.
Есть у нас с тобой иные цели,
Неизменный друг мой дробовик!

Дроги по ухабам закачают,
Затомит дремотная лень.
Хорошо июльскими ночами
Ехать мимо тихих деревень.

Копны сена словно пятна сажи.
Олово речное не шелохнёт.
У опушки сосны как на страже
Тёмными шатрами встанут в мох.

И туман пол окрик петушиный
Гриву львиную подымет из травы.
Запоют древесные вершины
Золотом играя заревым.

Будет тропка узенькая виться
Меж стволов и упадёт в обрыв.
Промелькнёт как марево куница.
И следы барсучьи у норы.

1925, 30 июля

* * *

Изогнула берёза спину.
– Запыленный путник, отдохни.
Плат зелёный надо тобой раскину,
Дышат одуванчики в тени.

Ты должно тоскуешь по любимой, –
Шепчет, ветви тонки воздев, –
Иль в мечтах встают неодолимо
Лица милых и продажных дев.

– О лесная дикая сестрица,
Я любить и странствовать устал.
Жизнь проходит, жизнь не повторится,
Догорели жадные уста.

Ничего не надо в этом мире,
Нет ни обид, ни утрат.
Ясно всё как дважды два четыре,
И никто, никто не виноват.

1925, 17 июля

ЦЫГАНКА

<Рубинчик А.Д.>

Смуглы плечи. Взор сверкает карий.
Снится мне папирусный Египет.
Не заметил я, склонясь к гитаре,
Что давно бокал последний выпит.

Над песками над зыбучими в пустыне
Ты, звезда ль моя, в малиновом тумане.
У костра зола седая стынет.
Солнце выпито. Звезда моя увянет.

Жизнь, сдаюсь, как пленник, поневоле!
Пусть проходит молодость, пусть вечер
На колени падает и молит
Как пред казнью о последней встрече.

Ты не замечаешь рокового,
По глазам моим гадая до зари.
Ах, цыганка, о любви ни слова
И о славе мне не говори!

1925, 26 сентября

* * *

А.Б.

Всю-то ночь, ноченьку не спится.
Встал с зарёю, из окошка глянул.
Улетают розовые птицы,
Падают пушинки на поляну.

Запою ль – калитка подпевает,
Крикну – лесик станет откликаться.
Ах, водица ль моя ключевая,
Ах, сестрица ль моя лет в семнадцать!

И хотел бы присушить, да нечем –
Я тебе, понятно, не ровесник.
Ой, как жизнь оттягивает плечи!
Не красой заманиваю, песней.

Не снега ли серебрятся в поле.
Едем что ли первую порошей?
Я любить тебя не приневолю,
Хоть признай, что издали хороший!

1926, 7 января

ПЕСНЯ

Кто мне откроет калитку?
Сад вечеряющий пуст.
Сумрак холодный и липкий.
Шорох неясный и хруст.

Милая, милая, ты ли
Фартучком белым блестяшь?
Ветви берёзы застыли.
Давит осенняя тишь.

Вот и тесовая крыша
И с занавеской окно.
Я бы позвал, не услышишь
Так суждено, суждено.

Мне бы хотелось проститься,
Молча о всём рассказать.
Также ль златятся ресницы?
Также ль пугливы глаза?

Понял, теперь я всё понял –
Счастьем владеет другой.
Мчались горячие кони,
Пел бубенец под дугой.

Пара ручных канареек
Будет вам петь о любви.
Кони, летите скорее!
Целься верней, дробовик!

Ржавое тёмное дуло.
Пересыхают уста.
Жизнь, ты меня обманула!
Жить не пора ль перестать!

1925, 17 октября

* * *

Что ты значишь, голос издалёка?
Ты о чём поёшь? Куда зовёшь меня?
Это шелестит прибрежная осока?
То шепчутся ночные зеленыя?

Иль шушукаются сельские ракиты
Под раскосым ветерком вечеровым?
Или сетуете вы,
Тени мной любимый и забытых?

Скоро осень. Наглая синица
Прозвенит у светлого окна
Песенку насмешливую. Засребрится
Словно первый иней седина.

Что мне сны, обманчивые зовы!
Жизнь моя, нам некуда бежать!
В этом мире скудном и суровом
Я учусь бесстрастью у ножа.

1925, 19 августа

* * *

Есть пределы, времена и сроки,
Каждый шаг расчислен у судьбы.
Лягушонку в голубой осоке
Суждено родиться голубым.

И ходить не надо далеко,
И не стоит об ином гадать.
Светится небесная слюда
В тонких крыльях полевых стрекоз.

Ах, пока в крови цветёт голубизна,
Сердце, примиришь и всё прими.
Ведь я знаю, знаю, знаю –
Петь и дышать дано лишь краткий миг.

1925, 27 мая

68

Иван Грузинов

* * *

Я бы мог как мальчик Бонапарте
Бросить в бой миллионы и миллионы.
На военной потемневшей карте,
Там, где точкой вражия столица,
Мог бы крестиком отметить – умерла.
И в сиянье слав, самовлюблённый,
В треуголке, с прорванной петлицей
В бой лететь скрутивши удила
Я бы мог. Но разве это нужно?
Я люблю – повеет ветер южный,
Затрубит весна в рожок зелёный,
Речка вспенится у леска,
Жилки сизые расправят клёны,
Серебром начнёт плотва плескать.

Я хочу немногого, не так ли?
Мне стрекозы шелковинками шуршат,
Мне сияют дождевые капли,
Розовеет бархат лягушат.

1925, 6 октября

* * *

Я вышел поздно. Полдень синий.
В полях прозрачность. Тишь такая,
Что шелковинками полыни
Едва колышет паука.

Огнём оранжевым по склону
Жнивья сбегает полоса.
И листопадом еле тронут
Лесок соседний, дикий сад.

И под листом желтозелёным
Созревший плод склонён к долинам.
И ветви шепчут: тяжело нам,
И ветви просят: помоги нам.

И я пою в листве осенней,
Тружусь с садовниками в ряд, –
Пока придут ночные тени,
Пока в лицо блеснёт заря.

И звери мне покорны – властвуй! –
И птицы близостью горды,
Когда несую златые явства,
Несу румяные плоды.

1925, 2 октября

* * *

Соседней рощи не узнать,
Там тени резки и пугливы.
От позабытой дальней нивы
Густым потоком желтизна.

И листопад пронесит мимо
Листок иссохший и сквозной.
Последний свет, последний зной
Как у чахоточной любимой.

И веткам в зареве румяном
Уж снится иней, снится тишь.
Не улетишь, не улетишь
За журавлиным караваном.

Немолчный ропот по долинам.
Прозрачней воска вечера.
С прощальным криком журавлиным
И мне отчаливать пора.

1925, 5 ноября

* * *

Дрожат увядшие ракиты,
Соседней рощи не узнать.
Бежит от нивы позабытой
Густым потоком желтизна.

И восковою желтизной
Листва томит неодолимо.
Последний свет, последний зной
Как у чахоточной любимой.

И сосны дремлют за вином,
Им снится гробовая тишь.
Куда ж, мечта моя, летишь
За караваном журавлиным?

Лети. Я здесь перезимую.
Уж я не в силах променять
Зимы серебряную сбрую
И азиатского коня.

1925, 8 ноября

* * *

Пусть другой глядит в грядущие века,
Я хочу сегодня жить.
Ах, дорога ли моя, дорога далека!
Ах, поля бегут без краю и межи!

Непроезжий, непрохожий путь я сам наметил,
Сам правлю тройкою седой.
Встречным звёздам, кочевой комете
Коренник сияет кованной уздой.

Песня утренняя леденит мои уста,
За туманами мигает в полусне
Азиатская раскосая верста.
Я ль пою? Поют полозья в первый снег?

Веют тонкие пушинки сквозь луча,
На ресницах тает иней голубой.
Не оставь меня, судьба моя, отдай мне этот час!
Мчатся кони. Прах серебряный. Копыт неровный бой.

Хорошо, что тройку дикую нельзя остановить,
Хорошо, что рвут пристяжки повода,
Хорошо, что есть звериное в крови!
Будь, что будет. Пропадать, так пропадать.

1924, 23 декабря

* * *

Всё проходит. Всё. И не вернуть.
Да и возвращать бы не хотел.
Всё равно – куда бежит мой путь,
Всё равно – какой мне дан удел.

Понял я – пути иного нету,
Всё, что есть, что было – суждено
И давно сказал себе – не сетуй,
Что песчинкой упадёшь на дно.

Из страны блаженных не ответят,
Жажду росами не утолят
Потому-то и люблю вот эти
Солнцем напоённые поля.

Потому-то непреодолимо
И томит, и мучает меня
Луч, что светит из очей любимой,
Знак земного тленного огня.

Потому-то знаю, что обману
В час последний дань вручив сполна, –
Славословить никого не стану,
Никого не стану проклинять.

1925, 29 октября

* * *

В тумане кони потонули.
В лесу безлиственном темно.
Грустить и петь не потому ли
О невозвратном суждено.

Я говорю: ведь это было –
Костёр. Истома первых встреч.
Как одуванчик легкокрылый
Взлетела шаль с девичьих плеч.

И колокольчика набаты,
И храп, и топот вороных.
И месяц тонкий и горбатый
Летел к нам с правой стороны.

Уж поздно, поздно. Трудно ехать.
Лесная тишь. Ночная мгла.
Напрасно, сердце, ставишь вехи
К тому, что выжжено дотла!

1925, 16 ноября

* * *

Осень. Глушь. Шагаю наугад.
Вечереет. Скоро догорит
Жёлтая закатная дуга.
За оврагом стынут пустыри.

Дальше пашни. Земляное тело
Чревом порыжевшим колыхает.
Шелестит листвой посоловелой
Ветхая забытая ольха.

Запах смол. Лопаты мерный стук.
Упаду, затягивая петлю.
Мать-земля! Зерном не проросту,
Звёздочку над полем не затеплю.

Что мне те, идущие за мною!
Им – своё, для них не стоит жить.
Вот один я с ношею земною
У последней роковой межи.

1925, 25 декабря

* * *

Сотни лет пройдут, а я останусь,
Чтобы тлеть в тиши могильной книг.
Прикоснись ко мне, далёкому, устами –
Голову златистую склони.

Я напрасно ждал желанной встречи,
Ты была лишь смутная мечта.
И, целуя волосы и плечи
Женщин, говорил: не та, не та, не та.

Каждую увядшую страницу
Воскресишь дыханием весны.
Неживое сердце станет биться
Диким колокольчиком лесным.

1925, 2 августа

МАЛИНОВАЯ ШАЛЬ

Как собираться стал я в чужие страны, –
Стал грустить, о прошлом вспоминать.
Лица милых вышли из тумана,
Полустёртые воскресли имена.

С кем проститься мне? Прощаться не с кем.
Те далече, тех на свете нет.
Передать бы поцелуй невесте,
Да узнает ли – кто шлёт привет.

Лишь весенние ранние росы
Будут плакать о моей судьбе.
Океанский вал седоволосый,
Слышу шум твой, вижу буйный бег!

Всё равно мне. Я теперь как птица.
Холод сердца изживу едва ль.
Только ты везде мне будешь сниться,
Русь моя, малиновая шаль!

1925, 28 августа

* * *

Только лодки в утреннем тумане.
Ой, какая горечь да истома!
Путь далёкий мне да незнакомый,
Неужель и он меня обманет?

Только зонтик, что цветок заморский,
Розовеет над косой девичьей.
На прощанье, как велит обычай,
Взял землицы маленькую горстку.

Только крестик в облаках да шпигцы.
Сизый дым кружит над моряками.
Всколыхнулся бел горячий камень.
Не вернуться. Не остановиться.

Будет ждать берёзка у колодца –
Суженный с крылечка не сойдёт ли?
Загрустят по мне родные вётлы.
Будет ждать берёзка, не дождётся.

1926, 11 января

ВЕЧНОСТЬ НОМЕР ТРИ

М.: Сегодня, 1927

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

Цель автора повести «Вечность номер три» – борьба с упадничеством. Средства борьбы – внутренние и внешние. Внутреннее средство – здоровый смех, внешнее – нормальное питание.

За сим – о стиле и словаре.

Автор повести во исполнение предложения А.С. Пушкина пользуется «простонародным наречием». Подчиняясь законам словесного искусства, автор вводит также необходимое количество бытовых условных оборотов речи. Примеры: антихрист – помощник пристава, метать икру – волноваться, леди Грин – поп, слам – взятка, Джека окрестить – подделать номер, унтера – пятнадцать копеек, блок – этап и т.п.

.....

¹ Сравните с предисловием от 7 мая 1939-го года – «О поэме «Двадцать четыре»»: «Подчиняясь закону словесного искусства, автор поэмы пользуется, по выражению Александра Пушкина, «простонародным наречием» и вводит некоторое количество бытовых условных оборотов речи. Кроме того – автор изредка, в случаях крайней необходимости, применяет «блатную музыку»: заимствует небольшое количество слов и ходячих фраз из блатного жаргона. Вот примеры наиболее трудных для понимания блатных речений и слов, встречающихся в поэме: антихрист – помощник пристава, фараон – городской, леди Грин – священник, слам – взятка, Джека окрестить – подделать номер, унтера – пятнадцать копеек, блок – этап, перо – нож, дело не мокрое – преступление без пролития крови, блины печь – заниматься изготовлением фальшивой монеты, блошница – рубаха, блат в доску – свой до гроба, курносая – смерть».

Автор считает не лишним указать, что сатирическое жало повести направлено против футуристов, против Маринетти и его русских подражателей. Этим обстоятельством объясняются некоторые особенности стиля некоторых мест повести.

1 января 1927 г. Иван Грузинов

ВЕЧНОСТЬ НОМЕР ТРИ

ДЕЙСТВУЮТ И РАЗГОВАРИВАЮТ

Поэт	
Капитан	
Профессор	
Ассистент	
Краснокрёстная сестра	
Лётчики	79
Артель беспризорных	
Председатель артели	}
Секретарь	}
Казначей	}
Бесфин первый	
Бесфин второй	
Поникий, прозвище беспризорного	
Беспризорный первый	
Беспризорный второй	
Продавщица значков	
Кавалер с хлыстиком	
Розовая дама	
Голубая дама	
Хор из античной трагедии	
Гражданка Редакция	
Толпа	

Исходная и конечная точки действия – Город
Время действия не обозначено

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КОСМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ПОРОШОК И ПУЗЫРЁК

Средь зала нас двадцать четыре.
Всё, двадцать четыре, построены в ряд.
И каждый таков, что о нём говорят –
    «Ему хоть бы хны,
    Ему хоть трава не расти в этом мире!»
И тишь.
Только стрёкот невнятный мотора.
И кто-то спросил Ассистента –
    – Когда же
    Увидим?
– Да скоро, поверьте мне, скоро!
И скрипнула дверь.
И вошёл старичок.
Во фраке. С моноклем. Напудрен. Приглажен.
– Профессор!
Великий!
Учитель! – шепнул Ассистент горячо.
Грасируя мягко, Профессор сказал –
– Коллеги.
Надеюсь, что вы распроститься с Землёю готовы?
И дрогнул от радостных возгласов зал.
И, кашлянув, начал он снова –
– Коллеги!
Прошу вас, снимите покровы.
– Профессор, – осмелился я, – но куда мы?
Простите, но так неудобно.
Ведь всё ж марсианки-то дамы!
Да что вы, Профессор, намокли?
Да что вы? рехнулись?
Да что вы?
Простите, но так неудобно!
И, строгим блистая моноклем –
– Итак, вы снимаете ваши покровы.

Их будут хранить у меня в гардеробной.
Коллеги!
Успех перелёта зависит от многих условий.
Побреют вам бороды, головы, брови.
Небесную ванну потом.
Хорошо.
Э... выпишу космический по-о-ро-шок.
Помедлил. Нахмурился. Чванно изрёк –
– А вместо питья – голубой пузырёк!
– Профессор, простите!
Но в путь мне бы хлебаца.
Хотя бы ковригу.
Краюху хотя бы.
А чтобы в пространствах пустынных согреться –
Не будем о многом мечтать, – но чайку бы.
Что там в голубое раскрашивать губы.
– Молчите.
Сиварь.
Мужикет. 81
Мужичище!
Вам пашнями ползать. }
Для Марса вы слабы. }
Коллеги! }
Сначала я вас приготовлю.
Очищу...
Запнулся,
И с важною миной изрёк –
– За сим – пузырёк.
Порошок.
Пузырёк...
– Профессор!
Молю вас!
Мне пашни и нивы – ничто!
Мне всё это стало мечтой!
– Э... кто там?
Покличьте-ка Анну Ивановну!
Поэту небесную ванну.
И вот Краснокрёстная манит сестрица –

– Почтенный!
Пожалуйте бриться.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НЕБЕСНЫЙ ВОКЗАЛ КУКЛИМ

Побритый,
Помытый в глубоком хрустальном корыте.
Я вышел
Наверх,
На стеклянную крышу.
И стало пустынно.
И стало мне странно.
Как будто утеряно что-то.
Томит небывалая душу забота.
Я рад и не рад.
Гляжу –
Человек на платформе стеклянной.
Высок. Угловат. Фиолетов.
Точь в точь автомат
Для продажи перронных билетов.
Глазищами впалыми рыщет.
– Дружище – позвал я, – дружище!
Скажите, профессора нету?
– Кого вам?
– Того, кто на Марс изготовил ракету.
– Товарищ, внимание ваше пришпорьте!
Профессор уже на курорте.
Пока вам к полёту готовили тело,
Фелюга его на курорт отлетела.
– Не верю! – вскричал я, –
Здесь я окружён
Врагами.
Полёта небесного ради
Я бросил земные дела.

Я сжёг со стихами тетради.
Да мало ль!
Бежал от любовниц и жён.
Я только и бредил великой планетой.
Мне в жизни единою целью была
Поездка на Марс.
Не насмешка ли это?
Я...
– Я ваш капитан.
Успокойтесь! – он тихо сказал, –
А это небесный вокзал.
А бросить стишки да и женщин – не плохо.
Такая настала эпоха.
Такая эпоха.
Э–ПО–ХА!
– За ушками, думаю, уж ни рога ли?
И нет ли других непотребств и регалий
Вон там? под плащом? И в кальсоничах тоже?
И вдруг – предугаданы мысли –
Снимает шапо из малиновой кожи.
И лысину клонит.
Квадрат как квадрат.
И блеск от квадрата слегка фиолетов.
И он,
Автомат для продажи перронных билетов,
Стал сух и язвителен.
Уши обвисли,
А губы скривились –
– Вы гость мой.
Я рад, – он цедит, – я рад.
И лысина светит.
Квадрат как квадрат.

ПЕРЕДВИЖКА

И он продолжает.
Слова точно капли
По лужам осенним –

– Смущаетесь вы?
Вам дико моё безволосье? Не так ли?
Страшит необычный покроем головы?
Скажите, чем занят! чем занят!
Да что вы – мадам иль поэт из Рязани?!
А вам бы оно и разумней и проще
Использовать лишнюю площадь
На лысине под яровую пшеницу
И прочий улучшенный злак.
Хоть и странен
Совет мой, но каждый крестьянин
Поймёт и оценит
И будет стремиться
У вас прикупить для посева зерна.
Так вот-с.
Передвижка огромную б пользу стране приносила.
А вы – гражданин и культурная сила.
В культуре нуждается ваша страна!

84

БЮРО ВЕЧНОСТЬ

Умолк. И шапо набекрень.
И по крыше
Сухого и резкого ветра порыв.
И вот –
Небоскрёб как каркас тростниковый колышет.
И падают листья.
И гулко поют топоры.
И вот – завыванье бурана –
– Мяу-и-уа-и-ау!
И вот – зазвенел колокольчик фарфоровый.
А он притаился, как в бурю таится паук.
К нему –
– Капитан, бутафорию скоро вы...
– А! что? бутафорию? – слышу сквозь гул.
Мутнеют глаза – янтари.
Таинственно мне подмигнул –
– Но вы вынуждаете, парень, признаться,

Что здесь, при вокзале, бюро мумизаций.
А где ж бы вы думали те, двадцать три?
Да здесь же!
Я их к перелёту готовлю.
А вы-то зачем забрались на вокзальную кровлю?
– К профессору.
– Он же ведь вывеска и... и не больше!
И шепчет, ко мне наклонясь –
– Есть слухи, что он баронет или князь.
Сдаётся мне... он скипидарцем...
Лягавый... от Польши.
Вольно же вам верить в чурбан!
И нашли же!
Вы прямо ко мне бы.
Надёжней и ближе.
Есть лестница. Тайная...
Вам одному. По секрету.
Так вы бы лестницу эту!
Замётано? Ша!
Как бы не было этак прицепки.
Теперь, совершенно секретно –
Рецептик.
Сначала вы чувствуете лёгкость –
Не тело, а тельце.
Куда там Дункан или Гельцер!
Ещё уменьшаетесь –
Чувствуете фунтов пятнадцать.
Порыв – и начнёте опять уменьшаться.
И громче, по-заячьи верхней губой шевеля –
– Порыв, и конец!
Невесомость нуля!
Внушите себе – невесомы.
И всё тут.
Вот вы и готовы к полёту.
Скажу вам ясней и короче –
Профессор для прессы,
Профессор морочит!
Я вам одному.

Симпатичны.
Поверьте!
И он из портфеля конвертик.
В конверте плакатик.
На нём напечатано:

В Е Ч Н О С Т Ь
Б Ю Р О № 3

НА ШУШУ

Он вкрадчиво –
– Прежде б
За каждую мумию несколько катек!
А нынче... ой, плохо! Хитри, не хитри.
А раньше –
Бывало мигнёшь рестораныше,
Так тут тебе «Русское Слово» и «Речь».
От вас скипидарчиком.
Я бы хотел остеречь.
Не будьте сараем!
Вот отчего за буграми сгораем.
В два счёта наешься грязи.
Город Катаев в этаким разе...
Но мы извернёмся –
Угрями.
Есть способы. Есть.
Подготовим
И – грянем!
Но... кризис!
И кто только не был в протесте!?
Так вот и наладимте – трестик.
Такую-то бурю подымест да замять!
Такие-то страсти да к ночи!
Мы с вами –
Как два близнеца, как тычинка и пестик.
Так вот и давайте-ка вместе
Сиамить.

А третий в поддужных.
Видали? в монокле?
Берёт на шушу.
Пусть морочит!
Но вы сомневаетесь – впрок ли?
Зарплата, соцстрахи и... пени?
Тарифная сетка?
Но это же гений!
Но это же ведь самородок и редкий!
Такого не словишь тарифною сеткой.
Спец-ставка-с.
А этого? с видом кастрата?
Его Ассистентика? Числить за муром?
Его б в академию годика на три,
За Муром.
Сплошная растрата...
Комиссию что ль?
Но комиссии мало.
Нельзя ли концессию?
Без капитала
Немыслимо дело такое. Куда же!
Могли б профсоюзы положенный вычет...
Ну, хоть ежемесячный, что ли!
Конечно, бедняк внесоюзный захнычет.
Ему –
Лотерея, значков специальных продажа.
За гривенник всякий «на вечность» приколет!

ПОЛУЧИТЕ С ПУШКИНА

И он оживился –
– Начнем. Калькулируйте!
Прежде всего – сикомора.
Далече. Египет.
Оттуда нескоро.
Оттуда... Ну-с... Двигай, не двигай,
А прибыль получите с Пушкина.
Фигой.

Придется искусственной.
Взять и пустить!
А! что нам!
Не ясно ль? дешевле привозной.
Но всё ж для показу
Иметь настоящей куски.
Она ядовита и, право ж, груба...
Но к делу!
Иначе, мой друг, будет поздно.
И дело не мокрое.
Каркай, не каркай –
А все же под нашею маркой
Шикарные выйдут гроба!

~
~
~
Ф И Р М А Ф И - Ф У

И снова –
– Пока у вас время, так вы вот
Пишите доклад.
И, как следует.
Вывод.
Идея. Научная.
Только отнюдь не стихами.
Зарежут.
Ведь критика –
Хам же на хаме.
Плевать мне.
На критику? Верно.
Но не было б хуже?
На фирме-то как отзовете я?!
К тому же –
Плевать, так не пить из того же болотца.
Тэк-с. Будьте любезны.
Бюджет.
Не забудьте в бюджете
Параграф особенный – дети.
И дельце вам будет еще тут –
Составьте табличку к расчету.

На каждого – столько-то стоит.
На каждого. Дело простое.
Опять же на амортизацию,
Мелкий ремонтик,
Не выжег.
А впрочем,
Вы рубрик подобных не троньте.
Я сам. Специальность.
А вы же
Штукенции эти
Клейком тираните – макетик.
Докладик-то можно того...
Разогнать пообширней.
Солидность, солидность-то фирме!
Поймите же –
Нет конкуренции нашей конторе!
А? кто там?!
Э... как его... тот, кто горланит...
Про это... Про эти...
По-моему – он захудалый поэттик.
И тот, кто прожектик в стихах сочинил –
Крематорий –
В итоге и он литератор не пряткий.
Они же... они же...
В сравнении с нами...
Махните-ка здесь на плакате,
Пониже –
У НАС
ЛИТЕРАТОРАМ
СКИДКА!
Но кстати –
Вы тоже питаетесь снами...

ПОЛЕВОЙ УСТАВ

И он повернулся к стене.
Открывается ниша.
Из ниши –

Афиши, афиши, афиши!
И он торопливо:
Расклейте!
Довольно же вам костенеть
В келейке.
В работу!
Бодрее.
Мы всех подстригем и подбреем.
И, в шарик лоскутик афиши катая: –
– Все дело в моменте.
А энти –
Пусть руки-то прочь от Китая!
Они же... в сравнении с нами...
Таким же бабьем!
Махните-ка здесь, на афише.
Повыше –
                                  МЫ – ФИРМА!
                                  МЫ ВСЕМ ВАМ
                                  НОСЫ ПОДОБЬЕМ!
А буквы-то... ВВО!
Чтобы нам в телескоп разглядеть.
Чтоб в этой орде...
Вспылил я –
– Дурная привычка
У вас, Капитан, издеваться и пачкать!
Плакатик, бюджетик, табличка,
Прожектов нелепейших пачка.
Вы чёрт знает чем начинаете пичкать.
Поймите, вниманье моё утомилось
Вы хоть замолчите-то!
Сделайте милость!
Запальчиво он: –
– Бунтовщик!
О, как жаль, что нельзя применить к вам устав.
Устав. Полевой...
Межуимок – ни поле, ни небо.
Иначе я вас бы повесил.
И вдруг, разомлев и устав –

– Давно я, давно я в таком положении не был.
Садитесь.
Ни шагу от кресел!

ДИСКУССИЯ

А через секунду –
– Вы, паинька. Фаинька!
Ну-те...
Икорку не мечет.
Не то чтобы кнутик,
Да вы б, и картечи...
Скажите, я с вами не круто?
Займитесь, а я испарюсь и... минутой.
И прописи древние тащит.
– Ну, думаю, азбука!
Веди, покой, есть, добро, да живете, да аще...
Он –
– Пропись. Учитесь сначала.
За сим «Межпланетный Журнал».
Для журнала...
А это другой. Подороже.
Но вам запастись бы бумагой, пером бы!
Смотрю, а в журналах и прописях то же –
Квадратики, точки, клинушки, ромбы.
Ищу натюрмортиков, жанриков, видов,
А там чертежи –
Престарелый Давидов.
И только случайно, и редко-прередко
В углу притаилась виньетка.
И снова –
– Понять. Это стоит труда.
И немало.
Но я объясню вам – культура канала.
Ну-с.
Поняли?
Клинопись. Образ планеты.
Сравните-ка – пропись, журналы, газеты.

Сравните – Европа в сутане.
И начал такое он тут загибать!
Смотрю и дивуюсь –
И как не устанет
Бежать за губою губа!
Ко мне вдруг –
– Не нравятся эти?
Возьмите коль ту!
И дальше –
Всемирный конгресс на соседней планете,
Закаты Европы, погибель культур.
Пытался сначала его прерывать я
Вопросом иль репликой, раз этак десять,
Особенно, ежели он о конгрессе,
Особенно, ежели он патетически –
Затем помаленечку стал я к нему привыкать,
Пенять на себя –
А не сделай я этого вот кривика,
На крышу, –
Быть может, совсем бы его не услышал.
В конце-то концов –
Человеки подобного рода
Не напасть, а пусяк.
Живи ты себе рукава спустя!
И вот я ладонью подпёр подбородок,
Молчу себе в тряпочку.
Грусть.
А пусть он один дискусирует.
Пусть!
А что ж бы вы думали –
Нечем крыть?
А? нам и крыть нечем?
Да мы ни в таких перепалках
Не мечем
Икры!
А что мне?!
Контора конторой.
Вколачивать будем... усы.

ЕГИПЕТ И ПРОЧЕЕ

Но кто-то хватает за плечи.
И голос –
– Но это же гадко!
Да где ж у вас воля и разум?
Да что вы с малинкой? лунатик?
Послушайте, так не годится.
Вот. Натe –
Холодной водицы...
Тэк-с.
Вы забурили.
Видите ли,
Нелегко убежать от судьбы.
А ежели в самом-то деле
Жихтарить вы больше не в силе,
Так вы для напутствия бы
Леди Грин пригласили...
Утечка.
Но, знаете, опыт. Нельзя же!
В дальнейшем пойдет поровней и поглаже.
Одиннадцать вышло в итоге.
Взвевается занавес.
Там, на ковре иль рогоже
Одиннадцать тел. Белизна
Извѣстки.
На всех полосатые тоги.
– Ах, лѣтчики! – вскрикнул я, – Лѣтчики!
Каждого я опознал.
Он тихо:
– Египет и прочее. Это дороже.
К тому же большая возня.
Есть способ дешевле –
Сквозняк.
Представьте,
Вторая доменная весело сушит –
У трёх порастрескались уши.

Но все же прелестны. Я рад!
 Он каркает – рад!
 Не дышат, но живы.
 Подобие смерти.
 Хотите? Проверьте.
 Вот здесь у меня аппарат.
 Новейшей конструкции.
 С ниточкой. Просто,
 А знаете, их бы почистить.
 Короста. Короста.
 Но все-таки – прелесть. Я рад!
 Он каркает – рад!
 Хотите? С собой у меня аппарат.
 Но стоит, ли? Время-то к ночи.
 И он всполошился.
 Хлопочет.

ДВЕНАДЦАТЬ

95

– Утечка! – вскричал я –
 Двенадцать! }
 И все, как гранитные глыбы. }
 Они бы могли перестроить... }
 (Вдали отголосок: –
 – Двенадцать!)
 – Двенадцать
 Могли б перестроить
 По-новому мир.
 Весь мир!
 Да! Могли бы!
 А он тут –
 – Гранитные глыбы?
 Извольте, светик, смеяться!
 А сколько здесь нужно ремонту?
 Да здесь бы замучил ремонт!
 И то хорошо, что ни Блок, ни Бальмонт...
 Легко говорить – перестрою.

Но это не шушеньки,
Это не шашеньки вам с
                        Краснокрестной сестрою!
Оно так легко говорится...
А впрочем,
Сестрица того... не дурна
И... и очень.
И карие очи
Два томных зерна.
С изюминкой этак... сестрица.
Ах, если б вы знали
Какую они припасли про меня!
Дыхнет, так из дыхала иней.
Крути там.... с такою гробыней!
Хотите, пока на вокзале, –
С придачей готов променять?
И этак у ней маркиташки...
                        сестрица.

Конечно, легко говорится...
– А! вы в благородную.
Накипь.
Утечка.
Курносая, вам говорят.
Ничего не попишешь...
Однако же, мы засиделись
Но
Прошу без намеков!
                        на крыше.
Утренняя? Вечерняя? Что же?
Скажите,
Вечерняя гаснет заря!?

БАЛЛАДА КАПИТАНА

Он шепчет –
– А дело-то вас не тревожит?
Для каждого нужно бы
Пломбу, билетик и номер.

Отметку –
Когда, где родился и помер.
Ну-с.
Всем же ведь сроки даны.
А вы вдруг того... в падуны.
И плохо!
По опыту знаю.
Сглупил я...
Кроватка резная...
И всё из-за них!
Прут бабищи.
Эта да энта.
Тут выдержка.
Нервы имей до момента.
Да-с.
Очередь.
Всем же ведь сроки даны.
А вы вдруг того...
Падуны!
Вы давечка крепко.
В глухую.
Дугою.
Хотите, сначала я вас застрахую
По перворазрядному?
Ну-с?
И тогда уже – дело другое.
Там сумрак.
Огни в номерочках потушат,
И вдруг налетит эта стая.
Ухватят и тащат по туше.
И все норовят посвежей да посуше.
И туз там какой-нибудь.
Поняли?
Пузищей лента...
Известно же – мы без патента...
Не то чтобы там в горностае,
Просвирня.
Простая.

Просвирня, и ей надо фунтик!
Ну-с.
Приставу суньте.
Просвирня, да эта, да энта.
На гурт, да на выручку сдам.
На крючка, да на мента.
Послам.
Фараону.
Антихристу фунтик отначить...
Приходится!
Как же иначе?!
Известно же – мы без патента!
Ну-с.
В сумерках боязно.
Вдруг да блеснут эполетой...
Беда!
Ну и в сумерки шушеры этой!
Снуют по бульварам
Девчонки,
Мальчишки.
Он цапнет печенки кусок –
Под мышки.
К сторонке.
Бежать!
А росточком-то он невысок.
Ну и в сумерках-то
Ты, поди догони его!
А то старикашка.
И старый, престарый.
Такой –
Сочтены уже дни его.
И тоже –
Когтями... по коже...
Хотя он и старый-престарый,
А тоже.
И
Он норовит посвежей да посуше.

А мне остается –
    тара!
 А мне остается –
    уши!
 Я с вами хотел грандиозное
    дело наладить.
 А вышло того... как в балладе.
 Я думал: я оптом продвину –
 В «Жиркость» или вот «Плодовину».
 Эх, трогай на дрогах!
 А ежели всё объективно-то мы разберём,
 Так ясно –
 Я умер и жил кустарем.
 Еще объективней –
 В итоге
 Каждому дроги...
 Болтаю, а время-то, время-то
    к ночи!
 И он суетится
 И он об отъезде хлопочет.
 – Вот если бы вы, Капитан,
    помоложе.
 Тогда б марсианки –
 Гондолы. Каналы.
 И путь-то.
 И путь вам не малый!
 Давайте-ка лучше... отложим.
 – Ногу чесать бросьте!
 Сказано, нога завязана.
 Ежели мы да в гости...
 Считает:
 – Одиннадцать.
 Вы здесь – двенадцать!
 Тринадцать! – и он на себя указал.
 Ложитесь!
 Начнем подниматься!
 И падает в бездну вокзал.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

БЕЗВОЗДУШЬЕ

Фиолетовый фон. На фиолетовом фоне самый обыкновенный ковер. На ковре в ряд, как снопы на току, лежат двенадцать: лётчики и с краю Поэт.. Впереди стоит Капитан. У Капитана в одной руке компас, в другой телескоп, за поясом финский нож. Поэт беззвучно шевелит губами.

Поэт

Безгласья, беззвучья такого
Не ведал.
Быть может распались оковы
Времен?
И быть может отныне
И времени больше не будет?
А? время? течет? не течет?
И как ты докажешь? Ну, как ты?..
В небесной пустыне
Одиннадцать.
Тихо. Не движутся груди.
Я чувствую – вот затекает плечо.
Так значит –
Движение и длительность факты?
А тяжесть?
Упасть невозможно же, право!
Скатился с ковра, так с болидами
плавай.
И чёрт ее знает, какими путями
Земля иль другая планета притянет!

КАПИТАН

(даёт Поэту телескоп)

А вот телескопик.
На Землю направьте.

Вращайте быстрее колесо.
Увидите – речку, деревню, лесок.
И даже – лошадок на травке.

Поэт

*(становится на колени,
чтобы увидеть Землю;
смотрит в телескоп)*

Не вижу.
Там пропасть в любой из сторон
И всюду густой фиолетовый тон.

Капитан

Крутите!

Поэт

Готов до упаду вертеть.
Верно колесики – те, да не те!
Кручу я впустую. Не вижу!

Капитан

Колесики?
Лучший механик

в Париже...

Очки-то, очки-то у вас не темны ли?
Хотите? Могу протереть.

А впрочем.

Короче –

Скажите о всех с благодарностью –
были.

На всех и на всем –

тире.

Поэт

(продолжает стоять на коленях)

Мне холодно в мире огромном.
Люблю потеплей я попроще –
Речонка, тропиночка, роща.

Когда полюбил, не припомню.
Ах, все это с детства знакомо!
Древесная зелень мелькает.
Мерцающая, златится солома.
Сребряются барашки. Бегут, не бегут.
И как-то, совсем же наивно...
Представьте, наивность какая –
Подвесили в небе дугу!
Чуть вечер – в ходу допотопная
гривна!
Меж трав половик домотканый.
Я навзничь под яблоней вешней.
Барашек повис над скворешней.
Вдруг шорох...
– «Куда? За водицею, Анна?..»

КАПИТАН

Я вижу, вас критики мало калили –
Опять вы стишки!
Ну-с.
Прибавьте-ка к яблоням лилий.
По блоку гоняли?
А? Надо бы вас, поливать и почаше.
Бодрее нельзя ли?
Уныло.
Как нищего по мосту тащат.
А что зашибаете этим манером?
А? Как там... «Стальное на сером»?
Да еле же еле
И то на счастливой неделе,
И то невзначай, на ура –
Придут унтера.

Поэт

(ложится)

Там ландыш и лютик... и мало ли
что!
И все это стало мечтой.

И как примиришься тут с адом?
Деревня-то. Воздух-то вешний.
Запущенный сад.
Пробираешься садом...
Черешни! черешни! черешни!

КАПИТАН

Мечтать о занятии новых позиций
И... друг мой, на фирме-то как
отразится!

Поэт

(с усмешкой)

И гоните ж вы, Капитан!
А нельзя ли потише?
А станция скоро? А?
Мне земляники бы у ребятишек...

КАПИТАН

Тэк-с.
Вам тихоходы...
Давно вы в руках не держали
пера-то?

Поэт

А что?

КАПИТАН

А вдруг нападение?
Придется сразиться.

Поэт

Сразиться?

КАПИТАН

Сразиться. Бывает.
С Венеры пираты.
У вас на уме-то земляца...

Курёха. Тае. Избяное.
Да бросьте!
Скучища.
Играете в кости?

Поэт

Играю.
Но воздух все реже и реже
Кружится моя голова.
Спирает дыханье
И грудь
Что-то режет.
Теперь бы дохнуть одна.
Теперь бы глоток, одна бы
дохнуть.

Глоток. От земли.
Полновесный и свежий.
Играю?

А стол где?
И нет табуретки!
Понятно, куда нам до кресел!
И воз-дух ре-е-дкий... пре-ред-кий...
*(И ноги тут с коврика свесил.
И вот в безвоздушье ногами болтая)*

Нива ты!
Нива моя золотая!

КАПИТАН

Мне ясно теперь – вы кликуша.

Поэт

Согласен. Кликуша.
А все-таки порцию...
Хоть бы воробушка скушать.

КАПИТАН

Примите один порошок.

Поэт

Капитан! хороши вы!
Ведь вы же мне сами сказали.
Что этот... Профессор... фальшивый.
Что он шарлатанит.
Вы помните? А? На вокзале?

Капитан

Допустим, что он шарлатан.
Хорошо.
Однако, примите один порошок.

Поэт

(Кладя на язык порошок, к Капитану)

В первой и в последний.
И больше не стану.
(Мечтает)
Мы, русские, верно по лени
Так плохо решили задачу.
И надо ж придумать нелепость

такую.

Ковер.
И лежи.

Даже трудно привстать на колени!

Капитан

Вам реплика-с.
Как же иначе?
Задумано вовсе не плохо.
Вот видите,
Как я болиды в небесных полях
атакую?
Задумано вовсе не плохо.
Лежи –
И не охай!

Поэт

Но холод.

КАПИТАН

Действительно.
Воздух-то реже...
А где ж накидалище или теплуха?
А кепочки где же?
У крали?

Поэт

(Про себя)

Э-ге!
Сторона-то, сдается, не та.
И впрямь не пора ли
Нарезать винта.

(И громко)

А там на дерновой скамье.
Средь акаций...
Решил!
Ни в какую!
Рас-стать-ся!

КАПИТАН

Я видел героя,
Я видел в вас полного доблести мужа.

Поэт

А я для нудаки.
Прогулка.
А разве нельзя? Почему же?

КАПИТАН

Вы марку подмочите... в сферах.
Расстаться!
Легко говорить. Ну-с...
А жить какво же!
Вы цифру подпортите?
Понял?
Тринадцать!
И дело себе обойдется дороже.

Поэт

А! вот оно.

Вы спекулятор. Не больше.

(Мекает)

И может быть хуже.

А вдруг это вы завезёте в вертеп?

И речи такие ведете... о Польше!

(И начал он тут разговоры вертеть,

О том да о сем –

О голи, о моли, о стуже.

И вновь, в заключенье –

Скамье средь акаций.

И вновь –)

Порешил

И навеки.

Р-а-с-с-т-а-т-ъ-с-я!

КАПИТАН

Решил, так решил.

Ничего не попишешь.

А помните... как мы на крыше?

Когда б вы обратно ни вздумали –

рад.

И к вашим услугам весь мой аппарат.

Но только билетик...

Поэт

(Вставая во весь рост)

Билетик? Да что вы?

КАПИТАН

А помните, вы положили в конвертик?

Поэт

В конвертик?

КАПИТАН

В конвертик. Почтовый.

*(И тут Капитан телескопиком вертит.
Рука – не рука, а пучок сухожилий).*

Поэт

(Помолчав, возвращает угрюмо)

Куда же я мог положить?
Ведь и заявился-то к вам без костюма?

КАПИТАН

Я вас не хочу уличать
Ни во лжи,
Ни в краже.
Поверьте.
А всё-таки вы положили в конвертик.
Однако, покончим на этом.
Найдется, являйтесь с билетом.
А нет...
Ведь мы же друзья же!
На чёрта вам этот билет.
Работаем в общем тресте.
Так ежели что –
Джека Профессор окрестит.
Невеста, аль кто там...
Пусть не хнычет.
Ей, так или сяк, –
Персик.
Коль ежели...
Пусть делишки другим оборотом –
Блины печь.
Пшеничка есть... желтая.
Или
Блат в доску!
Как не жили!
Как не крутили!

(Процаясь, в смущении компасом вертит)

А всё-таки, вы поищите... в конверте.
А сколько? Восьмушки нам хватит?
Вы можете там... половик себе... в хате,
А то, по нужде, и блошница.
До скорого!
К сроку же мне торопиться...
(И финским ножом по копру полоснул)
Планируйте!

(Воздуха свист.
И сверканье.
И гул).

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ВЫСТУПАЕТ ГРАЖДАНКА РЕДАКЦИЯ

Гражданка Редакция

(утираясь носовым платком,
читает по заранее написанному)

Гм... ми... многоуважаемые сограждане!

Редакция доводит до всеобщего сведения, что автор повести «Вечность номер три» пропал без вести, не закончив ее. Редакция льстит себя надеждой, что пропавший автор в самом непродолжительном времени явится и закончит повесть.

В связи с исчезновением автора повести «Вечность номер три» циркулируют всевозможные слухи.

Одни видели его на крыше колоссальнейшего небоскреба. Трехсотэтажного.

Другие уверяют, что по ночам он появляется на Центральной площади нашего Города.

Редакция сообщает, что на основании непроверенных слухов, а также пользуясь прежними стихами автора повести «Вечность номер три», один из его друзей – кстати, не плохой поэт – в сотрудничестве с небызывестным журналистом, написал небольшую пье-

су. Тема пьесы – исчезновение автора повести «Вечность номер три».

Редакция решила снять заглавие пьесы и под другим заглавием пустить ее как эпилог к повести «Вечность номер три».

Не уходя в оценку коллективного поступка сочинителей пьески по существу, т.е. с точки зрения общественной морали, с точки зрения, так сказать, этической, – Редакция печатает пьесу по следующим соображениям: во-первых – пьеска грамотно сделана, во-вторых – она не без успеха примыкает к повести «Вечность номер три» как эпилог, органически, именно органически, прирастая к ней.

По некоторым соображениям, вернее – по личной просьбе коллективных авторов, заглавие пьески, фамилия и имена ее творцов Редакция обязана хранить в строжайшем секрете. Редакция полагает, что данная повесть является первым сценарием, и недурным сценарием, для говорящего кино.

Граждане!

Остерегайтесь подделок!
Только наша фирма и проч.

С почтением остается
Редакция

Часть пятая

ПОЭТ НА ПЛОЩАДИ

Глубокая ночь. Город. Центральная площадь. Гул толпы. Поэт падает на площади. Уличная толпа не замечает его. Проходят, между прочим, Кавалер с хлыстиком и с двумя дамами – с Розовой и Голубой. Болтают оживленно о городских новостях. Через минуту после падения Поэта, из-за угла ближайшего небоскреба выбегает Краснокрестная сестра. Бросается на по-

мощь. Снимает с себя прозодежду – передник – и покрывает Поэта. Затем она завертывает его в прозодежду. Случайно у Поэта на спине оказывается знак красного креста. Через мгновение Поэт встает и в недоумении оглядывается по сторонам.

Краснокрёстная сестра

Вы помните вечер? Я с вами знакома.
Вы помните случай, когда мы...

Поэт (*В бреду*)

Стишки есть –
Он был или не был.
Не помню, с того или с этого дома...
Стишки есть –
Раздвинуто небо
И дамы.
Прекрасные Дамы.

Стихотворения

111

В тот миг, когда Поэт произносит последнюю фразу, из котлов смолы поднимаются беспризорники. Выстраиваются в очередь. Впереди Председатель артели. Артель под предводительством Председателя направляется к Поэту и Краснокрёстной сестре со стороны, противоположной небоскребу. У каждого беспризорного плакат. Беспризорные окружают Поэта и Краснокрёстную сестру, подняв, как знамена, плакаты:

}\n}\n}

ВЕЧНОСТЬ **БЮРО № 3** **ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ, д.13**

Председатель (*Торжественно*)

Небесный пилот!
От всего беспризорного мира
Приветствую вас.

И надеюсь –
Отныне у каждого будет квартира.
От имени всех беспризорных –
И нам на другую планету нельзя ли?

Поникий

И нам на планете бы как примоститься.
Вот мне бы
Кондуктором в небе.

Секретарь

Того и гляди –
взяли!

Хор из античной трагедии

Пе-ти-ци-ю!

Первый

Сколько их было, петиций!

Секретарь

Ему бы все воздух да птицы.
А мы-то...

Первый
А мы-то не мыты.

Секретарь

(Поэту)

Воздушник, ты прямо!
Блотяги, ведь он же вертится.
Заметили? А?

Подмигнул Краснокрестной сестрице.

Второй

В натуре.
Чудак, неужели...

Первый

А мы...

Второй

В поездушниках.

Мы потежеле.

Продавщица значков

(Вспорхнула в толпу беспризорных; хочет приколоть Поэту значок «На вечность», и вдруг, взглянув ему в лицо, лицо, всплескивает руками, вскрикивает «О» и медленно пятится назад, закрыв лицо)

Председатель

(Продавщице)

Ни каньки.

Чего зазевалась?

Ты кружку-то, кружку-то шире!

Глядишь, подработаешь малость,

Малость потянет...

Ты как там? Подрядуешь?

Или сама по себе?

На вольной квартире?

Поэта «на вечность»

Не так-то легко подсидеть.

Поэт, он бессмертен другими путями.

Поэт

(делает неопределённый жест, пытаясь говорить)

Секретарь

Братишки, мы время теряем.

И зря ведь.

(Поэту)

Небесный пилот!

Разрешите с полётом поздравить.

Мои вам и с кисточкой.

Нате!

(Пытается натянуть Поэту на ноги плакат)

Поникий

(вырывает у Секретаря плакат и разрывает в куски)

Фанатик! Ну, прямо фанатик!

Нельзя ж, говорить тебе! Зря! Ну!

Секретарь

(Поникому)

А ты, поддувало, не нукай!

Как гряну

По рожу!

(Берет Поникого на храпок.

Сражаются)

Председатель

(Разнимает сражающихся)

Братишки, за что же боролись?

За что же?

Секретарь

(Председателю)

За что же!

А как же не драться,

Когда он лишает матраца?

Клакаты, он в подстилку –

лучше рогожи!

Председатель

(Секретарю)

Иди к небоскребу. Да тише.

Профессор. О Марсе. Афиши.

(Бесфинам)

Готовь пассажира!

В работу пора же!

(Всем)

Сегодня ночевка –

в старом гараже.

ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ СЦЕНА

В тот миг, когда Председатель бросает последнюю фразу, на переднем плане появляется Кавалер с хлыстиком, имея по одну сторону Розовую, по другую сторону Голубую даму. Медленно проходят мимо беспризорных

Кавалер с хлыстиком

*(ловят реющую летучку; поймав, читает ее;
затем к дамам)*

Смотрите,
Какими летучками аэро реет –

В ЧЕТВЕРГ 19-го ЛОТЕРЕЯ ВОСЬМОЙ КРАТКОСРОЧНЫЙ – ЗАЁМ –

Голубая дама

Ах, прелесть!

Розовая дама

Не правда ли?

В люди и мы
вылезаем.

В тот миг, когда Розовая дама роняет свою реплику, от толпы беспризорных отделяется Бесфин первый и Бесфин второй и – спешат наперерез Кавалеру с хлыстиком и дамам. Затем – выходят навстречу гуляющей тройке. Затем – становятся против тройки.

Розовая я Голубая дамы

*(прижимаясь к Кавалеру с двух сторон,
одновременно вскрикивают)*

Ах!

Бесфнны

*(свертывают плакаты в трубки и,
как в рупоры, оба одновременно)*

Э... здрастите, супчик!

А вы не могли бы

Налог уплатить –

За излишки улыбок.

В артель отлетающих.

На антрацитик.

У нас был в запасе,

Да вытек.

На якорь! Причалили.

В вашем порту.

Черта.

И ни шагу за эту черту!

Два драника с Розовой,

Три с Голубой.

Маните ганету!

Иначе – шамбой!

116

Иван Грузинов

Бесфин первый

*(Внимает коробку с отправленными купчихами,
набирает горсть и делает угрожающий жест –
хочет бросить горсть купчих в Розовую даму).*

Круглее! Иначе...

Бесфин второй

*(В ту же секунду повторяет жест Бесфина первого
и угрожает Голубой даме).*

Ледюгу! я начал!

Розовая и Голубая дамы

(жмут Кавалера с хлыстиком с двух сторон, инстинктивно ища защиты; обе одновременно вскрикивают)

Аж, боже мой! Что ж это!

Витечка! Витя!

Кавалер с хлыстиком

Печально, но ясно.

*(сжатый с двух сторон, с трудом протискивает руку
в свой карман)
(Бесфинам)*

Ловите!

(Бросает Бесфинам деньги)

Голубая дама

Ах, прелесть!
За нас он горою.

Розовая дама

Герой он... Такому герою...
(Удаляются)

Краспокрёстная сестра

Поймите, товарищи, это ведь только
Мечты. Все равно, как в балладе.

Председатель

А я говорю –
Пусть пути сообщения с планетой
наладит.

И толком.
Как хочет – подъёмным ли краном...

Краснокрестная сестра

Но вы прикасаетесь к ранам
Душевым. Поймите!
Но вы задеваете
Самые тонкие струны и нити.
Нельзя так. По ранам.

Председатель

А я говорю –
Эту самую жизнь,
Эту самую строить пора нам!

Казначей

На Марс. Это дело пустое.
И я полагаю – не дешёво стоит.

Краснокрёстная сестра

Он болен, товарищи!
По-о-вре-ме-ни-те...

Поэт

(В бреду)

Быть может, сигнал марсиане
В ладью одичалой Земли,
Как вестник, что новые грани
В далёких мирах провели.

Лучам-невидимкам, быть может,
Лишь в грёзах дано промерцать,
Чтоб мучить, томить и тревожить
Несбыточным наши сердца.
И ветром небесной пустыни
И холодом грудь леденит,
И смерть повеявший иней
Растят обветшалые дни.
Вот я и склонен оттого-то
Над капельной звёздочкой той,
Что листик кропит позолотой,
К ручью клонит пух золотой.

*(Не замечая, что он без головного убора,
делает нелепый жест – поклон шляпой)*

До скорого, граждане!
Граждане,
Я утомлён стиховою небесною качкой.
До скорого, вам говорю я.
Пока что!

(Уходит. Площадь пустеет).

ИЗ КОЛЛЕКТИВНЫХ СБОРНИКОВ

Из поэмы «Можай»¹

Готические шпицы, стрелки
Пронзают сумрак лиловатый.
У золотых крестов стрижи.
Часов старинных хриплый звон.
В лощине засветились хаты.
Накрапывает дождик мелкий.
Туман вечерний свитком серым.
Как тень, мелькнул Наполеон.
И пыль дорожная кружит
Следы, оставленные Пьером.

В кивоте ветхом идол чёрный
Как пищу в сумеречный час
Курений дым, сиянье свеч.
На лбу рубцы как складки пашен.
Неуязвимый, непокорный,
Тиарой жреческой украшен,
Столетия не смежает глаз,
Столетия держит бледный меч.

Пчелы полдня вихрем крыльев
С облачных ветвей и трав
Зернь медвяную стряхнули,
Веют розовую пыль.
Солнце – раскалённый улей –
Знойным острием луча
Жалит мозг, лия отравы
И наитья ярых чар.

Стихотворения

119

~
~
~

.....
¹ В рукописях Грузинова у этого стихотворения есть второе название – «Микола Можайский»

А в полях тропарь
И клёкот журавлей.
По траве пролегла тропа
В голубой овёс.
На траве и бабы, и платки алеют.
Ловит Креститель стрекоз,
Дева Мария собирает гвоздики,
Иисусу
Сладко дремать на упругой девичьей груди.

На вспотевших плечах
Мужики несут
Миколу.
Идол державный
В ярых лучах
Сумрачней брови насупил,
Крепче сжал
Рукоятку меча,
Пристально вперяет взор в земные доли.

О Русь, о жизнь, о плоть,
О дни,
Текущие и щедро, и светло
В седых равнинах!
Стезя моя легка.
Господь,
И мне дано –
Лучом мгновенным просверкав,
Песчинкой малою упасть на голубое дно.

1919

ВЕРР РЕСНИЦ

<Н.Н. Минаеву>

Вхожу, печальный Дон Жуан
Под своды древнего собора.
В пыли безмолвно спит орган;
Цветные стёкла сеть узора
Роняют в сумрак крестных рак.
И вновь горит слеза укора
Под чёрным веером ресниц.
Но нет Тебя, склонённо ниц,
Не видно тени Командора.
Но в тёмных нишах коридора –
Ряды гробниц. Ряды гробниц.

<1921>

Стихотворения

121

ШЛЕЙФ ГРАНИТНЫЙ

Невозможного последнюю грань
Юным экстазом сотру.
Бронзовой гортанью
Зорних труб
Пой вселенского гимна строфа.
Торжествуй, величайший триумфатор –
Многоголосая, многоголовая толпа!
Жрец, поэт, влюблённый паж –
Я проношу твой шлейф гранитный
В трудные ночи, безумные дни.
Третья стража! Битвы вновь созрели
Щедростью стрел. Хлеба, зрелищ.

1919

О Д А М Н Е

Облаков сырые плиты.
Солнце – всадник с вихрем стрел.
Алчны красные копыта.

Поле тяжким плугом взрыто –
Путь семян, послушных маю.
Миг – и взлёт. И где предел?

С голубых зенитных книг
Буквы тусклые стираю
Взлётом солнц в крылатый миг.

Март 1918

* * *

<С. Есенину>

С каждым днём нежнее ветер вешний.
На пригорке зачернели пашни,
Был румян и тих закат вчерашний,
Был закат как дикие черешни.

Шёл я полем, тропкою знакомой
И апрель шагал со мною рядом.
Сердце свету вешнему не радо.
Отчего ж тревога да истома?

Всё как прежде. Розовые льдины
Набегают на кустарник тощій.
Облака над молчаливой рощей
Разметались стаяй журавлиной.

Всё как прежде. Только тот далече,
Кто поля в наследство мне оставил.
С перелётной журавлиной стаей
Я напрасно жду вестей о встрече.

Всё как прежде. Только жизнь трезвее
И суровой. Юность миновала.
Скоро след мой на тропе подталой
С дольным прахом навсегда развеет.

Я смирился. Я не прекословлю.
Зыбки сны, обманчивы надежды.
Я готов любить её, как прежде,
Над полями голубую кровлю.

Хорошо здесь. Косари да жнеи.
Босоногое тучное лето.
Шум лесной, да неуёмный лепет.
Здесь я сердцем проще и нежнее.

12 апреля, 1926

* * *

Н. Кончаловской

Каждый день – туманно ли, светло ли –
Лишь на миг один глаза смежишь,
Снится мне в дали далекой поле,
Звезды синие качаются во ржи.

Чем вокруг шумней и говорливей,
Чем пронзительней машинный гул –
Тем ясней мне, как в ржаном разливе
Березняк по пояс затонул.

И осинки, те, что помоложе,
Трепеща взбираются на кручи.
Можжевель усатый и колючий
Им вослед карабкается тоже.

Жаль ивняк кривой и низкорослый.
Ах, ему бы крылья стрекозы,
Или лодочку да лёгенькие весла –
Пусть бы резал золотую зыбь!

Русь моя, в просторе роковом
Обречен я грезить и грустить...
Вот ивняк – последнее прости –
Мне кивнул зеленым рукавом.

1926

СУДАНСКИЙ ЗНОЙ

Две обезьянки
На жёрдочке качаются.
Губы негритянки
Наивно улыбаются.

В сумерки синие
Под радугой чужой
Будь на миг рабынею
Моей и госпожой!

Тусклые ручонки
Волос моих касаются.
Голос незвонкий
Растерянно ломается.

Две обезьянки
Повисли под луной.
Груды негритянки
Струят суданский зной.

1914

* * *

Я весь травяной да медвежий,
Простецкое что-то в груди.
Июль земляникой нежит,
Пучками увядших гвоздик.

И в тихие сумерки снится –
Сквозь тонкую сеть повилик
Мелькают зелёные спицы
В косматой дорожной пыли.

И фыркают карие кони.
Ах, счастье, не ты ли летишь?
И топот смолкает, и тонет
В туманы речные камыш.

Не юность ли катится мимо?
Да что там! Кого укорять!
И вспомнил я голос любимой,
Волос непокорную прядь.

И трудно с тревогою сладить
И трудно мириться с судьбой.
Ах, мне бы капризные пряди
Связать в узелок голубой.

21 июля 1926

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Гаснет, меркнет, догорает
Шар янтарный, белый, алый.
Чуть мигает. Чуть мигает.
Меркнут краски. Гаснет день.

Прохожу дорожкой малой
Мимо тихих деревень.
И, беседа с былинкой,
Пью водицу из ручьёв,

Прохожу лесной тропинкой.
Тонкой пылью золотою
Веют чашечки цветов.
Нежно шепчутся со мною
На заре вечерней клёны
Да крушины. А в ночи
Ни минуты не молчит
Соловей в листве зелёной.

1910

* * *

Смущённо и трепетно
снова бьёшься ты,
сердце моё.

Пути ли неизведанные
прозреваешь ты?
Страны ли новые
снятся тебе?

Не все ли пути
заросли
горькими травами?
Не все ли страны
крыльями Смерти овеяны?

1912

128

* * *

Я, как Датский принц, разрушил цепь времён.
Беспредельностью мой разум потрясён.
Ни Тебе не верю больше, ни Себе.
Мне ли снится мир иль боги видят сон?
Прочь слова! Перчатку бросил я Судьбе.
В травах вешних радостный наметил путь.
Пусть рапирою отравленной Двойник пронзает грудь.

1912

* * *

Где над омутом весь день туман и мгла,
Там, где к омуту тропинка пролегла,
Дед корявый и лепечет, и смеётся,
И с волос его вода струёю льётся,
Льётся алою, зелёною струёй.
В страхе я его спросил:
«Кто ты? демон водяной?»
Захихикал мне в ответ косматый дед,
Дед шершавый закружился и завыл.
Окунулся, опустился в воду вдруг –
И расплылся по воде горящий круг,
И растаял, побледнел блестящий след.

1913

* * *

На доли палевый туман
Тафтою лёгкою ложится.
Недвижен вечер. Меркнут хаты.
Вот – вражеский аэроплан
Кружится над лесом хищной птицей.
Что там за призраки? Солдаты.
У догорающих костров –
Тот дремлет, тот заснул.
Мне снится зной. Обрывок фразы.
Орудий мерный гул.
Ах, сквозь удушливые газы
Бежать на сталь штыков...
Я жил во мгле веков.
Я помню: утренний туман
Скрывал монгольский стан.
Всходили голубые дымы.
Вот – шорох еле уловимый.
Вот – снова тихо. Заалел
Восток. Сигнальный звук рожков.
Скрип. Конский топот. Взвизги псов.
Гортанный говор. Струи стрел.

1917

* * *

Ветер осенний
веет листвою рыжей.
В небе
прощальные трубы журавлей.
Незабудок
звёзды голубые
стынут
в водах
сонного ключа.
Облака надо мною –
тёмные крылья судьбы.
Реют.
Никнут.
Ниже. Ниже.
О, высота синеризая,
вновь рассветным огнём озари!
Вновь пролей
в грудь
зной
золотого луча!

27 сентября 1919

* * *

Как зыбки тени! Не во сне ли
Я прохожу у дряхлых стен!
Набухли мартовские крыши
И гулкие поют капли.
Весенний ветер. Весенний тлен.
Луна мутна как мутный воск.
Шуршат линялые афиши.
Газетный сторбился киоск.
И лунные мерцают латы
И веет знамя – плат крылатый,
И сонно машет призрак зыбкий
Огрызком конского хвоста.
Смежил глаза – косые щели,
И тонкие застыли брови,
И непонятная улыбка
Кривит иссохшие уста.
Кто – этот призрак на панели?
Он – вестник мира? вестник крови?
Мгновенье – и померкли латы.
Капель смолкает. Всюду тишь.
И никнет знамя – плат измятый, –
Шурша обрывками афиш.

8 марта 1920

* * *

Запад золот и ал.
Нежность небесной акварели.
Лунная надтреснута коронка.
Бледные ели
Веют снежной пылью тонкой.

Флейт ли воздушных хорал
Зыблет небесную сень?
Хрусты льдин.
С синих весенних глубин
Синий вечерний олень.

25 марта 1920

Стихотворения

* * *

133

Среброкованные святки.   )
Хрусты льдин и лёгкий бег.   )
Звёзды древнею загадкой   )
Манят к проруби речной.
Опускаемся на снег,
Ворожим в истоме сладкой:
Ищем камешки на дне,
Чтоб гадать в тиши ночной –
Ты о «нём», а я о «ней».
Это прорубь глазом синим
Светит или ты, русалка?!
Взор во взор с улыбкой кинем,
Будем свет небесный пить...
Пусть судьба на звёздной прялке
Волхвований тянет нить.

8 апреля 1920

д. Шебаршино

* * *

Груда серая камней.
За оградой шаткой гряды.
Подхожу. Из-за ограды
Золотым лицом ко мне

Наклонился. Кто же? кто же?
Да подсолнух. Дрожь заката
Там – за мельницей крылатой,
Листьев огненная дрожь.

Над подсолнухом. А он,
Выпрямляясь, шепчет что-то.
В ночь он в роли звездочёта
Смотрит в синий небосклон.

18 апреля 1920

* * *

Линялой бичевой легла
дорога меж кустов и пней.
Утятником
и сладостной прохладой
с лесных озёр.
Деревьев голубые нимбы,
двоясь, сияют в глубине.
Костёр.
Косматый дым.
И на опушке,
где ключа
широк и радостен извив,
где след оставили
железные копыта,
близ бурых нив,
ржаная дремлет Афродита.
С грудей
молочные стекают росы.
Горят в зеленоватой пене
глаза – оранжевые зёрна.
Зарёй вечерней
розовы колени.
Пожар волос
истлел на плечи
пеплом чёрным.

10 июля 1920

* * *

Восточных глаз ультрамарин
Чуть-чуть бледнеющий от снега.
В дыханье северной зари
Полураскрытость влажных уст.
Крылом замедлившая нега
Струи ветров в стальном фаготе.
Гвоздик увядших лёгкий хруст.
Корица. Пальмы. Шум маслин.
И парус золотой на взлёте.

13 августа 1920

~
~
~

* * *

136

Иван Грузинов

Любовь по бедрам розовым лучится
Мозгами голубея полыхает.
Пока не вырезан нежнейший почерёвок,
Лучится юбками, альбомами, стихами.
Сгорает медленно страница за страницей
И повесть кончена узлом тугих веревок.
Захлопнулась железная щеколда.
И пустота. Как на пустом дворе.
И гулко. Эхо в гулкий чан.
Последний роковой укол.
Щетина желтая в облезлые поля.
И восковая теплится свеча.
У воскового носа пламя реет.
Снежинками любовь по бледным миткалям.

1920

* * *

В суглинок илистый
легли костями
отцы и деды.
И замели
пески сыпучие
заснеженную прозелень бород.

Расперты сыростью
овчинные дублёные тулупы.
Разбухли и размякли
бочёночки дегтярных голенищ.
И тлеют,
тихо тлеют
в лиловую полосу кушаки.

Святые лица матерей
расплющены
громадинами-глыбами земными.
И если бы ни тьма и теснота,
вкруг этих лиц
сияли б белизной,
как снег на солнце,
нимбы.

И в тесноте и тьме
сукманки-сарафаны
матерей
разглажены
впервые
пластом земли,
как тяжким и холодным утюгом.

Им мир дано
собою распахать,
себя посеять,

дано взрастить себя,
как злак
на мирной полосе.

Кто ж меня,
надламывая,
гонит?
Кто он?
Демон самоистребленья?
Он кружит –
рассвирепевший ветер –
в пропастях
дымящихся асфальтов.
Ширятся
пробоины-прорехи
в черепе расшатанном моём.
Нет числа
моим самообманам.

7 марта 1922

ОБСЕРВАТОРИЯ¹

На пустырях,
за городской заставой,
под серой шалью паутин
репейники,
в клубок замотанные стружки
и груды мусора, и ссохшийся бурьян.

У перекрёстка двух дорог
в суглинок влипли
рыжие опорки.

.....
¹ В бумагах редакции толстого журнала «Красная новь» это же стихотворение озаглавлено «Сейсмограф».

Расплющенный весенними дождями,
обсыпанный шуршащим роем мух
в крапиве сочной
собачий тлеет труп.
И зыблемые изредка
болотным ветерком
мерцают голубым
развёрнутые звёзды незабудок.

А в высоте,
где стаи ласточек
стригут небесный шёлк,
обсерватория
железной западней пленяет ветер,
что треплет гривами
седых Алтайских гор,
и тысячью стеклянных глаз
отыскивает звёзды
и тысячью ножей
сечёт хвосты комет.

В сыром подвале,
как допотопный ящур,
прильнул к Земле холодным животом
чудовище-сейсмограф,
и металлический вонзает пуп
в черёво тёмное.
Он дрожь любовную
и старости морщину
отчерчивает лапами
на хартии времён.

* * *

Мочёной глине лысинами влипли
Предки деды
Песчинками зеленью бород
Картошками взмочаленной ботвой
Осенней полосе.
Распёрты сыростью дублёные тулупы
Разбухли и размякли
Втулки
Дегтярных голенищ
Пропрели гашники
И рухлые цветные кушаки.
Святые лица матерей
Расплющены как сетки серых нимбов.
Бочёнки пуздр и рёбрами прорехи
Расшатанный скривившийся каркас
И самотканнные сукманки-сарафаны
Разглажены
Впервые
Холодным чёрным утюгом.
Господь
Иль мир собою распахать.
Себя посеять.
Взойти безвинный злак на полосе.
А меня блудяжьего шатает
В полях
Асфальтах городов
Сверлит под хлиздой струпь
Рвёт в коробке черепа прорехи
Ветер безумий и обманов.

1922

* * *

Каждым полнолунием
Тёплым животом тюфяка
Новую прессую Богородицу.
Тени ёкают копытцами в углу,
Медленно икает
Непорочной рыжее перо.
Кровью набухающему клонит
Воск и леденцы
И узкий крестик плеч.
Розовых нежнейшая пригублена кора.
В пыльное окно
Гроздьё вечера небесный виноградарь.
Ах не качайте крысиным писком вечер.
Дрыхнет вечер на золотых ладонях
Бледные часы молитвенно разматывает ночь
Утро острым язычком мой постели цыкнет
Пчёлы полдня прожужжат о новой встрече.

1922

Стихотворения

141

~
~
~

* * *

Ныне Иисусу подрабатывать
Весёлым тюфяком
Брючки плакатики
Губки на прокат
Ватная влажная вульва Богородицы
В пачках по 13 гвоздики и левкои
Вывихнул рёбра
Жирного фонарного столба
Нагольной рукавицею
Слезинки 3 утра
Шикозно и легко и
Серебренников 30
Дырявыми ладонями в крови.

1922

142

Иван Грузинов

* * *

Лохани дамьих маток
До сквозняков проскоблены ланцетом акушера
А я гвоздиками и воском пахнущую кровь
А я в асфальт молитвы хвои смолы.
Под гашником моим звериный шорох
Косматится
Как пьяный.
Свиные башенки приздынули подолы.
Иголкой ли прошьёшь рукой Христа прикроешь
Под почкой язвину зелёного копыя.

1922

* * *

Только перед смертью и приснится
Поле беременно рожью
Животом зелёным полыхает.
К перекрёстку с детства знакомых дорог
Бледная отроковица
Над речёнышем качелями трухлявая ольха.
На мою последнюю мольбу
Может быть, и выйдешь из предсмертного тумана
Слово последнее сказать.
Свет невечерний заплещет
Вечереющим экраном синема
Чёрные букли
Узкие пергаментные плечи
Византийские раскосые глаза.

1922

Стихотворения

143

~
~
~

Безумные дикие сны есть.
Ручьи по зыбучим лугам.
Поляны. Трущобы лесные.
И лепет. И шорох. И гам.

Ах, сёстры! Я помню. Я помню.
Я видел вас где-то. Я знал...
И вдруг – ручеек стал огромной
Рекой. И у ног крутизна.

Да. Вас я любил когда-то.
В дни юности я посещал
Домишко ваш подслеповатый,
Он был как коробочка мал.

Когда золотая у Нины,
У Лизы немного светлей.
Весна. И жасмины, жасмины...
За садом просторы полей.

Вот эта ушла к другому,
Ту камень и крест стерегут.

.....
¹ В рукописях Грузинова встречается иной вариант этого стихотворения. В нём первая строчка звучит как «Тревожные дикие сны есть...», седьмая строчка – «Но миг – и ручей стал огромной...», третье четверостишие – «Я знал и любил их когда-то. / Ведь я посетил и не раз / Тот домик седой и горбатый, / Где ветлы, жасмины и вяз», четвёртое четверостишие отсутствует, пятое четверостишие начинается строчкой «Вот эта досталась другому...», появляется новое четверостишие – «Во взорах русалочьих что-то. / Зыбучая синяя сеть. / И луч заиграл позолотой / В холодной стеклянной росе», и, наконец, в последнем четверостишии первые две строчки выглядят так – «Далёкое мучит и манит. / Листок побледневший упал».

Меж нами чернеет омут.
И сёстры на том берегу.

Минувшее мучит и манит.
Вот лист пожелтевший упал.
И в утреннем синем тумане
Бежит под окошком тропа.

1926

* * *

Быть может, к далёким мирам марсиане
Незримый путь лучевой провели.
И луч за лучом бессиянным
Пересекают восходы земли.

Лучам-невидимкам, быть может,
Лишь в грёзах дано промерцать,
Чтоб жить, и томить, и тревожить
Несбыточным наши сердца.

Вот я склонён оттого-то
В раздумье над звёздочкой той,
Что листик кропит позолотой,
К ручью клонит пух золотой.

1926

* * *

В кустарниках стежка таится,
Змеёнышем вьётся во ржи.
Июнь с голубикой в петлице
Бредёт от межи до межи.

И девицы в зелени вянут,
Росинки роняя с чела.
Златят курослепы поляну.
В трущобах и свежесть, и мгла.

И сладко в прохладе помешкать, –
Где кочки да мшистые пни,
Где в прелой листве сыроежка
Красик у крушины в тени.

1926

* * *

Дней сентября минуло восемнадцать.
Уж скоро бурям злиться и реветь.
Останки лепестков синеют и златятся
Меж павших листьев, в скошенной траве.

И я слежу с тропы медвежьей, –
Из-за ветвей, издалека, –
Как ласточки перед отлётом режут
Поблёклые небесные шелка.

И я готов на помощь звать кого-то,
Готов сказать лучу – останься и сияй!
Повсюду тишь, прозрачность и дремота
И паутин ленивых кисея.

1926

«МОЖАЙСКИЕ СТИХИ»

Здесь призраки милые снятся
Далёких утраченных лет –
Раешник, Петрушки, паяцы
И детский смешной пистолет.

Мальчишкой тот двор постоялый
Искал я, любовью томим,
Где ночью тревожной мечтала
Ростова увидеться с «ним».

К полям Бородинским крутая
Дорога змеится в глуши.
Наверное, здесь Каратаев
Портянки на солнце сушил.

И, пахнувший порохом, с боя
Летал корсиканец в пыли.
И вот, как сейчас, голубое
Полоской меж туч провели.

Отсюда ж я шёл на столицу,
Чтоб песнями Русь покорить.
Вам первым хочу поклониться,
Родные мои косари!

1926

* * *

Сентябрь коготком ястребиным
Пугает нахохленных кур.
В шафранных накрапах рябины.
Твой домик и тесен, и хмур.

И ветром калитку шатает,
И дождиком окна сечёт.
И змейкою прядь золотая
Скользнула ко мне на плечо.

Голубка, ведь мне не семнадцать,
Не время себя укорять.
Немало пришлось мне скитаться,
Бросать здесь и там якоря.

Мне – осень. Мне каяться поздно.
Ржут кони в попутную стужу.
Им весело ночью беззвёздной
Кидать за верстою версту.

1926

* * *

Я знаю, что в жизни никчёмней,
Ненужней меня – никого.
Вот вечер упал на плечо мне
И шепчет как друг роковой.

«Ты прямо – и то же случится.
Всё то же – правей ли, левей».
И мглою смежает ресницы,
И холодным дыханьем ветвей.

И правда, тупицы и снобы
Плодятся в мышинной норе.
Ведь я бы давно бы, давно бы
Себе приказал умереть, –

Да странную радостью детской
Мне зелени трепет и зной.
Гляжу, не могу наглядеться
На лучик, на листик сквозной.

1926

«НОЧНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ»
(ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ)

1

Свет зари косматую каёмкой
Над соседней порыжелой крышей.
Окна настезь. И невольно слышишь
Детский визг, авто басок негромкий,
Цоканье копытное, трамвая
Отдалённый помутневший гул.
Вот зари каёмка огневая
Потускнела. Вот один блеснул
Месяц электрический, второй...
В этот вечер вешний мне не спится.
Я бы мог страница за страницей...
Но не стоит братья за перо
И напрасно тратить жар в пустыне:
Ясно мне – стихи не кормят ныне.

2

В наше время, как это ни странно,
Подавай роман, да иностранный.
Чацкого устами Грибоедов
Сетовал... От прадедов и дедов
Повелось так (Правда, не сродни мне
Знатные прапрадедушки эти, –
Есть теперь у них на белом свете
Правнуки грустящие о гимне).
С давних пор, точь-в-точь как в наши дни,
На Руси Жанлис и Жомини,
Ричардсон... И званным и незванным
Рады мы, особенно ж «Тарзанам».

3

О, кончено! Можно получить
Прибыль, и не малую. Ещё бы!
Разошлись бы. Не последний класс
Кое-кто из наших –

Ключи

Счастья, покойный Салиас
Или Петербургские трущобы.
Мог бы выдержать изданий двадцать, тридцать.
Заговор, хотя б императрицы.

4

Но мораль! Писательская честь!
Что потомство скажет про меня!
Нет. Решил. Уж лучше променять
Ремесло священное поэта
На другое. Впрочем, выход есть.
Выход есть из положенья. Где-то
Слышал я, что покорить сердца
Можно с одой. Не горазд бряцать
О высоком. К сожаленью. Значит –
И на этом фронте неудачи.
А и пусть! Смотри на вещи шире!
Мало ли профессий в этом мире.
Мало ли профессий и хороших –
Банки ставить, заливать калоши,
Торговать нарзаном, квасом, содой.
Где уж нам уж!.. Пусть они там с одой...

5

Я себя виню –

Болтаю о Рассеи,

Лоску нет, мечтателен, рассеян.

В оны дни устроился же Тютчев.

Дипкурьером. Вот и мне б в Нью-Йорке,

В Мексике... Дела свои улучшив,
Я б женился на богатой даме.
И тогда б стихи цедил годами,
А не как теперь – скороговорки.

1927

* * *

Речная зыбь играет лодкой.
Мерцают камешки на дне.
Как хорошо – хоть миг короткий
Побывать с собой наедине.

Как хорошо – откинув вёсла,
Глаза усталые сомкнуть.
На миг поверить – я не взрослый,
Мне новый мир, мне новый путь.

И вот закат как пепел алый.
Река светла. Душа тиха.
И лёгким золотом упала
Строка созревшего стиха.

1 октября 1927

* * *

Это мне как раз и было нужно –
Путь. Долины, горы ли, тайга ли –
Всё равно. Но чтобы парус вьюжный
Бил в лицо. Чтоб, падая, мигали
Звёзды. Звёзды розовым потоком
Резали бы с краю и до краю
Небо. Небо... Чтоб в пути далёком
Уронить как перстень –
«Умираю».

17 октября 1927

* * *

Гривую потряхивает рыжий.
Талый снег бежит из-под саней.
Сроду я не видел, чтобы ближе
Было небо и синей.

Вдоль дороги в синь густую глянул –
Как подростки сосенки тайком
Из тайги выходят на поляну
И у каждой снежный ком.

Хорошо здесь, дикие сестрицы –
Хошь в снежки, хошь в хлюстики играй.
Только мне с утра сегодня снится
Мой родной Московский край.

Там, где в чащах дальних не погашен
Свет зари, – щетиной шевеля,
Предо мной встают громады башен
И дрожат зубцы Кремля.

1 ноября 1927

* * *

За местию месть, за карой кара.
За дамой пик спешит валет.
Лишь вы блондинкой Ренуара
Из вешних встреч, из юных лет.

Судьба наметила заране –
Тому уют у кошелька,
И канарейка, и герани,
Тому дорожная клюка.

Быть может, вы теперь иная.
Поэту нечего терять, –
Пою как прежде, вспоминая
Волос златящуюся прядь.

И оживаю на чужбине,
Когда мелькнёт издалика,
Из-за ветвей, сквозь тонкий иней
Мне ваша тонкая рука.

За местию месть, за карой кара.
За дамой пик спешит валет.
Лишь вы блондинкой Ренуара
Из светлых дней, из юных лет.

16 ноября 1927

* * *

Дни северные побледнели,
Устав от грозových блокад.
Наивней детской акварели
Меж гор рябые облака.

Цветок с окаменелым оком,
Склонясь на камень, занемог.
В стеклянном небе невысоком
Повис надломленный дымок.

И голос мой нежней и глуше¹.
Вся жизнь, вся жизнь – далёкий гул.
И вот – хладеющую душу
Ледок осенний затянул.

20 ноября 1927

* * *

Мне сегодня не поются песни
И работа валится из рук.
Дальнее и ярче, и телесней,
Чем вот это – зримое вокруг.

Сквозь туманы и лесные чащи
Вижу, словно в зеркале слюды,
Свет зари над нивами дрожащий,
По траве злтаясь бегут следы.

На заре, что снится мне, не я ли
Проложил следов росистых ряд!
Я прошёл. Следы мои сияли.
Я погас. Следы мои горят.

28 ноября 1927

.....
¹ Вариант последней строфы из сборника 1939 года: «Ледяшек звон серебрист и тонок, / И тонок иней и пушист. / И задремавший лягушонок / Полуистлевший зыблет лист».

* * *

Ни товарный не гремит, ни скорый.
Руку из окошка протяни –
И вот тут как тут в тумане горы.
Как таймени, проплывают дни.

Неуклюже машут плавниками.
Зенками вращая не спроста,
Метят в нору, под могильный камень,
Серые от морды до хвоста.

Мне давно, давно на этом свете
Все расчёты просты и ясны.
И плывут ко мне в седые сети
С золотыми плавниками сны.

23 декабря 1927

* * *

Догорела ночная свеча.
Брезжит свет в голубые окна.

У ворот непритоптанный снег.
Кудри друга бледны и легки,

И улыбка светла и тиха,
И на шубе снежинки дрожат.

Я не в силах ресниц приоткрыть,
Приподнять оснежённой руки,

О нечаянной встрече ему
Я не в силах ни слова сказать.

Начинаем, как прежде, вдвоём
Мёртвый, страшный и радостный день.

25 декабря 1927

* * *

Шепчутся докучливо полозья.
Снег и снег. Дорог далека.
День к концу. Алеет ножка козья
В бороде косматой ямщика.

Колокольчик под дугой не плачет
И ямщик как в рот набрал воды.
Пой, ямщик! Наш путь пойдёт иначе –
Проторим мы к суженой следы.

Меркнет день. Дымится снежный ворох,
Заметает ветхие кресты.
Затеряться б, Русь, в твоих просторах,
Стать как все – убогим и простым!

30 декабря 1927

* * *

Снились мне невиданные дали.
Желтый свет над желтизною нив.
Знака «в путь» кочующие ждали,
Головы упрямые склонив.

Вдруг я понял, безнадежно понял,
Что и я, как эти, обречён.
Оглянулся – кони, всюду кони.
Кто-то тихо тронул за плечо.

Всматриваюсь. Кто здесь? Не она ли?
Тучи непроглядные вокруг.
Только те же складки тонкой шали,
Тот же, тот же трепет милых рук.

Я хотел сказать ей: «Друг мой, поздно.
Ведь безумье – следовать за мной».
И проснулся. Веет холод звёздный.
Друг далёкий! Друг ты мой земной!

1927

* * *

Тоненькие северные тени.
Блѣклая осенняя волна.
Меж ветвей зажжѣнных листопадом
В предзакатном пламени оконце –
Хижина рыбацья у скалы.
Мне давно в неясных сновиденьях
Как слова полузабытой песни –
Горный домик, птицы, тишина.
Но корабль плывѣт скрипя и пенясь.
Накренившись меркнет синий день.
Синенький дымок бежит из трубки –
Смотрит вдаль суровый капитан.

1927

Стихотворения

159

* * *

Сотни вѣрст плывѣшь – одно и то же.
Реет Лена лентой синеватой,
Тѣмные бревенчатые хаты
Да тайга нахохленной рогожей
Подползает к мѣртвым берегам.
Хмурый и опасливый прохожий.
Тишь. И выстрел. И далѣкий гам.

Северней. Угрюмее и строже.
Дятла стук и отголосок звонкий.
И как тень у золотой коронки
Ивняка опасливый прохожий...
Враг ли? друг ли из родимых мест?
Мой собрат. Бывает. И, быть может,
Вместе нам – удача или крест.

30 января 1928

* * *

Дальнее, забытое в закатах,
С резедой заглушённое во ржи –
Вдруг как свет в зрачках зеленоватых,
На ресницах звёздочкой дрожит.

И на миг – что ни на есть простая
Бьётся жизнь. И вот – перепела,
Ласточек трепещущая стая,
Ветра звонкая стрела.

И на миг – и близкий, и любимый,
Самый близкий с детских лет,
Подойдёт и, улыбаясь, – мимо.
И опять, опять затерян след.

Дальнее, забытое... Сестрою
Утешать придёт меня оно
Перед тем, как я глаза закрою,
Посмотрев в последний раз в окно.

4 февраля 1928

* * *

«Куда ж нам плыть?»

А. Пушкин

Нам только б вольность – плыть иль ехать.
Ведь жизнь пестрым-пестра.
Когда в горах ночное эхо
На песню у костра.

Глядишь во всю, смежишь ресницы –
Всю ночь, весь день – река.
И сердце начинает биться,
Как сердце моряка.

Мы нашу юность расточили,
Ища блаженных стран.
Знакомы нам Калькутта, Чили,
Каир и Тегеран.

Куда ж нам путь? Чернеет омут,
Седеют невода...
Плывём, доверясь роковому,
Куда течёт вода.

11 февраля 1928

* * *

Циферблат пустой. Взлетают стрелки.
Как чижи кружат на золотом.
Буковка за буковкою мелкой –
Зёрнышки – дочитываю том.

Это сон. Рассказывает кто-то
Жизнь мою. И странная истома,
Тишина, забвенье и дремота –
Сон во сне. И вырваны из тома

Чьей предательской рукой – не знаю,
Вырваны последние страницы.
Том закрыт. И вот голубизна, и
День плывёт, готовый накрениться

И упасть. И мысли, как зайчата,
Мчатся снежным полем. Не запеть ли?
Не открыть ли переплёт дощатый,
Отстегнув златящиеся петли?

Часики. Рассвет в окошко. Стрелки
Неподвижно виснут на шестом.
Буковка за буковкою мелкой –
Это явь – дочитываю том.

25 февраля 1928

* * *

Ласточка ли, лодочка ль
Чуть видна.
Свет зари. Седая даль.
Тишина.

Радость, хоть с горошину,
Радость есть.
Подал друг непрощеный
Сердцу весть.

И на миг – голубизна
Детских дней.
Принимай же добрый знак,
Не бледней.

Ласточка ли, лодочка ль
Чуть видна.
Свет зари. Темнеет даль.
Тишина.

4 августа 1928

* * *

Хрустит песок. Звезда сверкает.
Тропа меж диких скал.
Звезда ль ведёт? судьба ль такая?
Забвенья ль я искал?

Ах, жизнь как сон! Так было с детства.
Всю ночь среди камней.
Чуть утро начинает рдеться –
Звезда летит ко мне.

Всё повторимо. Снова снится
Звезды моей опал.
И звёздный пепел на ресницы
Хладеющий упал.

И вот – на всём небесный иней.
И мир продрог до дна.
И в сердце мне с песков пустыни
Прокралась седина.

21 сентября 1928

* * *

Так бывает только в детстве.
Свет неясный, лай собак.
Месяц, если приглядеться,
Вытерт мелом, как скоба.

Хворостинки вдоль поляны
Вровень с облаком бегут.
В небо врезался буланный,
Клонит к месяцу дугу.

Над оврагом встал белёсый –
Кисея ли, борода ль?
Голубеющий завесой
Заволакивает даль.

Конь усталый, в сумрак канув,
Сбруей кованой бренчит.
На щитах у великанов
Загораются лучи.

19 октября 1928

* * *

Я люблю в глухих просторах,
За безлюдьем деревень,
Неживой осенний шорох,
От ветвей сквозную тень.

Сумрак тихий. Сумрак сизый.
Блеск ручьёв снежной слюды.
Паутинные карнизы.
Муравьиные следы.

Где осока наклонила
Золотые остря –
– Ты прости-прощай, мой милый, –
День и ночь поёт струя.

30 октября 1928

В этом мире и дряхлом, и гулком
Притаись. И молчи. И молчи.
И дремли подовчинным тулупом.
Ни луны. Ни звезды. Ни свечи.

И не спится: грядущее строго.
Головой бы к стекольцу прильнуть...
Под окошком с портфелями трое.
Под окошком синяя муть.

И у каждого галстучек синий.
И портфель. И ползут с дровней.
Долго топчется в снежной трясине
Тот, кто толще других и древней.

Я к другому окошку. И то же!
И откуда они ко мне?
На дровнишках, прикрытых рогожей,
Три медведя на груди камней.

1928

.....
¹ На обороте зачёркнутые строки: «Я знаю – это скоро будет.
/ Да. Это будет. Верь».

* * *

Оглядишь-ка, ширь какая!
Деревень-то, деревень!
Из-за марева, сверкая,
Золотой выходит день.

Тут не то что плыть иль ехать,
Тут лети – не долетишь!
Прохрипит лесное эхо
И заснёт. И снова тишь.

Лопухи, репей да вереск.
Из жердей скрипучих гать.
Хорошо, мечте доверясь,
Год шагать и два шагать.

Что за глушь! Да посмотри-ка!
Здесь, вдали от деревень,
Где горьмя-горит брусника,
Накренился сизый день.

Месяц бледный и двурогий,
Свет вечерний и дневной.
И бегут, бегут дороги
Подо мной и надо мной.

Вот я понял – невозможно
Различать и разлучать:
Этот прах в суме дорожной
От небесного луча.

1929

НЕБЕСНЫЙ ВОКЗАЛ

Ночь. Вокзал огнями залит.
Многолюдно. Так всегда.
Синий бак в центральном зале –
Кипячёная вода.

Касса щёлкает. Теснится
Воронье в молчанье злом.
Шляпка перья райской птицы
Колыхает над узлом.

Вишь – как толстый насадет
На толпу. И не сама
Продвигается седая
Стурашенция. Сума

Чья-то слева давит, справа
Жмёт портфель. Со всех сторон
Шелестящая орава
Выползает на перрон.

А контроль? Ведь без билетов
На места легли в норе?
Рельс мерцанье. Фиолетов
Свет китайских фонарей.

В вечность. Тронулись. В который
Это раз и сколько лет
Без меня отходит скорый?
Зря спешим купить билет!

1929

* * *

Вот я и на том свете.
Иль это только во сне?
Сыплют на бледные сети,
Призрачный сыплют снег.

Пропыленных седеющим мылом
Здесь непаханных много целин.
Вращается с перезвоном унылым
За цилиндром цилиндр.

Подо мной, надо мной пробегают дороги.
Сверху и снизу стеклянная синь.
Это ведь бывший двуногий
Вокруг своей вращается оси.

Хоть бы чёрточки вместо глаз и носов.
Стукнешь пальцем. Вот так. Щелчок. Звенит.
А всё-таки чем-то походят на сов.
Вихрем летят и летят в зенит.

Вот я и на том свете.
Иль это только во сне?
Бледнее бледного сети.
Призрачен тонкий снег.

1929

* * *

Лепестки ли рассыпают, снег ли
Падает кружась в лучах зари.
Этот вечер надвое рассекли –
Золотым и розовым горит.

Вот и гаснут, вот и задремали
Облака, прильнув к седой горе.
Лишь стихов нетленные эмали
Будут дальним в вечности гореть.

1929

~
~
~

* * *

170

Иван Грузинов

Что за глушь! И глушь такая
Многие века.
Под окошком протекает
Мёртвая река.

За рекой гора. К горе той
Не видать следа.
И прозрачен разогретый
Воздух, как слюда.

В сизом дальних чащ вершины.
На краю села,
Словно гребень петушиный,
Дыбится скала.

Тронешь вёсла – заиграет
Лёгкая струя,
Упадут на светлый гравий
В красном острия.

Крикнешь в горы – странный кто-то
Прозвонит: «Не страх
И не смерть... Была б охота –
Золото в горах!»

1929

* * *

Уж скоро вновь начертит иней
Узоры тонкие свои
На этих стёклах: кактус синий,
Тройную голову змеил.

И в сумерках засеребрятся
При свете северной луны
Заиндевелые паяцы –
И бубенцы, и галуны.

И в час полночный кто-то мимо
Пройдёт, как тень, вздымая снег.
Черты забытые любимой
Опять припомнятся во сне.

1929

* * *

Из широт – берём какая шире,
Из долгот – которая длинней,
Те цветы, что мы встречаем в мире,
Никогда не видывал Линней.

Зачинать – так с самого начала,
Запевать – так глубже и вольней.
Подпеваает ветер одичалый
Океанской вздыбленной волне...

Изредка нам детское приснится –
За игрою в кости, за лото –
И тогда в усталые ресницы
Тихо плещет сумрак золотой.

1929

* * *

Мне чем-то близким и простым
    Полдневный веет зной.
В долине блеклые кусты
    С ущербной желтизной.

Полоски дремлющего льна.
    Ряды могильных плит.
Дорога дряхлая пыльна
    И радуга пылит.

За тёмной башней ров и вал
    Сгибаются в дугу.
Кто этот город основал –
    Припомнить не могу.

Лишь помню – жизнь его грешна:
Он викинг и пират.
Сиреневая тишина
У обветшалых врат.

И всадник (да не снится ль мне?)
С копьём летящим в бой,
И бледный отрок на коне
С серебряной трубой.

1929

* * *

Свет зари. Столбы зелёной пыли.
Зеркала. Скользишь по зеркалам.
В забвенье поникли и застыли
Пред кумиром Будды сорок лам.

Каждому из них она чужая –
Наша жизнь. Её прибором умолк.
Зеркала, туманясь, отражают
Бронзу лиц, зарю, зелёный шёлк.

Перед каждым бронзовым сребрится
Мельничка колёсиком шурша.
У лягушки, мельнички и птицы
Тоже есть поющая душа.

Мне и ей, всходившим не однажды,
Эта клеть телесная тесна.
И она, и я томимся жаждой
И самозабвения, и сна.

1929

* * *

Розовеет и златится
Дальняя скала.
В синеве вечерней птица
Песню прервала.

Неподвижный и суровый
Тёмных кедров ряд.
В тишине лесной подковы
Звонко говорят.

Я не правлю. Пусть отыщет
Путь чутьё коня.
Пусть к желанному жилищу
Конь несёт меня.

В сердце смутная тревога.
Словно близок тот,
Кто с ключами у порога
Золотых ворот.

1929

* * *

Мир ночной глубок и страшен.
Нет забвенья. Не забыть –
В пропастях громады башен,
Птиц чудовищных зобы.

Что здесь дальше? Что здесь ближе?
Напрямик да наугад.
По ухабам тащит рыжий,
Вровень с месяцем дуга.

Вдруг стремглав летишь куда-то,
С вихрем кружишься у скал.
Месяц тонкий и горбатый
Побледнел и отсверкал.

Что он значит – шёпот сладкий
Золотых во тьме раки?
Душит страх, но нежны складки
Чьей-то старческой руки.

1929

* * *

Пенснэ платочком вытер.
Смотрю – скамеек ряд.
Кондуктор и кондитер
О ценах говорят.

Вокзал пустынный гулок.
Томит гранитный гул.
Зачем я в переулочек
Знакомый не свернул!

Ведь нужно бы проститься –
Далёк и страшен путь.
Сказать бы ей: «Сестрица,
Прости и позабудь».

Корзинки на перроне.
Уверенности нет –
Вот-вот рука уронит
Зелёный билет.

Вагон. Закатный лучик.
Свисток – и раз, и два.
Так лучше мне, так лучше.
Качнулась голова.

Поля зелёным дымом
Летят навстречу мне.
Простись со всем любимым
В родимой стороне!

1929

ОСТРОВ ОТКРЫТЫЙ МНОЮ

Прозелень прозрачную такую
И такую тишь и глубину
Редко наблюдаешь. В зыбь морскую
Вдребезги разбитую луну

Бросили. Осколки с ободками
И без оных блещут не горя.
И блажен, кто разобьёт о камень
Чад твоих. Вослед луне – заря.

И с зарёю пароход наш ожил.
Там и сям матросская видна
С якорями лента. В море тоже
Жизнь кипит: подводники со дна

Добывают крабов. Миль на триста
Водоросли. Дальше, говорят,
Остров неизвестный. Чтобы пристань
Отыскать, решенье есть – отряд

Смельчаков послать. И пусть! И всё же
Хочется мне счастья попытать.
Капитана просьбой не тревожа,
Пробираюсь к шлюпке. Через кладь,

Палубой, спешу к столовой зале.
Путь свободен. Я готов вполне.
Юркнул в люк – и поминай, как звали!
Через миг – качаюсь на волне.

В лёгкой шлюпке. Сломанные ветки
Водяных растений там и сям.
Запах и дурмящий и едкий.
Издалёка слышен птичий гам.

Берег! берег! Лестница крутая.
К лестнице. Ступень. Ещё ступень...
Скалы. Высь. И розовая стая
Какаду. И пальмовая тень.

И вдали, как золотые стрелы,
Пагоды ль, мечети ль – не поймёшь.
Глядь – под пальмой карлик желтотелый
Из чехла вытаскивает нож.

Объясняю карлику, что я, мол,
Бедный странник и поэт при том.
Он, смирясь, когтями роет яму
И в песок ложится животом.

И, зевнув, показывает вправо.
Я смотрю – разостланы ковры.
За коврами дряхлая агава.
Над агавой идол в землю врыт.

Он приучен по-собачьи тявкать,
По-шаманьи взвизгивать и выть.
У него смешная бородавка
На ногу, в ноздре клочок травы.

Оглянулся. Жёлтого уродца
Не видать. И вот кишмя кишат
Синие. В киосках продаётся
Мясо изумрудных лягушат.

Пузырьки гранённые в продаже.
Это капли от любовных мук.
Есть от кори, есть от пули вражьей.
В каплях нет отказа никому.

И что не встретишь на базаре!
Выбирай, плати и получи –

Шелковинки цвета дальних зарев,
Всех цветов кручёные лучи.

Выбираю лучик самый тонкий,
Самый чистый – метра два длины, –
Лягушиных лапок с перепонкой
Изумрудной. Те, кто влюблены,

Из фиалов удлинённых тянут
Медленную светлую струю
Забытья, залечивая рану
Сердца. Те, кого страшит в бою

Смерть, втирают белоснежной ватой
Капли зачарованные в грудь.
«Гамлет» – мне с улыбкой виноватой
Молвит шут: «Угодно Вам взглянуть

На актёров?» Не успел подняться
Занавес, как вздулись паруса.
Лодка. В лодке спящие паяцы.
И звонит учёная оса.

В колокольчик. «Браво!» И на сцене
Укротитель четырёх стихий.
Под окошком утренние тени.
На столе вчерашние стихи.

1929

* * *

Леденцы рассыпала заря
По долинам и глухим оврагам.
Конь идёт неторопливым шагом.
Леденцы горят и не горят.

Жизнь блеснёт стекляшками – и мимо!
Попытайся вот – останови!
Я давно забыл черты любимой,
Я совсем забыл слова любви.

Детских снов незаходимый свет,
Шелест листьев за оградой сада...
Вот – твоя последняя награда.
А иной и не было, и нет.

1929

* * *

Серая птица, полночная птица
Бьёт мне в окно крылом.
Разве я не успел распротиться
С теми, кого так любил в былом!

Передо мной на пути опустелом
Ворон на кочке да круча, да скат.
Все имена, точно надписи мелом,
Стёрлись. Чернеет слепая доска.

Все мне изменят. И всех позабуду.
Дружбе, любви неземной и земной.
Цены известны. Лишь песня повсюду –
Друг мой последний – со мной и за мной.

1929

* * *

Затеплишь свечку – никого.
А шорох почему
Всю ночь, как вестник роковой,
Тревожит? Не пойму.

В окошко глянешь – фонари,
Усами шевеля,
Готовы буркнуть – «Morgenfrüh»,
Заметив шеншеля.

Какая мутная заря!
Как труден здесь ночлег!
Встречает тень от фонаря
Две тени от телег.

Заря – сплошная дрожь и зуд,
Свеча за ней – мерцать.
И не поймёшь – кого везут,
Не разглядишь лица.

Погасишь свечку – никого...
Я понял – почему
Тревожил вестник роковой
Меня в ночную тьму.

29 декабря 1929

* * *

Конь да лодка. Синяя тайга.
Бичева, поющая, туга.

До утёсов над водою тень –
Атаман наш с шапкой набекрень.

В оны дни он с каторги бежал.
Есаул с усищами ежа,

Седина как лунный свет мертва...
С бору да с сосенки подобрана братва.

Снится мне у дымного костра
Голос твой, далёкая сестра.

Дикий ветер мне всю ночь поёт
Имя позабытое твоё.

Конь да лодка. Чёрная тайга.
Омуты глубокие. Крутые берега.

5 января 1930

* * *

Три звезды дрожат в колодце.
Глубина и тишина.
Струйка теплится и льётся
Золотым из кувшина.

И восток готов зардеться
Акварелью огневой.
И луна как обруч детский
Над моею головой.

7 января 1930

* * *

День кончен. Ладья у причала.
Полосками – сизой и алой –
К веслу прильнула заря.
Порхая с дымком на повети,
Играет осенний ветер
Кустарный марш снегиря.

Графин на столе и тарелки –
В глубокой максун, а на мелкой
Морошка янтарною грудой бус.
Сияя улыбкой раскосой,
Московской дымит папиросой
Янтарный, как ответ морошки, тунгус.

Тайга за околицей воеет.
Вздывая косматую хвою,
К воротам бежит тайга.
И в сумерках северных снится
Олень – слюдяные копытца,
Олень – золотые рога.

29 января 1930

* * *

Ветхий домик декабриста.
Тень от ледяных колонн.
Синь да иней серебристый,
Да тайга со всех сторон.

Дни так пусты, сны так яркие.
Даль не устаёт манить.
В забытье седые Парки
Тянут тоненькую нить.

В сумерки, закрывши ставни,
В полушубке, при свете,
Вспоминаю сон недавний –
Звон стаканов, блеск речей,

Чьих-то светлых глаз мерцанье,
Чьих-то губ и чьих-то рук
Мимолётное касанье
На полуночном пиру.

Скрипнет шкафчик, где хранится
Пачка, связанных тесьмой
Писем. Буквы по странице
Ходят, в мареве письмо.

Дневникам да мемуарам
Зимний вечер отдаю.
И в тиши высоким даром
Музы красят жизнь мою.

8 февраля 1930

* * *

Тень мелькнёт в луче закатном,
В листьях ветер встрепенётся –
Передать моё прости.

С Маргаритой у колодца
Не томись о невозвратном,
О далёком не грусти.

1930

СОБАКИ

Тихо в доме незнакомом
Шевельнул скобой.
Из-за двери дымным комом
Выплыл голубой.

Вскинул лапы мне на плечи,
Хочет в лоб лизнуть.
И светлеет мутный вечер,
Льёт голубизну.

Стиснул лапищи: «Смотри же
У меня! Не смей!»
На диван. С дивана рыжий –
С языком, как медь.

Звонким лаем, тяжким гулом
Комната полна.
В окна заревом плеснула
Медная волна.

Мир так странен... Дружба песья,
Очень может быть,
Знак о тайнах равновесья
На весах судьбы.

1930

* * *

Наш городишко и досель
Нисколько не новей.
Всё также кружит карусель
Стеклярус в синеве.

Всё те же львы, столярный клей,
Шарманка да ещё
Седые ветви тополей,
Загар девичьих щёк.

И детский смех, и конский храп...
К закату день сырей.
В руке, у конского вихра,
Качается сирень.

Сирень. Закат. И я пою
Всю ночь. И ночь светла.
Как смертный холод в грудь мою
Сиреневая мгла.

1930

* * *

Плывём на север. Мир как дым.
Во сне ль так видишь иль спросонья,
Иль движется ладья Харонья
В ледяные вечные сады.

И я дышу и не дышу
На льдинки – тоненькие стрелы.
И веет иней порыжелый
С заиндевелых кунных шуб.

И я живу и не живу,
Припомнишь в беспокое –
Как бледным листиком левкоя
Упал на мёртвую траву.

И нет давно долгот, широт
В сем мире преданном печалям.
И не видать – когда причалили
К сиянью золотых ворот.

28 января 1932

* * *

Кружась в полях, пересеклись
Дорог серебряных раскаты.
Сугробы хрупки и горбаты.
Мерцает утренняя высь.

Какая синь, какая тень,
Какая сказочная проседь,
Какая путаница просек
Сквозит до сизых деревень!

И я бездумней и вольней
Дышу, сиянем вешним тронут.
Так ясьень трепетную крону
Возносит к солнечной волне.

1 марта 1932

* * *

Я слышу – как шуршат шелка,
Как ветка хрустнула от зноя.
Какой смертельной белизною
Напоена твоя рука!

Нет, я не выдумал тебя.
Глаза мерцали. День был светел...
Ах, слишком поздно я заметил,
Что не любя и не губя –

Я тлею. Страшен горный снег,
Готовый ринуться в долину.
Тревожен оклик журавлиный, –
А я недвижим, как во сне.

Июнь 1932

* * *

Снилось мне, что я иду в пустыне.
Ночь. Песок. Горит одна звезда.
И песок зыбуч, как волны моря.
И звезда указывает путь.
И она легка, как одуванчик,
Осиянный пухом золотым,
И близка, совсем близка как факел,
Предо мной несомый великаном...
И с тех пор Египет для меня –
Это путь таинственный и страшный,
Это золотой неизъяснимый свет.

30 августа 1932

~
~
~

* * *

Как будто детство за холмом.
Взойди на холм. Закат дымится.
И смотрит облачная птица
На старый сад, на старый дом.

И тени шаткие легли
У накрасившегося дома.
О чём-то близком и знакомом
Рассказывают журавли.

Здесь светлых дней моих следы.
И я невольно славословлю
И эту сторбленную кровлю,
И горечь бедной лебеды.

И я как прежде прихожу,
Чтоб заглянуть в стеклянный омут.
И по закату золотому
Скользит, златясь, весенний жук.

Ищу в песке, в траве ищю
Давно забытые жерлицы.
И начинают шевелиться
В ветвях глаза зелёных щук.

Небесный свет в ветвях погас.
И я в тоске неодолимой
Ищю любви прошедшей мимо,
Ищю иных померкших глаз.

Как будто юность за холмом.
Седой закат едва дымится.
Чернеет облачная птица.
Во мгле туманной сад и дом.

Ноябрь-декабрь 1932

ЛЕСНАЯ НЕВЕСТА

Это всё, как в повести старинной.
Синий север. Лодка. Тишина¹.
За кормой Медведица Большая
В глубине взволнованной плывёт.
У невесты на груди подснежник.
И бледна она и холодна.
Под скалою каменные глыбы.
За скалою горная долина.
За долиной – горная тайга.

В этих дебрях каждое мгновенье
Может стать неожиданно роковым.
Здесь, мурлыча жалобно и злобно,
С дерева на плечи метит рысь.
Так мурлычит, корчась и свиваясь,
Над костром горящим береста.
В тёмной пади полной бурелома
Вздыбились медведица в берлоге.
Нюхает весенний влажный воздух,
Страхивая с шубы зимний сон.

Мне легко, безумно и безбольно.
Мне судьба указывает путь,
Всё равно – к последнему покою
Или к жизни скромной и простой.

А тайга торжественней и глуше.
Только звёзды в глубине небесной,
Только вьётся узкая тропа.
Кедры и огромны, и крылаты.
Это птицы из другого мира
Пойманные в грёзах духовидцем.
Здесь, в ущельях, под древесной сенью

.....
¹ Рукой Грузинова выведено «Вариант: Север. Путь полноч-
ный. Тишина».

Отыскать приют уединенный
Может и отшельник, и бандит...

Это всё, как в повести старинной.
Путь на север. Полночь. Тишина.
Меж ветвей Медведица Большая
В небе розовеющем плывёт.

1932

* * *

Глубоким утром под листвой
Горят оранжевые птицы.
И в страхе я готов склониться
К земле усталой головой.

Но птицы манят в высоту,
А веточки уводят в детство.
Мне весь день не наглядеться,
А я светлею и расту.

1932

* * *

Голос, зовущий меня, не обманет.
Годы бегут, а мечта всё та ж.
Вот он – таинственный город в тумане,
Вот он – с детства знакомый мираж.

Я в раздумье. Минуты как год.
Что же? Войти, как входит тать?
Или же – в битве во имя свободы
Прах и пепел в крови растоптать?

Трубы ль поющие? Птичья ль статья?
Город великий недвижим и тих.
Латами в призрачном свете блистая,
Стража стоит у ворот золотых.

1932

* * *

Глухая осень, а закат
Совсем по-вешнему окрашен.
Над бледной прозеленью пашен
Сиренев чуб и казака.

И шлемоблещущий герой
Спешит из-за горы. К герою
Приходит дева. За горою
Исчезли оба. Зыбкий строй

Кустов жасминовых да лип.
Гора распалась. Обезьяны
Висят на пальмах. Караваны
Верблюдов в розовой дали.

Мечте поэта нет преград.
Но нет преград и песне тоже.
Обман – мечта и песня? Боже!
Но я обманываться рад.

1932

* * *

Стеклянный день. Стеклянный хруст.
Шаги. Шаги. Слышнее. Ближе.
Поют невидимые лыжи
Но переулочек снежный пуст.

Заламывают набекрень
Домишки седенькие крыши.
Стеклянный шорох чуть колышет
У ног сиреневую тень.

Я вышел в поле. Тот же бред.
Шаги стеклянной. Тоньше иней.
Как белый призрак на равнине
Рябина в хрупком серебре.

Вдали сторожевой курган.
Развалин каменные глыбы...
Оставить всё! Навек уйти бы
За лёгким табором цыган!

Иль затвориться навсегда
В скиту, где жил безвестный инок, –
Где у таинственных тропинок,
Таясь от всех, поёт вода.

12 января 1933

* * *

Какая тишь. Какая рань.
Восток сиренев. До рассвета
С волос приснившегося Фета
Ложится иней на герань.

На бледных стёклах голова
Как чья-то тень. Моя ль, его ли?
И бег саней в далёком поле,
И седина, и синева.

И свет дневной и свет свечи.
Двоятся сны, двоятся тени.
И золотые на колени
Сквозь иней падают лучи.

И у крылечка скрип саней.
И друг неожиданный входит в сени.
И вместе с ним огонь весенний
Потоком хлынул из сеней.

1 февраля 1933

* * *

От розы тонкая струя
Её дыханья. Тонок иней
На стеклах. Осень. Сумрак синий.
Так вечереет жизнь моя.

Помедли, Боже! Дай устать
От этой тишины вечерней.
Дыханье глубже. Тень безмерней.
В закатном пламени уста.

Как платье ветхое за мной
Осталась мира половина.
И внятней голос соловьиный
Поёт над розой неземной.

1933

* * *

По-детски надломлен голос,
Беспомощно нежен шёлк.
Что было, что есть – раскололось.
Но мне с тобой хорошо.

Мне снится и дикий, и странный
О плаванье дальнем рассказ.
За прозеленью стакана
Весенняя прозелень глаз.

И свет золотой. И траур.
Ах, траур? О ком он, о чём?
Как прошлое – мёртвые травы
Надломлены мёртвым лучом.

1933

ОТРЫВОК

Нас в лодке трое. Ночь светла
Июнь. Река не говорлива.
Костёр разложим у залива,
Пужинаем из котла.

Тайга не дрогнет. Ночь тиха.
Сухие вспыхивают сучья.
И, растянувшись по-барсучьи,
Мы ждём – не ждём: кипит уха.

В тиши сильнее бьёт родник
Воспоминаний. Знает каждый –
Чем больше пьёшь, тем больше жажда:
За днями дни, за днями дни

Текут сияя. Рад – не рад,
Но ешь из общей. Вероятно,
На старике большие пятна –
Он душегуб и конокрад.

В бегах провёл немало лет.
Да и теперь он с «липой» тоже.
Умело держит финский ножик,
Искусно замечает след.

Матёрый каторжник. Но есть
(Помимо сказанного выше)
В нём нечто, чем он жив, чем дышит –
Любовь к опасности и честь.

Да, честь. Коль слово дал кому,
Так слово – слово, уж будьте
Покойнички... я с ним в Усть-Куте
Впервые встретился...

1934

У ФОНТАНА

Здесь иная жизнь текла когда-то.
Бил фонтан. Цвела аллея встреч.
Бог любви лукавый и крылатый
Лепестки ронял на мрамор плеч.

Рухнули. В обрыв. Затрепетали,
Вековые корни обнажив.
Натали, Наташенька, Наталья –
Всех равнял мятеж, беря в ножи.

Этот вихрь... Тебе он часто снится?
Мне на миг приснилось наяву –
Сквозь пушинки, пёрышки, ресницы
Вешний дождь сиянье льёт в траву.

Дождь и солнце. Лёгкая прохлада.
Умирание страстей и мук.
Ты сквозь ветви дремлющего сада –
Как Венера в розовом дыму.

13 мая 1934

* * *

В окошко глянул – жёлтый день.
В другое – розовый. Я вышел.
Заря сквозную зыблет тень,
Шелка небесные колышет.

Всю ночь мы ехали, и шли,
И плыли – я и мёртвых двое:
Два мёртвых брата. Корабли
Качнулись в море огневое –

И я один. Но жизнь не та.
В ней отблеск есть иного края.
В ней наяву сквозит вторая
И глубина, и высота.

30 июня 1934

* * *

С седых морей, из-за тайги,
Всю ночь белёдые круги.
Редает пепельная мгла.
И ночь светла и не светла.
И ночь тиха и не тиха.
Дымит сиреневым доха.
Он лётный, конный или пеший?
Дымит сиреневым доха,
Дымит сиреневым скала –
Костёр раскладывает леший
У задремавшего села.
И ночь тиха и не тиха.
Дымит сиреневым доха.

12 июля 1934

* * *

Я ухожу на юг. Прощай,
Мой бедный север! Три весны
Я не встречаю здесь прилёта
Знакомых с детства мне грачей
И ласточек. И три весны
Не вижу яблони цветущей,
Не вижу ландышей. Зато
Тайга как сто морей. Зато
Морошка дрожью золотой
Морочит странника. Зато
Так полны нежности корявой¹
Рукопожатья медвежат.
Зато легко косые санки
Скользят с раскосым ездоком
И в синь олень от гор гранитных
До ледяных плавучих гор
Звенит копытцем слюдяным.
Зато смугла и черноока,
Как ханша из алтайской сказки,
Моя любовь, моя судьба.
Я ухожу на юг. Прощай,
Суровый север мой! Прощай,
Моя раскосая любовь!

23 августа 1934

Стихотворения

201

1
1
1

.....
¹ Рукой Грузинова: «Вариант: Так тёплы нежностью корявой».

* * *

Друзья, о где же, где же вы?
Я изнемог наедине
С собой – во мгле противоречий
Отяжелевшей головы.
«Иных уж нет, а те далече» –
Осенний ветер шепчет мне.

Смолкает ветер. Всюду тишь.
Лишь в голове шумит как в роще –
Багрец и золото полощут
Осины, зыбля синеву.
Минувших дней не возвратишь,
Напрасно юность вновь зову.

1934

* * *

Ты мне напоминаешь детство –
Июньский зной и тишину,
И речки солнечную зыбь.
Где грезит окунь полосатый,
Прильнув остекленевшим глазом
К позолотевшему цветку.
Он видит: вот из марев водных,
Из тёмных слюдяных глубин
Плывут чешуйчатые пони,
Плывут крылатые коньки.
Ты мне напоминаешь птицу –
Такой же дымной позолотой
Пушок сияет на головке,
На грудке побледневший шёлк.

И колокольчик из фарфора
Такой же в горлышке твоём.

10 мая 1935

ГАДАНИЕ НА КАРТАХ

Говорит какой-то вздор,
А сама глядит, как птица,
В горы. Месяц серебрится.
Едет рыцарь из-за гор.

Как судьба кренит коня
Великан рукой упрямой,
Держит щит с червонной дамой,
Пику длинную клоня.

Дальний путь, печальный дом
Ведьма дряхлая пророчит.
А из мрака смотрит в очи
Дама с розовым цветком.

И всю ночь томит меня
Тень с цветком моей любимой.
И всю ночь проходят мимо
Тени гор и тень коня.

18 мая 1935

* * *

Я тебя на севере встретил.
Был мороз не меньше сорока.
День стеклянный был высок и светел.
Средь снегов смугла твоя рука.

О, Земфира, ты совсем забыла
Родину далёкую свою...
С детства я священный берег Нила
В сновиденьях смутных узнаю.

И огонь, что сквозь твои ресницы
Мне сиял когда-то до утра,
Тот же, что нисходит и струится
С лёгких крыльев золотого Ра.

Знаю я – с огнём игра плохая.
Мне на миг и родины не жаль, –
Если ночь костром запылывает,
Северным сияньем вспыхивает шаль.

2 декабря 1935

НА РОДИНЕ

Здесь снова золотая мгла
Да Пушкина знакомый томик.
И вот в мучительной истоме
Моя душа изнемогла.

Гул листопада не стихал
В ту знаменательную дату...
Сегодня снова как когда-то
Гул листопада, блеск стиха.

Русь. Пушкин. Осень. Ночь светла.
И на волшебную поляну
И Ярославну, и Татьяну
Выводит золотая мгла.

1935

* * *

В мартовскую снеговую замять
Между льдин кружащихся плыву.
Девочка с зелёными глазами
Снится мне сегодня наяву.

Потому ль, что с прозеленью льдины,
Потому ль... Кто может мне сказать –
Почему, пусть лишь на миг единый,
Засветились странные глаза.

Странный. Я их любил когда-то.
Я с трудом припоминаю – где
Видел их. Распутывая даты,
Путаюсь у Вия в бороде.

Помню – рожь зелёная, как море,
И глаза горят. Но, может быть,
Это позже. Раньше были зори
В омуте. Зелёные столбы

Под водой. И мельница шумливо
Поворачивает колесо.
Мельница. Поникнувшая ива.
Девочка с русалочьей косой.

7 мая 1938

* * *

Над зыбью водной зыбь ветвей.
И плеск весла, и звон гитары.
Качаясь, дремлют неньюфары
Поёт вечерний соловей.

Судьбе Офелии узнать
Над глубиной склонилась ива.
А глубина не говорлива,
А в глубине голубизна.

В тени поникнувших ветвей
Нежнее звон моей гитары, –
Чтоб не проснулись неньюфары,
Чтоб не умолкнул соловей.

9 июня 1938

206

Иван Грузинов

СИБИРЬ

Я вспоминаю. Грусть и мрак
Души меня сопровождали
В астрономические дали,
Где смертью храбрых пал Ермак,

Где неоглядная тайга,
Где реки широки и долги –
Пять-шесть из них как сёстры Волге –
Где непомерные снега

Лучам весенним одолеть
Не удаётся, где олений
Маршрут от северных селений
До гор плавучих, где медведь

Слывёт хозяином, где рысь
Таится под ветвями кедра,
Где, пачкая земные недра,
Льёт пот над золотом корысть.

Где изобилие слюды,
Где зимний холод так неистов,
Где пребывания декабристов
До наших дней видны следы...

Я жил в глуши. На берегу
Великой Лены. И соседи
Мне были лоси да медведи.
В окошко видел я тайгу

И синие вершины гор.
А люди? В первые полгода
Житья сибирского природа
Меня влекла. Наперекор

Всему и всем я совершал
Прогулки дальние. В июле
Тайга таинственна и в гуле
И в тишине: то плеск у скал,

Морских волов, то дикий вой
Толпы (на Лобном месте плаха,
Топор в лучах блестит) то Баха
Органный орус. Ни живой

Души. Вдруг тишь в тайге: листок
Не дрогнет, капелька не канет
С цветка – как будто здесь века нет
Движенья. Август. Близок срок

Поры ущерба. Желтизной
И здесь и он не загорится
Тайга. Ты скажешь: то жар-птицы
Крылами плещут. Тихий зной.

Листвы ущербной несравним
Ни с чем на карликовых кронах
Деревьев севера: на склонах
Холмов горит над нимбом нимб.

Дней листопада, чёрных дней,
Описывать совсем не стоит.
Соображение здесь простое:
Жизнь наша так светла, что в ней

Преступно чёрных лишь чернил
В большом количестве. К тому же
(Я не о всяком давнем муже):
Тот чёрен сам, кто жизнь чернил.

Ох, грязновато в ноябре!
По горбылям, минуя слякоть,
Зайдём ко мне, чтоб покалякать
В моей убогой конуре.

10 июля 1938

ИВАН-ДА-МАРЬЯ

Иван да Марья – я да ты,
Моя наивная подруга, –
Уходим вглубь ночного луга,
Срывая в сумраке цветы.

Чуть брезжит утро – и живей
В букетах жёлтый и лиловый.
Встаёт заря, лишая слова.
Лишает слова соловей?

И мы безмолвны и одни.
И в травах вешних всюду, всюду
Иван-да-Марья. Я ль забуду
Незабываемые дни!

Так было в юности. И вот –
Ты, близкая моя, далече.
Не считаешь – с последней встречи
Который протекает год.

Уж ты давно жена и мать,
Твой муж почти совсем хороший.
Что он как каменная ноша –
Ты разучилась понимать.

Седая осень. Глушь и мгла.
Бреду один увядшим лугом.
В мечтах мирюсь с твоим супругом.
А жизнь проходит. Жизнь прошла.

15 декабря 1938

ДЮМАНШ

Ветер ночной не умолк.
Он пролетел на большое кладбище.
В поле заснеженном ропщет и свищет
Бархат чёрный и белый шёлк –

Женские ноги. Брильянты горят
В серьгах тяжёлых. Луна золотая
Ярче безумья. И, каркая, стая
Воронов, как мародёрский отряд,

Завтра на мёртвую сядет. И вот –
Раньше, чем птицы поднялись с ночлега,
В утреннем мраке, сугробами снега
Делают сани крутой поворот

С торной дороги. И что здесь синей –
Нежный атлас женской шапочки или
Утренний иней! В сугробе застыли
Сани. И пристав слезает с саней.

Пристав в рассеянье глянул на труп.
Неторопливо портфель открывая,
Смотрит – куда повернула кривая
Чьих-то широких полозьев. К утру

След замело. Замело не совсем.
«Ну-с. Не пора ль приступить к протоколу!
Случай отчаянный. Случай тяжёлый».
Пристав часы вынимает: семь.

«Сухово... как её... в справках видней...
Да. Содержанка Дюманш... На заметку
Взято зелёное, в крупную клетку
Платьице. Тэк-с. До ненастливых дней

Дожили мы, мадамзель. А давно ль
Мчались, на зависть и бедным, и слабым,
С милым на тройке по снежным ухабам!
Милый твой – туз. И солидную роль

В жизни московской... А только ли с ним
Ночи без сна коротала. Уж кочет
Хрипло горланит. И щётку щекочет
Холёный ус богача. Поясим

Это в докладе потом».

Повернуть
Навзничь приказано мёртвое тело
Двум полицейским. Изрядно хрустело
При повороте крутом. Это – грудь

К льдинкам кровавым примёрзла. И кровь
Стала сочиться из горла и капать.
Свой отпечаток оставил лапоть
Там, где примёрзла грудь.

– Э! да вновь

Ты о прекрасном (приятеля речь).
Вместо баллады ты лучше б составил
О прекрасном полдюжины правил:
Как на учёт принимать, как беречь.

18 июня 1939

ДВОЕ В ЗЕЛЁНОМ

Лето уже на исходе.
Лёгкий.
Летящий.
Прозрачный.
Весь в осколках из радуг день.
Кажется: день не имеет начала.
Кажется: дню не будет конца.
Кажется: день – без конца и начала –
Будет сиять, сиять и сиять.

Двое в плащах зелёных
Полям зелёным идут ко мне.
Кто они? кто?
Не знаю.
Пусть подойдут.
Пойму.

Скоро ли? скоро ли?
В сердце тревога.
Двое в зелёном идут – не идут.
Вот –
они на пригорке песчаном.
Вот –
спустились в зыбучий овраг.
Вот –
у канавы.
Опять на пригорке.
Я, затаив дыханье, жду.

Долго жду.
Напрасно.
Двое в зелёном на месте стоят.
Ждать их к себе –
Безумье поэта.
Двинуть их с места –

Мечта Дон Кихота.
В изнеможенье ложусь в траву.

Долго молча смотрю на зелёных.
Думаю:
Может быть, вы и придёте ко мне.
Только не скоро, не скоро придёте.
Двигаясь с запада,
Медленно.
Так, как растёт трава.

Да. Вы придёте ко мне с востока,
двое в зелёном,
чтобы закрыть мне зелёным глаза.
Только тогда я пойму вполне –
кто вы,
двое в зелёном,
кто и зачем приходили.

Может быть,
вы
как два великана
будете вместе стоять на страже
у зелёной могилы моей.

Ветер будет, играя, вздымать
ваши цветные плащи.
И тогда
под плащами
внезапно заблещут,
как снег на вершинах гор,
боевые ваши доспехи.
А под лучами палящего солнца
вы приподнимите
ваши широкие блеклые шляпы,
чтобы приветствовать
всех,
кто к могиле моей подойдёт.

Огненный.
Призрачный.
Весь в золотинках
из радуг
день.
И без меня
(Я не плачу
сегодня
о смерти моей),
и без меня
этот день
будет во веки
сиять, сиять и сиять.

1939

214

«МАРИЯ ВЕЧЕРНЯЯ»

Тишина и свет золотой.
Здесь,
где-то близко,
вершины гор.
Я их не вижу.
Я верю –
они существуют.
Я верю и глубже, и ярче,
чем если б их видел
своими глазами.

Все имена окрестных гор
мне знакомы,
как имена любимых.
Самая близкая –
вот –
рядом со мною.

Имя её –
Мария Вечерняя.

Не двигаться.
Не говорить.
Не дышать.
Пальцем о палец ударишь,
ступишь шаг –
и мгновенно
страшный обвал.

Этот мир возник в молчанье.
Без слова он существует.
Здесь слово как взрыв.
Как выстрел.
Скажешь –
и рухнут вершины гор.

Тишина и свет золотой.
Мир так прозрачен,
что он от дыхания тихого
вмиг потускнеет,
как зеркало.
Помните вы –
как подносят
к бледным устам больного
зеркало?
Если оно отуманится,
жизнь, дорогая, теплится
в испепелённой груди человека.
Если останется чистым,
душа человека
угасла.

Если дышать,
туманом наполнится
этот тончайший и призрачный мир.

Туман загустеет,
и во мраке
призрачный мир
безвозвратно погибнет.

Иль дыши –
и живи в непроглядном мраке.
Иль не дыши –
да сияет небесный свет.

1939

* * *

Мне не спится. Ах, о чём тревога!
Час ли близок роковой?
Растворил окно. Вдали дорога.
На дороге никого.

Синь-туман в осеннем чистом поле¹.
Заслонил туман зарю.
Я, в окошко глядя, против воли
С дальним другом говорю.

Собираюсь к другу в гости ехать.
Только где же, где он жил?
Я зову его – и вторит эхо.
Сквозь туман – ряды могил.

Вещий ворон каркает в тумане.
Что ж я слушаю его!
Он в тупик безвыходный заманит
Этой песней роковой!

1939

.....
¹ Рукой Грузинова: «Вариант пятой строки: “Стелется туман в весеннем поле”».

* * *

Я не знал, что такие бывают сны.
Пламя зарев перестало трепетать.
Под землёю захрустели костяные
Коготки оторопелого крота.

Я не знал, что такие... Но кто же знал?
Кто же? Кто тайны мира повинен знать?
Я взгляделся. Во мгле зияет провал.
За провалом вздымается крутизна.

Странный день. Этот день вечер с утра:
Будто тень великана мела плащом
Тучи пепла. Повсюду следы утрат.
И за тысячью трещин провал ещё.

Под хладеющим пеплом растёртый мел.
Не цветут цветы. Не поёт вода.
Этот мир навсегда отшумел.
Этот мир отцвёл навсегда.

Никого впереди. Никого за мной.
Никого. Только камни сползают в ров.
Мёртвый мир. Это – бывший наш мир земной?
Это новый – один из иных миров?

Я не знал, что такие бывают сны.
Пламя зарев перестало трепетать.
Под камнями не хрустели костяные
Коготки подслеповатого крота.

1939

* * *

Перестаю различать —¹
Эти лучи холодны, иль теплы.
Ночь. На столе оплывает свеча.
Чувств несказанных наплыв.

Я и свеча. Меж свечой и мной
Хлеб и вино. Из скрестившихся рук —
Знак приглашенья. И тенью ночной
Третий предстанет на светлом пиру.

Я и свеча. За сияньем свечи
Третий. Внимая мольбе и хвале.
Он, затмевая земные лучи,
Благословляет вино и хлеб.

23 января 1941

218

Иван Грузинов

.....
¹ Третья строка зачёркнута. В оригинале так: «Жёлтый туман. Оплывает свеча». Стихотворение написано на программке концерта, состоявшегося в ЦАГИ 1 февраля 1941-го года. Среди артистов: Еланская К.Н., Массальский В.П., Батулин А.И., Кругликова Е.А. Анна Редель и Михаил Хрусталёв, Каминский С.В. и др.

ИМАЖИНИЗМА
ОСНОВНОЕ

1921

Основа литературной школы, как и всякого направления в искусстве, принцип формальный: определенный творческий метод. Принцип тематического объединения – сельская поэзия, урбанизм, пролетарская поэзия – случайный второстепенный элемент литературной школы, так как, прежде всего, поэт есть мастер.

Для поэта, как и для всякого мастера, прагматически существует только форма. Дело воспринимающего находить содержание в произведении искусства...

Методом имажинизма в поэзии является композиция образов, фоном для которой служит творческая интуиция, творческий инстинкт мастера.

Важно не одно только количество нагроможденных в беспорядке образов, как это часто бывает у наших многочисленных последователей и подражателей. В произведениях наших вместо механической смеси образов – их химическое соединение, некий организованный сплав.

Для иллюстрации один пример из химии. Формула сернистой кислоты H_2SO_3 . Прибавьте один атом кислорода, получится H_2SO_4 – формула серной кислоты. Как видите, только от одного лишнего атома кислорода получилась серная кислота, тело, обладающее иными качествами, чем сернистая кислота. Итак: количество при известных условиях переходит в качество.

Нечто подобное наблюдается и в области поэзии. Стихи А. Пушкина, стихи символистов или футуристов построены как ряд силлогизмов, как рассуждение или повествование с определенной фабулой. Случайное присутствие нескольких образов в стихотворении не изменяет основы его. Основа, представляющая из себя логическую цепь или развитие определенной фабулы, совершенно иная, чем в имажинистической поэзии.

Итак: имажинизм – явление новое по существу.

Поэзия имажинистов по своей форме близка к некоторым новейшим частушкам русским и татарским. Сходство заключается в том, что ряд впечатлений внешнего мира и ряд внутренних переживаний фик-

сируется слагателем частушки без всякой логической связи. Эти разрозненные лепестки и клочья листьев объединяет определенное лирическое волнение поэта, вовлекая их в сферу свою.

Иллюстрирую татарскими частушками:

Отвори в ездз ворота,
Чтобы солнце охватило цветы.
Глазами смотрю на всех,
А сердце видит тебя одного.

Или:

В чугунном котле
Варится наша пища.
Птице не залететь туда,
Где побывает солдатская голова.

Как видите, здесь тот же алогизм, как и в поэзии имажинистов.

Кроме того, поэзия имажинистов насыщена до предела образами, в частушках такой насыщенности не наблюдается.

Основное в поэзии – композиция образов. Весь прочий материал поэзии – эвфонию, ритм – мы считаем второстепенным, подчиненным композиции образов.

Естественно, мы отвергаем существующий метр и ритм...

Ритм должен выявлять соответствие и взаимоотношение образов.

Определенная, в течение многих столетий сложившаяся строфика не только не обязательна, но убийственна для поэта. Для каждого произведения следует найти особое, свойственное духу данного произведения строфическое настроение.

Произведение, созданное в тех строфических формах, какие поэт изобрел для данного словесного организма, живой цветок Произведение в форме сонета или рондо – цветок гербаризированный.

Едва заметное музыкальное касание одного слова о другое дает воспринимающему больше, чем фанфары старых точных рифм.

Особым покровительством имажинистов пользовались до сих пор рифмы составные и обратные, рифмы и ассонансы на разноударные слова.

Значительное внимание уделяется также амебам, которыми изобилуют наши стихи. Из существенных свойств современной поэзии с неизбежностью вытекает смерть глагола: поэзия образна, глагол безличен, поэтому глаголу нечего делать. Иногда в конструкции фразы глагол отсутствует, и вы чувствуете только аромат отсутствующего глагола. Или ощущаете привкус глагола, которого не существует в языке, который следует еще изобрести.

Есть уже несколько произведений, написанных без единого глагола. Глагол у имажинистов в роли жалкого приживальщика: если он присутствует, его почти не замечают. Отсутствует – о нем мало беспокоятся. И только иногда, в хорошем расположении духа, считают нужным снизойти до него...

В имажинизме природа лирики совершенно изменилась. Лирика утратила старую форму: песенный лад и музыкальность.

Лирическое волнение, как текучая лава по выходе из вулкана – души поэта, застывает: рождается образ.

Появился новый вид поэзии – некий синтез лирического и эпического.

Чистая лирика, как понимали ее раньше, умерла. Эпос давно умер. Кризис драмы окончился ее смертью.

Жива только лирика. Есть только новая форма лирики. Эпос и драма, если они хотят жить; должны найти новые формы.

Мы предвидим в общих чертах те формы, какие примет новый эпос и драма.

Эпос следует вбросить в прозу. Причем в прозе главное – это развитие фабулы сложной и многообразной. В прозе характер события или героя выявляется

в процессе головокружительной кинематографической смены фактов...

В драме слово должно играть второстепенную, чисто служебную роль. Следует дискредитировать торжество литературы в театре, слово подчинить свободному жесту актера...

Отдаленный источник формы подлинного драматического искусства: русская народная драма и *commedia dell'arte*.

Вещи, чуждые друг другу, вещи, находящиеся в различных планах бытия, поэт соединяет, одновременно приписывая им одно действие, одно движение. Рождается многоликая химера.

Отвлеченное понятие облекает в плоть и кровь: выявляется образ нового существа, которое предстает, как видение, как галлюцинация осязания. Преследует вас, как «безумья пес».

Поэт – и жизнедатель, и убийца: он сам выбирает или тот, или другой путь.

Мечтой художника химеры взнесены на высоту. И в тишине, и в холоде безлюдья они окаменели.

Мы, имажинисты, сбросили с высоты каменных химер, и вот они в дневном свете корчатся на городской площади, удивляя и шокируя зевающую толпу...

Вещи мира мы принимаем только как материал для творчества. Вещи мира поэт пронизывает творческой волей своей, преобразует их или создает новые миры, которые текут по указанным им орбитам.

Поистине имажинизм есть совлечение покровов со слова и тайны.

И то, что обычно мыслится как призрачное, мистическое, потустороннее – в имажинистической поэзии освещено светом единого мира, напоено «животной неизреченностью»...

Все чувства наши обострены до крайних пределов и смешаны. Одно чувство переходит в другое: возникают какие-то новые возможности восприятия, иная сфера переживаний.

Так, у С. Есенина ощущение солнечного света переходит в осязание:

Ныне
Солнце, как кошка,
С небесной вербы
Лапкою золотою
Трогает мои волоса.

У А. Кусикова изощренное восприятие уходящего дня:

На цыпочках день уходит,
Шепелявит листва в зарю.

Или восприятие ветра:

Дрогнет и стучится мне в окно котенок –
Предосенний ветер – с перебитой лапкою.

А Мариенгоф на слух воспринимает городскую темь:

Медленно с окраин ночь –
Дребезжащий черный фиакр.

У В. Шершеневича восприятие ландшафта на вкус:

Как сбежавший от няни детеныш – мой глаз
Жрет простор и зеленую карамель почек.

У И. Грузинова – касание света и звука как двух родственных стихий, проникновение одной стихии в другую:

Росы шафранной пелена.
И замирает потный день.
Дебелой жницею луна
Глядит сквозь щели шалаша.
Покорны бытию ночному
Померкли окна деревень.

Лишь писк промокших лягушат
Шевелит лунную солому.

Имажинизм – поэзия космическая. Ощущение космического нудит и повелительно требует установить отношение к самой отдаленнейшей из звезд, установить отношение к самому отдаленнейшему болиду, блуждающему в небесных полях...

Осознаю себя как звено, соединяющее прошедшее с будущим, как зерно, прорастающее из земной почвы настоящего в небо будущего.

Мною эстетически изжит Город хамов и мещан.

Я не могу эстетически оправдать тот Город, перед которым преклоняются Верхарн, Уитмен или Мари-нетти.

Я, современный поэт, одержим соблазном ока, тем соблазном ока, о котором говорил Учитель и, на исходе второго тысячелетия, Уолтер Патер.

Для моего изошренного зрения невыносима дикая смесь красок и линий современного Города.

Этот лупанарий красок и линий следует подчинить воле художника и поэта.

Канаты из бурой копоты и дыма, канаты, за которые подвешены к облакам фабрики и заводы, следует рассеять колоссальными веерами цвета небесного шелка.

Но не о тишине афинской говорю я, не о тишине древней Эллады говорю я. Античное, христианское, западное узко мне.

Мы, имажинисты, зачинатели новой эпохи в искусстве и жизни, мы вестники духовной революции, вестники небывалого цветения душевно-духовных сил человека, человека как цельной творческой личности.

Мы такие же вольные и великолепные, истонченные и разбойные, как деятели эпохи Возрождения – Луиджи Пульчи, Пьетро Аретино, Бенвенуто Челлини.

Мы исходная точка наступающего Ренессанса.

1920

КРИТИКА.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

1922—1927

КРИТИКА

БОРИС ПАСТЕРНАК «СЕСТРА МОЯ ЖИЗНЬ»
(М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРЖЕБИНА, 1922)

*(Гостиница для путешествующих
в прекрасном. — 1922. — № 1)*

Книга посвящается Лермонтову: м.б. это замаскированное желание автора иметь своим предком и учителем Лермонтова. Но дальше, в тексте и эпиграфах, перечисляются знатные иностранцы и русские: Ленау, Байрон, По, Киплинг, Верлен, Керенский, Бетховен, Гоголь, Ватто. Автору, по-видимому, приятно быть на короткую ногу с великими. Литературные героини всех времен и народов, как при «выборе невесты»: Офелия, Дездемона, древнегреческая Елена, Изольда, Тамара и, кажется, Маргарита. Как «из сладких шапок изобилия» «до брезгу» «нахлынь» «захолоди» Тристанов, Фаустов, Гамлетов, Демонов, Гераклов и прочей «правды вечной кумиров». Географию Пастернак тоже очень любит: Кавказ, Ганг, Дарьял, Сен-Готард, Балашов, Тиволи, Клязьма, Иматра, Хопер, Романовна, Мучкап Ржакс, Керчь, Киев, Воробьевы горы, Камышин, Шелонь, Анды, Троя, Спарта, Ягайло, Ядвига (здесь история), Москва, Петербург упоминался в предыдущей книге; в следующей вероятно будет Урал, Суматра, Ява, Борнео и Гоби или Шамо. Часто собственные имена вклеены в строчку, как долженствующие быть эффектными концевыми созвучьями: сипли-Киплинг, ранга-Гангу, со льду-Изольды, Бетховена-любовь оно, смычка-Мучкап, Ракочит-вскочит. Подобно тому, как у Маяковского: Мечников-подсвечники. Нередки южнорусские обороты речи:

Как седеет Кавказ за печалью.

Некоторым актерам и поэтессам понравятся такие фразы:

Рядком сквозных, красивых
Трепещущих курсивов

или:

И песнь небес: «твоя, твоя».

А также: «жемчужную шутку Ватто» и т. п. Впрочем, это «развлечения любимой», – «песни в письмах, чтобы не скучала». Однообразная строфика – длинный ряд четверостиший – утомляет. Звукопись, скопление одинаковых согласных: эти музыкальные футуристические «шлепанцы» «валандаются» на многих страницах:

на пари
Порыв паров пути.

Еще:

В волчках волочась за чулками

И еще:

Душа-Душна и цроч.

Маяковский, идущий от Курочкина и Минаева, «разлагается» в газете, как огромный и жирный официант. Рецензируемая книга Пастернака воспринимается нами, как нечто производное, как журнальная статья; правда, статья хорошего тона.

*(Гостиница для путешественников
в прекрасном. — 1923. — № 2)*

С детства И. Аксенов мечтает о медицине. Как раньше — в «Пикассо и окрестности», так и теперь в «Беспорядке дня» И. Аксенов снова и снова, с необычайным упрямством, смешивает искусство с медициной. Он говорит о том, что «стойкие и прочные модели чувств» будут готовиться по особым рецептам для пациентов, которые неизлечимо больны. По его мнению: «полезное действие данной модели — утилитарность произведения искусства». Пациенты: всё «преступное сообщество именуемое человечеством». Готовьте рецепты, варите микстуру! Приехали. Душит навязчивая идея: весь земной шар покрыт сетью врачебных пунктов, и на каждом пункте сидят фельдшера, бородачи у них лопатой, пишут и пишут прозорецепты и драморецепты, разливают в пузырьки с особыми ярлычками жидкую, с запахом хлороформа, стихомикстуру. Все, что угодно, только пусть не снится такая безлепца. Пусть лучше опять манекены, изготавливаемые старьевщиком Маринетти.

С. Бобров и в прозе и в стихах — замечтавшаяся гиря.

Прочие участники сборника сплошная бледная немочь. Переведенные немцы и французы недоброкачественны; зачем же брать плохие образцы у иноземцев, ежели есть хорошие. Из молодых парнасцев следует отметить романтического, как белокурая Гретхен, Б. Лапина и весьма пастерначных В. Ковалевского и Н. Бенар.

*(Гостиница для путешественников
в прекрасном. – 1923. – № 2)*

Подкрашенная вывеска: контрагентство муз, новая программа, исполняем заказы, вещи высокой квалификации, плакаты РОСТА, газетный фельетон, обучаем политграмоте.

Плакали пролетарские денежки: ни вещей высокой квалификации, ни доброкачественных агиток. В данном случае место Маяковского и ему подобных могли бы с успехом занять Арго и Адуев: по крайней мере, они прекрасные смехачи: им бы и субсидии в руки.

Начнем с исключения: «Уструг Разина» одна из лучших пьес Велимира Хлебникова и самая лучшая в журнале. Контрагенты не только не умеют сами писать художественных вещей, но весьма слабо разбираются в вопросах искусства, если предположить, что ими не руководят другие цели: они заявляют, что «Уструг Разина» – «достиженье максимальной выразительности разговорным языком чистым от всякой бывшей поэтичности». Можно ли сказать нелепее о таком определенном архаике, каким был покойный Хлебников. Оговариваюсь, я вовсе не защищаю хлебниковские архаизмы, я только указываю на искажение факта. Прочтите «Уструг», в одном этом стихотворении добрый десяток слов седоволосой древности и неологизмов, построенных по образцу старинных слов: лик, тать, дева, очи, пучина, жертва, чаять, воин, мева, мосы и т.п.

Несчастный Хлебников: кладбищенские разбойники решили безнаказанно воспользоваться сокровищами беззащитного мертвеца.

Н. Асеев вслед за Маринетти атакует звезды. Впрочем, у многих есть эта дурная привычка. Однообразная и резко подчеркнутая так называемая поэтическая этимология (плохой термин) Асеева для глухонемых. Ар-

шином в глотку, щеткой сапожной по ушам: так ток, тишь дрожь, жар жил, стекало в стекальной, пропели пропеллеры, пыльной пулей, по Лиле палили. Лиля и прочая обстановка – взято на прокат. Стоит ли пользоваться такими безвкусными вещами. Пора Асееву усмехнуться над собой, пора прочистить уши; в ушах у него пробки десятилетнего возраста.

Язык Пастернака выветрившийся интеллигентский жаргон. С. Третьяков, живший где-нибудь в тихом губернском городке, только и мечтает об урбанизме. Во что бы то ни стало – подавай ему московскую железную америку, небоскребы в лимон этажей, дремучий бор отвратителен для него, ужасную ненависть питает он ко всему деревенски крепкозодому. И прекрасно. Но да будет известно этому футуристическому Манилову, кушающему мясо и не знающему на каком дереве растут коровы (изготовление животных лабораторным путем по утверждению некоторых возможно только в 30 столетии), да будет известно ему, что современная деревня страстно ждет машин, в песнях молится о них. И вообще, в полях Третьяков плохо ориентируется, но на свое несчастье очень любит там маршировать: «первая шеренга и патруль» прут у него степной дорогой. Необходимо подчитать устав полевой службы, не мешало бы знать и устав дисциплинарный. Подобные марши, конечно, «взрываются перокселиновой шашкой в желудке потребителя».

Стыдно бросить камень в Каменского. Он такой милый, такой дубоватый, такой берложий. Пусть звучит. Пусть небеснится. Тро-о-гательный. Воздушный, поцелуй на эстраду: Василью Васильевичу. Он артистически свистит. Стихи делает так. Берет самую, что ни на есть простую русскую азбуку, выписывает в полном поэтическом беспорядке согласные, изредка разбавляет гласными. Иногда вписывает чью-нибудь фамилию: посвящение. В лесной глуши медведь зеленом о полено: «Ббах и ашрр. И шшай-шам-м-шш-и».

А. Крученых тоже очаровательно свистит, кроме того, он бесподобно икает и глотает при этом монеты.

}

}

}

Его «траурный Рур и Рур радостный» ни чем не отличаются друг от друга. «Мороженица богов» удачнее. Она изготовлена так же, как его «рококезый рококуй», голубые юйца и сладкий наслаждец».

«Про это»: Маяковский. «За газетиной взвейся газетина». «Горланю стихи мирозданию в шум»

В который раз, и к стати и некстати: барабанит, гудит, гремит, бабахает, грохочет, трубадурит. Малограмотная халтура. «С каждого маузера и браунинга за зарядом заряд» и «ползут с под шкафа чтецы почитатели». Откуда? с Одессы ползут? «Солнце блестит горы», «слухом в ухо»: так не говорят даже в Одессе. В конце длинной поэмы Дорошевича сменяет Уитмен с его пресными пророческими жестами. «Четырежды со-старюсь – четырежды омоложенный до гроба добратся чтоб. Где б ни умер умру-поя». Граждане, не только вам, но и вашим детям и внукам угрожают искалечить уши. Тихий ужас: Маяковский желает воскреснуть в ХХХ веке: «Позовите! пригодится шутка дурья». Владимир Владимыч, пощадите.

О. Брик в первый раз выступает как практик, как производственник. И видно стало: напрасно он так долго служил в Эккерманах у Маяковского. Брик способнее Маяковского. «Не попутчица» недурно скроена. «Не попутчицей» намечен несколько иной формальный путь для бульварной прозы.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Пушкин и мы

*(Гостиница для путешествующих
в прекрасном. — 1924. — № 3)*

1

О судьбе русского языка Пушкин говорит, что в XI веке древний греческий язык открыл ему свой лексикон, даровал законы обдуманной грамматики; усыновил его, избавя от медленных усовершенствований времени. По этой причине произошло разделение книжного языка и простонародного наречия; «но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей». (О предисловии Лемонте).

Имажинизм есть революция в словесности, которую можно рассматривать как сближение книжного языка с простонародным наречием. Мы вовсе не хотим сказать, что сближение книжного языка с простонародным наречием производим впервые: можно было бы вспомнить целый ряд сдвигов на всем протяжении истории русской литературы.

В данном случае, когда имеем в виду имажинистическую поэзию, нас больше всего занимает самый характер двух вышеуказанных элементов; элементы, вошедшие в состав новой стихии, и та линия, по которой движется и должна направлять свое движение в дальнейшем эта вновь образовавшаяся стихия.

Чтобы судить о силе и величине размаха, который делаем, сбрасывая книжный язык и общепринятый стиль, — нужно иметь в виду, что вся русская поэзия

за ее двухсотлетнюю историю не имеет периода или хотя бы одного пункта, на котором мы могли бы благо-склонно остановить взоры; нет ни одного литературно-го движения или литератора, практике которого счита-ли бы нужным следовать; подобную позицию заняли и по отношению к иноземной поэзии.

Как это ни странно покажется с первого взгляда, – ближе всего нам древнерусский книжный язык, сло-весность докантемировской эпохи.

Готовы вернуться к истокам: пленительна эта вели-чавость, велеречивость, недвижная торжественность «Слова о полку», язык летописей, Прологов и Патери-ков.

В то же время ни на минуту не допускаем и мыс-ли о стилизации; просто-напросто: это свойственный нам язык. Он незаменим, если нужно выразить траги-ческую торжественность наших дней.

Из многочисленных примеров берем три отрывка:

Мариенгоф

Город – асфальтовый колокол –
О чем люто
В ночи гудишь?

Грузинов

Жнецов ли, птиц ли голоса,
С обмерших трав, иссохших нив?
О холодный путь! О ветр забвенья!

Есенин

Се изб древенчатый живот
Трясет стальная лихорадка!

Не знаем, откуда подобное у Мариенгофа? А может быть, со стороны-то ему виднее и слышнее: о чем люто в ночи. Не веет ли от Мариенгофа киевопечерским Па-

териком, от Есенина «Словом о полку», от Грузинова XVIII веком?

2

Творческая практика каждого имажиниста в отдельности есть стихия, слагающаяся из двух элементов – книжный язык и просторечье. Каждого имажиниста можно определять по степени преобладания первого или второго элемента в его творчестве. Расположим их по степени приближения к просторечью: Ивнев, Шершеневич, Эрдман, Мариенгоф, Грузинов, Есенин.

Ивнев представляет один из полюсов имажинизма; Есенин – противоположный полюс. Вот почему оба полюса обладают центробежной силой: у Ивнева стремление к побегу в море эклектической литературы; Есенин обнаруживает порывы к родимому хаосу, к воображаемым лаптям; и снова возвращается к работе над ковкой форм новейшей поэзии, потому что родимый хаос – лишь материал искусства.

3

Простонародное наречие слагается: провинциализмы, источник которых в общем известен; ходячая фраза; жаргон некоторых национальных группировок; жаргон социальных групп – условный воровской язык (блатной) и проч.

Жаргону национальных группировок вряд ли стоит уделять внимание.

Источник ходячего выражения проследить трудно, а иногда и совершенно невозможно. Следует отметить, что Пушкина занимала подобная мысль: он делал опыты по отысканию первоисточника ходячих фраз и отдельных слов (Материалы). Несомненно, что разрешение подобных вопросов – область специальных научных исследований.

Древнерусские слова и обороты, а также и некоторые славянизмы, в большом количестве сохранились в разговорной речи; до сих пор они составляют также стилистическую красу и гордость канцелярских бумаг, деловой переписки и писем; с некоторыми изменениями, но иногда и без оных вошли они в словесные формулы, которыми сопровождаются те или иные обряды, обычаи, церемонии; сохранились они и как наименования предметов быта: Здрав буди, здравица, здравие же и долгоденствие, здравия же лаем, наркомздрав.

В заметке об этикете: «Мы всякий день подписываемся покорнейшими слугами – и, кажется, никто из этого еще не заключал, чтоб мы просились в камердинеры».

Вследствие «насильственных потрясений политических», произошли «великие перемены». Вряд ли кто ныне подписывается покорнейшими слугами; камердинеров нет и в помине; ежели извозчик и теперь еще барин о м величает седока, то из этого никто не делает вывода, что извозчик мнит себя Гоголевским Селифаном.

В новейшей поэзии старинные словесные формулы этикета и обрядности используются как материал для пародии, как фигура, именуемая иронией.

Фраза Есенина:

Сие есть самая великая исповедь
Которой исповедуется хулиган

пародирует известную молитву пред причастьем, но с успехом можно ее отнести и к стилю канцелярских бумаг, к обычной форме удостоверения; последняя неизменна, вероятно, в течение нескольких столетий и сохранилась до наших дней: Дано сие.

В письме к Вяземскому, в 1823 г.: в противоположность французскому жеманству и утонченности он «желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность».

Много пудры извела русская поэзия, ибо долго терлась в западно-европейских салонах, перенимая несвойственные ей гримасы, кривлянья, реверансы; как завершение: в начале XX века она вместе с Игорем Северяниным переселилась в парижские парикмахерские и там училась изысканным манерам и галантности.

Футуристы, выступившие одновременно с автором «Ананасов», замутили воду, смешали карты, перепутали стили; в течение десятилетия футуризм определился: по стилю – это большею частью газетный фельетон или лубок, по применению на практике – халтура. Единственное своеобразное исключение: В. Хлебников.

Мы стерли пудру и прочие европейские подмазки с лица России; в увлечении ввели множество слов и оборотов, о которых раньше никто не смел и помыслить, чтобы эти словесные ценности могли иметь хождение на ряду со всеми прочими; совершенно отчетливо показали азиатские черты. Раскаиваться в этом поздно: слово не воробей, вылетит – поймаешь; будущий академический словарь несомненно может получить из наших книг значительное количество доселе незафиксированных слов и оборотов.

Обратите внимание на особое, кощунственное сочетание вышеприведенного отрывка из письма: священное слово служит определением к далеко не священному; с точки зрения художественного приема – это остранение или Мариенгофова «заноза в ладони читательского восприятия».

По так называемому существу – в этой фразе: кощунственные молитвы поэтов Возрождения, веселый монастырь Раблэ, полногрудая Дева Мария, расписывание стен Страстного отрывками из поэм.

Ежели обратимся к стихам имажинистов, то заметим, что кощунственное сочетание слов встречается ежеминутно: «душ белье исподнее», «исповедь хулигана», «молимся матерщиной», «Дева Мария и пергаментная сиська», «развратничает с вдохновением», «звезды и лохани поэм».

Не кричим – долой Пушкина с парохода современности, потому что он, как архитектор развертывающий проекты литературы будущего, современной кочегаров футуризма. Петля набрасывается нами на старую эстетику, религию, мораль.

Чтобы быть вполне последовательным, каждый имажинист должен жениться на монахине; так поступил в свое время Лютер, выразив этим протест: Риму и католицизму. Между нами: Рюрик Ивнев уже сделал предложение игуменье Зачатьевского монастыря.

Слово как ивовый прут: меняет форму от малейшего прикосновения; можно вращать до бесконечности или сгибать в любом направлении; так и поступает В. Хлебников; так возникает сопряжение корней, знаменитые «Смехачи». Сопряжение корней, точнее – Хлебниковское склонение, можно продолжать сколько угодно; единственное ограничение – количество типографских знаков.

Вопреки Хлебникову, – но не из желания одного лишь противоречия, ибо так мы думали бы, если бы Хлебникова не было вовсе, – полагаем, что преимущественное внимание поэта должно быть направлено на сопряжение слов, на построение фразы, на синтаксис.

Мнение наше было бы таким же, если бы не было и Пушкина; но он в этом пункте соприкасается с нами; в заметке о Сильвио Пеллико говорит: «Разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов».

Следующие определения дает Пушкин русскому языку: выразительный, звучный, живописный («живописный способ выражаться»); соглашается с мнением Лемонте, что наш язык первобытен, но способен к усовершенствованию, богат, обилен разнообразными оборотами, и, благодаря исключительному употреблению в русском образованном обществе французского, – сохранил драгоценную свежесть, простоту и чистосердечность выражений; отмечает качества, заимствованные, по его мнению, от древнегреческого – гибкость и правильность.

Если некоторые определения почему-либо пропущены нами, то любознательный читатель отыщет их сам; это даст ему возможность лишний раз провести время с незаменимым собеседником.

С чьей-то легкой руки русские критики нередко применяют эпитет – сочный. Откуда у критиков такая травоядность?

Язык наш так невероятно подвижен и текуч, что любое слово может стать головой, хвостом или хребтом фразы.

Отдельное слово настолько повинуется целому (покорствуется – сказал бы Пушкин), что в наречии северной России слово меняет свое ударение в зависимости от места, которое отводится ему в данной фразе. Такое подчинение части целому, такая «общежительность» многое говорит о характере языка; говорит о необыкновенной податливости, нежности, нетронутости, о вечно-женственных чертах.

Скажут: русский народ молод, язык наш тоже очень молодой; но известно, что Россия живет вторую тысячу лет, и, как это ни странно, сохранила до сих пор девственным свой язык.

Это единственный пункт, который может стать пунктом помешательства, единственный необъяснимый факт, при наблюдении которого готов стать мистиком.

Когда вспоминаешь вечерние разговоры баб у избяной завалинки; говоры едва ли не всей России, кото-

рые удалось услышать в детстве; когда размышляешь, едва ли не галлюцинируя о прекрасных и таинственных чертах русской речи, – готов поверить, что Русь чудесная присно-дева.

Впрочем, в московском наречии есть черты мужественности, зрелости, замечаются признаки затвердения, чувствуется мускулистость и прочный костяк.

На Москву ползут ледники, от времени до времени набегают волны окраинных наречий, и изменяясь сами в соприкосновении с московским говором, они вносят в него значительные изменения. Остаются гранитные глыбы, пласты чернозема, валуны.

7

Отбросив едва ли не всю русскую поэзию, – намеренно умолчали об одном исключении, на котором придется остановиться: поэты XVIII века: Тредиаковский, Ломоносов, Державин; есть некоторое соответствие между имажинизмом (в особенности раннего периода) и русской поэзией XVIII века; объясняется это тем, что мы, как и поэты той эпохи, строим сначала, на голой земле.

Поскольку удалось ознакомиться с учеными трудами В. Тредиаковского, вполне разделяем мнение Пушкина: «его филологические и грамматические изъяснения очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков».

Нельзя не присоединиться к некоторым мыслям профессора элоквенции о сложении российских стихов: «Я хотел бы отвергнуть рифму и от стиха драматических сочинений...». И дальше: «что есть драма? Разговор. Но природно ль есть то собеседование, кое непрестанно оканчивается женскою рифмою, как на горе-море, а мужского, как на увы-вдовы?»

Как автор похвальных, торжественных, приветственных и благодарственных од, эпистол, штурк, сочи-

ненных строфами о разных материях, стихов эпиталамических – ТрEDIAKовский декадент XVIII века. Его высокопарное косноязычие от изысканности. Благодаря манерничанью и жеманству стихи его превращаются в сплошные гипербаты; и нужно цифрами отмечать слова, чтобы придать тому или иному предложению свойственный ему облик; о стремлении ТрEDIAKовского к утонченности говорят стихи похвальные Парижу:

Красное место! Драгой берег Сенски!
Где быть не смеет манер деревенски:

Еще определённой – об одном из своих современников:

Он красотой зовет, что есть языку вред
Или ямщикий вздор, или мужицкой бред

Но стоит поэту снять парик и камзол, как это делает он в сатирических посланиях, – гипербаты исчезают, язык крепнет и приближается к разговорному современному нам языку.

Тоже самое происходит и с Ломоносовым, когда он оставляет высокий стиль оды. Весьма интересны ТрEDIAKовский и Ломоносов в их стихотворных перебранках: они напоминают жрецов, оставивших алтарь и жертвоприношения и вооружившихся метлами.

243

}
}
}

8

Часто оказываемся в положении человека, который открыл бы второй раз бином Ньютона; так Мариенгоф открыл разноударники, открытые 200 лет назад ТрEDIAKовским; у последнего их много, в доказательство три:

1
О! коль доблественна сила
Нашу радость украсила

2
Смутно в воздухе
Ужасно в ухе!

3
Треск в лесу с Перуна.
И темнеет луна

У Мариенгофа еще больше разноударников, ограничимся несколькими:

1
Тот, кто направил дул згу
В испепеленные жаждой рты
Знал, что только к последнему визгу
Склоняется мирт.

2
А те, кто безумней вдвое
(Безумней психиатрической лечебницы)
Приветствовали волчий вой
И воздвигали гробницы.

Справедливость требует небольшой оговорки: разноударники Мариенгофа сложнее: ТрEDIAKовский применял только разноударную рифму; Мариенгоф, кроме элементарных разноударных, применяет разноударные составные и ассонансы; если предположить, что ТрEDIAKовский, декламируя свои стихи, изменял ударения рифмуемых слов, то некоторая доля открытия принадлежит Мариенгофу; во всяком случае: открытие Мариенгофа относится к области дикции; графически: разноударные концевые созвучия ТрEDIAKовского и Мариенгофа по существу ничем не отличаются.

В XVIII веке главенствует одическая высокопарность; современная эстрадная ода в первый период сво-

его существования торжественна, в дальнейшем – полна сарказмов и цинизма; это чудовищно; также чудовищно, как если бы козел пел важные гимны или совершал литургию.

Тогда и теперь, в особенности в раннем имажинизме, пристрастие к гиперболе; при чем следует заметить, что гиперболой называем и бесконечное преувеличение и бесконечное уменьшение, последний вид гиперболы – с отрицательным знаком; многие из приводимых ниже примеров – гипербола и гипербат одновременно:

Третьяковский

Как дождь я словом потеку.
И снидут как роса к цветку.
Мои вещания на долы.

Державин

1
Тот принес ему гром в руки.

2
Облака сжимал рукой.

Есенин

1
За тучи тянется моя рука.
Бурею шумит песнь.

2
До Египта раскорячу ноги.

3
Говорю вам – весь воздух выпью
И кометой вытяну язык.

Грузинов

1
Как блеклую суровую холстину
Подсинькой бабы выкрасили небо

2
И зори розовые мыши
Обнюхивают город труп.

Ломоносов

1
Не Пинд ли под ногами зрю?

2
В крови Молдавски горы тонут

Мариенгоф

1
Только звенеть, только хлопать
Тарелками лун: дзин-бах.

2
Сегодня Страстной монастырь из горла выдавлю.
Завтра кухмистерскую.

Тогда и теперь: огромная неповоротливая строфа; современная строфа, типа дредноута, имеет иногда до двух десятков строк; современная отличается от строфы XVIII века своей асимметричностью.

Тогда и теперь – употребление гипербата при построении предложения:

Третьяковский

1
Красота весны! роза о прекрасна!

2

Отнеле ж все, хвалу от удивленной
Ему души со славою гласят.

Мариенгоф

1

Из городов в серебряных рек вены

2

И опустил в утренних облаков гуд.

Державин

1

Тебя стола вокруг ожидая.

2

В чешуйчатом флот там серебре.

Грузинов

1

Пленной поэта канарейкой
В клетке луна седая.

2

Полярной метель сулемы
На асфальтовую кору.

Есенин

1

Впрягись в земли оглобли.

2

В твой в синих рощах скит.

Ломоносов

1

В долине тишина глубокой.

Наконец: тогда – пристрастие к славянизмам; теперь – пользование древнерусским словарем и отрицательное отношение к славянизмам, которые представляют из себя остатки мертвого болгарского языка: подобие средневековой варварской латыни; славяно-греко-латинское: недаром соединяло тире.

В стихах имажинистов презрение к славянизмам очевидное: часто пародируется с большой иронией славянская фраза.

Некоторые гипербаты имажинистов можно квалифицировать как вводное предложение; последнее отмечается иногда круглыми скобками; краткое вводное нередко заключают в распространенное вводное; в таких случаях мы предложили бы (кроме круглых) пользоваться и квадратными скобками.

248

Все чаще и настойчивей некоторые из имажинистов говорят о романтизме. Что касается меня лично, то прежде всего: не люблю седоволосых терминов: они могут ввести в заблуждение; к старой терминологии следует относиться с большой осторожностью: как к женщине с прошлым.

Пусть читатель не думает, что наступает возврат к туманному мистицизму Новалиса (так обычно его характеризуют), или к грубому и неровному Виктору Гюго (как о нем отзывается Пушкин), или к специфической пленительности Жуковского, или к нестерпимой слащавости Блока, или, наконец, к кому бы то ни было из романтических поэтов, к какой бы то ни было романтической эпохе.

Некий поворот в имажинизме есть результат процесса замкнутого в самом себе, имманентного; есть реакция имажинистов на свое собственное вчера.

Отсылаем читателей к статье о Катенине; суждения великолепного стихотворца о романтизме, о путях поэта, о его независимости – весьма близки нам. Впрочем, нельзя воздержаться от одной цитаты из вышеупомянутой статьи: «Никогда не старался он угождать господствующему вкусу в публике, напротив: шел всегда своим путем, творя для самого себя, что и как ему было угодно. Он даже до того простер свою гордую независимость, что оставлял одну отрасль поэзии, как скоро становилась она модною».

12

Романтизм Блока наследие средневековой феодальной Европы; в русской истории нет и следа подобных традиций. Скажут: у Пушкина есть сцены из рыцарских времен с известной песней бедного рыцаря. Пушкин совершенно объективен в этих сценах, он хрестоматия, сцены даны как хроника. Не угодно ли, цитируем о России: «рыцарство не одушевило чистыми восторгами и благодетельное потрясение, произведенное Крестовыми походами, не отозвалось в нравах» (Записки).

Достоевский весьма осторожен: католическими тенденциями и своеобразной романтичностью он наделяет своих героев: Мышкин.

Если лирическому поэту трудно вменить в вину его образы и тенденции, ибо поэты и врут много – как справедливо заметил бл. Августин, – то романист ни в какой мере не отвечает за своих героев. Ученик Владимира Соловьева, Блок, во многих своих произведениях резко очерченный католик: кто не узнает в его «Прекрасной Даме» матку боску?

Элегичность имажинистов, близкая Державинской, – земная человеческая грусть, без самообольщений и самообмана; без всяких порывов к запредельному:

Есенин

1

Я обманывать себя не стану.

2

Не жалею, не зову, не плачу.

Мариенгоф

Когда ж придет конец (а он придет, увы)

Старушка ель в декабрьском чепце

Нас встретит у погоста

Поклоном белой головы.

Грузинов

Мои ли протекут глаза

Ручьев лесною голубизной?

Волос забрезжут повилики?

Мои ль уста на кровь гвоздики.

А желчь на лютик золотой?

Если нужно во что бы то ни стало дать новое определение поэзии имажинистов, и если можно именовать ее романтической, то только в одном и весьма широком значении этого слова: в ней нет и следа жеманства лже-классицизма, но искренний и свободный ход романтической поэзии: так противопоставлял романтизм лже-классицизму Пушкин.

Октябрь 1923 г.

КОНЬ
(АНАЛИЗ ОБРАЗА)

*(Гостиница для путешественников
в прекрасном. – 1924. – № 4)*

1

Есть вещи, которые становятся туманней и неопределенней, когда о них говорят, и чем больше говорят, тем хуже для вещей; при этом слова – субстанция, силы и прочее – напоминают пыль: подымаясь, застилает небо. Здесь вполне уместна мысль Беркли: «Мы подымаем пыль и потом жалуемся, что не видим».

Вот почему я избираю образ – посредник (image mediatrice) и пользуюсь им как пробным камнем: хочу показать того или иного поэта, не прибегая к обычному разглагольствованию критиков. Отсюда метод сопоставлений, отсюда же – пристрастие к стихотворным цитатам.

Главенствующий образ, эмблема имажинистов – конь. Кобыла, мерин, жеребенок, лошадь, конь, пегас – целое имажинистическое коннозаводство.

В данном случае меня занимает выяснение породы, естественный и неестественный отбор; поэтому хочу дать краткую историю коня в русской поэзии за 8 столетий (по К. Леонтьеву государство живет в среднем 700–1000 лет), начав её с прапращура из «Слова о полку»; закончу имажинистами.

Какая седина, какая темная Русь: «съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчаки, и съ Ревугы, и съ Ольберьо». В этих древних наименованиях есть для нас что-то заумное.

А вот древнерусский имажинизм: «Тѣи бо бес щитовъ съ засапожники кликом плъкы побъждають, звонячи въ прадъдную славу».

Можно бы привести множество подобных примеров; но обратимся к коню.

В «Слове о полку» – боевой: верховой и обозный: *«Крычатъ тълъгы полунощы, рци лебеди роспущени. Комони ржуть за Сулою. Чръна земля подъ копыты. Ступаетъ въ златъ стремень. А всядемъ, братіе, на свои бръзья комони»*.

Багряное знамя, багряная чёлка: *чрълень стягъ, чрълена чолка* – совсем как у имажинистов.

Не угодно ли: уже в «Слове о полку» есть романтическое трио столь горячо любимое Лермонтовым и другими русскими романтиками: всадник, конь, дева: *«И рассушясь стрелами по полю, помчаша красныя дѣвки Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты»*. Можно бы построить трехчленную романтическую формулу¹.

С точки зрения романтика (служение женщине как Прекрасной Даме) несомненно, что умыкаемые входят в формулу с отрицательным знаком. Следует заметить, что все женщины из «Слова о полку» (Ярославна, Глебовна) могли бы войти в романтическую формулу как отрицательная величина.

«Слово о полку» – единственный памятник древнерусского искусства. Русь, поработенная татарами, надолго умолкла; эпоха Возрождения не имела влияния на русскую поэзию; только иконопись Новгорода была некоторым соответствием эпохе Возрождения.

2

Минуя былины, народные сказки и животный эпос, – обращаюсь к поэтам XVIII века; у Тредиаков-

.....
¹ Обозначаю: всадник А, конь В, женщина С; соединяю А+В+С. Получилась формула, характерная для поэтов романтиков. Этой формулой, изменяя иногда коэффициент и знаки, желающие могут пользоваться в дальнейшем. (Примечание И. Грузинова).

ского и Ломоносова – пегас. Лишь изредка эти поэты пользовались «низким штилем» (термин Ломоносова).

Ослепительны у Державина кони революции. Революционный народ изображается Державиным как кони сбросившие возницу:

Из рук возницы возжи рвут...
Разбруенные Буцефалы,
Томясь от жажды, от алчбы,
Через камни, пни, бугры, забрали
Несутся, скачут на дыбы
И, что ни встретят, сокрушают.

Державин, с его Колесницей (1793), оказал исключительное влияние на имажинистов. Пушкинская традиция («Медный Всадник») имажинистами отвергнута. Образ революции – «разбруенные Буцефалы» Державина – снова ожил в поэзии имажинистов; вместе с тем можно наблюдать возвращение к высокому одическому стилю, в особенности в раннем имажинизме.

У Державина: третий член формулы выпадает; остается: всадник и конь.

Державин воспринят имажинистами сначала только чрез звуки трубы; чрез звуки лиры он воспринимается в дальнейшем и это восприятие длится и до сего дня.

3

У Пушкина «мощный властелин судьбы» – представитель абсолютизма:

над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию вздернул на дыбы.

Всадник представлен Пушкиным в виде колоссальнейшего вопросительного знака:

Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?

Один из современных поэтов, отвечая по всей вероятности Пушкину, повествует:

И за мостом летит на меня,
Всадника длань в железной перчатке
И два копыта его коня.

Вопрос, поставленный Пушкиным, решается в наши дни: история, как некий новый, неведомый Пушкину всадник, проносится и мимо «Медного Всадника» и мимо бедного безумца Евгения.

Для родословного конского древа поэты Пушкинской поры – Батюшков, Языков, Баратынский – не имеют большого значения: первого можно представить себе в венецианской гондоле, второй – моряк, третий – отшельник, поникший в раздумье над черепом.

254

4

Чичиков; он же и авантюрист Хлестаков: нет никакого сомнения в том, что он скачет из Петербурга: кони его сродни «Медному Всаднику»: «дружно и разом напрыгли медные груди»...

Обратите внимание: сие чудесное превращение лошадей (лошадь как лошадь) в медногрудую тройку произошло как раз в тот знаменательный миг, когда проснулся дремавший на козлах и немного захмелевший Селифан.

Впрочем, факт даже легкого опьянения Селифана экспертизой ни разу установлен не был; обидные упреки, направляемые по адресу возницы, всецело лежат на совести Чичикова.

Гоголь рассказывает и о пахучести Петрушки; эту дурную манеру – упрекать в пахучести трудящихся – Гоголь, по-видимому, заимствовал у Пушкина. В

1825 году Пушкин пишет Вяземскому по поводу перевода басен Крылова на французский язык: «Я назвал его представителем духа русского народа – не ручаюсь, чтоб он отчасти не вонял. В старину наш народ назывался смерд (см. Историю Карамзина)».

Обвинение в пахучести взаимное: Пушкин обвиняет народ, народ – Пушкина. Чернорабочие по всей вероятности не читали письма Пушкина к Вяземскому, но полагая, что он мог что-либо подобное написать, – проходя мимо памятника иронически бросают:

Полно Пушкин в шляпу бздеть,
Пора на голову надеть.

Пушкин, Гоголь, Простакова ценили Селифана: он знает географию.

Возвращаюсь к тройке: Гоголь, также как и Пушкин, задает вопрос, и сам же отвечает на него: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Русь, куда же несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа».

А рядом: Вяземский на тройке с однозвучным колокольчиком, Кольцов с сивкой на пашне, Полонский – опять с колокольчиком, и в дилижансе Огарев.

255

}
}
}

5

У Жуковского: он, конь, дева. На луне туманный круг. Черный вран. Белоснежный голубок. Он глядит на лунный свет, бледен и унылый. Кони чутко смотрят в темну даль. Милая молчалива и грустна.

Чистейшая романтическая троица; с туманами, навеянными немецким мистицизмом.

У Лермонтова большое количество пьес построено по романтической формуле; иногда изменен коэффициент; знаки, за весьма небольшим исключением, положительные. Лермонтов строит по романтической формуле лирические стихи, баллады, поэмы, роман; «Герой нашего времени» целиком укладывается в усложненную

романтическую формулу: следует только подсчитать количество людей и лошадей.

Давно не читал Фета. Вспоминаю «Вечерние огни» в издании Маркса; если не ошибаюсь: луна, топот копыт, любовный шёпот:

Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне.

Блок продолжает романтическую линию, но он сложнее своих предшественников: цыганская тройка, русская тройка; вне формулы степная кобылица и кони скифов.

Говоря о Блоке, я не точен; но не хочется исправлять сказанное: Блок меня не вдохновляет: ни колесница, ни конница его, ни демобилизованная пехота; тем более, что последняя под командой ксендозоподобного Иисуса.

256

6

«Морской конь» Тютчева, вскормленный буйным вихрем в широком божьем поле, – шевелящийся хаос, неизмеримая аршинами Россия.

Тютчевскому коню сродни «Конь блед», взятый Брюсовым из Апокалипсиса.

Стилизованный конь великомученика Георгия Хороброго: у Клюева и Кузмина.

Мне лень нагибаться, чтобы вытащить из вороха книг, лежащих у меня на полу, Анну Ахматову; где-то есть у нее игрушечные лошадки или что-то в этом роде.

7

Хлебников. Арба в степи. Бесчисленное множество осей и еще больше колес. Готова двинуться в любом направлении.

Маяковский, павшая лошадь, на Кузнецком, изрекает афоризмы: стоило жить и работать стоило.

Кстати: о лошади в совершенно реалистическом плане. На жеребенка покушаются иногда с негодными средствами. Жеребенок, или по крайней мере его мать – кобыла, или дедушка, даже прадед, даже прапращур (конечно, не из «Слова о полку») знают, что чугунка сама по себе, а лошадь сама по себе.

Брюсов, и многие другие до Брюсова, пытались вытеснить городскую извозчицью лошадь. Их оружие в борьбе с лошадью вполне рационально: omnibus, кэбы, автомобили; и если городская лошадь не убита сегодня в России, то это простая случайность, маленькая задержка в развитии, – она будет убита завтра.

В полях операция над жеребенком – вещь внушительная: требуются иные средства, иной подход. Впрочем: прошу прощения у наркомзема: по неволе пришлось вмешаться в его дела; шлю свои извинения также и в наркомпуть.

Да. Совсем забыл. Игорь Северянин; апломбно:

Я еду в среброспицной коляске Эсклармонды.

Кажется, есть такая поэза; мне стыдно: позволил себе написать такое неприличное: поэза.

Андрей Белый заставляет «Медного Всадника» скакать на чердак к какому-то интеллигенту (в романе «Петербург»). В данном случае Пушкин, вероятно, процитировал бы: «Словесность сатаническая (как говорит Соувей)... И добавил бы от себя: «Эта словесность, давно уже осужденная высшею критикою, начинает упадать даже и во мнении публики».

Есть фантастика и фантастика. Не всякому дано безнаказанно заниматься антропософией; не всякий может безнаказанно читать Папюса, Штейнера, Шюре.

Голова как будто из воска; среди лекарств и зеркал. Очень люблю Рюрика Ивнева; но меня он прямо уби-

вает; совместные прогулки по улицам Москвы приводят меня в бешенство: не пропускает ни одной аптеки, в любое время дня и ночи и особенно – ночи. Он всегда болен. Любит быть больным. Всегда лечится. Для меня это тем более невыносимо, что никогда не бываю у врача, ненавижу аптеки.

Кликуша. Умница. Шельма. Мне почему-то приходят на ум существительные женского рода. Он поставил меня в тупик с моей формулой. Смерть у него: в батистовой сорочке,

На легких дамских каблучках...
Узнав, что рубят мясо в битве,
Она садится на коня.

С большим трудом втискиваю Ивнева в формулу: женщина, конь, и мужчина с отрицательным знаком. Мне нравится Ивнев, когда он пронзительно, с птичьей нежностью тенора поет –

Простую мудрость солнца и телеги.

Подлинным конем, вернее коньком Ивнева является: определение. Мне почему-то приходят на ум существительные женского и среднего рода. Средний род не выношу: у нас (в деревне) не признают среднего рода: скоро я построю новую этимологию – выброшу средний род. Кроме точного эпитета Ивнев употребляет эпитет косоглазый: такой эпитет очень напоминает Катюшу Маслову: так достигает Ивнев остранения. Иногда эпитет у него – рассудку вопреки, наперекор стихиям – прямо противоположный определяемому: так делает он, подобно Пушкинскому гусару, прыжок в фантастику, к ведьмам. Вот оно что: недаром, значит, Ивнев любит всякие лекарства – облатки, склянки, пузырьки.

Пушкин стыдился татарщины, а иногда и просторечья, старался при случае подчеркнуть, что он европеец; смущался, когда европейцы, например, Лемонте, предполагали, что: владычество татар оставило ржавчину на русском языке. Возражал: едва ли полсотни татарских и т. д.

Очень цивилизованный, очень американец, очень литератор. Это я о В. Шершеневиче. Это он нарочно, вверх ногами, подходит к просторечью, усиленно снижает стиль, и впадает при этом в татарщину. В самом названии книги он повторил два раза татарское слово: лошадь. В стихах у него тоже немало татарских.

Книга «Лошадь как лошадь» в серой обложке; буквы как буквы, – не шикарные, не поэтические; портрет автора на обложке, вероятно, приняли за проект плуга, образца 1920, имажиниста – за машиниста.

Вот почему отделы наркомзема в провинции: в Пензе зачислили книгу в каталог по коннозаводству, в Саратове по огородничеству: прочли на первой странице – «роют помёт». Об удобрении. Полезная.

Я совершенно серьезно: в просторечье, и с большой примесью татарщины, – нет ничего ужасного: не входя в подробности родственных отношений русских и татар, отмечу скуластое, общее обоим языкам, «ы».

У Шершеневича: формула распадается, остается только второй член: рысак.

В этом есть что-то роковое: с какой-то обреченностью заявляет Мариенгоф:

Не уйти из родной конюшни.

В самом деле: у Мариенгофа так много конского, что пересчитать всех его коней нет никакой возможности.

Они не только в конюшне, они где угодно: в воздухе, на небе; и ему все еще мало:

Приводит на аркане
В конюшню
Ветрокопытого коня.

Даже в драме у него – кобыльи похороны.

Попытаюсь систематизировать его коней, разделить на несколько табунов. Прежде всего: лошадь, упряжь и прочие принадлежности конского обихода – для Мариенгофа средства при построении словесной фигуры – метафоры по преимуществу; особый способ выражаться, блатная лошадиная музыка. Употребляя выражение Третьяковского в ином значении, чем это делал Третьяковский, – можно назвать эти бляхи конюха так: парнасское убранство.

У Мариенгофа привычка профессионала: о чем бы ни говорил (а рассуждать он любит) – о Шиллере, о славе, о стихах – всегда мчит слушателя «через ритмические ухабы, по черному тракту строк, в блистательной карете головы» или: «под визги пьяного галопа сквозь обручи безумных строф».

Явления природы очень часто олицетворяются им по-конски:

Протряс сентябрь – сумрачный возница
По колям свой жёлтый тарантас.

Кони из «Яви»: олицетворение антихристианского, безбожного:

...копытами в небо
Разнузданный конь русский...
Кто-то бога схватил за локти
И бросил под колеса извозчику.

Одновременно: с конем антихристианским у Мариенгофа кони революции:

Эй! Берегитесь – во все концы
С пожарища алые головни...
Кто там кучер? Не надо кучера!
Какая узда и какие возжи!..

Дровни по ухабам, рытвинам, бездорожьем; навью-
ченный вольностью–на дровнях Мариенгоф. Это ты,
Анатолий, зря: без Селифана обойтись никак невоз-
можно.

Мариенгоф – вольнодумец с ног до головы; для
него: «сама пойдет дорожка вкривь и вкось».

И дальше, естественно:

Седок, ты раб коня,
Ты врос в седло седок.

Куда же ехать? куда же едет?

На Млечный Путь
Сворачивай ездук,
Других по округу
Дорог нет.

Формула для Мариенгофа: конь и всадник.

На вопрос Пушкина – и где опустишь ты копыта –
Грузинов отвечает так:

В полях
Остановил коня.
Смотрю как за селом,
У ветхого овина
Стекает с чьих-то светлых рук
Зерно.
Как тихо дышит Русь
Биенье сердца конского
И трепеты раки.

Ни в прозе, ни в стихах не хочу пророчествовать о
коне; ибо пророчество – ремесло вредное, вредное во
всех отношениях.

Январь 1924 г.

~
~
~

262

Иван Грозин

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МАНИФЕСТЫ

*(Гостиница для путешественников
в прекрасном. – 1924. – № 4)*

1

О футуристах и символистах – скучно, поэтому я буду говорить о манифестах литературных групп сегодняшнего дня. Я знаю и знал, что почти все литературные группы современности – величины мнимые, опилки при постройке здания; и решил говорить о них только потому, что литературные манифесты собраны Н. Бродским и Н. Сидоровым в одну большую книгу. Появление подобной книги – факт значительный. Считаюсь с этим фактом, как фактом литературным, я решил манифесты и декларации округлить, причем в результате такого округления почти всегда – ноль.

Критика. Литературоведение

263

2

Пролог или градус первый; биокосмист, богатырь, Святогор; непременно Святогор, иначе нельзя; двигает горами, мирами: «Если двинем силы».

Пред ним все самое величайшее, высочайшее: великие задачи, величайшие задачи, великое и дерзкое, великая эра, величие, великий интуит, великий мудрец, великие идеи, высшая цель, величайшее чудо, совершеннейшая тварь, величайшее творчество.

Приблизительно в том же порядке расположены всяческие бездны: личные бездны, гордая независимость, намеченная бесконечность, прорыв в космос, биокосмические корабли, биокосмический дух и т.п. штуки. Пред этим «своеобразным и могучим талантом» три задачи величайших (жаль, что нет биокосмической превосходной степени прилагательного в биллионной степени): первая – «реализация личного бес-

1
1
1

смертия», вторая – «и космическим кораблем, управляемым умудренной волей биокосмиста, должна стать наша земля, да и в пути других планет не лишне и уже время вмешаться». «И третья наша задача – воскрешение мертвых». Эти три задачи и многое другое, т. богатырь, вы можете найти у Федорова (не у председателя лит. особняка, у его однофамильца); книга Федорова называется так: «Философия общего дела». Впрочем, книгу эту, по очень простой причине, читать вам не рекомендуется.

Так как биокосмист – это борец и певец в таборе восставших против смерти и т.к. он, креатор, должен разворотить тупые мозги толпы, – то и художественные приемы у него воскресенческие: междометие встающего из гроба, миллионы междометий на Марсе и других планетах; сотни наклонений, между ними – наклонение космоса, наклонение бессмертия. И еще: «Здоровый путь творчества лежит от образа к ряду»; и дальше: «Мы не образоносцы, но рядотворцы». Я никак не могу понять, что такое ряды, о которых говорится в биокосмической поэтике; при всем моем желании; есть торговые ряды, ряды солдат, вздвоенные ряды и проч. Не понимаю. Судите сами, вот что говорит биокосмист о рядах: «Творчество словесных рядов – разнообразие сочетаний их элементов. Ряд же есть начало космоса. Ряд – это прямая или кривая, вычерчиваемая ходом творческого духа». И дальше – в том же духе; и дальше говорится о биокосмическом духе. Догадываюсь: не понимаю о рядах потому, что нет во мне биокосмического духа. И дальше (не понимаю, излагаю механически): ряды – «это живые клетки для творимого организма»; последний (т.е. организм) улыбается и хохочет. Творимый организм – крайняя цель биокосмизма; здесь и конец биокосмической поэтики; я доволен: мог кое-как передать читателю ее «глубокий смысл».

А теперь – об одной из личных бездн Святогора: он желает заняться перечеканкой типов зверья. В частности он вступает за великий, но униженный и оскорб-

ленный лик Свиньи: «Разве свинья супоросная (супоросая?) не величайшее чудо»? Опять – величайшее, в который раз? Дальше: «Нежно вымя ее и розово, как утреннего неба сосуд». Твердь или видимое небо – опрокинутый сосуд; вымя... впрочем, у свиньи нет вымени: спутали, т. метафизик, свинью с коровой; по всему почеревку свиньи дюжина сисек, в два ряда. Может быть это и есть биокосмические ряды Святогора?

3

Хартия экспрессиониста. Торжественно: «конец лже-имажистам». Экспрессионист хочет построить новое хроматическое стихосложение по строго-математическим схемам 40-нотного ультрахроматического звуко-ряда. Почему не 40000-нотного хроматического и т.д.? Из его собственной, экспрессиониста, биографической справки явствует, что экспрессионизм родился в его голове, и он же свидетельствует, что у него, экспрессиониста, чувство последних глубин и чувство конца; вероятно, поэтому никакого звуко-ряда он и не построил и писал стихи под В. Шершеневича. В «бедекере по экспрессионизму» (он же): мы синтетисты; и вслед за этим синтезирует, т. е. перечисляет «имена»: всех более или менее видных театральных деятелей России и Европы; всех композиторов, которые были на афишах московских симфонических концертов в 1920 году; всех философов, о которых успел прочесть в философском словаре; всех художников, картины которых собраны в галереях Щукина и Морозова.

265

1
1
1

4

Форм-либризм. «Произведение искусства – конкретный факт». Факт. Выписываю: геометрическое представление, подходим к геометрии, элементарная геометрия. Вулих? Выписываю: материал художника, расположение материалов, размещение материалов,

сочетание материалов, образ содержательного материала, творческий материал, соответствие элементарных материалов, антагонизм материалов – моментов. Взрыв: «все закономерности к нему (форм – либризму)? неприменимы, разве только уравнение со многими неизвестными. Итак: Киселев не помогает?

5

«Сколько пророков – и ни одного Апокалипсиса!» восклицают знаменосцы люминизма; и творят рязанский Апокалипсис. Вещают, что плывут в осиянности Люмена, что Люминизм подвиг всей их жизни.

Давно не встречал такой исключительной поэтической бутафории, нарочно не подберешь таких перлов красноречия, и чего-чего только нет: порфира мудрецов и пророков, лавровый венок и пурпур, огненный самум, пена неукротимого океана, в грозе и буре, пески превыспренних слов, багровая грудь грозовых парусов, пена космических вздыханий, вулканическая симфония, мировые смерчи, фейерверк орбит, неутолимая неизбежность, осиянный прорыв, лазоревые лилии, вихри молниеносных откровений, смертельная схватка с плещущими горами, косматые лапы зловещей косности, уплывает прозрение к своему лону, и черный цвет белоснежных тычинок осыпается отзвуком в слове, и слово колеблется белоснежным ароматом. Увольте. Больше не могу выписывать.

Перехожу к «объективным положениям по реализации Люмена». Мир – как ритм; Люмен – как ритм; огневеющее излучение насущного «Оно». Все это и многое другое люминисты «во всеоружии технических завоеваний вырубают на граните резцом по бронзе для передачи векам».

Серповидные лезвия комет и материнские проклятия направляют люминисты против своих врагов, между прочим – и против имажинистов: за то, что имажинизм напрасно тщится растрогать и убедить в сво-

ем пророческом даре и творческом величии; «все это обещает имажинистам кокетливый и неприличный конец».

Ясно: здесь, где-то близко, таинственно присутствует Львов-Рогачевский. Не от него ли огневеющее излучение? и не он ли для рязанских огнепоклонников – насущное «оно»? Одно достоверно: уважаемому Василию Львовичу выражена составителями книги манифестов глубокая благодарность за передачу в сборник рукописного манифеста люминистов.

6

«Ни зги на российских эстрадах, продавленных копытами всевозможных имажинистов». И – двое, два мудреца, два фюиста, под маркой – мозговой разжиж, с мандатом на контакт с миром; завтра еще стихи и – какие-нибудь – теории; и стадия всевропейского обезумления каким-то трамплином некоего прыжка, штопором куда-то на каких-то плоскостях и на какой-то высоте: тысяча девятьсот... Контакт? Есть контакт. Очень веселые: какой-то Перелешин и, кажется, Лепок.

7

В декрете о ничевоках поэзии говорится: «Единственное пока что жизненное течение в поэзии – имажинизм нами принимается, как частичный метод». Насколько мне известно – ничевоки все время пользовались методом имажинистов и ничего иного не придумали.

Идеология ничевоков, если можно говорить об их идеологии, ничем не отличается от идеологии раннего имажинизма; впрочем, ничевоки и не скрывают этого обстоятельства: и в манифесте, и в декрете они говорят об этом определенно; если же паче чаяния они вздумали бы отрицать свою зависимость от раннего

имажинизма, то зависимость эту очень легко установить: проанализируйте, хотя бы слегка, практику и теорию ничевоков. А впрочем: стоит ли долго разговаривать, стоит ли откладывать дело в «собачий ящик»: всё ничевочество исчерпывается одной фразой имажиниста, того самого имажиниста, которого ничевоки называют в своем манифесте «великим поэтом, гигантом и титаном»; вот эта фраза: «мчу в никуда свой шарлатанский шарабан».

В последнее время ничевоки, по-видимому, безукоснительно проводят в жизнь лозунг, выброшенный ими когда-то в «Собачьем ящике»: ничего не говорят, ничего не пишут, ничего не печатают.

Основательницей конструктивизма следует считать Ольгу Чичагову, если забыть на время некоторых незначительных производственников. В калужском «Корабле» (был такой журнал) Чичагова пишет: «Мы – конструктивисты, отрицаем искусство, так как оно не целесообразно. Мы – конструктивисты должны «организовать новые формы бытия через воспитание нового конструктивного человека». И еще: «Средствами к этому является интеллектуальное производство – изобретательство, и совершенствующее производство – техника». Не совсем грамотно изложено, но всё-таки – понятно. Просветительница – Ольга Чичагова: все как по Писареву; настоящая, неподдельная конструктивистка.

За Ольгой Чичаговой тянутся – Чичерин и Сельвинский. С видом мрачных великовозрастных гимназистов клянутся: Знаем: «Человеку свойственно развиваться, духовно расти. Мы знаем, что мир не объедем, несчетен и не повторим. Конструктивизм есть высшее мастерство, глубинное. Конструктивизм – монолит. Говорим: и звук, и ритм, и образ, и заумь и проч. Знаем (по Галахову), как пишутся сочинения: «коротко, сжа-

то, в малом – многое»: «задание» («главная конструэма»), введение («ведущая конструэма»), заключение («концевая конструэма»).

Саводнику приклеиваем новый ярлык: конструктивизм. «Мы клянёмся: небывалые формы тесать – дальше некуда»... Что за привычка: божиться. Охотно верю.

9

Лунц, он же Гофманский Теодор, хозяин, нежный отец и друг своих братьев. Братья! Братья! Вот твой брат! Вот твой брат! И нет той силы в мире, которая разрушит единство крови, разорвет союз родных братьев. Однако: между Горьким и Гофманом – дистанция огромного размера. Серапионы распались. И хорошо: читатель избавлен от необходимости видеть на книжном рынке сотню повторных и второстепенных сборников Знания.

10

Декларация эмоционализма или омоложение М. Кузмина; от кляризма – прекрасной ясности – к эмоционализму. У Кузмина и его друзей много общих мест: идти, расширяясь вверх, а не сужаясь вниз, и т.п. По всей вероятности декларацию писали экзальтированные дамы; она, между прочим, содержит такой пункт – перл: «Выход из общих законов для неповторимой экзальтации (экстаза)». Очень может быть, что Кузмин подписал декларацию не читая, из вежливости.

11

Неоклассики; 20 пунктов; подписали 18 человек: 6 кавалеров и 12 кавалерственных дам; целое «общество», «свет». Прошу прощения у дам, подписавших декларацию, за эпитет – кавалерственная; я не знаю,

что означает этот эпитет; может быть что-нибудь нехорошее? Я употребил этот эпитет механически, описался; и только потому, что вспомнил стихи метра неоклассиков – Захарова-Мэнского: «И кавалерственная дама роняла слезы на песок».

Декларация хорошая, не хуже других деклараций; несколько не хуже, например, декларации конструктивистов; неоклассики, точно также как и конструктивисты: во всеоружии технических достижений: ритм, образ, словотворчество и проч.

Все на своем месте: нюансы, настроение, рассуждение о прогрессе и регрессе, укрепление многовековой связи с актерами (юбилей?), вдохновение. Но. Но есть и кое-какие недочеты: несмотря на явно выраженное стремление «творческого гения» к «классической простоте и ясности» – встречаются темные места; например: «отодвигается представительно – логическим». Что означает такое словосочетание? Можно сказать – неоклассики-мужчины представительные, но никто не скажет, кроме самих неоклассиков, что они представительно-логические. Впрочем, логика – вещь плевая; логика – пустяк. Синтаксис – другое дело. Я вежливенько подчеркиваю голубеньким карандашиком семь (7) грубейших синтаксических ошибок (знаю, наборщик не виноват) и отсылаю исправленную декларацию метру неоклассиков.

В заключение о пролетарских поэтах, не о рабочих или мужиках: я имею в виду группу интеллигентов, именующих себя пролетарскими поэтами.

Ни одного живого места: Плеханов сказал «а», пролетарские повторяют «а», Богданов говорит «б», пролетарские – и т.д. Ни одного оригинального поворота головы, ни одного момента революции, освещенного по своему, так, чтобы хоть один раз можно было сказать: вот молодец, а я то и не заметил.

Вздыхают: «Белинских нет. Над пустыней искусства – сумерки».

Полное бесплодие. Имажинисты рожают; пролетарские «стоят» и смотрят, «отвергают» и воспринимают: группа пролетарских «отвергает» а) вырождение понятия творческого образа в самодовлеющий раздробленный живописный орнамент (имажинизм); б) стоит за единый, цельный динамический образ»; и т.д. Или – другая группа пролетарских: «имажинизм – явление последних предсмертных» и т.д.

Имажинисты рожают; пролетарские играют роль восприемников.

Апрель 1924

ПОЭЗИЯ И РЕКЛАМА
(По корректуре: «ПОЭТЫ НАШИХ ДНЕЙ»,
АНТОЛОГИЯ, СОЮЗ ПОЭТОВ, МОСКВА, 1924)

*(Гостиница для путешественников
в прекрасном. – 1924. – № 4)
Под псевдонимом «Искона»*

Расположены в алфавитном порядке, без указания группировок. Правильно, ибо стихотворная горячка идет на убыль, и недалеко то время, когда поэтическая мука будет просеяна сквозь решето и сито; осеи будут отброшены; останется нежнейшая мучица; у Аполлона округлится брюшко. Так будет завтра, но мне становится грустно, когда я вспоминаю литературное вчера: в этой стихотворной горячке, в этой беготне, толкотне и невероятном шуме есть свое очарование. Поверьте: у меня на глазах слёзы. Однако факт: литературные декларанты переутомились; ученые собирают плоды пятилетних философических излияний богемы: Н. Бродский и Н. Сидоров уже отыскали и напечатали российские литературные манифесты. И если представители некоторых литературных групп, не попавшие случайно в книгу манифестов, приходят ко мне, чтобы окончательно оформить свои клятвенные хартии и бедкеры для вернейшего получения визы на паспорт при отъезде в вечность, – я отношусь к ним с полным сочувствием: книга уважаемых ученых выиграет, во втором издании она будет толще втрое.

В антологии больше 50 поэтов, очень немногие поэты выступают впервые; участвуют все имажинисты, почти все символисты и футуристы.

Мое внимание я хочу уделить главным образом – начинающим.

На основании одного или двух стихотворений трудно судить о поэте; поэтому ограничусь краткой характеристикой того, что дано в антологии; впрочем,

я беру на себя смелость в некоторых случаях пользоваться методом, примененным Кювье в палеонтологии: взглянув па две-три косточки, умозаключать о форме какого-нибудь там ихтиозавра в целом.

Итак. Бобров, как и всегда, ошибся: вместо стихов дал небольшую статью о Некрасове. Анри Гильбо и Чарльз Эшли в переводе И. Аксенова – очень похожи на статью Боброва. Большаков капризно распекает молодых людей, знающих стихосложение, за убийства и бури в тетрадах стихов, за пресную слюну рифмы; ставит этим молодым людям в пример «взвешенного» за караты Вийона, и тут же с необычайной изысканностью преподносят составные концевые созвучия: «мифмы» – «рифмы». Кудашева под Аксенова, но в стих. «От Москвы и Новочеркасска» она едва ли не превосходит своего метра. Подающий надежды Тихонов к сожалению начал писать под Пастернака: это так заметно по его последним стихам. Пастернак, как Плюшкин, хватает всякий хлам и тащит к себе, в стихи. Вот почему всякий поэт, и в особенности начинающий, в особенности из тех, кому нечего сказать от своего полного безразличия к вещам и лицам, – усваивает манеру Пастернака. Пастернак – Плюшкинская куча: трюмо, сад, оконницы, Лермонтов, попона, баллада, фортепьяно, перо – до бесконечности. Так поступают и близкие ему стихотворцы: Монина: рояль, элегия, сад, Михаил Юрьевич; у Мониной – сад вдруг кидается колесам в глаза; у Пастернака всегда кидается (кто-нибудь и чаще что-нибудь) и тоже всегда: вдруг. От нечего делать игра в кегельбан. Подобная манера присуща и другим антологистам: Ковалевскому, Эренбургу, Берендгофу; впрочем, последний, уже бежит от Пастернака.

Н. Вольпин начинает: не звон, Мар: от зорь зазорных звон в глазах; Вулягина с доморощенным ориентализмом: «звонко плещут у седла меха со свежеею любовью; можно ль слаще зазвенеть». Знают ли поэтессы откуда этот звон? Стихи Владычиной безразличны, не-

много под Ахматову: смятенье, тревога, недуг и чуть-чуть под себя.

Стихи Н. Хабиас мгновенно отличишь: из тысячи поэтов; своеобразный словарь и синтаксис; крайне сентиментальные; что-то монашеское, аскетизм и нежность близкая Франсису Жамму.

Дешкин жалуется: он пришел в балаган,

Где продан непродажный гений
За позолоченный обман.

Во след Дешкину И. Новиков грустит, что «божий дар площадными погрешками обвешан»; сети безнадёжны, но душа как голубь...

Рассекает вольно грубость бытия.

Трудно говорить о стихах И. Рукавишникова: дано всего 8 строк, при этом 5½ раз поэт повторяет фразу: ту, кого любишь; на все прочее остается очень мало места: нимб, риза алмазная, греза молящаяся, звездный плащ. У Марьяновой, кажется, триолеты: колдуна – без сна, колдуна; витая, золотая, витая, сплетая, витая. Для Вяч. Иванова характерные стихи, с его излюбленным словарем: об – он – пол, агнец жертвенный, мреют. Линеке-ров кое-что под Вяч. Иванова: «мрея робкими тайнами», кое-что ниоткуда, но в стиле символистов. Спасский от ранних футуристических стихов о железке и кафе идет к символизму; однако остались и футуристические привычки, словарные. Кузмин продолжает «Крылья».

Хориков наивничает под Крашенинникова; был такой беллетрист, о девичнике писал. У Кугушевой: «миллой лирики прозрачнее прохлады», 24 строчки, такие же. Туманный в классических формах пишет о современности: сонет о советском служащем. Укше: «Речь размерную жуя»; стихи; 24 строчки. Церукавский, центрифугируя, свергает «богов неги»; настроение похвальное, стихи слабы.

Ливкин: «чаша холодной воды; сладостны песни твои»; жидковато. У Н. Минаева ориентализм от Гумилева, но с собственной юмористикой. Нельдихен стихи ориентирует на прозу, прозу на стихи, и обратно, и так до бесконечности: применение диалектического метода в искусстве слова. Гурий Сидоров дал старые стихи; можно полагать, что он с 1919 г. далеко ушел. Лапин впал в архаику: длани, вежды, стлеет, вспять. Н. Клюев подан другим боком: «Зарумянилась морковь, в рассоле нежатся налимы, суслик прыскает свечею, сладкий жир»; неприятно, и скучновато. Александровский, о деревне, не плохо, опрокидывает «прозрачность синюю» и «торопит крылья времени» под ранних имажинистов. Гербстман: так писали гиперборейцы, или цех поэтов, в оны дни. Я. Болонский пользуется балладной формой и не плохо; жаль, что не знает грамматики: «ни хлеб, ни мяса, ни кулеш». Власов-Окский, рифмы: попадет-упадет; нельзя же так, товарищ: «грубыми ботинками по лугам» антологии. Уже 2½ года прошло с тех пор, как я дал Н. Захарову-Мэнскому Шульговского, и тем не менее: в сонете он рифмует: звону-подносит; бедный Коля! бедный Шульговский!

275

1
1
1

О маститых нельзя отзываться непочтительно; или хорошо или ничего; Владимир (кажется) Галактионович Гиляровский; на собственных руках нянчил И. Тургенева; прошу встать, слово предоставляется Владимиру Галактионовичу:

И в золоте блеск роскоши безумной
И перл творения – великий Рафаэль.

Не менее почтенный: Спиридон Дрожжин:

Льются звуки,
Скорбь и муки
Слышны в них.

Садитесь, пожалуйста. В. Каменский словотворит и заумно океанствует: «Харт бриантай. Эска – дэй.

Юность юнами расцокана. Океанствуй. Завардэй». Сельвинский и Чичерин: конструктивисты; почему Сельвинский конструктивист, ежели он пишет сонеты, и делает это лучше неоклассиков? Фамилия Чичерин ассоциируется с Крученых, иногда с В. Каменским, у Крученых и Чичерина художественные приемы общие, отец общий, ранний Хлебников; Чичерин отличается от Крученых только тем, что любит ударения и прочие знаки: весьма возможно, что посредством всяческих знаков он желает неискаженным звучать в веках; оба они, Чичерин и Крученых, подобно Чеховскому герою – бредят восклицательным знаком. Впрочем, одно из достижений Крученых в последнее время – рефлекс слова: он ко всем словам решил прицепить буквы: «З» или «Х»: злюстра, хлюстра, хохотка, хляк, хляча, хомочек, похибель.

Точка. Иначе, не хватит места для самых матерых лефов. Лучшее из всего, что написано Маяковским в последнее время, его рекламные стихи. Поэтому я считал необходимым поместить в антологию избранные рекламные стихи Маяковского о резинокосте, москунке, ГУМе, – предпослав им небольшую статью: Маяковский в рекламе. Редакционная коллегия в последний момент, в корректуре, выбросила мою статью и рекламные стихи Маяковского. Статья серьезная, академическая; рекламные стихи Маяковского – прелесть. Разрешите огласить. История и теория рекламной поэзии – вопрос сложный и совершенно необследованный; оставляю его на поживу критикам и историкам литературы; в данном случае я ограничусь указанием на те художественные приемы, которыми пользуется Маяковский в рекламе; в связи с этим укажу также на главные моменты в эволюции рекламной поэзии.

С незапамятных времен, и по крайней мере в течение XIX столетия, рекламная поэзия – лирика песенного лада; мелодия однообразна, с большим количеством рефренов, чистая мелодия переходит иногда в речитатив. Сбитенчики, бараночки, арбузники,

угольщики, тряпичники – все они лирики; все они романтики, при чем: старьевщики-татары являют уклон в ориентализм.

Другая значительная линия рекламной поэзии связана с ростом и развитием крупной торговли. Приемы: зазывание, ораторский жест приказчика, письменный и печатный плакат, с развитием прессы – стихотворный фельетон, пародия. Приемы, которыми пользуются представители второй линии рекламной поэзии, характерны для Маяковского, с той только разницей, что газетные рекламные поэты прошлого пародировали так называемых классических поэтов. Маяковский почти всегда пародирует самого себя. Отменно хорош, великолепен в рекламных стихах Маяковского мещанский афоризм. В качестве иллюстрации привожу несколько строк Маяковского:

Все,	
Что требует сердце,	277
Тело	
Иль ум –	}
Все человеку предоставляет Гум.	}
	}
Не предавайтесь сомнению и думе:	
Все для женщин – только в Гуме.	
Нам	
Не страшен мороз зловещий	
Покупаем в Гуме	
Теплые вещи.	
Гум –	
Все – для всех.	
Хватайтесь	
За этот спасательный круг.	
Все дешево,	
Доброкачественно,	
Из первых рук.	

Человек –
Только с часами.
Часы –
Только у Мозера.
Мозер –
Только у Гума.

Сосок лучших не было и нет;
Готов сосать до старости лет.

Строчки короткие, прыжки и следы когтей «генерала» лефов. Если предположить, что и другие лефы помогали Маяковскому в писании некоторых рекламных стихов, то одновременно следует предположить, что «генерал» лефов разрубал строчки своих друзей на две, на три, на десять. Так выбивает Маяковский футуристов из Фетовской качалки.

278

Апрель 1924

ОБ АКТЁРСКОМ ЧТЕНИИ СТИХОВ

Самая большая трудность для актёров – это сложные ритмы новейшей поэзии. Ритм неотделим от стихотворения. Не уловить ритма – это значит убить стихи. Следовало бы в уголовный кодекс ввести соответствующую статью: кара за убийство стихотворного ритма.

Лирика имеет только ей присущие свойства и качества. Многие актёры не считаются с этими свойствами лирики, не чувят их.

Актёр, вероятно по неволе, в силу своей профессии, переделывает лирическое стихотворение в отрывок из трагедии, в драматический диалог, или сообщает лирическому стихотворению мещанский комедийный тон.

В том и другом случае от лирики ничего не остаётся: вместо лирического поэта вы слышите, в лучшем случае Шекспира, или Островского.

Во всяком роде и виде искусства есть нечто, что делает искусство искусством. Есть этакое, ускользающее, еле уловимое, есть то «чуть-чуть» – как выражается Лев Толстой. От актёра нередко ускользает самое главное и единственное – ускальзывает это «чуть-чуть».

Припоминаю: Хмара читает стихи Горького (кстати, стихи плохие). Патетика и пафос Хмары при чтении стихов были таковы, что мне неудержимо хотелось смеяться. Я принужден был спешно покинуть зал, чтобы не обидеть присутствующих невольным смехом.

По-видимому, неудовлетворённость поэтов актёрским чтением стихов – явление общее.

Помню Валерий Брюсов в разговоре со мной на эту тему заметил, что чтение стихов актёрами он допускает как необходимое зло, и привёл при этом чудовищные примеры искажения стихотворного текста.

Известно, что у французских символистов была только одна чтица, которая по их мнению владела искусством чтения стихов. Хорошая актёрская дикция

далеко ещё не всё, что нужно для исполнения лирического произведения.

В наши дни Эльза Каминская одно из редких исключений.

<1927>

~
~
~

280

Иван Грозин

МЕМУАРЫ

ЕСЕНИН

В первый раз я увидел Сергея Есенина в 1918 году.

В Политехническом музее был какой-то литературный вечер. Я был в публике. В антракте, взглянув нечаянно влево, я заметил странного молодого человека. Он мгновенно привлек мое внимание своей внешностью: бросились в глаза костюм и волосы. Одет он был в коротенькую русскую поддевку нараспашку. Длинная белая рубаха, почти такой же длины, как и поддевка. Поясок. Сияли длинные курчавые волосы, светлые, как золотистый лен. Стоял в дверях и кому-то улыбался.

Антракт кончился. Публика засуетилась, занимая места. В конце вечера артист Оленин читал стихи Есенина. Прочитав стихи, артист сошел в публику. Невольно следил за артистом. Он подбежал к русоволосому человеку, одетому в русскую поддевку, и пожал ему руку. Это был Есенин. Вскоре познакомились.

1920 г. Зимнее утро.

Я в книжном магазине «Озарь», на Б. Никитской, у приятеля книгопродавца. Является Есенин. Вызывает меня и книгопродавца из магазина. Стоим в дверях. Есенин спрашивает книгопродавца, знает ли тот о предстоящей дуэли двух поэтов: Мандельштама и Шершеневича. Тот отвечает, что знает; знает, что упомянутые поэты поссорились в Камерном театре, ссора перешла в драку – отсюда дуэль. Есенин хочет принять участие в дуэли, хочет быть секундантом со стороны одного из поссорившихся поэтов. Правда, секундант у этого поэта уже есть, но он плох – он почему-то медлит, почему-то оттягивает дуэль. Есенин просит книгопродавца достать оружие, и как можно скорее; хорошо, если бы удалось достать оружие для обоих противников. Есенин хочет испытать храбрость дуэлянтов. Он уверен, что они трусы. Оба – трусы. Как только узнают, что дуэль неминуема – наверное, разбегутся.

Есенин оживлен. Говорит тихо и таинственно. С видом заговорщика. Беззвучно смеется. Смеется так, что глаз не видно. Вместо глаз узкие щелки. Рот полуоткрыт, под глазами детские морщинки.

Искать оружия никто, конечно, и не подумал. Дуэль не состоялась. Один из дуэлянтов спешно выехал из Москвы. Другой, по-видимому, был рад, что его противник сбежал раньше, чем увидел поле сражения.

1920 г. Весна. Георгиевский пер., д. 7, квартира С.Ф. Быстрова.

Желтоватое тихое утро. Низенькая комнатка с маленькими окошками. Обстановка простенькая: стол, кровать, диван, в углу старый книжный шкаф. Есенин сидит за столом против окошка. Делает макет «Трерядницы». Наклеивает вырезки с напечатанными стихами в тетрадку, мелким почерком переписывает новые стихи на восьмушки писчей бумаги: каждая буква отдельно. Буквы у него всегда отдельно одна от другой, но так как макет этот для типографии, то буквы еще дальше отстоят друг от друга, каждая буква живет своей собственной жизнью – не буквы, а букашки. Работает размеренно. Сосредоточен и молчалив. Озабочен работой.

Напоминает сельского учителя, занятого исправлением детских тетрадок. Отдельные неприклеенные листики дает мне:

– Прочти, и если что заметишь, скажи!

Читаю поэму «Пантократор». Предлагаю переделывать строку:

Полярный круг на сбрую.

Спорим. Он не соглашается. Защищает строчку.

В стихотворении «О, боже, боже, эта глубь» предлагаю исправить строку:

В твой в синих рощах скит.

Ему нравится эта строка. Он решает оставить ее неприкосновенной.

Читаю «Кобыльи корабли», обращаю внимание Есенина на предпоследнюю строфу:

В сад зари лишь одна стезя,
Сгложет рощи октябрьский ветр.
Все познать, ничего не взять
В мир великий пришел поэт.

Спрашиваю:

– Куда следует отнести определение «великий» – к слову «мир» или к слову «поэт»?

Ничего не отвечает. Молча берет листик чистой бумаги, пересаживается на диван и, покачивая головою вправо и влево, исправляет строфу.

– Так лучше, – говорит через минуту и читает последнюю строчку строфы:

Пришел в этот мир поэт.

Утро. Вдвоем. Есенин читает драматический отрывок. Действующие лица: Иван IV, митрополит Филипп, монахи и, кажется, oprичники. Диалоги Ивана IV и Филиппа. Зарисовка фигур Ивана IV и Филиппа близка к характеристике, сделанной Карамзиным в его «Истории государства Российского». Иван IV и Филипп, если мне не изменяет память, говорят пятистопным ямбом. Два других действующих лица, кажется монахи, в диалогах описывают тихую лунную ночь. Их речи полны тончайшего лиризма: Есенин из «Радунницы» и «Голубени» изъясняется из них обоих. В дальнейшем, приблизительно через год, Есенин в «Пугачеве» точно так же описывает устами своих героев бурную дождливую ночь. Не знаю, сохранился ли этот драматический опыт Есенина.

1921 г. Весна. Богословский пер., д. 3.

Есенин расстроен. Усталый, пожелтевший, растрепанный. Ходит по комнате взад и вперед. Переходит из одной комнаты в другую. Наконец садится за стол в углу комнаты:

– У меня была настоящая любовь. К простой женщине. В деревне. Я приезжал к ней. Приходил тайно. Все рассказывал ей. Об этом никто не знает. Я давно люблю ее. Горько мне. Жалко. Она умерла. Никого я так не любил. Больше я никого не люблю.

Есенин в стихах никогда не лгал. Рассказывает он об умершей канарейке – значит, вспомнил умершую канарейку, рассказывает о гаданье у попугая – значит, это гаданье действительно было, рассказывает о жеребенке, обгоняющем поезд, – значит, случай с милым и смешным дуралеем был...

Всякая черточка, маленькая черточка в его стихах, если стихи касаются его собственной жизни, верна. Сам поэт неоднократно указывает на это обстоятельство, на автобиографический характер его стихов.

1921 г. Лето. Богословский пер., д. 3.

Есенин, энергично жестикулируя:

– Кто о чем, а я о корове. Знаешь ли, я оседлал корову. Я еду на корове. Я решил, что Россию следует показать через корову. Лошадь для нас не так характерна. Взгляни на карту – каждая страна представлена по-своему: там осел, там верблюд, там слон... А у нас что? Корова! Без коровы нет России.

1921 г.

Есенин только что вернулся из Ташкента. По видимому, по дороге в Ташкент он хотел ознакомиться с местом действия героя его будущей поэмы «Пугачев». Вскоре после его приезда имажинисты задумали, как это бывало неоднократно, очередной литературный трюк. Глубокой ночью мы расклеили множество прокламаций по улицам Москвы.

Имажинисты всех стран, соединяйтесь!
ВСЕОБЩАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ
ПОЭТОВ, ЖИВОПИСЦЕВ, АКТЕРОВ,
КОМПОЗИТОРОВ, РЕЖИССЕРОВ И ДРУЗЕЙ
ДЕЙСТВУЮЩЕГО ИСКУССТВА

№ 1

На воскресенье 12 июня с. г. назначается демонстрация искателей и зачинателей нового искусства.

Место сбора: Театральная площадь (сквер), время: 9 час. вечера.

Маршрут: Тверская, памятник А.С. Пушкина.

ПРОГРАММА

Парад сил, речи, оркестр, стихи и летучая выставка картин. Явка обязательна для всех друзей и сторонников действующего искусства:

- 1) имажинистов
- 2) футуристов
- 3) и других групп.

ПРИЧИНА МОБИЛИЗАЦИИ:

война, объявленная действующему искусству.

Кто не с нами, тот против нас!

Вождь действующего искусства: Центральный Комитет Ордена Имажинистов.

Под прокламацией подписи поэтов, художников, композиторов: Сергей Есенин, Георгий Якулов, Иван Грузинов, Павлов, Анатолий Мариенгоф и др.

Прокламация была расклеена нами без разрешения. На другой день нас вызвали на допрос в соответствующее учреждение. Между прочим, Есенин сказал, что прокламацию напечатал он в Ташкенте и оттуда привез в Москву. Затем неожиданно для всех нас стал просить разрешения устроить похороны одного из поэтов. Похороны одного из нас. Похороны его, Есенина. Можно? Ему ответили, что нельзя, что нужно удостоверение от врача в том, что данный человек действительно

умер. Есенин не унимался: а если в гроб положат корову или куклу и со всеми знаками похоронных почестей, приличествующих умершему поэту, пронесут гроб по улицам Москвы? Можно? Ему ответили, что и этого нельзя сделать: нужно иметь надлежащее разрешение на устройство подобной процессии. Есенин возразил:

– Ведь устраивают же крестные ходы?

Снова разъясняют: на устройство крестного хода полагается иметь разрешение.

1923 г.

Есенин в Италии занимался гимнастикой, упал с трапеции, получил сильные ушибы, лечился несколько недель. В Париже, в кафе видел русских белогвардейцев, видел в одном кафе бывших высокопоставленных военных, они прислуживали ему в качестве официантов. Стал он читать при них революционные стихи, обозлились, напали на него. Хотели бить. Едва-едва убежал.

– До революции я был вашим рабом, – сказал Есенин белогвардейцам, – я служил вам. Я чистил вам сапоги. Теперь вы послужите мне.

Есенин рассказывает:

– Искусство в Америке никому не нужно. Настоящее искусство. Там можно умереть душой и любовью к искусству. Там нужна Иза Кремер и ей подобные. Душа, которую у нас в России на пуды меряют, там не нужна. Душа в Америке – это неприятно, как расстегнутые брюки.

– Видел ли ты Пикассо? Анатоля Франса?

– Видел какого-то лысого. Кажется, Анри де Ренье... Как только мы приехали в Париж, я стал просить Изадору купить мне корову. Я решил верхом на корове прокатиться по улицам Парижа. Вот был бы смех! Вот было бы публики! Но пока я собирался это сделать, какой-то негр опередил меня. Всех удивил: прокатился на корове по улицам Парижа. Вот неудача! Плакать можно, Ваня!

Есенин буквально с какой-то нежностью любил ковров. Это отражается в его лирике.

1923 г. Осень. Час ночи. Кафе поэтов, Тверская, 18.

В комнате президиума Союза Поэтов, в самом отдаленном углу кафе человек 12: поэты и их друзья. Сымпровизировано экстренно чествование возвратившегося из-за границы Есенина в интимной обстановке. Как всегда, часам к 3 ночи начинает разгораться «кафейный» скандал. Вокруг закипают пьяные страсти.

Вдруг я чувствую, что меня кто-то дергает за рукав – Есенин.

Идем по Тверской. Есенин в пушкинском испанском плаще, в цилиндре. Играет в Пушкина. Немного смешон. Но в данную минуту он забыл об игре. Непрерывно разговариваем. Вполголоса: о славе, о Пушкине. Ночь на переломе. Хорошо, что есть городской предутренний час тишины. Хорошо, что улицы пустынные. Козицкий переулок. Есенину прямо. Мне направо. На углу останавливаемся. На прощанье целуем друг у друга руки: играем в Пушкина и Баратынского.

1923 г. Вечер.

За столиком в «Кафе поэтов» Есенин читает – «Дорогая, сядем рядом».

Я спрашиваю:

– Откуда начало этого стихотворения? Из частушки или из Калевалы?

– Что такое Калевала?

– Калевала? Финский народный эпос.

– Не знаю. Не читал.

– Да неужели? Притворяешься?

С минуту Есенин разговаривает о каких-то пустяках и затем, улыбаясь, читает наизусть всю первую руну из Калевалы.

В другой раз, когда речь зашла об образности русской народной поэзии, Есенин наизусть прочел большой отрывок из былины, по его мнению, самый образ-

ный. Память у Есенина была исключительная. Он помнил все свои стихи и поэмы, мог прочесть наизусть любую свою вещь когда угодно, в любое время дня и ночи. Нужно при этом иметь в виду, что стихотворные вещи его составят больше четырех томов, если собрать все написанное им.

Память на человеческие лица у Есенина была прекрасная. Вместе с тем он замечал и запоминал каждое сказанное ему слово, замечал еле уловимое движение, в особенности, если оно было направлено по его адресу. В «дружеской попойке», если при этом были мало известные ему люди, он подозрительно следил, как относятся к нему окружающие.

По-видимому, не обращал никакого внимания на отношение к нему друзей и знакомых, по-видимому, пропускал мимо ушей все, что о нем говорил тот или другой человек, по-видимому, все прощал. Но это только до поры до времени. Изучив человека, припомнив все сделанное и сказанное, резко менял отношение. Навсегда. Вместе с тем прощал все обиды, материальные ущербы, оскорбления, дурные поступки, все что угодно, если знал, что данный человек в глубине души хорошо к нему относится.

1924 г. Лето. Угол Тверской и Триумфальной-Садовой.

Пивная. Тусклый день. Два-три посетителя. На полу окурки, сырые опилки. Искусственные пальмы. На столиках бумажные цветы. Половые в серых рубашках. Подпоясаны кожаными ремнями. У каждого на левой руке грязноватая салфетка. Половые заспанные – в этой пивной торговля до 2 часов ночи. Ночью на эстраде артисты, хор цыган. Здесь выступает лучшая цыганская танцовщица – Маруся Артамонова.

Никому нет никакого дела до поэзии. И как-то странно, что только мы, чудаки или одержимые, спорим об искусстве, о стихах. Сидим втроем за парой пива, в углу, у окна: Есенин, А.М. Сахаров, я. Есенин читает новую поэму «Гуляй-Поле». Тема поэмы: Рос-

сия в гражданскую войну. Есенин читает долго, поэма была почти вся сделана, оставалось обработать некоторые детали. Есенин утверждал, что через несколько дней поэма будет готова полностью.

По прочтении поэмы, обращаясь ко мне, с детским задором:

– Что мне литература?.. Я учусь слову в кабаках и ночных чайных. Везде. На улицах. В толпе.

Показывая на Сахарова:

– Вот этот человек сделал для меня много. Очень много. Он прекрасно знает русский язык.

Снова обращаясь ко мне:

– Я ломаю себя. Давай мне любую теорию. Я напишу стихи по любой теории. Я ломаю себя.

Он стоял в позе оратора и, по своему обыкновению, энергично размахивал руками.

1924 г. Лето. Полдень.

Нас четверо. Шестой этаж дома № 3 по Газетному переулку. Есенин вернулся из деревни. Спокойный, неторопливый, уравновешенный. Чуть-чуть дебелый. Читает «Возвращение на родину». Я был в плохом настроении: жара, не имею возможности выбраться из города. И, тем не менее, меня взволновали его стихи.

– Часто тебя волнуют мои стихи? – спросил Есенин.

– Нет. Давно не испытывал волнения. Меня волнуют в этом стихотворении воскресающие пушкинские ритмы. Явное подражание, а хорошо. Странная судьба у поэтов: Пушкин написал «Вновь я посетил» после Баратынского... Пушкина помнят все, Баратынского помнят немногие...

После чтения стихов идем втроем по Газетному переулку на Тверскую.

– Снятие креста с колокольни... Были такие случаи в истории. Это пройдет, – замечает наш спутник.

– А может быть, и не пройдет. Бывают исключительные переломы в истории. Наша эпоха, может быть, исключительная. Был Перун. И нет Перуна, – отвечаю я.

Есенин идет, понунив голову. Молчит. В эту минуту он напоминает себя из «Москвы кабацкой»:

Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.

1924 г.

Есенин, я и молодой поэт Чекрыгин в пивной на углу Тверской и Садовой. Мы ожидали одного из близких друзей. Тяготила скука и жара. Поэт Чекрыгин был странный человек. Поэт Чекрыгин был фантастическая фигура. Худенький, бледный, задавленный, пришибленный. Чем? Жизнью? Дурной наследственностью? В грош не ставил поэт Чекрыгин свою жизнь. Он мог предложить воспользоваться его жизнью кому угодно, как один из героев Достоевского. Поэт Чекрыгин был бездомный человек, ночевал где придется. Он вызывал к себе неодолимую жалость. Трудно было его не жалеть. Он всегда как-то неожиданно подходил к нам. Ловил нас на улицах, появлялся внезапно. Трудно было скрыться от него. Стихи он писал нелепые, невероятные, фантастические. Так перепутывал начала и концы, что невозможно было разобраться в них. Весьма вероятно, что поэт Чекрыгин был сумасшедший человек. Во всяком случае, у него были навязчивые идеи. Между прочим, у поэта Чекрыгина была следующая навязчивая идея: он проповедывал самоубийство. Есенин, по-видимому, уже знал об этом. В этот день Есенин был какой-то тихий и флегматичный. Поэт Чекрыгин говорил о творчестве Есенина. Упрекал его. Утверждал, что Есенин весь земной, здешний, что круг его идей исчерпывается видимым, мелким и преходящим. А между тем он мог бы быть другим, имеет все данные, чтобы быть другим, и тогда он, поэт Чекрыгин, считал бы его большим русским поэтом. Поэт Чекрыгин говорил резко, как фанатик. В его хриплом и придушенном голосе было что-то изнуряющее. Есенин мягко защищался, отмахиваясь как от надоедливой мухи: ничего нет, кро-

ме этого золотого дня; люблю жизнь, которая дана мне; знаю только то, что вижу; верю только в эту жизнь.

Трудно было понять, смотрит ли Есенин на поэта Чекрыгина снисходительно или искренно возражает ему. Чекрыгин не унимался. Снова и снова нападал на Есенина. Мне стало как-то не по себе.

– Перестаньте, – сказал я, – попробуйте написать такие стихи, какие пишет Есенин, тогда и разговаривайте. Есенин прекрасный поэт, пусть он сам выбирает свой путь.

Осень 1924 года. Вечер.

Со мною поэт Х. Идем по Тверской. Вдруг я замечаю, что с нами идет кто-то третий. Оглядываюсь: поэт Чекрыгин. Из сумрака переулка вынырнул он неслышными шагами. Идем по направлению к Советской площади. Видим – едет мимо нас на извозчике молодой человек. На вид интеллигентный рабочий, в кепке и черном пиджаке. Молодой человек соскакивает с извозчика и подбегает к нам.

– Ба! Да это Есенин! Да как же это так? Почему же мы его не узнали?

Очень просто: волосы, сверх обыкновения, коротко подстрижены, костюм необычный, наверное, чужой. Он только что с вокзала, приехал из деревни, прямо мальчик: тоненький, обветренный. Совершенно мальчишеский вид и разговаривает как-то по-другому. Чуть-чуть навеселе. Расцеловались.

Жил в деревне, ловил рыбу. С места в карьер начал рассказывать о своей деревенской жизни. Размахивает руками, говорит громко, на всю улицу. Сразу видно, что все приключения деревенской жизни украшает и преувеличивает.

Ходил ловить рыбу, с сестрой. Сестра у него такая, какой в мире нет. Леща поймал на удочку. Такого леща, что с берега никак нельзя вытащить. Лезет в воду сестра. Полез в воду сам. «Тяну леща к себе, а он тянет к себе...» Брат у него. Сила! Такого силача нигде нет. Не говори

ему поперек. Убьет. Рассказ повторяется снова и снова. Брат, сестра, лещ. Сестра, лещ, брат. Лещ, сестра, брат.

Зашли в погребок «Мышиная нора» на Кузнецком. Низкая комната. Есенин читает новые стихи, написанные в деревне: «Отговорила роща золотая».

Читал как всегда.

После стихов разговор перешел на мелочи повседневной жизни, о которых трудно вспомнить. Поэт Х. предлагает ехать к нему. Позвали извозчика. Чекрыгин не хотел отставать от нас. Квартира Х. Около 2 часов ночи. Увидев револьвер в руках у Есенина, поэт Чекрыгин патетически воскликнул:

– Дайте мне револьвер, и я здесь же при вас покончу с собой!

Кто-то из нас возражает:

– Во-первых, нам не нужны наглядные доказательства вашей теории, а во-вторых – неприлично впутывать ваших знакомых в такую нелепую историю.

Снова:

– Дайте мне револьвер, я выйду к подъезду дома и сделаю то, что мне нужно. Или я пойду в определенное место любой улицы, которую вы мне укажете, и, придя туда, тотчас же выполню обещанное.

– Сядьте и успокойтесь! Все равно по номеру револьвера узнают его владельца. Сядьте.

Проходит некоторое время; поэт Чекрыгин на минуту удаляется из комнаты, Есенин вынимает патроны из револьвера и разряженный револьвер кладет в карман. Есенин по возвращении Чекрыгина нарочно затевает незначительный разговор, чтобы замаскировать свое намеренье. Через несколько минут поэт Чекрыгин опять начинает просить револьвер. Играя, Есенин отказывает ему. Поэт Чекрыгин подходит к Есенину и умоляет дать ему револьвер.

– Н-на!

Поэт Чекрыгин берет револьвер, отходит к двери, останавливается у косяка и при гробовом молчании пять раз подряд с полным спокойствием спуска-

ет курок, приставив к виску дуло револьвера. Потом он смертельно бледнеет, делает три шага вправо и молча падает в кресло. Минут пять он остается без движения. Встает и начинает продолжать прерванный разговор. Казалось, что случившееся было для него привычным делом.

Весной 1925 года...

... Крученых предложил издательству «Современная Россия», в котором я работал, книгу, направленную против Есенина. Заглавие книги было следующее: «Почему любят Есенина». «Современная Россия» отказалась печатать книгу Крученых, так как Есенин был сотрудником издательства – две книги Есенина вышли в «Современной России», к тому же доводы критика были неосновательны.

Летом, придя в издательство, Крученых встретил там одного из друзей Есенина – А.М. Сахарова. Узнав о книге Крученых, Сахаров стал доказывать, что выступление злостного критика не повредит Есенину; напротив, прибавит поэту лишнюю крупицу славы. Сахаров обещал переговорить по этому поводу с Есениным. Через некоторое время выяснилось, что Есенин ничего не имеет против выступления недоброжелательного критика, ничего не имеет против, если книга Крученых выйдет в «Современной России».

Разговоры о книге Крученых тянулись до осени. «Современная Россия», несмотря на согласие Есенина, считала книгу Крученых негодной.

В ноябре Крученых зашел в «Современную Россию», встретил там Есенина и спросил, как он относится к факту напечатания книги, направленной против него. Есенин сказал, что он не имеет никакого морального права вмешиваться в личное дело Крученых; критика, разумеется, свободна; это настолько очевидно, что не стоит и разговаривать.

Есенин и я направляемся ко мне на квартиру. Крученых следует за нами. Является Александровский.

Есенин в хорошем настроении. Достает бутылку портвейна. Начинает подшучивать над Крученых:

– Крученых перекрутил, перевернул литературу.

– Напишите это и подпишитесь! – засуетился Крученых. Стал оглядываться по сторонам, ища бумаги, обшарил карманы, полез в портфель и быстро вынул необходимые канцелярские принадлежности. Услужливо положил бумагу на книгу, чтобы удобнее было писать.

Крученых во что бы то ни стало хотел получить письменное согласие на печатание книги, направленной против Есенина.

Есенин начал возмущаться:

– При чем тут согласие, что за вздор? При чем тут подписка? Что это – подписка о невыезде, что ли?

Крученых продолжал просить. Есенин, саркастически ухмыляясь, написал под диктовку Крученых эту фразу.

Есенин не спеша налил портвейн. Выразительно обнес Крученых. Подчеркнул этот жест. Крученых подставил рюмку.

Есенин, негодуя, крикнул:

– Таких дураков нам не надо!

Назревало недоразумение. Буря вот-вот должна была разразиться. Крученых учел обстановку. Спешно собрал свои канцелярские принадлежности и юркнул в дверь.

1925 г. Осень. Ноябрь.

Встречаю Есенина в Столешниковом переулке:

– Вечно ты шатаешься, Сергей! Когда же ты пишешь?

– Всегда.

Цитирую:

Осужден я на каторге чувств...

Вертеть жернова поэм, –

заканчивает Есенин, цитируя себя.

1925 г. Осень.

Я купил два старинных кресла ампир. Огромные, как троны. Из красного дерева, с золото-зеленым бархатом, с бронзовыми крылатыми сфинксами и амурами. Есенин, приходя ко мне, обычно садился в одно из этих кресел за маленьким восьмиугольным столиком, против меня. Раздевался он редко. Иногда снимал только шапку. В последнее время я привык видеть его в шубе с бобровым воротником, в бобровой шапке.

В таком наряде, широко и выразительно размахивающий руками при разговоре, этот замечательный человек был похож на молодого древнерусского боярина, вернее – на великолепного разбойничьего атамана. Темной осенней ночью в дремучем лесу снял он с боярина шубу и бобровую шапку.

В такой одежде на золото-зеленом фоне сияла его когда-то светло-золотая, а теперь тускнеющая испепеленная голова. Глядя на него, сидящего в огромном кресле, освещенного зеленым и золотым, я иногда вспоминал его «Москву кабацкую» – стихи, относящиеся к нему самому, к его внешности:

Тех волос золотое сено
Превращается в серый цвет.
Запрокинулась и отяжелела
Золотая моя голова.

1925 год. Осень.

Ранним вечером в моей комнате собрались поэты, издатели и одна московская поэтесса. Человек шесть. Все пришли случайно. Явился Есенин. Он был каким-то вялым. Молча сидел в кресле. Вид у него был усталый, измученный. Казалось, он только что пережил неприятные минуты.

Есенин был недоволен поэтессой: она почему-то ему не нравилась. Начал по адресу поэтессы говорить колкости.

– Не обижай ее, Сережа! Она – Есенин в юбке, – сказал я.

Есенин замолчал и оставил поэтессу в покое.

Прятели пробыли у меня недолго. Каждый куда-то спешил. Быстро начали расходиться. Я сидел на некотором расстоянии от Есенина. Вдруг он встал, приблизился ко мне и в полудремоте склонился ко мне на колени. Около получаса Есенин оставался неподвижным. Я собирался уложить его в постель. Был полумрак и тишина. Я вспомнил строчки из «Персидских мотивов»:

Я давно в судьбе ищу покоя...
На коленях дай мне отдохнуть.

Меня охватила такая жалость к этому несчастному человеку, что я едва сдерживал слезы. Есенин неожиданно встал. Я пошел его проводить. У подъезда показался поэт А. Он предложил свои услуги доехать с Есениным до его квартиры на Остоженку. Крикнули извозчика. Поехали. Я посмотрел вслед уезжающим и с грустью подумал: доедут ли?

298

Иван Грузинов

1925 г. Ноябрь.

В полдень приходит ко мне Есенин. Есенин возбужден. В шубе с бобровым воротником и в бобровой шапке. Непрерывно говорил. Был оживлен чрезвычайно.

– Знаешь ли ты, упрямый. Я ломаю себя. Когда истощаются средства, то, знаешь ли, как можно писать стихи? Дай бумаги!

Разрезали бумагу на мелкие квадратики. Начали играть в примитивную стихомашину.

– Глагол – пустяк, глагол подразумевается, глагол будет найден после. Пиши существительные, я буду писать прилагательные, – заметил Есенин.

Стали наугад соединять его прилагательные с моими существительными. Игра была неудачной. Я намеренно, в шутку, подбирал существительные, ничего не имеющие общего с есенинским поэтическим словарем. Я действовал, как человек, бросающий под вертящийся мельничный жернов вместо зерен булыжник.

Насколько мне известно, Есенин прибегал иногда к способу писания стихов посредством примитивной стихомашины. У него была небольшая сумка, куда он складывал слова, написанные на отдельных бумажках, он тряс эту сумку, чтобы смешать бумажки, затем вынимал несколько бумажек. Комбинация из слов, полученных таким путем, давала первый толчок к работе над стихом.

Этим способом писания стихов поэт хотел расширить рамки необходимого, хотел убежать из тюрьмы своего мозга, хотел многое предоставить стечению обстоятельств, игре случая. Этот способ писания стихов напоминает игру в счастье, гаданье по билетикам, которые вынимает сидящий в клетке уличный попугай.

Разумеется, к искусственному способу писания стихов Есенин относился несерьезно; это была только забава, и притом на короткий срок. Припоминаю, что лет пять назад я несколько раз говорил с Есениным об устройстве стихомашины. В то же время я изложил Валерию Брюсову свой проект стихомашины. Я предлагал устраивать вечера стихомашины для публики. Валерий Брюсов заметил, что мой проект напоминает «великое искусство» Луллия. Известно, что Раймунд Луллий (1234–1315) изобрел систему «великого искусства», состоящую в логико-механическом методе расположения понятий по определенным местам и определенным способом, для того, чтобы таким путем, т.е. путем различной перестановки и сочетания понятий, находить чисто умозрительным способом все, что можно сказать о предмете. Между прочим, Джордано Бруно увлекался «искусством» Луллия.

После неудачной игры в стихомашину Есенин прочел новое стихотворение. Оно было строгое, безукоризненное. Зная, что в последнее время Есенина часто пилили за неудачные стихи, я заметил, что напрасно его враги и друзья в кавычках нападают на него, позволяют себе упрекать его в упадке сил, позволяют делать намеки на то, что будто бы он исписался; последнее

стихотворение показывает, что он движется вперед, – это пушкинские стихи.

Есенин заговорил о форме стиха: о концевых созвучиях.

– Стихия и Россия нельзя рифмовать. А между тем наши предшественники, например Блок, почти все время так рифмовали. Сочетание разнородных согласных их не коробило, у них не так тонок слух, их удовлетворяли одинаково звучащие гласные. У нас концевые созвучия должны быть иные, согласные должны быть или одинаковы, или близки друг к другу по звучанию. Вот у меня: проси я – Россия.

Дальше Есенин предложил обсудить следующий вопрос.

Какую из рифмуемых строчек следует ставить первой – короткую ли с окончанием на гласный или удлиненную согласными звуками?

Я дал примеры: тренькать – деревенька, голубым – на дыбы, скорее – канареек, перестать – уста, Руси – колесить.

Есенин утверждал, что строчку с кратким окончанием следует ставить второй, так, по его мнению, лучше звучит. Я не совсем соглашался с Есениным: такая расстановка рифмуемых строк, может быть, в большинстве случаев звучит лучше, но бывает и обратно; по-видимому, здесь нужно учитывать другие элементы стиха. В доказательство своего мнения я привел примеры из народных песен и отрывки из современных поэтов, а также отрывки из стихов Есенина.

Есенин прервал спор:

– Я тебя разыграю.

Это означало, что Есенин начинает игру в «хохотушку». Странная игра в «хохотушку» возникла во время военного коммунизма. Полуголодные поэты собирались в комнате одного из своих товарищей, уславливались: можно говорить в глаза друг другу что угодно – правду и ложь, насмешливое, злое, отвратительное, грубое, – никто не имеет права обижаться. Число при-

глашаемых на «хохотушку» определялось заранее, человек 5-6. Подбор участников был строгий. Иногда заранее намечалась и жертва: будем изводить такого-то. Кто-нибудь из участников доставал чаю. Настоящий китайский чай в голодное время был редкостью, поэтому он действовал как хорошее возбуждающее средство, как легкий опьяняющий напиток. Женщин на «хохотушку» не приглашали: при них игра становилась невозможной. Пригласили однажды поэтессу, игру пришлось прекратить. Игра в «хохотушку» – это своеобразный «Пир во время чумы».

Есенин в «хохотушках» участвовал редко. В характере этого великого лирика отсутствовала саркастическая соль. У него не было ни одного едкого сатирического стихотворения. Юмористические стихи его, написанные по случаю, всегда пресны.

Есенин начал игру. Он напал. Я защищался, намеренно давая ему козыри в руки, чтобы подогреть игру. Я не принял брошенного вызова: я знал, что Есенин болен, и не хотел играть на нервах больного человека. Под конец игра приняла вид насмешливой литературной беседы. Говорили быстро, перебивая друг друга, одновременно.

Есенин понял, что я намеренно не принимаю вызова, не затрагиваю его больные места. Это тронуло его. Он встал, привлек меня к себе. Обнялись и крепко поцеловались. Он собрался уходить. Я провожал его. Он снова в коридоре квартиры продолжал игру. Я защищался. Вышли на площадку лестницы. Снова обнялись и расцеловались.

1925 г.

В Доме печати был вечер современной поэзии. Меня просили пригласить на вечер Есенина. Я пригласил и потом жалел, что сделал это: я убедился, что читать ему было чрезвычайно трудно. Поэтов на вечере было много – в программе и сверх программы. Есенину долго пришлось ждать очереди в соседней комнатке. Его вы-

ступление отложили к концу. Опасались, что публика, выслушав Есенина в начале вечера, не захочет слушать других поэтов и разойдется. Есенин читал новые, тогда еще не опубликованные стихи из цикла «Персидские мотивы» и ряд других стихотворений. Голос у него был хриплый. Читал он с большим напряжением. Градом с него лил пот. Начал читать – «Синий туман. Снеговое раздолье». Вдруг остановился – никак не мог прочесть заключительные восемь строк этого вещего стихотворения:

Все успокоились, все там будем,
Как в этой жизни радей, ни радей.
Вот почему так тянусь я к людям,
Вот почему так люблю людей,
Вот отчего я чуть-чуть не заплакал,
И, улыбаясь, душой погас.
Эту избу на крыльце с собакой
Словно я вижу в последний раз.

302

Иван Гривинин

Его охватило волнение. Он не мог произнести ни слова. Его душили слезы. Прервал чтение. Через несколько мгновений овладел собой. С трудом дочитал до конца последние строки.

Это публичное выступление Есенина было последним в его жизни. Есенин прощался с эстрадой.

1925 г. Ноябрь.

В кресле, против меня, Есенин.

Есенин возбужден. Глаза сверкают. Его возбуждение невольно передается и мне. Действует как гипноз. Мною овладевает нервное веселье. Вскинув правую руку, как деревенский оратор:

– Напиши обо мне некролог.

– Некролог?

– Некролог. Я скроюсь. Преданные мне люди устроят мои похороны. В газетах и журналах появятся статьи. Потом я явлюсь. Я скроюсь на неделю, на две, что-

бы журналы успели напечатать обо мне статьи. А потом я явлюсь.

Вскрикивает:

– Посмотрим, как они напишут обо мне! Увидим, кто друг, кто враг!

1925 г. Декабрь.

За день до отъезда в Ленинград Есенин несколько раз приходил в издательство «Современная Россия», но никого не заставлял. Вслед за Есениным приходил врач Андерсон, работающий в психиатрической клинике, из которой Есенин только что выписался. Врач почему-то разыскивал его, оставил номер телефона и просил передать Есенину, чтобы тот непременно ему позвонил.

Вечером того же дня Сахаров и я при входе в клуб Союза писателей встретили Есенина. Он был вместе с Клычковым. Клычков быстро ушел. Есенин был пьян. Губы у него почему-то были ярко-красного цвета, как будто от порезов или укусов. Сахарова и меня он, против обыкновения, встретил неприятливо.

Стал упрекать Сахарова:

– Ты мне не друг. Ты не посетил меня в клинике.

– От меня скрывали адрес. Мне дали понять, чтобы я не являлся к тебе. Я обиделся. Что ж мне – драться с ними?

Затем, обратившись ко мне, Есенин стал и по моему адресу направлять те же упреки. Я молчал. Я не хотел защищаться. Потом улеглось. Он заговорил о своей сестре. Высказал удовольствие, что выдает ее замуж.

Я и один из моих спутников взяли Есенина под руки, повели в соседнюю пустую комнату и уложили на диван. Просил, чтобы его не оставляли здесь и проводили домой. Это ему было обещано, и он успокоился.

Из соседней комнаты несколько раз он кричал:

– Вина! Вина!

Затем умолк.

Немного погодя я вошел в комнату, где лежал Есенин, чтобы узнать, как он себя чувствует. В комнате было полутемно. На диване пусто. Отыскивая Есенина, я прошел по всем комнатам клуба. Было пусто. Снова вернулся к дивану, на который мы его уложили, – и увидел Есенина, едва не наткнувшись на него. Он лежал навзничь, на ковре, между столом и диваном.

~
~
~

О СМЕРТИ ЕСЕНИНА

Из сборника «Памяти Есенина»
(М.: ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПОЭТОВ, 1926)

I

1919 г. Кафе поэтов Тверская, 18. Комната правления Союза поэтов.

Зимние сумерки. Густой табачный дым. Комната правления по соседству с кухней. Из кухни веет теплыню, доносятся запахи яств. Время военного коммунизма: пища и тепло приятны несказанно. Тепло и пища: что ж еще в жизни нужно?

Беседуем с Есениным о литературе. Беседа оживленная. Первые годы нашего знакомства с Есениным были для него периодом усиленного искания творческого пути; в этот период Есенин любил беседовать, любил философствовать. В дальнейшем он стал меньше разговаривать об искусстве; и только в последний год своей жизни, в особенности в последние месяцы, перед смертью, он по-прежнему много рассуждал об искусстве.

– Знаешь ли, – между прочим сказал Есенин: – Я очень люблю Гебеля. Гебель оказал на меня большое влияние. Знаешь? Немецкий народный поэт...

– У немцев есть три поэта с очень похожими фамилиями, но с различными именами: Фридрих Геббель, Эмануэль Гейбель и, наконец, Иоганн Гебель. Иоганн Гебель – автор «Овсяного Киселя».

– Вот. Этот самый Гебель, автор «Овсяного Киселя», и оказал на меня влияние.

– Представь себе, Сергей: тетка моя, простая крестьянка, научилась грамоте от своих детей-школьников, прочла «Овсяный Кисель» в переводе Жуковского или, может быть, только прослушала по хрестоматии эту немецкую идиллию и сложила песню про кисель. Приду-

мала мотив к песне и распевала ее на крестьянских пирушках и свадьбах. Я не знаю наизусть этой песни. Она отличается большой непосредственностью, наивна и трогательна; в этой песне, точно так же как и во многих вещах Гебеля, есть нравоучение. По форме она отличная вещь: тонкие изысканные концевые созвучия. Нужно будет записать эту песню. Мне приятно, что ты и моя тетка литературные родственники: у вас общий литературный отец: Гебель. По крайней мере, он вам обоим отец крестный.

Я никогда не забывал признания Есенина о влиянии на него Гебеля, но мне ни разу не приходилось об этом писать.

В настоящее время пристально всматриваясь в произведения Гебеля и Есенина, заметил многое, чего раньше не замечал. Меня поразили некоторые черты сходства в творчестве обоих поэтов.

Напомню читателям о Гебеле: Иоганн-Петр Гебель (1760–1826 г.) происходил из бедной семьи ткача. Писал на южно-немецком народном диалекте. Писал он по преимуществу идилии. Самая выдающаяся книга Гебеля его «Алеманские стихотворения» («Alemannische Gedichte»), появившиеся в 1803 году. Эта книга написана на наивном и гармоничном наречии. В ней Гебель отражает жизнь, образ мыслей и нравы родины. «Алеманские стихотворения» полны теплоты, мягкости и задушевности, в них непосредственность чувства и мысли изредка нарушается морализирующими чертами.

Гете высоко оценивал Гебеля. Вот что говорит Гете об авторе «Алеманских стихотворений»: «Гебель, изображая свежими, яркими красками неодошевленную природу, умеет оживотворять ее милыми аллегориями. Древние поэты и новейшие их подражатели наполняли ее существами идеальными: нимфы, дриады, орады жили в утесах, деревьях и потоках. Гебель, напротив, видит во всех сих предметах одних знакомцев своих – поселян, и все его стихотворные вымыслы самым

приятным образом напоминают нам о сельской жизни, о судьбе смиренного земледельца и пастуха... Во всем, и на земле и на небесах, он видит своего сельского жителя; с пленительным простосердечием описывает он его полевые труды, его семейственные радости и печали; особенно удаются ему изображения времен дня и года; он дает душу растениям; привлекательно изображает все чистое, нравственное и радуется сердцем картинами ясно-беззаботной жизни. Но так же просто и разительнo изображает он ужасное, нередко с тою же любезною простотою говорит о предметах более высоких, о смерти, о тленности земного, о неизменяемости небесного, о жизни за гробом – и язык его, не переставая ни на минуту быть искусственным языком поселенины, без всякого усилия возвышается вместе с предметами, выражая равно и важное, и высокое, и меланхолическое». (Цитирую в переводе В.А. Жуковского.)

Я привожу подробно мнение Гете о Гебеле потому, что те же черты, какие отмечает Гете в творчестве Гебеля, определяют раннее творчество Есенина.

Есенин в своей книге «Ключи Марии», раскрывая понятие ангелического образа, упоминает Гебеля одновременно с Эдгаром По, Лонгфелло, Уландом и Шекспиром. Произведения Гебеля Есенин ставит наряду с теми произведениями, «которые выпукло светят на протяжении долгого ряда веков».

Многие стихи Есенина по содержанию и настроению близки к гебелевским.

Влияние Гебеля заметно в некоторых стихах «Голубени», «Сельского Часослова», «Трерядницы».

Есенин на всем протяжении своего творческого пути то удалялся от Гебеля, то снова возвращался к нему.

В особенности близок Есенин к Гебелю в «Пантократоре»: по теме, по мысли, вложенной в это произведение. «Пантократор» – это «Тленность» Гебеля. В «Тленности» Гебеля дед и внук ведут разговор о судьбах мира, о назначении людей, о гибели земли, о жиз-

ни за гробом после исчезновения жизни на земле. При чем у Гебеля дед поучает внука, дед повествует о судьбе мира и людей. В «Пантократоре» внук обращается к умершему деду с теми же самыми речами, которые Гебель вкладывает в уста деда.

Встреча живых и умерших дана у Есенина точно так же, как и у Гебеля.

В доказательство несколько цитат из обоих поэтов. Цитирую Гебеля в переводе В.А. Жуковского:

Гебель:

Все, наконец,
Зажглось, горит, горит и прогорает
До дна, и некому тушить, и само
Потухнет...

Есенин:

С земли на незримую сушу
Отчалить и мне суждено.
Я сам положу свою душу
На это горящее дно.

Гебель:

...но будешь добр и будешь
В одной из звезд, и будет мир с тобою;
А если Бог посудит, то найдешь
Там и своих: отца и мать и... деда.

Есенин:

О, пусть они, те, кто во мгле
Нас пьют лампадой в небе,
Увидят со своих полей,
Что мы к ним в гости едем.

Предсмертное стихотворение Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья» звучит по-гебелевски. Умирая, Есенин вернулся к Гебелю: «встреча впере-

ди», встреча в загробной жизни, встреча в ином мире: это мотив Гебеля и романтиков.

У Есенина есть изумительное стихотворение по скрытой в нем трагической сущности; написано оно в последний год жизни поэта. В этом стихотворении Есенин, между прочим, говорит:

Ставил я на пиковую даму,
А сыграл бубнового туза.

Играть на пиковую даму плохо: эпиграфом к «Пиковой даме», взятым Пушкиным из «новейшей гадательной книги», является следующая цитата: «Пиковая дама означает тайную недоброжелательность». Пушкинский Германн сыграл на пиковую даму и плохо, очень плохо окончил игру.

Сыграть бубнового туза еще хуже, хуже этого ничего не может быть на свете.

Символика есенинского бубнового туза раскрывается в полной мере только при одном условии: если мы знаем о влиянии Гебеля на нашего поэта.

Смотритесь в сказку Гебеля: «Красный карбункул».

Всем был хорош, и умен, и проворен герой сказки – Вальтер. Но рано он стал трактиры любить. Карты брал он по праздникам в руки. Однажды в трактире, заметив бешеную игру Вальтера, некто Зеленый, слышущий в народе Букой, проворчал, покосившись:

«Ты не уйдешь от меня!»

Мина, невеста Вальтера, видит вещий сон: чернец дает ей три карты: одна из этих карт – туз бубновый, не так ли? Плохо; ведь красный карбункул, значит он... доля недобрая.

Женившись, Вальтер дает обещание Мине:

Я от игры откажусь и карты проклятые брошу;
Душу возьми сатана, как скоро хоть пальцем их трону.
Но отстать от вина – и во сне не проси; не отстану.

Вальтер не сдержал обещания. Вот пришел он в трактир, а Зеленый уж там и тасует. Снова Зеленый вытягивает его в игру. Зеленый проигрывается и в уплату проигрыша дает Вальтеру чудесный перстень:

Камень редкий, карбункул; в нем же есть тайная сила...
Знай: как скоро нет денег, ты перстень – на палец, да смело
Руку в карман, и вынется звонкий, серебряный талер.

Чем дальше, тем хуже. Кто заглянет в полночь в трактир, в полдень иль в три часа пополудни – Вальтер сидит за столом и тасует...

Вальтер разрушил семейный очаг. Его, как холод, охватывает ужас. Он бежит. Ночь. Поле. Кличет Зеленого. Тот является.

– Послушай, здесь оставаться теперь не годится, – говорит Зеленый: – будет плохо.

И советует Вальтеру скрыться.

310

Вместе они совершают побег. Снова трактир. В трактире светится свечка.

– Зайдем на минутку, – предлагает Зеленый: – тут есть добрые люди; помогут тебе разгуляться.

Входят. В трактире сидят запоздалые, пьют и играют. Вальтер с Зеленым подвинулись к ним, и война закипела.

В «Красном карбункуле» Гебеля, точно так же как и у Пушкина в его «Пиковой даме», значение слов, условно употребляемых в картежной игре, переносится в расстроенном воображении героя на действительность, принимается как реальный факт, как сама реальная жизнь.

Привожу выдержки из Пушкина и Гебеля в качестве иллюстрации этого редкого литературно-психологического приема:

Пушкин:

– Дама ваша убита, – сказал ласково Чекалинский. Германн вздрогнул... В эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась.

Необыкновенное сходство поразило его...
– Старуха! – закричал он в ужасе.

Гебель:

– Бей! – кричат. – «Подходи!» – Я лопнул! –
«Козырь!» – Зарезал!..
Зарезал!.. глубоко, глубоко.

В сердце к нему заронилось тяжелое слово; а Бука,
Только что взятку возьмут, повторит
да на Вальтера взглянет.

Вальтер играет в ночном трактире, имея с собою чудесный перстень. Мать, как на выбор, негодная сыплет. Проигрывается. Он обманут: перстень теряет чудесную силу.

Вот... и первого четверть. С перстнем на пальце он руку
Всунул в карман: «Разменяйте мне талер». Плохая монета.
Вальтер, плохая монета: в кармане битые стекла!..
Поздно, поздно, ничто не поможет...

Ночь. Зеленый идет впереди, а за ним бредет Вальтер, как покорный ягненок, бредет к кровавой колоде. Звезды на небе смеркли. Воздух душен. Ветка не тронется. Листик не дрогнет. В ночной тишине и тьме слышит он голос Зеленого:

– Вальтер, что же ты так замолчал?..
Уже не молишься ль, Вальтер?
Или считаешь свой проигрыш? Все проиграл невозвратно.
Как быть? А выбор остался плохой, я сам признаюсь.

Зеленый дает Вальтеру оружие и уговаривает покончить с собой. Несчастный Вальтер-Сережа накладывает на себя руки.

24/III 1926

Мелуары

311

)}
)}
)}

С. ЕСЕНИН РАЗГОВАРИВАЕТ О ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

1

1919 г.

Есенин неподражаемо читал свои стихи: в кругу близких, в клубах, в кафе, на бульварах.

Но насколько хорошо Есенин читал стихи, настолько же плохо он говорил с эстрады. Есенин не был оратором. Говоря в общественных местах, перед посторонней публикой, он долго подыскивал нужные обороты речи, бесконечно тянул неопределенные междометия, иногда неожиданно, с силой выбрасывал отдельные слова, отдельные короткие фразы.

Он интенсивно размахивал руками, стараясь помочь себе жестами. Не найдя нужного ему слова, нужного оборота речи, он часто заменял их жестикуляцией и мимикой.

И, несмотря на трудности, с какими сопряжено было для него публичное выступление, он неоднократно выступал с речами: об искусстве, о своих стихах. Он учился ораторскому искусству так же, как учатся плавать: смело бросал себя, как в омут, в толпу.

Но говорить перед большой аудиторией связно и плавно ему удавалось редко.

Аудитория почти всегда добродушно относилась к Есенину, выступавшему с речами.

Однажды он в кафе «Домино» пытался произнести речь о литературе. Он долго тянул что-то невнятное. Слушатели не выдержали, начали подсмеиваться над оратором.

Послышались возгласы:

– Поэт-то ты, Есенин, хороший, а говорить не умеешь! Брось! Лучше читай стихи!

Есенин не закончил речи, виновато махнул рукой и сошел с эстрады.

312

Иван Грузинов

– Я не оратор. Это правда. Я не оратор, – оправдывался он, подойдя ко мне.

2

Есенин читает В. Розанова. Читает запоем. Отзывается о Розанове восторженно. Хвалит его как стилиста. Удивляется приемам его работы. Розанов в это время для него как поветрие, как корь. Особенно нравились ему «Опавшие листья».

Стоим под аркой в кафе «Домино», под аркой, разделявшей «Домино» на два зала. Есенин упоминает об одной из книг Розанова.

Я спрашиваю его:

– А ты был, Сергей, знаком с Розановым?

– В Петербурге, когда я юношей приехал туда, я познакомился с Розановым. Розанову нравились мои стихи. Однажды Розанов, встретив меня, приласкал; как мальчика, погладил по голове и сказал: пиши, пиши! Хорошие стихи пишешь!

3

Георгиевский пер., д. 7, квартира Быстрова.

Есенин увлекается Меем. Помню книжку Мея, в красной обложке, издание Маркса. Он выбирает лучшие, по его мнению, стихи Мея, читает мне. Утверждает, что у Мея чрезвычайно образный язык. Утверждает, что Мей имажинист.

По-видимому, увлечение Меем было у него непродолжительно. В дальнейшем он не возвращается к Мею, ни разу не упоминал о нем.

4

«Домино».

Комната правления союза поэтов. Зимние сумерки. Густой табачный дым. Комната правления по сосед-

ству с кухней. Из кухни веет теплыню, доносятся запахи яств. Время военного коммунизма: пища и тепло приятны несказанно.

Беседуем с Есениным о литературе.

– Знаешь ли, – между прочим сказал Есенин, – я очень люблю Гебеля. Гебель оказал на меня большое влияние. Знаешь? Немецкий народный поэт...

– У немцев есть три поэта с очень похожими фамилиями, но с различными именами: Фридрих Геббель, Эмануэль Гейбель и, наконец, Иоганн Гебель – автор «Овсяного киселя».

– Вот. Этот самый Гебель, автор «Овсяного киселя», и оказал на меня влияние.

5

Есенин любил конкретно выражать свои мысли, любил наглядность в объяснении. Любил подкреплять свои мысли сравнениями.

Так, выворачивая перчатку и показывая ее собеседнику, он иногда произносил такую фразу:

– Я выворачиваю мир, как перчатку.

6

1920 г.

Ночь. Шатаемся по улицам Москвы. С нами два-три знакомых поэта. Переходим Страстную площадь.

– Я не буду литератором. Я не хочу быть литератором. Я буду только поэтом.

Есенин утверждал это спустя четыре года после выхода в свет его повести «Яр», напечатанной в «Северных записках» в 1916 году. Он никогда не говорил о своей повести, скрывал свое авторство. По-видимому, повесть его не удовлетворяла: в прозе он чувствовал себя слабым, слабее, чем в стихах. В дальнейшем он обратился исключительно к стихотворной форме: лирика, поэма, драма, повесть в стихах.

В том же году, после выхода в свет «Ключей Марии», в кафе «Домино» он спрашивает: хорошо ли написана им теория искусства? Нравятся ли мне «Ключи Марии»?

Почему-то не было времени разбираться в его теории искусства по существу, и я ответил, что книжку следовало бы разделить на маленькие главы.

7

«Домино». Хлопают двери. Шныряют официанты. Поэтессы. Актеры. Актрисы. Люди неопределенных занятий. Поэты шляются целыми оравами.

У открытой двери в комнату правления союза поэтов – Есенин и Осип Мандельштам. Ощетинившийся Есенин, стоя вполоборота к Мандельштаму:

– Вы плохой поэт! Вы плохо владеете формой! У вас глагольные рифмы!

Мандельштам возражает. Пыжится. Красный от возмущения и негодования.

Мемуары

315

8

Осень. «Домино».

В кафе «Домино» два больших зала: в одном зале эстрада и столики для публики, в другом только столики. Эти столики для поэтов. В первый год существования кафе залы разделялись огромным занавесом. Обычно во время исполнения программы невыступающие поэты смотрели на эстраду, занимая проход между двумя залами.

В глубине, за вторым залом, комната правления союза поэтов.

Есенин только что вернулся в Москву из поездки на Кавказ. У него новая поэма «Сорокоуст». Сидим с ним за столиком во втором зале кафе. Вдруг он прерывает разговор:

– Помолчим несколько минут, я подумаю, я приготовлю речь.

)}
)}
)}

Чтобы дать ему возможность подготовиться к выступлению, я ушел в комнату правления союза поэтов. Явился Валерий Брюсов.

Через две-три минуты Есенин на эстраде.

Обычный литературный вечер. Человек сто посетителей: поэты и тайнопишущие. В ту эпоху, в кафеинный период литературы, каждый день неукоснительно поэты и тайнопишущие посещали «Домино» или «Стойло Пегаса». Они-то и составляли неизменный контингент слушателей стихов. Другая публика приходила в кафе позже: ради скандалов.

На этом вечере была своя поэтическая аудитория. Слушатели сидели скромно. Большинство из них жило впроголодь: расположились на стульях, расставленных рядами и за пустыми столиками.

Есенин нервно ходил по подмосткам эстрады. Жаловался, горячился, распекал, ругался: он первый, он самый лучший поэт в России, кто-то ему мешает, кто-то его не признает. Затем громко читал «Сорокоуст». Так громко, что проходящие по Тверской могли слышать его поэму.

По-видимому, он ожидал протестов со стороны слушателей, недовольных возгласов, воплей негодования. Ничего подобного не случилось: присутствующие спокойно выслушали его бурную речь и не менее бурную поэму.

Во время выступления Есенина я все время находился во втором зале кафе. После выступления он пришел туда же. Он чувствовал себя неловко: ожидал борьбы и вдруг... никто не протестует.

– Рожаете, Сергей Александрович? – улыбаясь, спрашивает Валерий Брюсов.

Улыбка у Брюсова напряженная: старается с официального тона перейти на искренний и ласковый тон.

– Да, – отвечает Есенин невнятно.

– Рожайте, рожайте! – ласково продолжает Брюсов. В этой ласковости Брюсова чувствовалось одобрение и поощрение мэтра по отношению к молодому поэту.

В этой ласковости Брюсова была какая-то неестественность. Брюсов для Есенина был всегда посторонним. Они были чужды друг другу, между ними никогда не было близости. «Сорокоуст» был первым произведением, которое Брюсов хорошо встретил.

Об отношении Есенина к Брюсову можно судить по одной есенинской частушке:

Скачет Брюсов по Тверской
Не мышой, а крысиной,
Дядя, дядя! я большой,
Скоро буду с лысиной.

9

На улицах Москвы желтые, из оберточной бумаги, афиши:

БОЛЬШОЙ ЗАЛ КОНСЕРВАТОРИИ
(Б. Никитская) в четверг, 4-го ноября с. г.
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
«СУД НАД ИМАЖИНИСТАМИ».

317

Мемуары

}\n}\n}

Литературный обвинитель – Валерий Брюсов.
Гражданский истец – И.А. Аксенов.
Подсудимые имажинисты – И. Грузинов, С. Есенин,
А. Куסיков, А. Мариенгоф, В. Шершеневич.

Свидетели со стороны обвинения – Адалис, С. Буданцев, Т. Левит.

Свидетели со стороны защиты – И. Эрдман, Ф. Жиц.
12 судей из публики.

Начало в 7 ¹/₂ час. вечера.

Билеты продаются – Зал Консерватории, ежедневно от 11 до 5 час. Театральная касса РТО (Петровка, 5), а в день лекции при входе в зал.

Суд над имажинистами – это один из самых веселых литературных вечеров.

Валерий Брюсов обвинял имажинистов как лиц, составивших тайное сообщество с целью ниспровержения существующего литературного строя в России.

Группа молодых поэтов, именующих себя имажинистами, по мнению Брюсова, произвела на существующий литературный строй покушение с негодными средствами, взяв за основу логического творчества образ, по преимуществу метафору. Метафора же является частью целого: это только одна фигура или тропа из нескольких десятков фигур словесного искусства, давно известных литературам цивилизованного человечества.

Главный пункт юмористического обвинения был сформулирован Брюсовым так: имажинисты своей теорией ввели в заблуждение многих начинающих поэтов и соблазнили некоторых маститых литераторов.

Один из свидетелей со стороны обвинения доказывал, что В. Шершеневич подражает В. Маяковскому, и, чтобы убедить в этом слушателей, цитировал параллельно Маяковского и Шершеневича.

Есенин в последнем слове подсудимого напал на существующие литературные группировки – символистов, футуристов и в особенности на центрифугу, к которой причисляли в то время С. Боброва, Б. Пастернака и Аксенова. Последний был на литературном суде в качестве гражданского истца и выглядел в своей роли старшим милиционером.

Есенин, с широким жестом обращаясь в сторону Аксенова:

– Кто судит нас? кто? Что сделал в литературе гражданский истец, этот тип, утонувший в бороде?

Выходка Есенина понравилась публике. Публика смеялась и аплодировала.

Через несколько дней после «суда над имажинистами» ими был устроен в Политехническом музее «суд над русской литературой».

Представителем от подсудимой русской литературы являлся Валерий Брюсов.

Есенин играл роль литературного обвинителя. Он подготовил обвинительную речь и читал ее по бумажке звонким высоким тенором.

По прочтении речи стал критиковать ближайших литературных врагов-футуристов.

На этот раз он, сверх ожидания, говорил удачно и быстро овладел аудиторией.

– Маяковский безграмотен! – начал Есенин. При этом, как почти всегда, звук «г» он произносил порязански. «Яговал», как говорят о таком произношении московские мужики.

И от этого «ягования» подчеркивание безграмотности Маяковского приобретало невероятную четкость и выразительность. Оно вламывалось в уши слушателей, это резкое «з г р».

Затем он обратился к словотворчеству Велимира Хлебникова.

Доказывал, что словотворчество Хлебникова не имеет ничего общего с историей развития русского языка, что словотворчество Хлебникова произвольно и хаотично, что оно не только не намечает нового пути для русской поэзии, а, наоборот, уничтожает возможность движения вперед. Впрочем, смягчающим вину обстоятельством был признан для Хлебникова тот факт, что он перешел в группу имажинистов: Хлебников в Харькове всенародно был помазан миром имажинизма.

Вечер. Идем по Тверской. Советская площадь. Есенин критикует Маяковского, высказывает о Маяковском крайне отрицательное мнение.

Я:

– Неужели ты не заметил ни одной хорошей строчки у Маяковского? Ведь даже у Тредьяковского находят прекрасные строки?

Есенин:

– Мне нравятся строки о глазах газет. «Ах, закрой-те, закройте глаза газет!»

И он вспоминает отрывки из двух стихотворений Маяковского о войне: «Мама и убитый немцами вечер» и «Война объявлена».

Читает несколько строк с особой, свойственной ему нежностью и грустью.

Неоднократно Есенин утверждал, что Маяковский весь вышел из Уитмана.

Мне приходилось слышать от Есенина следующую частушку о Маяковском:

О, сыпь! ой, жарь!
Маяковский бездарь.
Рожа краской питана,
Обокрал Уитмана.

Отрицательное отношение к Маяковскому осталось у Есенина на всю жизнь.

В сборнике «Страна советская», изданном в 1925 году, он пишет о рекламных стихах Маяковского:

Мне мил стихов российский жар. Есть Маяковский, есть и кроме, Но он, их главный штабс-маляр, Поет о пробках в Моссельпроме.

1921 г.

Мы несколько раз посетили с Есениным музеи новой европейской живописи: бывш. собрания Щукина и Морозова.

Больше всего его занимал Пикассо.

Есенин достал откуда-то книгу о Пикассо на немецком языке, со множеством репродукций с работ Пикассо.

Ничевоки выступают в кафе «Домино».

Есенин и я присутствуем при их выступлении. Ничевоки предлагают нам высказаться об их стихах и теории.

С эстрады мы не хотим рассуждать о ничевоках. Ничевоки обступают нас во втором зале «Домино», и по неволе приходится высказываться.

Сначала теоретизирую я. Затем Есенин. Он развивает следующую мысль:

В поэзии нужно поступать так же, как поступает наш народ, создавая пословицы и поговорки.

Образ дня него, как и для народа, конкретен.

Образ для него, как и для народа, утилитарен; утилитарен в особом, лучшем смысле этого слова. Образ для него – это гать, которую он прокладывает через болото. Без этой гати – нет пути через болото.

При этом Есенин становится в позу идущего человека, показывая руками на лежащую перед ним гать.

После первого чтения «Пугачева» в «Стойле Пегаса» присутствующим режиссерам, артистам и публике Есенин излагал свою точку зрения на театральное искусство.

Сначала, как почти всегда в таких случаях, речь его была путаной и бессвязной, затем он овладел собой и более или менее отчетливо сформулировал свои теоретические положения.

Он сказал, что расходится во взглядах на искусство со своими друзьями-имажинистами: некоторые из его друзей считают, что в стихах образы должны быть нагромождены беспорядочной толпой. Такое беспорядочное нагромождение образов его не устраивает, толпе образов он предпочитает органический образ.

Точно так же он расходится со своими друзьями-имажинистами во взглядах на театральное искусство:

в то время как имажинисты главную роль в театре отводят действию, в ущерб слову, он полагает, что слову должна быть отведена в театре главная роль.

Он не желает унижать словесное искусство в угоду искусству театральному. Ему, как поэту, работающему преимущественно над словом, неприятна подчиненная роль слова в театре.

Вот почему его новая пьеса, в том виде, как она есть, является произведением лирическим.

И если режиссеры считают «Пугачева» не совсем сценичным, то автор заявляет, что переделывать его не намерен: пусть театр, если он желает ставить «Пугачева», перестроится так, чтобы его пьеса могла увидеть сцену в том виде, как она есть.

1922 г.

Есенин в кафе «Домино» познакомил меня с Айседорой Дункан. Мы разместились втроем за столиком. Пили кофе. Разглядывали надписи, рисунки и портреты поэтов, находящиеся под стеклянной крышкой столика. Показывали Дункан роспись на стенах «Домино».

Разговор не клеился. Была какая-то неловкость. Эта неловкость происходила, вероятно, потому, что Дункан не знала русского языка, а Есенин не говорил ни на одном из европейских языков.

Вскоре начали беседу о стихах. И время от времени обращались к Айседоре Дункан, чтобы чем-нибудь показать внимание к ней: по десять раз предлагали то кофе, то пирожное.

В руках у Есенина был немецкий иллюстрированный журнал. Готовясь поехать в Германию, он знакомился с новейшей немецкой литературой.

Он предложил мне просмотреть журнал, и мы вместе стали его перелистывать. Это был орган немецких дадаистов.

Есенин, глядя на рисунки дадаистов и читая их изречения и стихи:

– Ерунда! Такая же ерунда, как наш Крученых. Они отстали. Это у нас было давно.

Я возразил:

– У нас и теперь есть поэтические группы, близкие к немецким дадаистам: фуисты, беспредметники, ничевоки. Ближе всех к немецким дадаистам, пожалуй, ничевоки.

Уходя из «Домино», Есенин попросил меня дать ему только что вышедшую книжку стихов известной беспредметницы, сказав, что «Серафические подвески» у него уже есть.

В творчестве Есенина наступил перерыв. Он выискивал, прислушивался, весь насторожившись. Он оставался, готовясь сделать новый прыжок.

За границей прыжок этот был им сделан: появилась «Москва кабацкая».

Для «Москвы кабацкой» он взял некоторые элементы У левых эротических поэтов того времени, разбавил эти чрезмерно терпкие элементы Александром Блоком, вульгаризировал цыганским романсом.

Благодаря качествам, которые Есенин придал с помощью Блока и цыганского романса изысканной и малопонятной левой поэзии того времени, она стала общедоступней и общеприемлемей.

Перед отъездом за границу Есенин спрашивает А. М. Сахарова:

– Что мне делать, если Мережковский или Зинаида Гиппиус встретятся со мной? Что мне делать, если Мережковский подаст мне руку?

– А ты руки ему не подавай! – отвечает Сахаров.

– Я не подам руки Мережковскому, – соглашается Есенин, – я не только не подам ему руки, но я могу сделать и более решительный жест... Мы остались здесь. В

трудные для родины минуты мы оставались здесь. А он со стороны, он издали смеет поучать нас!

17

1923 г.

По возвращении из-за границы Есенин перевез свое небольшое имущество в Богословский переулок, в комнату, где он обитал раньше.

Здесь он в первый раз читал своим друзьям «Москву кабацкую».

Комната долгое время оставалась неприбранной: в беспорядке были разбросаны его американские чемоданы, дорожные ремни, принадлежности туалета, части костюма.

На окне бритва и книги: «Антология новейшей русской поэзии» на английском языке и Илья Эренбург – «Гибель Европы».

Есенин по адресу Эренбурга:

– Пустой. Нулевой. Лучше не читать.

18

Вечером мы у памятника Пушкина. Берем извозчика, покупаем пару бутылок вина и направляемся к Зоологическому саду, в студию Коненкова.

Чтобы ошеломить Коненкова буйством и пьяным видом, Есенин, подходя к садику коненковского дома, заломил кепку, растрепал волосы, взял под мышку бутылки с вином. И, шатаясь и еле выговаривая приветствия, с шумом ввалился в переднюю.

После вскриков удивления и объятий, после чтения «Москвы кабацкой» Коненков повел нас в мастерскую.

Сергей хвалил работы Коненкова, но похвалы эти были холодны.

Вдруг он бросается к скульптору, чтобы поцеловать ему руки.

– Это гениально! Это гениально! – восклицает он, показывая на портрет жены скульптора.

Как почти всегда, он и на этот раз не мог обойтись без игры, аффектации, жеста.

Но работа Коненкова, столь восторженно отмеченная Есениным, была, пожалуй, самой лучшей из всех его вещей, находившихся в мастерской.

19

«Стойло Пегаса».

Сергей показывает правую руку: на руке что-то вроде черной перчатки – чернила.

– В один присест написал статью об Америке, для «Известий». Это только первая часть. Напишу еще ряд статей.

Ряда статей он, как известно, не написал. Больше не упоминал об этих статьях.

20

Есенин передавал мне, что, будучи в Италии, он посетил Максима Горького.

Читал ему «Черного человека».

Поэма произвела на Горького большое впечатление. Горький прослезился.

21

Осень.

У Есенина наступает временный перерыв в творчестве.

Он хочет заняться редактированием и переделкой старой литературы для широких читательских масс.

Встретив меня в «Стойле Пегаса», сообщает:

– Я начинаю работать над Решетниковым. Подготавливаю Решетникова для государственного издательства.

Осень.

Ранним утром я встречаю Есенина на Тверской: он несет целую охапку книг – издания Круга. Так и несет, как охапку дров. На груди. Обеими руками.

Без перчаток. Холодно.

Вечером того же дня в «Стойле Пегаса» он говорит мне:

– Я занимаюсь просмотром новейшей литературы. Нужно быть в курсе современной литературы. Хочу организовать журнал. Буду издавать журнал. Буду работать, как Некрасов.

1924 г.

Летний день. Нас четверо. Идем к одному видному советскому работнику. Хлопотать о деле.

Жарко. Есенин не пропускает ни одного киоска с водами. У каждого киоска он предлагает нам выпить квасу.

Я нападаю на него:

– У тебя, Сергей, столько раз повторяется слово «знаменитый», что в собрании сочинений оно будет на каждой странице. У Игоря Северянина лучше: тот раза два или три написал, что он гений, и перестал. А знаешь, у кого ты заимствовал слово «знаменитый»? Ты заимствовал его, конечно бессознательно, из учебника церковной истории протоиерея Смирнова. Протоиерей Смирнов любит это словечко!

Дальше я привожу из Есенина целый ворох церковно-славянских слов.

Он долго молчит. Наконец не выдерживает, начинает защищаться.

В ожидании приема у советского работника продолжаем прерванный разговор.

– Раньше я все о мирах пел, – заметил Есенин, – все у меня было в мировом масштабе. Теперь я пою и буду петь о мелочах.

Лето. Пивная близ памятника Гоголю.

Есенин, обращаясь к начинающему поэту, рассказывает, как Александр Блок учил его писать лирические стихи:

– Иногда важно, чтобы молодому поэту более опытный поэт показал, как нужно писать стихи. Вот меня, например, учил писать лирические стихи Блок, когда я с ним познакомился в Петербурге и читал ему свои ранние стихи.

– Лирическое стихотворение не должно быть чересчур длинным, – говорил мне Блок.

Идеальная мера лирического стихотворения 20 строк.

Если стихотворение начинающего поэта будет очень длинным, длиннее 20 строк, оно безусловно потеряет лирическую напряженность, оно станет бледным и водянистым.

Учись быть кратким!

В стихотворении, имеющем от 3 до 5 четверостиший, можно все сказать, что чувствуешь, можно выразить определенную настроенность, можно развить ту или иную мысль.

Это на первых порах. Потом, через год, через два, когда окрепнешь, когда научишься писать стихотворения в 20 строк, – тогда уже можешь испытать свои силы, можешь начинать писать более длинные лирические вещи.

Помни: идеальная мера лирического стихотворения – 20 строк.

В журнале группы имажинистов – «Гостиница для путешественников в прекрасном» – пропагандировался и выдвигался на первый план Таиров и Московский Камерный театр.

Есенин был недоволен таким положением вещей.

На собраниях группы имажинистов и в частных беседах он говорил:

– Во-первых, вы меня ссорите с Мейерхольдом, с которым я ссориться не намерен; во-вторых, я нахожу, что театр Мейерхольда интереснее театра Таирова.

В дальнейшем, когда рознь в группе имажинистов обозначилась отчетливее, он заявлял:

– В журнале, где выдвигают Таирова и нападают на Мейерхольда, я участвовать не желаю. В журнале, который я организую в дальнейшем, будет пропагандироваться театр Мейерхольда.

Есенин редко бывал в театре. И не потому, чтобы он отрицал театральное искусство, а потому, что он был слишком лирик. А еще и потому, что почти все вечера он проводил в кабаках.

В кино он бывал чаще, чем в театре, и опять-таки не потому, что искусство кино он любил больше театрального искусства, а потому, что в кино пойти проще и удобнее.

Из заграничных писем Есенина, из бесед с ним об искусстве Европы и Америки ясно, что современное эстрадное искусство и мюзик-холлы он ненавидел. Он был глубоко убежден, что мюзик-холлы и Изы Кремер – вырождение и гибель искусства. По его мнению, подобное искусство – это только средство зарабатывать деньги.

В теоретических спорах о театральном искусстве театр Мейерхольда предпочитал он Камерному. Он мечтал у Мейерхольда поставить одну из своих пьес. По

традиции же, по жизненным привычкам Есенин тяготел к Московскому Художественному театру.

Изредка, но торжественно, совершив предварительно обряд омовения головы, направлялся он в Художественный театр, и, конечно, не на Чехова, которого он терпеть не мог, а на какую-либо из обстановочных и декоративных пьес, например на Феодора Иоанновича.

27

Ни о ком из русских и иностранных писателей Есенин не отзывался с таким презрением, как об Антоне Чехове. К Чехову он относился как к одному из своих злейших личных врагов. Он выискивал все самое отвратительное и язвительное, чтобы бросить в Чехова.

Откуда у Есенина такая ненависть к Чехову?

Очень может быть, что он ненавидел Чехова за повесть «Мужики», ненавидел Чехова, как типичного представителя русской интеллигенции.

Мемуары

329

28

Брюсовский пер., д. 2а, кв. 26..

Вечер. Есенин на кушетке, в цветном персидском халате, в туфлях. Берет с подоконника «Голубые пески» Всеволода Иванова. Перелистывает. Бросает на стол. Снова, не читая, перелистывает и с аффектацией восклицает:

– Гениально! Гениальный писатель!

И звук «г» у него, как почти всегда, по-рязански.

29

Иван Рукавишников выступает в «Стойле Пегаса» со «Степаном Разиным».

Есенин стоит близ эстрады и внимательно слушает сказ Ивана Рукавишникова, написанный так называемым напевным стихом.

)}
)}
)}

В перерывах и после чтения «Степана Разина» он повторяет:

– Хорошо! Очень хорошо! Талантливая вещь!

30

«Стойло Пегаса». Я прочел книгу Александра Востокова «Опыт о русском стихосложении», изданную в 1817 году. Встретив Есенина, я делился с ним прочитанным, восторгался редкой книгой.

Книга была редкой не только по содержанию, но и по внешнему виду: на ней был в качестве книжного знака фамильный герб одного из видных декабристов.

Я привел Есенину мнение Пушкина о Востокове: «Много говорили о настоящем русском стихе. А. Х. Востоков определил его с большою ученостью и сметливостью».

Я сообщил ему, что первого русского стихотворца звали тоже Сергеем: Сергей Кубасов, сочинитель Хронографа, по свидетельству Александра Востокова, первый в России написал в XVI веке русские рифмованные стихи.

Темами нашей беседы в дальнейшем, естественно, были: формы стиха, эволюция русского стиха. Между прочим Есенин сказал:

– Я давно обратил внимание на переносы в стихе. Я учился и учусь стиху на конкретном стихотворном материале. Переносы предложения из одной строки в другую в первый раз я заметил у Лермонтова. Я всегда избегал в своих стихах переносов и разносок. Я люблю естественное течение стиха. Я люблю совпадение фразы и строки.

Я ответил, что в стихах Есенина в самом деле мало переносов и разносок, в особенности если иметь в виду его песенную лирику; в этом отношении он походит на наших русских песнетворцев и сказочников: по мнению Востокова, переносы и разноски заимствованы нашей искусственной книжной поэзией от греков и римлян.

В одной из моих тетрадок сохранилась выдержка из книги Востокова, относящейся к нашему разговору. Привожу ее полностью:

«Свойственные греческой и римской поэзии, а с них и в новейшую нашу поэзию вошедшие разности слов (inversions) и переносы из одного стиха в другой (enjambements) в русских стихах совсем непозволительны: у русского песнетворца или сказочника в каждом стихе полный смысл речи заключается и расположение слов ничем не отличается от простого разговорного».

31

1925 г.

Лето.

По возвращении с Кавказа Есенин сообщал о романе, который он будто бы начал писать. Но, по-видимому, это было только предположением. К прозе он не вернулся.

Намерение его осталось невыполненным.

32

Лето.

Я с Есениным у одного из наших общих знакомых. Он мечтает отпраздновать свою свадьбу: намечает – кого пригласить из друзей, где устроить свадебный пир.

Бывает так: привяжется какой-нибудь мотив песни или стихотворный отрывок, повторяешь его целый день. К Есенину на этот раз привязался Демьян Бедный:

Как родная меня мать
Провожала. Тут и вся моя родня
Набежала.

Он пел песню Демьяна Бедного, кое-кто из присутствующих подтягивал.

– Вот видите! Как-никак, а Демьяна Бедного поют. И в деревне поют. Сам слышал! – заметил Есенин.

– Не завидуй, Сергей, Демьяном станешь! – ответил ему кто-то из присутствующих.

Классической музыкой Есенин мало интересовался. По крайней мере, я лично за все время нашей многолетней дружбы (с 1918 г.) ни разу не видал его в опере или концерте.

Он плясал русскую, играл на гармонике, пел народные песни и частушки. Песен и частушек знал он большое количество. Некоторые частушки, распеваемые им, были плодом его творчества. Есенинские частушки большей частью сложены на случай, на злобу дня или направлены по адресу его знакомых: эти частушки его, как и многие народные частушки, имеют юмористический характер.

В период 1918–1920 годов, в самый пышный расцвет богемной поэтической жизни Москвы, Есенин на литературных вечерах в кафе «Домино» и в «Стойле Пегаса» любил распевать частушки.

С каждым годом он становился угрюмей. Гармонь забросил давно. Перестал плясать. Все реже и реже пел частушки и песни.

Однажды, летом 1921 года, я направился в Богословский переулок, чтобы послушать только что написанного «Пугачева».

Лишь только я вошел в парадное дома № 3, как до меня стали доноситься какие-то протяжные завывания. Я недоумевал: откуда эти странные звуки?

Вхожу в переднюю. Дверь, ведущая в комнату, расположенную по левую сторону, открыта. Есенин и Орешин сидят в углу за столом и тянут какую-то старинную песню.

Они были неподвижны. Лица их посинели от напряжения. Так поют степные мужики и казаки.

Я не хотел мешать певцам, мне жаль было прерывать песню, и, можете себе представить, сколько времени мне пришлось бы стоять в передней?

Песня была неокончена: Сергей заметил меня и потянул в комнату.

Один глаз у него был подбит: синяк и ссадина.

– Это я об косяк, это я об косяк, – повторял он, усаживая меня за стол.

Осенью 1925 года я собирался устроить вечер народной песни. По моим предположениям, на вечере должны были петь поэты из народа и мои деревенские друзья.

Я пригласил Есенина на этот вечер народной песни. Он изъявил согласие принять участие на вечере, но сделал это с полным равнодушием. Я заметил его безразличное отношение к песням и спросил:

– Ты, кажется, разлюбил народные песни?

– Теперь я о них не думаю. Со мной было так: увлекался песнями периодически; отхожу от песни и снова прихожу к ней.

Всем известно литературное «супружество» Клюева и Есенина. На нем останавливаться не буду.

Уже с 1918 года Есенин начинает отходить от Клюева.

Причины расхождения с Клюевым излагаются в «Ключах Марии».

«Для Клюева, – пишет автор «Ключей Марии», – все сплошь стало идиллией гладко причесанных английских гравюр, где виноград стилизуется под курчавый порядок воинственных всадников». «Сердце его не разгадало тайны наполняющих его образов...», «он повеял на нас безжизненным кружевным ветром деревенского Обри Бердслея...», «художник пошел не по тому дугу. Он погнался за яркостью красок и «изрони женьчужну душу из храбра тела, через золото ожерелие».

Те же мысли мы находим у Есенина в стихотворении, посвященном Клюеву: «Теперь любовь моя не та».

Однако в последнее время у него были попытки примирения с Клюевым, попытки совместной работы.

Так, в 1923 году, когда обозначился уход Есенина из группы имажинистов, он прежде всего обратился к Клюеву и хотел восстановить с ним литературную дружбу.

– Я еду в Питер, – таинственным шепотом сообщает мне Сергей, – я привезу Клюева. Он будет у нас главным, он будет председателем Ассоциации Вольнодумцев. Ведь это он учредил Ассоциацию Вольнодумцев!

Клюева он действительно привез в Москву.

Устроил с ним несколько совместных выступлений. Но прочных литературных взаимоотношений с Клюевым не наладилось. Стало ясно: между ними нет больше точек соприкосновения.

В это же время у Есенина наступил едва ли не самый бурный период его московской кабацкой жизни. Есенин побил рекорд буйства.

Кафейные скандалы, один грандиознее другого, следовали непрерывно, а вслед за скандалами следовали и ночевки в отделениях милиции. Кончилось санаторием.

Клюева он бросил на произвол судьбы.

– Сереженька-то наш, Сереженька-то наш совсем спился, совсем спился, – сокрушенно причитая, жаловался мне Клюев.

И уехал обратно в Петроград.

Со стороны Есенина это была последняя попытка совместной литературной работы с Клюевым. Личными друзьями они остались: Есенин, приезжая в Ленинград, считал своим долгом посетить Клюева.

К последним стихам Клюева Есенин относился отрицательно.

Осенью 1925 года Есенин, будучи у меня, прочел «Гитарную» Клюева, напечатанную в ленинградской «Красной газете».

– Плохо! Никуда! – вскричал он и бросил газету под ноги.

Осень. Есенин и С.А. Толстая у меня. Даю ему новый карандаш.

– Люблю мягкие карандаши, – восклицает он, – этим карандашом я напишу строк тысячу!

Мысль о создании журнала до самой смерти не покидает Есенина. На клочке бумаги он набрасывает проект первого номера журнала:

1. Статью.
  2. Статью.
  3. Конч. о живописи. Репродукции.
- Ес.
Нас.
Груз.
Рецензии.

– Я непременно напишу статью для журнала. Непременно. Я знаю твою линию в искусстве. Мы не сойдем. Я напишу иначе. Твоя статья будет дополнять мою, и обратно, – мечтает Есенин и просит достать ему займы червонец. Дня два или три назад он получил гонорар в Госиздате, сегодня уже ни копейки нет.

Для первого номера журнала предполагалось собрать следующий материал: статья Д. Кончаловского о современной живописи; репродукции с картин П. Кончаловского, А. Куприна, В. Новожилова; стихи Есенина, Грузинова, Наседкина.

Проект журнала составлялся спешно. В ближайшее время решили собраться еще раз, чтобы составить подробный план журнала и приступить к работе по его изданию.

Осень.

Страх за свое поэтическое будущее, опасение за потерю поэтических способностей, опасение пережить в себе поэта – все это в разгоряченном и болезненном во-

ображении Есенина выросло до чудовищных размеров, принимало кошмарные и уродливые формы, питало его крайнюю раздражительность.

Мучимый опасениями и подозрениями, он то впадал в глубокое уныние и скорбь, то с безумной злобой нападал на своих мнимых врагов и конкурентов на литературном поприще, которые, в сущности, были виноваты только в неуместной болтовне и неделикатном отношении к больному поэту.

В качестве иллюстрации я приведу следующий характерный случай.

Месяца за три до своей смерти Есенин пришел ко мне. У меня был Сахаров. Явился Наседкин. Сахаров, любящий азиатскую кухню, предложил пойти на Трубу, в Узбекистанскую столовую.

За обедом Есенин стал упрекать Наседкина в том, что тот кому-то говорил, что он идет на смену Есенина.

Наседкин возразил:

– Неправда. Я счастлив быть звездочкой в созвездии Есенина, если Есенин станет Пушкиным.

И затем добавил, что Сергею следовало бы с годик помолчать, набраться сил.

Тот ничего не ответил.

Из столовой вчетвером направились бульварами на Остоженку.

Все время, пока шли Страстным бульваром, Есенин жаловался мне, что ему завидуют, что ему не дают жить.

– Разве я виноват в том, что я такой! Почему обижаются на меня? Кому я мешаю? Почему мешаю? Ведь не могу же я заслонить от других весь свет!.. Я признаю влияние на меня Блока, признаю влияние Клюева... Вот они влияли на меня! Я ведь этого никогда не скрывал!

На Остоженке подали чай. Есенин уходит на несколько минут в другую комнату. Выходит крайне раздраженный. Неожиданно хватает со стола огромный медный поднос и с криком «Предатель! Вон!!!» бросается на Наседкина.

Есенин был вне себя.

Никакие уговоры, никакие успокоительные речи окружающих на него не действовали.

Не дождавшись примирения, Наседкин уехал.

Я и Сахаров продолжали успокаивать Есенина: он ругался по адресу ушедшего, грозился, стуча кулаками по столу.

Сахаров куда-то исчез, и я остался один с неменяемым Есениным.

Он стал разговаривать с призраками, бросался на воображаемых врагов, сжимая кулаки и скрежеща зубами. Это был припадок настоящего неистовства. Припадок продолжался около получаса.

Затем, немного успокоившись, стал собирать свои вещи: рыскал по комнатам в поисках чемоданов, подушек и одеял.

Откуда-то притащил огромное одеяло, завернулся в него и, волоча одеяло по полу, собирался немедленно покинуть квартиру.

Он был смертельно бледен, с помутившимися невидящими глазами.

1926, июнь

МАЯКОВСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНАЯ МОСКВА (1940)

1

Владимира Маяковского в первый раз я увидел на одном из поэзоконцертов Игоря Северянина.

Это было в конце 1914-го или в 1915 году в Политехническом музее.

Когда поэзоконцерт, в сущности, был окончен, конференсье или кто-то другой из находившихся в эстраде людей объявил о выступлении Маяковского.

Маяковский, сделав шага два-три вперед, начал чтение стихов.

338 Он был тогда еще очень молод. Ему едва-едва перевалило за двадцать лет. Маяковский прочел отрывок из поэмы «Облако в штанах», которая в то время им слагалась.

В числе многих других строк он прочитал тогда на вечере поэзии Игоря Северянина и эти:

А из сигарного дыма ликерною рюмкой
вытягивалось пролитое лицо Северянина,
Как вы смеете называться поэтом и, серенький,
чирикать, как перепел!

Сегодня
надо
кастетом
кроиться миру я черепе!

Публика, состоявшая, по-видимому, почти сплошь из приверженцев и поклонников Игоря Северянина, отнеслась к Маяковскому более чем холодно. После чтения стихов на некоторое время водворилась полная тишина. Затем люди, сделав вид что они никак не реа-

гируют на стихи Маяковского, зашевелились и двинулись к выходу.

Такой холодный прием публики, по-видимому, по-видимому, взволновал молодого поэта. Он начал нервничать, закурил на эстраде папиросу.

2

В течение 1913, 1914 и 1915 годов я присутствовал почти на всех больших вечерах поэзии, устраиваемых футуристами.

Передо мной мелькали лица футуристов: Маяковского, Давида Бурлюка, Василия Каменского и многих других.

Помню, дебелий и довольно полный Давид Бурдюк появлялся на эстраде в черном сюртуке. Читая стихи и разговаривая с эстрады, он усиленно лорнировал публику. При выступлениях лорнет был его как бы вооружением. Лорнет для Давида Бурлюка был то же что пистолет для профессионального стрелка.

Давид Бурлюк был очень однообразен, он неизменно выкрикивал своим металлическим и сдавленным голосом стихи Артюра Рембо, в которых предлагалось:

Будем лопать пустоту,
Высоту и долготу...

Кроме того, Давид Бурлюк читал иногда стихи о бременной башне, в которой много живых солдат, а также стихи, в которых выражал страстное желание питаться девическим мясом.

Василий Каменский в те времена выступал облачённый во что-то парчовое: это была половина боярского полукафтанья. Вернее, это была циркаческая одежда в стиле древнерусского одеяния шута. Читая стихи, Василий Каменский имел привычку высоко-высоко задирать голову. Публика думала, что задирать кверху голову полагалось по каким-то футуристическим правилам.

Помню, какая-то добрая и наивная старушка, вероятно престарелая учительница, сидел с однажды на вечере футуристов в первом ряду, совсем близко от выступавшего Василия Каменского.

Увидя, как Василий Каменский, читая стихи, высоко задирает голову, она не выдержала. Она вскочила с места и, перебивая Василия Каменского, закричала ему:

– Милый ты мой! Что ж это ты так ломаешься! Опусть голову и читай, как люди, а не как нелюди. Ведь и стихи-то простые. Кое-что и на человеческий язык похоже.

Мне вспоминается один странный литературный вечер, устроенный футуристами в Политехническом музее.

Литературный вечер возглавляли два футуриста: Давид Бурлюк и Василий Каменский.

Большая аудитория Политехнического музея была набита битком.

Эпатируя буржуа, футуристы выкинули такой трюк: Давид Бурлюк был объявлен отцом российского футуризма, Василий Каменский был объявлен матерью российского футуризма.

Изображая собою мать российского футуризма, Василий Каменский старался придать своим жестам женственную плавность и нежность.

3

Лето 1914 или 1915 года.

Москва.

Театральная площадь.

Я сидел в трамвайном вагоне.

Молодая дама, обращаясь к другой молодой даме, сказала:

– Смотрите, смотрите. Вот – Андрей Белый. Пересекает площадь.

И обе дамы жадно прильнули к трамвайному окну.

Я предпочел остаться неподвижным. На своем месте. Поэтому я увидел Андрея Белого только в конце 1917-го или в начале 1918 года.

Это было так.

В Политехническом музее Маяковский читал свою новую поэму «Человек».

Его голос громыхал и раскатывался звучным «О-го-го»: с доступных его басу верхов поэт спускался к глубоким низам. Казалось: он аukaется где-то в лесных трупобах или горных ущельях.

На вечере поэзии присутствовал Андрей Белый.

Ему предложили высказаться о новой поэме Маяковского.

Андрей Белый к выступлению, по-видимому, не готовился. Говорить ему, по-видимому, пришлось экспромтом.

Вся его речь свелась к повторению единственной фразы:

– Какая боль обнаруживается в новой поэме Маяковского! Какая боль!

Андрей Белый долго варьировал эту фразу о боли, Экспромтом он не сумел сделать надлежащего анализа новой поэмы. А может быть, он никакого анализа и не собирался делать.

В двух-трех шагах от Андрея Белого стоял Маяковский.

Он был мрачен. Лицо его казалось окаменевшим.

Слушая речь Андрея Белого о боли, Маяковский бессознательно являлся очень хорошей иллюстрацией этой речи.

На одном из литературных вечеров мне пришлось вновь увидеть Маяковского.

В Политехническом музее, не помню точно когда, он читал одно из своих новых произведений. Если не ошибаюсь, он выступал тогда с «Мистерией-буфф».

Состав публики на этот раз был совсем иным по сравнению с тем, какой бывал когда-то на поэзоконцертах Игоря Северянина.

По внешнему виду слушатели вечера поэзии Маяковского были весьма демократичны.

Маяковский, обладавший большим опытом публичных выступлений, умел быстро ориентироваться в аудитории.

Публика, присутствующая на данном вечере поэзии, заинтересовала его и понравилась ему. Маяковский врезался в самую гущу публики.

Случайно я оказался рядом с Маяковским и в первый раз видел его лицом к лицу.

Маяковский завел с аудиторией разговор о поэзии. Кто-то из присутствующих сказал, что стихи Маяковского непонятны широким читательским кругам.

Маяковский оспаривал это. Он утверждал, что его легко понять: стоит только более или менее внимательно прослушать или прочитать несколько его вещей.

Далее Маяковский утверждал, что «непонятность» того или другого писателя, если она в каком-то конкретном случае и в самом деле имеет место, не должна отпугивать читателя.

Развивая свою мысль, Маяковский заговорил о Шекспире.

– Представьте себе, – обращался Маяковский к слушателям, – что кому-то непонятен Шекспир. Что из этого следует? Нужно забросить Шекспира? Нет. Нужно расти до понимания Шекспира. Нужно поднять себя до Шекспира.

Уважение к Шекспиру было не случайным. Оно характеризовало отношение Маяковского в тот момент к классическому наследству вообще...

Несколько лет спустя Маяковский амнистировал Рембрандта. Помню, на афише, извещавшей о выступлении Маяковского, значилось: «Я амнистирую Рембрандта».

Мне хочется сказать несколько слов о моих встречах с Маяковским на улицах Москвы.

Почти каждый раз, когда я встречал его, я слышал: он басом бормочет стихи. Ясно: он на ходу слагал свои новые стихи или исправлял старые.

Каждый раз, когда я видел Маяковского сочиняющим на ходу стихи, я старался сделать вид, что не замечаю его работы. Но обмануть Маяковского было невозможно. Он смущался. Как будто его застигли на месте преступления.

Однажды я встретил Маяковского на отдаленной улице Москвы, встретил в необычный час. Это было ранним осенним утром. По всей вероятности, это было в 1920 году.

Он шел, размахивая огромным пустым мешком, и слагал вслух стихи.

Пройдя несколько шагов, я оглянулся.

Гигант продолжал ритмически размахивать огромным мешком. Развевающийся в воздухе мешок казался парусом, трепещущим на ветру.

Однажды в полдень я увидел Маяковского, шагающим с двумя неизвестными мне людьми по Советской площади.

Это было в начале двадцатых годов, в момент обострения отношений между Советским Союзом и Англией.

Маяковский и его спутники быстро взобрались по внутренней лестнице на верхнюю площадку обелиска Свободы.

Маяковский начал читать стихи, проникнутые чувством страстной любви к родине.

Голос его был отчетливо слышен. Пространство Советской площади было для его голоса таким же, каким для голоса многих других людей является пространство обыкновенной комнаты.

В конце 1917 года или в самом начале 1918-го я познакомился с несколькими московскими поэтами.

Это были Сергей Спасский, Сергей Заров и Галина Владычина.

Для меня началась новая жизнь. Я вступил в круг людей, которые уже общались с литературной Москвой, которые сами в какой-то мере были представителями литературной Москвы.

Три юных поэта были мечтательны и восторженны. Сердца трех юных поэтов были полны самых радужных надежд на будущее.

Глаза их сияли. Лица горели. Губы, щеки и ресницы были густо накрашены.

Три московских поэта, с которыми свела меня тогда судьба, были весьма типичными представителями своего времени. Они, как и некоторые другие начинающие поэты того времени, были влюблены в символистов. И одновременно находились под сильным влиянием футуризма.

Двойное литературное влияние вносило в их души разлад.

В стихах наиболее чутких из них было большое дерзание и вместе с тем было изнеможение и надломленность.

Душевный диссонанс звучал ясно и отчетливо в стихах трех типичных представителей молодой московской поэзии того времени – Спасского, Зарова и Владычиной.

Из моих встреч с московскими поэтами, состоявшихся в 1917 или в 1918 году, запомнилась встреча с Гурием Сидоровым-Окским.

Гурий Сидоров-Окский – один из тех молодых поэтов, которые тогда весьма активно «вышли на улицу».

Гурий Сидоров-Окский примыкал к футуристам. Он много выступал со стихами на всевозможных эстрадах. Очень часто его можно было видеть на эстра-

де «Кафе футуристов», помещавшемся в Настасьинском переулке.

«Кафе футуристов» возглавлял Маяковский. С Маяковским в «Кафе футуристов» работали Василий Каменский, Давид Бурлюк и другие поэты. К футуристам примыкала небольшая группа молодых поэтов. Среди молодых футуристов самым живым и деятельным был Гурий Сидоров-Окский. Некоторое участие в эстрадных выступлениях в «Кафе футуристов» принимал Сергей Спасский, примыкавший к литературной группе Маяковского лишь одной стороной своего творческого облика.

7

К описываемому времени относится мое знакомство с Ипполитом Соколовым.

Ипполит Соколов с большим упорством изучал искусство, науку и философию. Он во что бы то ни стало хотел быть эрудитом.

В дальнейшем, года два спустя после нашей первой встречи, Ипполит Соколов опубликовал декларацию экспрессионистов.

Означенная декларация открывается двумя эпитафиями: один эпитаф из Гоголя, другой из Священного писания.

Эпитаф, взятый из Священного писания, начинается словами: «Не бойтесь, малое стадо...»

Да, стадо Ипполита Соколова было весьма небольшим. Вернее, никакого стада и не было: всю группу экспрессионистов представлял один-единственный Ипполит Соколов. Он был одновременно и пастухом и стадом.

Это произошло не потому, что никто из молодых поэтов не хотел подписаться под декларацией экспрессионистов. Подписей можно было собрать сколько угодно – по крайней мере, с полудюжиной молодых поэтов Ипполит Соколов уже договорился: они дали согласие

подписать декларацию. Но в последний момент Ипполит Соколов решил, что лучше всего декларацию подписать одному: сочинил, мол, я ее один, а поэтому один же должен пользоваться почетом, славой и другими благами, которые может декларация принести. К тому же далеко ль до беды: предприимчивые ловкачи найдутся, кто-нибудь из подписавших декларацию, отгеснив или даже низложив метра, рассядется на его месте сам.

После опубликования Ипполитом Соколовым декларации экспрессионистов никто из его «единомышленников» не захотел к нему примкнуть.

Члены группы были возмущены, так как декларация была подписана одним Ипполитом Соколовым. Этим фактом все члены группы беззастенчиво отгеснялась на задний план.

Впрочем, глава воображаемой группы экспрессионистов нисколько не был смущен сложившимися обстоятельствами: страх перед бунтом, который мог возникнуть в группе против него, по-прежнему жил в его душе.

Изготовив несколько стихотворений, которые, по магию их автора, вполне соответствовали программе литературной школы экспрессионистов, глава этой школы начал в дальнейшем рьяно выступать с ними на московских эстрадах.

В его стихах фигурируют: «скунс трав», «паровоз со лбом Ипполита Тэна» и много других вещей такого же сорта.

Ипполит Соколов был и остался до конца существования группы экспрессионистов единственным официальным ее представителем. Его голову, а только его голову, как голову главы группы экспрессионистов, осеняла слава. Делить славу ему ни с кем не приходилось.

Правда, бывали исключения: иногда в группу Ипполита Соколова по ошибке вступали некоторые из молодых московских поэтов. Заметав ошибку, поэт уходил из группы экспрессионистов на волю или перехо-

дил в другую литературную группу. Так, например, Борис Земенков, покинув группу экспрессионистов, перешёл к ничевокам.

В 1918 году знакомства мои с московскими поэтами разрастались не по дням, а по часам. В скором времени я мог считать мои знакомства среди московских поэтов десятками.

Помню как сейчас: однажды пришел ко мне Василий Казин. Он прочел мне несколько своих стихотворений. Некоторые из них вошли потом в его книгу «Рабочий май».

Тогда же я познакомился с Василием Александровским, Сивачевым, Полетаевым и многими другими близкими им литераторами.

Из поэтов, с которыми я познакомился в этом же году, следует отметить Василия Федорова, Ивана Павлушина и Надежду Павлович.

Василий Федоров мне был интересен тогда как человек, с которым я любил бродить без цели по бесчисленным улицам Москвы. Поэтические прогулки были особенно интересны глубокой ночью. Иногда я и Василий Федоров, пробродив всю ночь по Москве, к утру садились в трамвай в ее центре и снова на том же трамвае возвращались в центр. Прodelав несколько таких трамвайных кругов, мы с полным удовлетворением утомленные шли спать.

Иван Павлушин писал в те времена неплохие стихи. Он считался тогда в московских литературных кругах одним из поэтов, подающих надежды.

Павлушин крайне эксцентричен. Он кидается от одного дела к другому и всюду проявляет себя как весьма странный человек.

Так, например, он затевает издание литературной газеты. В первом же номере газеты он успевает выявить черты своего эксцентричного характера: наряду

с произведениями тогдашних знаменитостей в литературной газете Павлушин печатает свои рассказы о собаках, повергающие читателей в полное недоумение.

Спустя несколько лет я узнал, что Павлушин стал известным гипнотизером.

Надежду Павлович я встретил тогда в окружении двух-трех молодых поэтов, возомнивших, что они гении. Их самомнение не имело границ.

Питалось же их самомнение преклонением перед ними наивных и влюбленных девушек, писавших скромные стихи.

Я давно забыл фамилии этих когда-то модных гениев, забыл также и имена скромных девушек, их поклонниц. Но я отчетливо помню ту безудержную требовательность, те причуды, ломанья и кривлянья, которыми сопровождались выступления новоявленных гениев в кругу десятка случайно собравшихся поэтов.

За гениями гонялись. Их долго-долго упрашивала, пока они, наконец, не изъявляли своего благосклонного согласия – осчастливить присутствующих чтением своих стихотворений. При чтении стихов они капризничали. Они требовали то яркого электрического освещения, то цветных огней, то полного мрака.

Какая главная отличительная черта была присуща большинству молодых поэтов, окружавших меня в то время?

Стремление учиться искусству, соединенное с бодростью, энтузиазмом и верой в свои силы.

Чтобы удовлетворить непреодолимое стремление молодежи во что бы то ни стало учиться искусству, начали появляться соответствующие учебные заведения.

К числу таких вновь возникших учебных заведений следует отнести студию стиховедения, организованную в 1918 году по инициативе Надежды Павлович и нескольких других молодых поэтов.

Студия стиховедения быстро наполнилась слушателями. Насколько я помню, их было не меньше ста человек, Некоторые из слушателей студии успели к моменту своего поступления в нее выпустить по одной тощей книжечке стихов, другие успели напечатать два-три стихотворения в журнале, подавляющее же большинство поэтов только страстно мечтало увидеть свои стихи напечатанными.

По своему литературному направлению студиицы были более или менее аморфны. Часть из них примыкала к символистам, другая часть была эклектической, кое-кто шел за футуристами.

Здесь следует заметить, что акмеисты среди московских поэтов в это время почти не имели сторонников.

Правда, их знали в Москве. Их книги читали. Кое-кто из московских поэтов был знаком с их журналом «Гиперборей». Среди московских молодых поэтов последователи акмеистов встречались изредка, как исключение. Влияние акмеистов было сильным главным образом в тогдашнем Петербурге.

В качестве лекторов в студии стиховедения выступали прославленные и уже маститые символисты Валерий Брюсов, Вячеслав Иванов и Андрей Белый.

Вячеслав Иванов и Андрей Белый излагали студийцам философию символизма как наследника великой мировой и великой русской литературы.

Почти все, о чем говорили Вячеслав Иванов и Андрей Белый в своих лекциях, было известно молодым поэтам из книг маститых символистов: «Символизм», «Арабески», «Луг зеленый» Андрея Белого, «Кормчие звезды», «Борозды и межи» Вячеслава Иванова.

Главный интерес для студийцев заключался в живом общении с живыми представителями старой литературной школы.

Практичней своих коллег подошел к делу преподавания литературного мастерства Валерий Брюсов: он объявил курс науки о стихе.

Помимо теоретического курса науки о стихе Валерий Брюсов вел с поэтами практические занятия: предлагал темы для стихотворений, задавал начинающим поэтам темы стихотворений на дом, обуславливая свое задание определенным размером: хорей, ямб, пеон и т. п.

Валерий Брюсов писал и сам стихотворные «опыты» на ту или иную тему, соревнуясь при этом с молодежью. Стихи, написанные студийцами, Валерий Брюсов подвергал тщательному критическому анализу.

В дальнейшем лабораторные работы Валерия Брюсова, проделанные им в студии стиховедения, были опубликованы в виде двух книг: «Наука о стихе» и «Опыты».

В студии стиховедения поэтам предоставлялся большой простор для проявления самодеятельности.

Помимо лекций читались доклады о сложных вопросах стихотворной формы: о метре и ритме, о дольниках и т. д. После доклада каждый раз возникали горячие прения.

Из докладчиков, выступавших в студии по вопросам искусства слова, следует отметить Иосифа Эйгеса к Семена Рубановича.

Необходимо сказать, что настроение молодых поэтов в студии стиховедения было приподнятым, оно было каким-то весенним и праздничным. Не случайно каждый раз, когда я вспоминаю о студии стиховедения, она возникает в моем воображении непременно вместе с книгой, относящейся к той же литературной эпохе, в которую функционировала означенная студия: «Весенний салон поэтов».

В 1918 году в Москве возник Всероссийский Союз поэтов. Председателем его был избран Василий Каменский.

Президиум Союза поэтов прежде всего организовал кафе. Для этой цели было переоборудовано кафе

«Домино», помещавшееся в доме № 18 по Тверской улице.

Поэты, посещавшие «Домино», шутили:

Можно славно развлекаться
В доме № 18.

После переоборудования кафе многие по-прежнему называли его «Домино», некоторые именовали его «Кафе поэтов», а некоторые «СОПО» или фамильярно – «Сопатка».

Кстати, наименование «СОПО» красуется на первом коллективном сборнике стихов Союза поэтов, изданном в 1918 году.

В кафе «Домино» было два зала и маленькая комната, на двери которой прикрепили надпись: «Президиум ВСП».

В обоих залах кафе было множество миниатюрных столиков со стеклянными покрытиями.

Под стеклянными покрытиями столиков – оранжевая бумага. На эту бумагу под стекло поэты клали рукописи со своими стихами, а художники – свои рисунки: карикатуры и шаржи. Таким образом, в «Кафе поэтов» никогда не прекращались выставки стихов и графики.

Приспособить кафе «Домино» для выступлений поэтов было чрезвычайно легко: художник Анненков в первом зале кафе повесил на стену пустую птичью клетку, а рядом с ней – старые черные штаны Василия Каменского.

На стенах и плафонах обеих зал кафе Анненков написал масляной краской несколько строк из стихов Василия Каменского.

Особенно выделялись крупные полуаршинные буквы на белоснежной штукатурке плафона первого зала «Домино». Они яростно бросались в глаза входившему в кафе посетителю, и во всю глотку кричали:

Будем помнить солнце Стеньку,
Мы от Стеньки, Стеньки кость.
И пока горяч кистень, куй.
Чтоб звенела молодость!!!

Посетители «Кафе поэтов» читая стихотворную надпись, помещавшуюся на плафоне, вместо «мóлодость» обязательно произносили «молодóсть».

Одни из посетителей делали так по наивности, другие – злостно.

Усердие посетителей кафе, злостно коверкающих ударение в слове «молодость», усугублялось, когда они видели среди поэтов Василия Каменского.

По всей вероятности, для улюлюкающих фонетический казус служил лишь прикрытием более глубокого смысла: перенос ударения, хотели нанести удар в сердце поэта. Но Василий Каменский только улыбался на улюлюканье и, как истинный песнебоец, в скором времени ответил улюлюкающим стихотворением, которое начиналось следу щей строкой: «Мы в сорок лет совсем еще мальчишки».

Для эстрады «Кафе поэтов» был изготовлен чрезвычайно яркий занавес. Он состоял из зеленых и алых полос. На цветных полосах занавеса были прикреплены замысловатые геометрические фигурки.

Общее впечатление от занавеса было гротескно-футуро-лубочное. Это же впечатление посетителя оставалось и от всего прочего декоративного убранства «Кафе поэтов».

Стиль выступлений поэтов, в особенности в первое время существования СОПО, вполне гармонировал с тем стилем кафе, какой был создан его декоративным убранством.

Заслуга – если подобное деяние можно назвать заслугой – в выработке стиля выступлений в «Кафе поэтов» принадлежит почти целиком высококвалифицированному мастеру этого дела – Василию Каменскому.

Василий Каменский выступал в кафе «Домино» чаще других. В первое время существования «Кафе поэтов» Василий Каменский выступал со своими стихами почти каждый вечер.

Приоткрывается цветной занавес.

На эстраде устанавливается вышка.

Вышка имеет вид усеченной пирамиды с небольшой площадкой наверху.

На площадку вышки ведут ступени.

По ступеням на вышку медленно-медленно взбирается Василий Каменский.

Садится он на верхнюю площадку вышки.

Сидит в задумчивости, сидит как бы в оцепенении.

Это значит: вышка – корабль, мчащийся по океанским волнам.

Задумавшийся на площадке вышки Василий Каменский – это какой-то странный путешественник. По всей вероятности, этот путешественник – российский футурист в немыслимом Гарольдовом плаще. Из дальнейших странствий, из-за океана он возвращается на родину.

Попыхивая воображаемым кепстеном, Василий Каменский сидит на вышке столько времени молча, что его молчание начинает надоедать нетерпеливой публике.

Тогда он, мать русского футуризма, медленно раскачивается, затем медленно-медленно начинает с самых нижних басовых регистров своего голоса вещать:

В России тягостный царизм

Скатился в адский люк.

Постепенно переходя на верхние регистры своего голоса, поэт декламирует все громче и громче, всемерно подчеркивая и растягивая слово «футуризм»:

Теперь царит там футуризм:
Каменский и Бурлюк!

Описанное выступление Василия Каменского было самым обстановочным из всех его выступлений. Им он почти ежевечерне занимал публику в течение двух или трех месяцев.

Публика, прослушав несколько раз стихи знаменитого футуриста, знала их наизусть и в дальнейшем нередко декламировала их хором вместе с выступающим, поэтому Василий Каменский был тогда весь во власти своих выступлений. Он горел в каком-то выступленческом бреде. И не только сам горел, но заражал этим горячечным бредом выступлений и других поэтов, в особенности молодых.

Однажды вечером, собрав вокруг себя во втором зале «Домино» род вечера из двух-трех десятков молодых поэтов, Василий Каменский ораторствовал.

Ораторствовал он примерно в таком роде:

– Товарищи, учитесь выступать. Вы совсем не умеете выступать, товарищи. Вы только злите публику, мямля и бурча себе под нос стихи. Эстрада есть эстрада. Конечно, вы обладаете большими внутренними возможностями, гениальными возможностями, но у вас нет практики выступлений. (Заметьте, «возможности» – одно из любимейших словечек Василия Каменского: оно очень часто фигурирует как в его прозе, так и в стихах.) Учитесь выступать, товарищи. Практика необходима. Все, что я умею показывать на эстраде, далось мне не сразу. Я выступаю уже добрый десяток лет. Учитесь, учитесь, товарищи. Однажды в Тифлисе я выступал со стихами в цирке. Да, в цирке. Я был верхом на лошади. То есть не верхом, а я стоял на седле, как самый настоящий циркач, и читал свои стихи. А лошадь неслась по кругу цирка. И представьте себе, к концу моего чтения лошадь мчалась в галоп!

С каждой фразой Василий Каменский все больше и больше воодушевляется.

Бледно-голубые глаза его горят. По мере приближения к концу своей речи он постепенно становится в позу мчащегося на коне циркового наездника. Ноги его, наконец, стояли на воображаемом седле. Руки устремлены в пространство: это жест балансирующего наездника и жест разгоряченного оратора одновременно.

– Василий Васильевич, какие у вас тонкие, какие чудесные лирические стихи, – говорю я. – вспомните, например, вот это стихотворение.

Я цитирую стихи из книги Василия Каменского «Звучаль веснеянки».

– Стихи? Тонкие? Эти стихи – у меня? Не помню. Нет. У меня нет таких стихов. Вы ошибаетесь.

Голос Василия Каменского с самых верхних возможных для него, теноровых регистров постепенно переходит на нижние, басовые регистры. Глаза заволакивает туман. Вот – глаза потухли. Веки отяжелели. Веки готовы сомкнуться.

Я пристально всматриваюсь в лицо Василия Каменского и думаю: «Он прав, а я ошибаюсь самым решительным образом. Ведь если одно напоминание о тонких лирических стихах бросает его в сон, значит – он имеет полное право отказываться от них. Значит – он тысячу раз прав. Значит – «ядрёный лапоть» больше всего ему к лицу».

Союз поэтов систематически и неуклонно посещал Велимир Хлебников.

Это было года за два или за три до смерти поэта.

Целую зиму Хлебников почти каждый день в сумерки появлялся в кафе «Домино».

Он проходил во второй зал кафе и садился за миниатюрный столик, стоявший у окна.

Сидел один.

Всегда один.

Ему подавали обед.

Он молча съедал его.

Денег не платил: получал бесплатный обед; президиум Союза поэтов регулярно выдавал неимущим поэтам талоны на обед.

Хлебников носил шубу. Шапку.

Ни шубы, ни шапки он в кафе «Домино» никогда не снимал.

Шуба на Хлебникове была с чужого плеча. Овчинная. Тяжёлая. Архаическая. Новой эта шуба была не позже конца, а может быть и середины, минувшего века.

Цвет лица Хлебникова в тон цвету его шубы: лицо бледно-серое, с зеленоватым оттенком.

Цвет волос: неопределённый.

Глаза: невидящие.

Казалось, он смотрит и не замечает ни одного из окружающих его предметов, смотрит и не замечает никого из окружающих его людей.

У Хлебникова беспримерная рассеянность, безумная рассеянность.

Нет, это не рассеянность. Это нечто большее: равнодушие ко всему и ко всем.

Но это не равнодушие эгоиста, а невольное и неизбежное безразличие поэта и философа, который покончил в жизни со всем и со всеми, который всецело поглощён своими мечтами и мыслями.

Это подлинный и полный уход человека из мира действительности в мир мысли и мечты.

Велимир Хлебников последнего периода своей жизни нисколько не был похож на его фотопортреты, по крайней мере на те из них, которые я видел.

На портретах, виденных мною, лицо Хлебникова имеет очень определенные, почти строгие формы и очертания. В действительности в тот период времени, в который я его наблюдал, Хлебников был совсем другим человеком.

При взгляде на поэта трудно было определить его возраст.

Казалось: ему очень много лет.

При виде Хлебникова чаще других его стихотворений приходило на память одно, в котором есть следующие строки:

Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило лицо.

Невольно хотелось внести поправку в этот стихотворный текст:

Вне времени жило лицо.

Впрочем, смертельно-бледное лицо Хлебникова было настолько бесформенным и неопределенным по своим очертаниям, что условно можно было отнести к его лицу слова цитируемого стихотворения без всяких изменений:

Мемуары

357

Вне протяжения жило лицо.

Хлебников всегда молчал.

Многим из поэтов, видевших Хлебникова, было неизвестно, какой у него голос.

Отчётливей всего у меня в памяти: Хлебников в сумерках, Хлебников, как полумертвец, безмолвно сидящий за миниатюрным столиком в кафе «Домино».

13

Президиум Союза поэтов устроил однажды в кафе «Домино» выступление Велимира Хлебникова.

Помню: был ранний вечер, была написанная от руки афиша, была при входе в «Домино» продажа билетов.

Хлебников появился на эстраде в своей тяжёлой шубе. Без шапки.

Он сидел на эстраде за столиком. Перед ним на столике – груда рукописей.

Глядя в заранее приготовленную для чтения рукопись, Хлебников открыл вечер поэзии.

Сначала он читал сравнительно громко: кое-что можно было слышать, кое-какие стихотворные фразы можно было понять. Но постепенно голос его становился всё глуше и глуше, пока не перешёл, наконец, в тихий лепет и невнятное бормотанье.

Через несколько минут, прошедших с начала его выступления, поэт, по-видимому, совсем забыл о слушателях. Он перебирал свои рукописи, путался в них. Вскоре – перед ним беспорядочный ворох рукописей. Затем это уже и не ворох рукописей: это хаос.

Окончательно запутавшись в рукописях, поэт извлекал одну из них наугад и начинал читать. Не дочитав до конца, возвращал её в родимый хаос.

Слушателями Хлебникова в этот вечер были почти без исключения стихотворцы. И несмотря на это, они один за другим тихо, но решительно стали покидать зал.

Зал наконец опустел. Два-три человека, оставшиеся па местах, по-видимому, были ярыми поклонниками Хлебникова. Кроме почитателей поэта, один человек оставался в зале по обязанности: это был дежурный член президиума Союза поэтов.

Через месяц или два президиум Союза поэтов снова устроил литературный вечер Велимира Хлебникова.

Второй вечер был таким же неудачным, как и первый.

С тех пор Хлебникова оставили в покое. О Хлебникове в президиуме Союза поэтов говорили только тогда, когда нужно было возобновить выдачу ему бесплатных обедов или когда нужно было взять у поэта стихотворение для издающегося коллективного литературного сборника или альманаха.

Сквозь большие, почти сплошные окна первого зала «Домино» проникали закатные лучи.

Хлебников сидел в комнатке президиума Союза поэтов. Он был в шубе, но без шапки.

Горел яркий электрический свет.

Против Хлебникова сидел только один человек; этот человек был журналист.

Я пишу мемуары, а не роман.

Поэтому я не имею права описывать действующих лиц, не присутствуя при их действиях своей собственности персоной. Поэтому, само собою разумеется, в комнатке президиума Союза поэтов в качестве третьего действующего лица присутствовал я.

Впрочем, я бездействовал: я созерцал.

Я наблюдал необыкновенную сцену.

Журналист, более или менее близкий знакомый Хлебникова, интервьюировал поэта.

Журналист хотел узнать: в чём заключается философское *credo* Хлебникова? Точнее, журналист хотел узнать: к каким философским выводам пришёл Хлебников в самое последнее время?

Журналист задал первый вопрос.

Поэт ничего не ответил.

Казалось: Хлебников находится где-то очень далеко. Казалось: контакт между поэтом и журналистом невозможен.

Журналист, видоизменив вопрос, повторил его.

Ответа не последовало.

Журналист упрямо продолжал задавать вопросы поэту.

На третий вопрос журналиста Хлебников невнятно и лаконически ответил: «Да». На четвёртый опять: «Да». На пятый: «Нет». На шестой: «Да». На седьмой вопрос последовала в ответ небольшая, но точно сформулированная фраза.

Казалось: Хлебников двинулся из мира мысли и мечты, в котором он жил, в реальный мир. Поэт подошёл к грани, отделяющей мир мысли и мечты от мира

действительности. Подошёл и остановился «на пороге как бы двойного бытия».

Журналист поставил новый вопрос.

В ответ опять последовала целая фраза.

По лицу журналиста скользнула едва уловимая улыбка, он был доволен достигнутыми успехами.

Журналист задавал вопросы. Поэт чётко отвечал на них.

Через несколько минут Хлебников снова на все задаваемые ему вопросы отвечает только односложными «да» или «нет». Затем поэт замолкает.

За всё время разговора с журналистом поэт ни на йоту не изменился. Не было заметно ничего похожего на возбуждение, не было заметно ничего похожего на румянец. Лицо поэта оставалось таким же, каким было всегда: бледно-серым, с зеленоватым оттенком.

Разговор журналиста с поэтом, если эту странную процедуру можно назвать разговором, мне невольно напомнил один из страшных рассказов Эдгара По «Факты в деле мистера Вальдемара»

Казалось: журналист отлично играет роль человека, проделывающего месмерический опыт над своим умирающим другом. У журналиста прекрасный партнёр: Велимир Хлебников неподражаемо играет роль умирающего мистера Вальдемара в пьесе, изготовленной по рассказу Эдгара По.

Кроме самих поэтов, читавших свои стихи, на эстраде «Домино» с декламацией часто выступали артисты.

Артисты декламировали стихи наиболее видных живых и умерших поэтов. Артисты не только декламировали, они нередко имитировали поэтов или выступали с пародиями и дружескими шаржами.

Лучшим имитатором и шаржистом считался в «Домино» артист Камерного театра Александр Оленин.

В первое время существования СОПО Оленин выступал с имитациями или шаржами почти ежевечерне.

Имитируя, Оленин без грима старался передать выражение лица того или иного поэта, мимику его, характерные жесты и голос.

Маяковского Оленин изображал так: свой срывающийся полубас-полутенор артист переключал на металлический бас; руки в карманах брюк, взгляд из-под надвинутой на лоб кепки.

По Оленину, Владимир Владимирович является перед публикой в аудитории Политехнического музея на одном из больших вечеров поэзии. В программе добрый десяток футуристов, налицо один Маяковский.

Маяковский, приняв полагающуюся ему, по Оленину, позу, объясняется с публикой:

– Сегодня здесь должен был с вами разговаривать мой друг Борис Леонидович Пастернак, но Борис Леонидович разговаривать с вами сегодня не будет. Борис Леонидович встретил сегодня Георгия Богдановича Якулова и вместе с ним отправился на дачу к Георгию Богдановичу.

Маяковский, видя, что публика развеселилась, слушая задушевные рассказы о приятном времяпрепровождении его друзей, с большим успехом продолжает повествовать о них с эстрады. При этом о каждом из отсутствующих он неизменно повторяет ту же схему фразы: «Сегодня здесь должен был...»

Только каждый раз представлялось имя выступающего, объявленное на афише, и имя того, кто был виновником умыкания.

Таким образом, Маяковский ведет программу в качестве докладчика и конферансье.

Продолжая программу, Маяковский, по Оленину, вы ступает наконец и как поэт: читает отрывок из поэмы «Война и мир».

Начинает он поэму с самого начала, с пролога, и заканчивает чтение так:

Что им,
вернувшись,
печали ваши,
что им
каких-то стихов бахрома?!.
Им
на паре б деревяшек
лишь кое-как прохромать
антракт в пятнадцать минут!

Последняя строка подлинного пролога поэмы «Войны и мира» следующая: «День кое-как прохромать».

Слово «день» в последней строке приведенного отрывка подлинника заменялось словом «лишь» или опускалось. Объявления об антракте произносились не переводя дыхания. Благодаря такому приему отрывок на поэмы получал трагикомический смысл.

Делались ли попытки со стороны руководителей Союза Поэтов привлечь Маяковского к работе в Союзе?

Конечно. Такие попытки делались неоднократно, но они не приводили ни к каким положительным результатам.

Причина «безучастного» отношения Маяковского к Союзу поэтов ясна: на первых порах своего существования Союз поэтов ограничивал свою деятельность исключительно выступлениями в кафе, а Маяковский к этому времени совершил окончательный и бесповоротный отход от жизни каких бы то ни было поэтических или артистических кафе.

Союз поэтов уже несколько месяцев шумел своими выступлениями. Поэтический шум не только наполнял Москву, но выходил далеко за ее пределы: во многих крупных городах Советской Республики возникли отделения Союза поэтов. За все это время Маяковский ни разу не появлялся в СОПО.

В дальнейшем он изредка стал заходить в «Кафе поэтов». В качестве гостя. В качестве наблюдающего. В качестве научающего своих соратников по перу.

Обыкновенно Маяковский приходил в «Домино» один. Появлялся он в «Кафе поэтов» часов в восемь или девять вечера и уходил, пробыв там не больше двух или трех часов.

Для «Домино» это время – ранний вечер. Программа в «Домино» фактически начиналась поздно, хотя и афишах обозначался сравнительно ранний час ее начала.

Только очень серьезные выступления, носившие академический характер, осуществлялись в ранние вечерние часы. В такие часы делали литературные доклады профессор Коган, критик Львов-Рогачевский или Сергей Григорьев. Читал переводы древнегреческих трагиков Вячеслав Иванов, излагал с эстрады свои мысли об искусстве Андрей Белый.

Поздним вечером, после одиннадцати часов, а иногда только после полуночи, «Кафе поэтов» начинало свою шумную ночную жизнь.

Тогда «Кафе поэтов» наполняла особая публика: ночная. Для этой публики нужна была особая программа.

Никакая соль не казалась ей достаточно солёной, никакая эксцентричность достаточно эксцентричной. Публика ночного кафе морщилась, делая вид, что ей кажутся пресными отчаянные вывихи самой отчаянной экстравагантности.

Часто случалось, что в «Кафе поэтов» программа академического характера отсутствовала. В таком случае поэты и поэтессы, собравшись я кафе ранним вечером, оседали за столиками второго зала и вели дружеские беседы.

Среди собравшихся можно было увидеть не только представителей богемы, но и тех поэтов, которые вели семейный, весьма скромный образ жизни.

Эти скромные и тихие люди приходили в кафе «Домино», чтобы увидеть своих коллег и узнать, как они

живут и работают: что пишут, что написали и что запланировали к написанию на ближайшее будущее.

Маяковский, появляясь в «Кафе поэтов», обычно проходил во второй зал. Садился за один из миниатюрных столиков со стеклянным покрытием и слушал разговоры собратьев по перу. Их, собратьев по перу, нередко собиралось довольно большое количество: в те времена никого не удивило бы присутствие за столиками «Домино» доброй полусотни, а иногда и сотни поэтов.

Обыкновенно Маяковский сидел в «Домино» среди поэтов за стаканом кофе, иногда – за совершенно пустым столиком

С появлением Маяковского разговор во втором зале «Домино» становился общим и оживленным.

При встрече с Маяковским, прежде всего, поражал его высокий рост.

Он широкоплечий, широкогрудый. Темный шатен. Волосы коротко подстрижены. Чаше всего наголо.

В его пронизывающих карих глазах, смотревших почти всегда чуть-чуть исподлобья, чувствовалась большая внутренняя сила.

Его глаза отличались вот какой особенностью: каждый раз, когда их обладатель бросал на вас свой взор, вы ощущали удар, похожий на чисто физическое прикосновение. Поэт отводил от вас взгляд, снова устремлял его на вас – и вы снова получали удар почти такой же силы. И так без конца.

У Маяковского почти всегда – папироса, характерно зажата сильным волевым движением выразительных и резко очерченных губ.

Еще один из характерных жестов поэта: руки, опущенные в карманы брюк.

У Маяковского скромный, но чистый костюм. Полное отсутствие суетливости. Размеренный и спокойный ритм движений.

Сильное впечатление на слушателей производил огромный голос поэта, которым он в совершенстве владел. Это металлический бас, изредка переходящий на высоких нотах в фальцет: обыкновенно высокие ноты произносились фальцетом при длительном чтении стихов. По-видимому, от переутомления.

У Маяковского почти всегда крепко сжатые челюсти. Его лицо почти всегда выражает сильное нервное напряжение.

Неукротимая энергия поэта искала выхода не только в многообразном творческом труде: поэзия, живопись, журналистика, кино, – эта энергия широко расходовалась также в играх, требующих физической силы и ловкости.

Так, например, Маяковский очень любил игру в городки и предавался ей со свойственной ему страстью и юношеским задором.

Кроме игры в городки Маяковский любил игру на бильярде и многие другие игры. Не боясь преувеличения, можно сказать: почти не было такой игры, которой не любил бы Маяковский.

Маяковский – весь в движении. И стихи свои он любил слагать, находясь в движении – особенно под ритмические взмахи своих шагов, бесчисленное множество раз пересекая площади и меряя улицы городов.

Каждый раз, когда мне приходилось встречаться с Маяковским, он производил на меня впечатление скромного и деликатного человека. Таким он, в сущности, и был.

В личных отношениях с людьми, в особенности с поэтами, Маяковский был мягким и отзывчивым. Иным я его никогда не видал.

В сердце Маяковского жила большая и трогательная любовь к людям.

Он не мог относиться равнодушно к бедным и обездоленным.

Особенно трогательным было его отношение к немущим старухам и старикам.

Старость, да еще не обеспеченная – с таким проклятым фактом Маяковский не мог примириться. Он не мог видеть старого человека, у которого нет каких-то несчастных копеек, чтобы купить кусок хлеба.

Как только у поэта появлялись деньги, он спешил раздать их нищим старухам и старикам.

Об этих чудесных поступках Маяковского знают очень немногие из тех людей, которые были близки с поэтом при его жизни: Маяковский тайно отыскивал бедных старух и стариков и помогал им.

Помню, что в «Домино» в присутствии Маяковского нередко затевались литературные игры. Одной из излюбленных в то время литературных игр была игра в отгадывание стихотворных цитат.

366

Знатоки поэзии предлагали самые редкие, самые трудные для отгадывания цитаты из старых, новых и новейших поэтов. При этом трудность отгадывания усугублялась обычно современной распевной читкой: попробуйте отгадать, какой, например, пиит XVIII, века написал вирши, если их преподнесут вам в распевной манере стихотворцев нашего времени!

Больше всего курьезов было с цитатами из Пушкина. Самым дружным смехом оглашалась «Сопатка», когда обнаруживалось, что никто из присутствующих поэтов не узнает Пушкина, продекламированного в манере современного распевного речитатива.

Маяковский, присутствуя на литературных играх в кафе «Домино», не цитировал и не отгадывал цитат. Он сидел молча и улыбался.

Когда настроение поэтов значительно поднималось, он обычно рассказывал что-нибудь забавное о своем прошлом: о своих московских выступлениях, о своих литературных поездках по городам Советской Республики, о своих литературных спутниках.

Однажды он рассказал, например, о своем совместном литературном путешествии с Игорем Северянином. Рассказ свой Маяковский закончил так:

– И вот когда мы доехали с ним до Харькова, то я тут только обнаружил, что Игорь Северянин глуп.

19

В дальнейшем Маяковский неоднократно выступал с эстрады Всероссийского Союза поэтов со своими произведениями. Помню, при выступлениях в Союзе поэтов он несколько раз читал отрывки из поэмы «150000000».

Как известно, поэма создавалась Маяковским в течение 1919 и 1920 годов. В этот период времени, по мере того как поэма подвигалась вперед, Маяковский знакомил с ней слушателей в СОПО. Почти всегда не меньше половины слушателей поэмы в СОПО составляли поэты.

Стремясь облегчить слушателям восприятие того или иного ритмического хода поэмы, Маяковский в такт произносимым словам слегка пристукивал ногой, делал размеренные движения корпуса влево и вправо, сопровождая движение корпуса жестами рук. Больше всего мне запомнились у читающего Маяковского плавные движения рук. Читая поэму, он поводил руками, как дирижер, перед которым играл оркестр, видимый только ему одному.

Маяковский декламировал поэму «150000000» с чрезвычайным воодушевлением. Такое воодушевление при чтении стихов было редким даже для него. Декламируя «150000000», он приходил в восторженное состояние: глаза ярко светились, молодое лицо его покрывалось легким румянцем.

С 1918 по 1920 год состав президиума Всероссийского Союза поэтов несколько раз претерпевал весьма существенные изменения.

Бессменными оставались только те члены президиума Союза поэтов, которые были незаменимыми как специалисты и технические работники: люди, ведущие чрезвычайно трудное в те времена издательское дело, и люди, родившиеся делопроизводителями. Во всю жизнь я не видел таких трудолюбивых делопроизводителей, какие были в Союзе поэтов: они с большим вдохновением и безукоризненной аккуратностью исполняли сном обязанности, не получая за это ничего или получая гроши.

Беспорядки и неурядицы в Союзе поэтов росли с каждым днем и к 1920 году достигли наконец таких размеров, что на одном из общих собраний было решено «призвать варягов».

Впрочем, множественное число, употребляемое мною, в данном случае ни к чему; решено было призвать одного крупного «варяга»: выбор пал на Валерия Яковлевича Брюсова.

Общим собранием Союза поэтов была послана к Валерию Брюсову делегация, состоящая из пяти человек. Делегаты Союза поэтов отправились к Валерию Яковлевичу на одну из Мещанских улиц.

Пригласили.

Через день или два Брюсов явился в СОПО и начал председательствовать.

С Брюсовым произошла в это время метаморфоза, подобная метаморфозе, происшедшей с гётевским Фаустом. Среди молодых поэтов и поэтесс Брюсов ожил и помолодел. Он сбросил с себя бремя лет, равнявшееся во меньшей мере половине его возраста. Брюсов превратился в юношу.

Он проводил бессонные ночи в «Домино». Он совершал, сопровождаемый ватагой молодых поэтов, ночные прогулки по улицам Москвы.

Ватага молодых поэтов, состоявшая из двадцати или тридцати человек, вместе с Брюсовым окружала иногда памятник Пушкина: кто садился, кто ложился возле пьедестала великого поэта. До утренней зари поэты разговаривали об искусстве и читали стихи возле монумента Пушкина.

Нередко Валерий Брюсов давал активу Союза поэтов задание – написать стихотворение на ту или иную тему. Для выполнения задания назначался определенный, обычно весьма короткий срок. Брюсов писал стихи на ту же тему и к тому же сроку и сам.

Однажды Брюсов дал для стихотворения тему: кафе СОПО. К определенному сроку написал стихотворение на заданную тему только Валерий Брюсов.

В этом стихотворении Валерий Брюсов и себя как корифея, как пастыря поэтов и как всех тех, кого приводят в кафе музы.

Музы приводили тогда стихотворцев и их поклонников не только в СОПО. Выступления поэтов не было конца и во многих других пунктах литературной Москвы.

Назовем из этих пунктов самые известные, самые прославленные: «Стойло Пегаса» (Тверская, 37), «Красный петух» (Кузнецкий мост, 13), Политехнический музей, «Литературный особняк».

Выступления поэтов были самые разнообразные. Выступали представители от определенных литературных групп; были состязания поэтов; были вечера стихотворных импровизаций.

Валерий Брюсов не только писал в кафе «Домино» наряду с другими поэтами стихотворные импровизации на глазах у публики, но иногда читал даже импровизированные лекции.

Это делалось так: на эстраде кафе «Домино» ставилась урна. В урну желающими опускались записоч-

ки с темой лекции: по литературе, истории или философии.

На эстраду выходил Валерий Брюсов. Торжественно вынимал из урны записочку с темой. Публично прочитывал записочку. Уходил в комнатку президиума Союза поэтов. Через пять-десять минут он читал двухчасовую лекцию на заданную публикой тему.

Изредка вечера поэзии устраивались в ЛИТО Наркомпроса. Главой ЛИТО в описываемое время был Валерий Брюсов.

Особенно мне запомнился один из вечеров поэзии, устроенный в ЛИТО.

Это было в 1920 году.

В одной из небольших зал ЛИТО собралось весьма ограниченное число приглашенных.

Открыл литературный вечер Валерий Брюсов.

Он очень долго, чуть-чуть грацируя, читал свои новые стихи, сопровождая чтение обычными для него телодвижениями и жестами: мелкими шажками движется вперед, такими же шажками отступает назад. Точнее – Валерий Брюсов движется по диагонали четырехугольника эстрады. Вот он размеренно подымает руки, вот опускает их. Изредка, особенно в паузах между окончанием чтения одного и началом чтения другого стихотворения, Валерий Брюсов принимает позу, которая придана ему на бессмертном портрете работы Врубеля.

Помню, в этот вечер Валерий Брюсов был как-то исключительно манерен и искусствен. В этот вечер врубелевская поза поэту почему-то не совсем удавалась.

Впрочем, чтобы быть справедливым, необходимо добавить, что, встречая Валерия Брюсова в продолжение многих лет, я видел его иногда абсолютно таким, каким он изображен на портрете работы Врубеля: и поза и выражение лица были подлинно врубелевскими в те минуты, когда поэт находился в состоянии подлинного вдохновения.

На вечере поэзии в ЛИТО Валерий Брюсов декламировал стихи, которыми он, по сути дела, продолжал

один из своих старых стихотворных циклов: «Правда вечная кумиров».

Валерий Брюсов заканчивает декламацию стихов.

И вот на том самом месте, где только что стоял Валерий Брюсов, неожиданно появляется неизвестный человек.

Он сразу же, с места в карьер, начинает громким, абсолютно не соответствующим размерам комнаты голосом громить стихи Валерия Брюсова.

Неизвестный упрекает Брюсова в мертвой академичности, в невнимании к животрепещущей революционной действительности.

Неизвестный кинулся в атаку на Валерия Брюсова с такой молниеносной быстротой, с такой чрезвычайной резкостью» что поэт растерялся.

Брюсов молчал. Он пытался придать своему лицу выражение каменной невозмутимости, но это ему не удавалось. Смущенный, он неловко и виновато улыбался.

Неизвестный заканчивает речь.

Вслед за неизвестным выступает Маяковский.

Для всех присутствующих выступление Маяковского было полной неожиданностью.

Маяковский спокойным и деловым тоном, очень скромно и просто, без всякой аффектации начинает говорить.

Маяковский заявляет, что он отказывается от футуризма. С этого момента он больше не футурист.

В литературных кругах Москвы отказ Маяковского от футуризма вызвал оживленные толки и разговоры.

Заявление Маяковского было очень кратким. Многое в положении футуризма и футуристов после заявления Маяковского оставалось неясным.

Обсуждая заявление Маяковского, московские литераторы обращали внимание на то, что оно было сделано от лица только одного Маяковского.

Вставал ряд вопросов: согласовано ли Маяковским это заявление с другими футуристами или нет, а если

нет, то почему. В каком направлении будет развиваться творчество Маяковского и его товарищей по литературной группе? В частности, какие изменения произойдут в форме стихов Маяковского?

Маяковский любил острословие. Любил афоризм и крылатую фразу. Его выступления почти всегда были приправлены едкой солью острот.

Как строит Маяковский афоризм или крылатую фразу?

В подавляющем большинстве случаев Маяковский при построении афоризма опирается на драгоценный материал народной поэзии.

Подосновой или фундаментом для афоризма Маяковского является та или иная народная пословица, поговорка или словесная заставка.

Обычно Маяковский видоизменяет общеизвестную народную пословицу или поговорку, придельвая, например, к первой части ее совершенно не относящийся к ней конец, причем конец этот, в свою очередь, сам является иногда видоизмененной частью другой своеобразной народной пословицы или поговорки.

Именно таким способом построен Маяковским, общеизвестный его афоризм, в сущности, являющийся новой поговоркой: «Не плюй в колодезь: вылетит – не поймашь».

Нередко острую фразу Маяковский оперял рифмой, и тогда она вполне уподоблялась стреле: она становилась не только острой, но и летучей. Тогда ее можно было назвать крылатой фразой в самом строгом и точном значении этого слова.

Для какой цели строился Маяковским афоризм или крылатая фраза?

Для пользования ими на эстраде при разговорах с публикой. В таких случаях крылатая фраза рождалась иногда экспромтом.

Прием крылатой фразы нередко применялся Маяковским и в его стихах. Например: «Гони, поэт, чай», «Стоило жить и работать стоило» и т. п.

Этот же прием, прием ходячей или крылатой фразы, с успехом применялся Маяковским в агитационных плакатах-рекламах. применялся для надписей или посвящений на книгах, а также для эпиграмм. Впрочем, автограф Маяковского, вручаемый им тому или иному лицу вместе со своей книгой, почти всегда в какой-то мере эпиграмма.

Я отлично помню: тот или иной автограф Маяковского. подаренный им какому-нибудь другу в кавычках или другу без кавычек, буквально в один вечер облетал всю тогдашнюю литературную Москву и, переходя из уст в уста, иногда в искаженном виде, неизменно вызывал искренний смех.

Общеизвестна эпиграмма Маяковского, направленная против поэта Александра Кусикова. Я слышал эпиграмму на Кусикова на одном из литературных вечеров: Маяковский сам читал ее публично.

Насколько я помню, эта эпиграмма имела следующий вид:

На свете
много
вкусов
и кусиков:
одним нравится
Маяковский,
другим –
Кусиков.

Один из московских собирателей автографов – Александр Михайлович Зелонджев – рассказывал мне: Маяковский преподнес Кусикову свою книгу «Всё» вскоре после ее выхода в свет, сделав на ней надпись:

Есть вкусы
и есть
вкусики.
Дарю –
Маяковский Кусикову.

Есть интересная эпиграмма, направленная по адресу Рюрика Ивнева. Об ее возникновении среди московских поэтов рассказывают: Рюрик Ивнев получил книгу Маяковского с язвительной надписью автора.

Лично я никогда у Рюрика Ивнева книги с надписью Маяковского не видел. Эпиграмму на Рюрика Ивнева я слышал от нескольких московских поэтов. Вот ее текст:

Нет столько воды в Неве,
Сколько в Рюрике Ивневе.

374

Специалисты по Маяковскому уверяют меня, что данная эпиграмма не принадлежит перу Маяковского. Я с ними вполне согласен.

Существует эпиграмма на поэта Адуева. Это типичный стихотворный экспромт Маяковского. Вот текст эпиграммы:

А ну
его!
Ату
его
Аду –
ева!

Мне известно еще несколько эпиграмм, авторство которых приписывается Маяковскому

В эпиграммах этих слишком много соли и яда. По причине излишней ядовитости и пересола, эти эпиграммы явно не принадлежат перу Маяковского. У последнего в эпиграмме всегда есть чувство меры. Кроме того, анализ формы приписываемых Маяковскому

эпиграмм с неизбежностью приводят к заключению, что именем Маяковского хотели воспользоваться анонимные авторы.

Что такое сансара?

Если не ошибаюсь, слово «сансара» относятся к санскриту.

Точное значение слова «сансара» – странствование.

Сансара – это учение о непрекращающемся состоянии души, переходящей из одной формы в другую подобно с ее предшествующей жизнью. Вера в сансару распространена среди брахманистов и буддистов.

Несомненно. всякий, кто прочтет строки о сансаре, спросит: почему я заговорил на эту странную тему?

Отвечаю.

Я заговорил о сансаре потому, что вспомнил об одном причудливом литературном направлении двадцатых годов XX века: о ничевоках.

Я вспомнил одну глубокую и туманную ночь 1920 года.

Это было в Москве.

На Тверской.

Меня окружали ничевоки.

В порыве философского отчаяния они выкрикивали:

– Сансара!

– Сансара!

В ночном тумане ничевоки напоминали каркающих воронов.

Своими странными восклицаниями они заканчивали спор об искусстве.

Почему ничевоки вспоминали иногда о сансаре?

Потому, что в самом начале их выступлений в Москве им в какой-то мере была близка философия буддистов. Об этой своей близости ничевоки говорили иногда с эстрады.

Увлечение буддийской философией было далеко не у всех ничевоков. К тому же было оно кратковременным. В дальнейшем ничевоки забыли и о буддизме и о сансаре.

Слово «ничевок», по свидетельству самих представителей данного направления, заимствовано ими из одного старого фельетона Тэффи. Слово это определяет смысл творчества ничевоков. «Наша цель, – заявляют они, – истончение поэтпроизведения во имя «Ничего».

Платформа ничевоков была сформирована ими в «Декрете о Ничевоках Поэзии», датированном 1920 годом («Ничевоки. Собачий Ящик, или Труды Творческого Бюро Ничевоков»),

Декрет начинался весьма торжественно:

«Именем Революции Духа объявляем:

...Фокус современного кризиса явлений мира и мироощущений Ничевоком прояснен, кризис – в нас, в духе нашем. В поэтпроизведениях кризис этот разрешается истончением образа, метра, ритма, инструментовки, концовки. (Единственное пока что жизненное течение в поэзии – имажинизм – нами принимается как частичный метод.)

Ничевочество – это путь. Это путь, который в дальнейшем приведет к желанной цели: в Ничего.

А пока: ничевочество – это странствование, это борьба, это – преодоление преград это – работа».

Вот почему ничевоки объединяются в группу.

А объединившись, пишут «Приказ по организационной части».

А в приказе том сказано:

1. Никому не возбраняется быть Ничевоком.
2. Со дня опубликования сего Ничевоки разделяются на: I) Ничевоков Творчества и II) Ничевоков Жизни.
3. Каковые все объединяются в Российское Становище Ничевоков.

4. К Ничевокам Творчества причисляются в первую очередь все активно-динамические работники в области искусства, которые руководствуются в вопросах творчества декретами об искусстве Творничбюро.

5. На Творческое Бюро Ничевоков (Творничбюро) возлагаются задачи организационного центра – творческо-законодательные и контроля над деятельностью Ничевоков Творчества.

6. Положение о Творческом Бюро разрабатывается им же самим на основании волевого революционного акта захвата жизненного организма искусства Ничевоками.

7. Творческому Бюро надлежит разработать положение о Секретариате Ничевоков, каковой является исполнительным органом Творничбюро.

8. Ведению Секретариата подлежат Ничевоки Жизни, активно принимающие участие в общей работе Ничевоков.

9. Ничевокам Жизни присваивается наименование «Хобо», что значит – рафинированный революционный бродяга».

Особенно показателен девятый пункт ничевоческого приказа, в котором говорится о рафинированном бродяге.

Прочитав этот пункт, начинаешь понимать, где зарыта ничевоческая собака. Она зарыта в «Собачьем ящике». А «Собачий ящик» зарыт близ Хитрова рынка.

Хитров рынок близок ничевокам как идеологически, так и территориально.

Смотрите: под введением в «Собачий ящик» около даты обозначено место, на котором обретается онный «Собачий ящик» и его обитатели: Хитров рынок.

Впрочем, не под одним только введением в «Собачий ящик» есть пометка «Хитров рынок». Подобная же пометка имеется под ничевоческим «Декретом об отделении искусства от государства» и под целым рядом других весьма важных ничевоческих документов.

Помимо перечисленных, запоминаются следующие, документы, опубликованные в «Собачьем ящике»: воззвание к дадаистам, дело о разводе ничевока с ничевочкой и текст удостоверения, выдаваемого Творничбюро членам Российского становища ничевоков.

В деле развода ничевока с ничевочкой особенно выразительным кажется «Открытое письмо разведенца». Оно заканчивается следующими юмористическими строками:

«Обозначенная особа женского пола, 20-ти лет от роду, заявила о своем выходе из Российского Становища Ничевоков, и сие я, Ничевок (имярек) считаю расторжением всех обязательств, связывающих особу (имярек) и меня, Ничевока (имярек), перед Богом, Государством и пр».

Текст ничевоческого удостоверения так интересен, что его необходимо привести полностью:

378

Иван Грузинов

РОССИЙСКОЕ СТАНОВИЩЕ НИЧЕВОКОВ

Творческое бюро

Отдел: Секретариат

Августа 24 дня 1920 г.

№ 0031

Москва, Хитров рынок (М. П.)

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие гражданину (такому-то) в том, что он перестал быть животным и сделался Ничевоком.

Действительно по гроб жизни. Творничбюро.

Человеку, которому приходилось наблюдать ничевоков, бросалось в глаза вот какое явление: ничевоки творчества и ничевоки жизни очень быстро опускались, грубели и дичали, очень быстро становились у грани, отделяющей обыкновенного смертного от хитрованца.

Особенно это было заметно по антигигиеническому и антисанитарному состоянию жилищ, в которых приходилось обитать ничевокам.

Представьте себе квартиру московского интеллигента средней руки. В означенной квартире есть столы, диваны, книжные шкафы, два-три ковра, половая щётка и т.п. В ней есть двери, окна и прочее.

Все вышеперечисленное содержится в каком-то, быть может и относительном, порядке.

Представьте себе, что владелец оной приличной квартиры становится членом Российского Становища Ничевоков.

Можете ли вообразить, во что превратилась квартира московского интеллигента через два или три месяца после вступления его в оное Становище ничевоков?

Не можете.

Ручаюсь.

Квартира интеллигента превратилась в самый настоящий вигвам.

Да. Превратилась она в вигвам Гайаваты, в котором нахулиганил По-Пок-Кивио.

Вспомните, что говорят Лонгфелло в своей поэме о хулиганстве волшебника:

А потом вошел в жилище.
Раскидал кругом порога
Всю хозяйственную утварь,
Раскидал куда попало
Все котлы, горшки и миски,
Мех бобров и горностаев.

Впрочем, обстановку вигвама Гайаваты после хулиганства волшебника можно было в сравнительно быстрый срок привести в надлежащий порядок.

Другое дело – жилище ничевока.

Диван, кушетка и прочая мебель приняли такой грязный, обшарпанный и ни с чем не сообразный вид, что для наведения в квартире надлежащего порядка потребовалось бы сравнительно продолжительное время, потребовались бы героические усилия.

Судите сами: как могут испакостить квартиру люди, которые перестали признавать разницу между дверями

и окнами! Как могут испакостить квартиру люди, которые для входа в неё предпочитают дверям окна!

Ничевоки через окно прыгали с улицы в глубину жилища, как в омут. И жилище в которое они прыгали через окно, в короткий срок становилось сорной ямой, пещерой или вертепом.

Антибытовизм ничевоков не требовал с их стороны особого напряжения, особой затраты душевных сил. Энергия их уходила на другое.

Согласно теории ничевочества, душевный аппарат каждого из адептов данного литературного направления целиком настраивался на отрицание существующего искусства и его живых представителей.

При этом: чем большей популярностью пользовался тот или иной человек искусства, тем сильнее было у ничевоков желание свергнуть его с пьедестала.

Ничевокам казалось: достаточно одного отрицания – и тот или иной значительный художник, тот или иной известный поэт будут повержены в прах. Поэтому творческой работой ничевоки занимались мало. Вся их энергия уходила на придумывание и обсуждение планов свержения наиболее видных людей искусства. Ничевоки фантазировали: как бы кого из людей искусства стегануть, как бы кого разнести, как бы кого разоблачить, как бы кого разжевать и выплюнуть.

Следы злопыхательства ничевоков, направленного по адресу других литературных течений того времени, можно найти в соответствующей ничевоческой литературе. Так, например, злопыхательством ничевоков изобилует их пресловутый «Собачий ящик».

В разговорах ничевоков о том или ином известном поэте установилась мода употреблять имена существительные в уничижительной форме. Так, например, Анну Ахматову они неизменно называли Ахматкиной.

В качестве иллюстрации ничевоческого отношения к людям искусства приведу разговор образца 1921–1922 годов.

НИЧЕВОЧЕСКИЙ РАЗГОВОР

Н и ч е в о ч к а

– Как поживаете, Хобо?

Н и ч е в о к

– Благодарю вас, Хобочка. Ничего.

Н и ч е в о ч к а

– Что нового, Хобо?

Н и ч е в о к

– Ничего, Хобочка.

Н и ч е в о ч к а

– Вы, кажется, только что вернулись из Петербурга, Хобо?

Н и ч е в о к

– Да, Хобочка. Был в Петербурге.

Н и ч е в о ч к а

– Как поживает там Анна Ахматкина, Хобо?

Н и ч е в о к

– Говорят, что Ахматкина уже никак не поживает, Хобочка. Говорят, что она уже загнулась.

Н и ч е в о ч к а

– Как же после этого вы осмеливаетесь утверждать, что ничего нового! Конец Ахматкиной – большая и радостная новость, Хобо.

Н и ч е в о к

– Для меня в этом нет ни горя, ни радости. Я, Хобочка, равнодушен.

Только одна литературная группа пользовалась симпатиями ничевоков: имажинисты. Но м эта литературная группа весьма скоро оказалась у ничевоков в осаде в 1922 году ничевоки объявили о книге, которая должна была в скором времени выйти в свет «Таины Имажинистского Двора».

Если верить объявлению, книга об имажинистах, была следующего содержания: «Следственный материал, публикуемый Революционным Трибуналом Ничевоков при Творческом Бюро. В разоблачениях принимают участие Ничевоки Творческого Бюро».

Особенно ярким было ничевоческое отрицание, направляемое по адресу акмеистов и футуристов. Следы отрицательного отношения ничевоков к футуризму находим в объявлении о литературной смете Творничбюро на вторую половину 1921 года и первую воловику 1922 года. В этой литературной смете по ничевоку Борису Земенкову, между прочим, значилось: «Футуризм (Разоблачение)».

Итак: в программу ничевоков, помимо всего прочего, входило разоблачение футуризма и футуристов, низвержение футуризма и футуристов.

Само собой разумеется, что для ничевоков самой крупной мишенью являлся глава футуристов – Владимир Маяковский.

Долго готовились ничевоки к налету на Маяковского. Копили силы, разрабатывали план, обсуждали подробности плана.

Наконец, в 1922 году они почти всей группой кинулись в атаку на Маяковского во время одного из его выступлений и устроили ему дикую сцену.

После 1922 года группа ничевоков стала заметно хиреть и разваливаться (клониться к концу). В 1923 году о ней уже ничего не было слышно.

Просуществовав около четырех лет, группа эта привела себя к желанной цели: в ничего. Таким образом, мечты, к осуществлению которых так жадно стремилась группа ничевоков, осуществились вполне.

Одной из причин сравнительно быстрого распада группы ничевоков была смерть Сергея Садикова.

Среди ничевоков Сергей Садиков был самым талантливым поэтом. Одна из его поэм заслуживает всяческого внимания. Я имею в виду поэму «Евангелие рук».

Я помню, как Садиков читал «Евангелие рук» в Союзе поэтов. Поэма производила сильное впечатление.

Со времени смерти поэта, по-видимому, утрачены и затеряны все его стихи, в том числе и поэма «Евангелие рук».

Смерть Сергея Садикова была трагической.
Летом 1922 года Садиков поехал в Петербург.
Там он попал под трамвай.

Трамвайным вагоном поэт был притиснут к земле и
полураздавлен.

Спасти Садикова было почти невозможно.

Сдвинуть вагон трамвая в горизонтальном направ-
лении было нельзя: при этом трамвай дорезал бы по-
эта.

Извлечь поэта из-под вагона трамвая тоже не пред-
ставлялось возможным: при этом пришлось бы разо-
рвать его тело, по крайней мере, на две части.

Целую ночь поэт лежал полураздавленный под ва-
гоном трамвая.

Он был в полном сознании. Он диктовал из-под
трамвайного вагона телефонограммы для передачи их
в Москву.

Я отчетливо помню два выдающихся литератур-
ных вечера, устроенных в 1920 году: «Литературный
суд над имажинистами» и «Суд над русской литерату-
рой». «Литературный суд над имажинистами» состо-
ялся 4 ноября 1920 года в Большом зале консервато-
рии (Большая Никитская).

Подсудимыми имажинистами являлись: я, Сергей
Есенин, Александр Кусиков, Анатолий Мариенгоф я
Вадим Шершеневич.

Литературным обвинителем имажинистов был Ва-
лерий Брюсов.

В качестве гражданского истца на суде выступал
Иван Александрович Аксенов, который к описываемо-
му моменту был автором нескольких книг: «Пикассо в
окрестности», «Неуважительные основания», «Елиза-
ветинцы».

Пять молодых московских литераторов выступали
в качестве свидетелей: три из них – со стороны обви-

нения, два – со стороны защиты. Из публики было выбрано двенадцать судей.

В обвинительной речи, которую произнес Валерий Брюсов, было много иронии. В иронии, и только в иронии, заключалась сила выступления литературного обвинителя.

Иван Аксенов также решил построить свою речь на фундаменте иронии, но из этого ничего путного ж получилось. Он иронизировал таким образом, что все его остроты по адресу имажинистов неизменно обрушивались на его собственную голову. К концу речи гражданского истца публика стала весело подтрунивать вид ним.

Есенин заметил недостаток гражданского истца. Учтя слабое место противника, он быстро построил план действий. План Есенина был прост: бить врага его собственным оружием.

Нацелившись указательным пальцем вытянутой руки в огромную рыжую бороду Ивана Аксенова. Есенин громко спросил:

– Кто судит нас? Кто? Что сделал в литературе гражданский истец – этот тип, утонувший в бороде?

Выражение: «Тип, утонувший в бороде», – прозвучало, как выстрел.

Ошеломленная публика притихла на одно мгновение. Потом громко захохотала и зааплодировала. Гражданский истец был убит наповал.

Свидетели со стороны обвинения старательно подались в литературном прошлом имажинистов. Так, например, одни из них доказывал, что Вадим Шершеневич в своих ранних стихах подражал Владимиру Маяковскому. Чтобы убедить присутствующих в справедливости своих показаний, вышеозначенный свидетель цитировал Шершеневича и Маяковского, пытаясь установить зависимость первого от второго.

Один из свидетелей защиты предложил: во-первых, прекратить словесную прю, во-вторых, просить подсудимых имажинистов прочитать свои новые стихи. Сти-

хи в данном случае должны были рассматриваться как последнее слово подсудимого.

Имажинисты, выступавшие со своими стихами, имели шумный успех. Успех предрешил характер приговора литературного суда: приговор был вынесен оправдательный.

Неделю-другую спустя в Политехническом музее имажинистами был устроен «Суд над русской литературой».

По регламенту, установленному для данного суда, представителем от подсудимой русской литературы являлся Валерий Брюсов.

Имажинисты, обвиняющие русскую литературу, были в следующем составе: я, Сергей Есенин, Анатолий Мариенгоф, Вадим Шершеневич.

Я говорил на суде первым.

Я охарактеризовал главные литературные направления того времени.

Я подверг критическому анализу теоретические положения главных литературных школ того времени.

Я доказывал: продукция представителей главных литературных направлений того времени недоброкачественна.

В своей речи я самое большое внимание уделил трем литературным школам: символистам, футуристам и акмеистам.

После моей речи откуда-то, чуть ли не с галерки, неожиданно появился Владимир Маяковский.

Маяковский взял на себя роль защитника русской литературы. При этом он выступал не как поэт Маяковский; он сделал вид, что он рядовой читатель, рядовой представитель широких народных масс.

Маяковский был оживлен. Был весел и добродушен. Таким простым и добродушным я не видел его никогда: ни раньше, ни позже данного литературного вечера.

Играя роль человека в чуйке, Маяковский горячо и быстро начал говорить. Речь его лилась с полной принужденностью.

Вопреки обыкновению, на этот раз много говорил Есенин.

Есенин обрушился на футуризм и футуристов. Нападки его были направлены по адресу Маяковского и Хлебникова. Впрочем, для Хлебникова Есенин нашел смягчающий его вину факт: за несколько месяцев до суда над русской литературой представитель архаической ветви российского футуризма вступил в группу имажинистов. Пребывание Хлебникова в группе имажинистов ознаменовалось его участием в одном из коллективных сборников того времени, в «Харчевне зорь». В этом сборнике, изданном в 1920 году, участвуют Есенин, Мариенгоф и Хлебников.

В «Харчевне зорь» помещены два стихотворения Хлебникова. В одном из них воспеваются Есенин и Мариенгоф. Оно является наилучшим вещественным доказательством отношений Хлебникова к имажинизму.

Стихотворение это состоит всего лишь из десяти коротких строк, поэтому я решил привести его полностью:

Москвы колымага.
В ней два имаго.
Голгофа Мариенгофа.
Город
Распорот.
Воскресение
Есенина
Господи, отелись
В шубе из лис.

Здесь следует указать, что в издательстве «Имажинисты» вышла отдельной книгой поэма Хлебникова «Ночь в окопе».

Осудив русскую литературу, имажинисты читали свои стихи.

В конце вечера имажинисты встали на эстраде в кружок и хором продекламировали свой межпланетный марш:

Вы, что трубами слав не воспеты.
Чье имя не кружит толп бурун, –
Смотрите –
Четыре великих поэта
Играют в тарелки лун.

Если я не ошибаюсь, межпланетный марш имажинистов на данном литературном вечере был продекламирован в первый раз. С этого времени у имажинистом вошло в обычай декламировать хором свой межпланетный марш, если на том или ином литературном вечере выступают по крайней мере два поэта-образноосца.

Само собой разумеется, что в зависимости от количества имажинистов, принимающих участие и многоголосой декламации, производилась соответствующая замена слов и межпланетном марше.

При этом если числительное было односложным, во избежание резкого перебоя ритма прилагательному «великих» придавалась степень превосходная

Смотрите –
Три величайших поэта
Играют в тарелки лун.

Мелуары

387

}\n}\n}

Я привык видеть Маяковского читающим стихи. Я привык также видеть его разговаривающим с эстрады о поэзии и других видах искусства.

Я отчетливо вижу Маяковского на эстраде, вижу Маяковского, декламирующего свои стихи. Я вижу его своеобразную фигуру, его лицо, его мимику, его жесты. Я слышу его голос.

В памяти большинства людей, знавших Маяковского, живёт эстрадный облик поэта. В какой-либо другой роли нам трудно представить Маяковского.

Вызывая «времен из вечной темноты» облик живого Маяковского, я вижу его иногда в ролях для него не-

обычных. И в соответствии с тою или иною ролью облик поэта также становится необычным.

Особенно интересен Маяковский в роли лектора.

Припоминаю.

Это было около 1920 или 1921 года.

Ранний вечер.

Небольшой зал Дома печати.

Человек сорок слушателей.

Полная тишина.

В тишине очень внятный и отчетливый, но умеренный голос Маяковского.

Он читает лекцию о поднятии трудовой дисциплины на производстве. Точнее: о средствах поднятия трудовой дисциплины, которыми располагает в данном случае современный литератор и художник.

На Маяковском опрятный костюм. Белая сорочка. Самый заурядный галстук.

Весь он какой-то отчетливый. Подобранный. Чуть-чуть стесняющийся.

Да, да. Это молодой советский интеллигент. Что-то вроде приват-доцента. Разумеется: этот молодой приват-доцент совсем недавно получил почетное и лестное для него ученое звание.

Да, да. Профессия обязывает. Он скромн, по-особому деликатен, Но вместе с тем он немного горд своим сравнительно высоким ученым знанием, званием приват-доцента, Ведь приват-доцент – это профессор.

Я не буду останавливаться подробно на содержания этой лекции Маяковского. Полагаю, что текст ее в том или ином виде сохранился. Сохранились, вероятно, и те иллюстрации, которые были изготовлены для той или иной фабрики, для того или иного завода; он рассказывал, как художник и литератор должны объяснять содержание плакатов рабочим той или иной фабрики, того или иного завода. При этом Маяковским с исключительной тщательностью и настойчивостью подчеркивалась необходимость применения плакатов

с учетом конкретной обстановки на той или иной фабрике, на том или ином заводе.

По мысли Маяковского, плакаты должны были служить средством поднятия труддисциплины, главным образом среди советской молодежи, должны были воспитывать советскую молодежь,

В своих плакатах Маяковский обращался к молодым фабрично-заводским работникам – Маше, Кате или Наташе, объясняя им необходимость труда и его пользу.

Подобной же педагогической работой он предлагал заняться как советским художникам, так и литераторам.

В своей лекции Маяковский призывал литераторов и художников принять самое живое и деятельное участие в поднятии труддисциплины на советских фабриках и заводах.

«Я ПРОШЁЛ. СЛЕДЫ МОИ СИЯЛИ. Я ПОГАС. СЛЕДЫ МОИ ГОРЯТ...»

Дальний мой, безвестный (кто б ты ни был!),
Каждый, для кого ещё сияет звёздный прах,
Златятся дни –
Помяни меня в своих мечтах.

(Иван Грузинов

«Всё, что мне рассказывали травы...», 1924)

1

390

Олеи Демидов

Старые книжные шкафы оснащены широкими полками, на которых можно уместить два, а то и три ряда книг. Если постараться, в последнем ряду можно отыскать тоненькую брошюрку «С. Есенин разговаривает о литературе и искусстве». Рядом будет стоять поэтический сборник – «Избяная Русь».

Если поднять голову, можно увидеть чёрный кошелёк с полустёртой белой надписью: «Мой век, мои друзья и подруги».

Автор выше обозначенных книг – Иван Васильевич Грузинов, основательно забытый советский писатель, самобытный поэт, тонкий критик, литературовед с цепким взглядом, а ещё – гражданский муж Нины Хабиас и верный друг Сергея Есенина.

Грузинов догадывался, что его творчество рассчитано не на современного ему читателя, а на будущих потомков. Подобные чувства были у многих поэтов, прозаиков, художников, музыкантов. Многие намеренно писали исключительно «в стол». А Иван Васильевич просто сказал¹:

И, может стать,
будущий геолог,
.....

¹ Отрывок из стихотворения «Не всё ли мне равно...» (1923).

следуя в земных пластах шаги тысячелетий,
игрою случая отыщет мой скелет.
«Это – череп Гамлета», он скажет:
«кисти рук, ступни широкие
пещерных поселян».

Чтобы лучше узнать поэта, давайте познакомимся поближе с ним и его творчеством.

2

Этимология фамилии Ивана Васильевича подсказывает нам, что истоки её надо искать в Грузии. Может быть, выходцы с Кавказа, обосновавшиеся в среднерусской полосе, и были предками поэта? Так, например, семейство Немчевадзе, когда перебралось на Дон, получило фамилию Грузиновы. Там же появились хутора – Грузинов и Грузиновка.

Сам Иван Васильевич говорил: «Я Грузинов, то есть грузин. Кровь у меня восточная...»¹

Есть и другой любопытный вариант, который в менее серьёзном тоне, но, тем не менее, позволяет говорить если не о реинкарнации (оставим эту проблему богословам), то о круговерти времён, в которой живёт Россия. У М.Ю. Лермонтова был в Московском загородном пансионе однокашник Иосиф Романович Грузинов – поэт, затерявшийся за спинами современников, неплохой прозаик и публицист, описывающий быт крестьян Тамбовской губернии (так называется одна из его статей, но смело можно сказать, что, подобно Фету, дворянин Грузинов много времени и внимания уделял крестьянским вопросам).

У нашего классика есть небольшое стихотворение «К Грузинову» (1829):

.....
¹ Ройзман М.Д. Всё, что помню о Есенине. – М.: Советская Россия, 1973.

Скажу, любезный мой приятель,
Ты для меня такой смешной,
Ты муз прилежный обожатель,
Им даже жертвуешь собой!
Напрасно, милый друг! Коварных
К себе не приманишь никак,
Ведь музы – женщины – и так
Кто ж видел женщин благодарных?..

Подобное стихотворение мог бы написать и Сергей Есенин с посвящением Ивану Грузинову. Но, надо сказать, Сергей Александрович не посвятил своему другу ни одной строчки. Были среди адресатов Мариенгоф, Клюев, Иванов-Разумник, Чагин и многие другие, но не Иван Васильевич.

Лермонтов и Грузинов – с одной стороны, Есенин и Грузинов – с другой: поэт национального масштаба, а рядом с ним верный товарищ и друг, на которого всегда можно положиться.

Но вряд ли, Иван Васильевич из одного и того же рода с Иосифом Романовичем, ведь первый – из крестьянской семьи, а второй – потомственный дворянин. Скорей всего, всё-таки Грузиновы со Смоленской губернии некогда были вольными казаками на Дону, которые предпочли себе несколько иную участь. И среди предков Ивана Васильевича стоит рассматривать Евграфа Осиповича и Петра Осиповича Грузиновых (1765–1800), донских казаков, которые в своё время обвинялись в подрыве государственности. Они-то как раз происходили из «простого люда», но выслужились до высоких офицерских чинов.

К сожалению, всё это лишь догадки. Точно установить предков нашего героя пока не представляется возможным.

Обратимся же к фактам.

8 ноября 1893 году в семье крестьянина Василия Грузинова родился сын Иван. Правда, встречаются данные, согласно которым он родился в 1886 году¹. Многие представители Серебряного века и буйных 1920-х годов скрывали свой возраст в силу самых разнообразных причин. Но, когда менялся возраст, обычно прибавлялось или убавлялось 1–2 года, но никак не 7 лет.

Семья Грузиновых проживала в деревне Шебаршино. Сегодня это Можайский район Московской области. Деревушка ещё сохранилась, но доживает свои последние дни. В 2010-м году проводилась перепись населения: на тот момент в Шебаршино проживало всего 7 человек.

Но это наши дни. В конце XIX века это было крупное селение в несколько десятков дворов. Природа, крестьянский быт, крестьянские нравы прочно вошли в сознание поэта. Многие современники отмечали в нём мужицкую смекалку, деревенскую простоту, неприхотливость, сдержанность и непривычную серьёзность.

Взять хотя бы стихотворение «Портрет Грузинова» (1923), написанное Рюриком Ивневым и помещённое Иваном Васильевичем в собственную книгу «Избяная Русь» (1925):

Корявый дуб – простой и умный,
Глаза чисты и голос тверд;

¹ В.В. Нехотин пишет, что на одном из допросов Грузинов указал 1886 год. (См.: Нехотин В.В. «Меж свечой и мной» // Слово: Российский журнал художественной литературы и общественной мысли. – 1999. – № 6.) Но тогда выбиваются из общей биографической схемы ученический период и период службы в армии. Да и по редким сохранившимся фотографиям не скажешь, что Иван Васильевич старше того же Сергея Есенина или Анатолия Мариенгофа на десять лет.

Ты так нелеп в столице шумной
Средь птичьих и звериных морд.

В глазах – изба, зима и печи;
Хлеба – горячие, как боль.
Крутые дни, крутые плечи,
И, символ страдности – мозоль.

Вот – настоящая Россия
В земной и пышной простоте.
Не там под досками Батыя,
Не в терниях, не на кресте.

Борис Глубоковский, артист Камерного театра и соратник имажинистов, писал об Иване Васильевиче сходным образом¹: «Из дерева сделан. Топором тесали, орудием немудрящим, простым. Топором. И сам из дерева. Протянет полено – думаешь, к чему? – глянь – рука, здороваться хочет. Хитрый. В глазах лукавинка русская – во какая! ... Грузинов не любит движения. Что ему город? Неподвижное любит он. Зато ядерное да здоровое. Ничего у него не движется. Хлеб. Не мистический, клюевский, а грузиновский. Им не причащается Грузинов – ест его и описывает с аппетитом»

В этом описании следуют обратить внимание сразу на несколько вещей. Во-первых, неслучайно Глубоковский выделяет топоры – это, пожалуй, самый частый инструмент в поэзии Грузинова. И, как тонко подмечено, они лишены какой бы то ни было мистики, а предстают перед читателем хоть и в причудливых образах, но всегда в строгом крестьянском быту: «Сохи охали, сиял и пел топор», «И, венчая брёвна, пел топор», «Краткая весенняя краса ржавчиной по топору», «И падают листья, и гулко поют топоры».

Топоры поют – вот она поэзия крестьянского быта. Лучше и не скажешь.

¹ Глубоковский Б. Маски имажинизма // Гостиница для путешественников в прекрасном. – 1924. – № 4.

Во-вторых, обращает на себя внимание неподвижность, которой в противовес ставится городская суета. Грузинов, сельский житель, любил свой край. Неслучайно в его поэзии появляются «можайские» стихотворения, а сам поэт выбирает себе псевдоним Искона. Так называется небольшая речка, протекающая через деревеньку Шебаршино. В X-XI веках так назывался ещё и город, стоящий в стороне от дорог и торговых путей и окружённый непроходимыми лесами и болотами.

Грузинов культивировал этот можайский миф и, получается, тонко вплёл и своё лыко в эту строку. В 1925-м году он напишет:

Всё-то ночи, всё-то дни в истоме,
Поцелуи, что полынь, горьки.
Мне пора построить тихий домик
У забытой, у лесной реки.

Почти десятилетие спустя после того, как Иван Васильевич оказался в городе, он всё испытывал тягу к деревенскому быту, к тишине, к размеренной жизни. Но не возвращался обратно.

395

}

}

}

4

Были у Ивана Васильевича брат и сестра¹ – Николай и Дарья. Мальчик появился в 1891-м году, но, когда в семье Грузиновых появилась девочка, неизвестно. О них мы ещё поговорим – представится случай.

Василий Грузинов – обычный крестьянин. Своим детям желал лучшей доли, поэтому строго следил за их обучением и старался привить любовь к чтению. А какое могло быть в то время обучение? Церковно-приходская школа.

¹ Э.М. Шнейдерман в биографической справке Ивана Грузинова (Поэты-имажинисты. – СПб.: Петербургский писатель, 1997) называет ещё одну сестру – Наталью Кончаловскую. Но это явная ошибка.

В Шебаршино школа была открыта в 1900 г. крестьянином Михаилом Новожиловым. Первоначально она была школой грамоты, но в 1903 года преобразована в одноклассную. Помещалась в приспособленном для этой цели крестьянском доме. Ежегодно в ней обучалось от 30 до 40 человек. Заведующим с 1908 года состоял священник села Клементьево А. Веселовский, а попечителем – П. Новожилов.

Здесь и получал начальное образование Иван Васильевич.

После окончания школы Грузинов успел отучиться в учительской семинарии. Обычно такие заведения были в каждом районе. Наверное, была учительская семинария где-то близ Можайска.

Но мы знаем, что чуть позже Грузинов окажется в Бронницком уездном земстве. Может быть, именно там он получал педагогическое образование? Ведь учительская семинария часто предполагает систему пансионата. Значит, мог Иван Васильевич к 1910-му году перебраться в Бронницы.

В учительские семинарии принимались молодые люди с 16-ти лет. Помимо начального образования от них требовалось православное вероисповедание, а также отзыв о «благонравном поведении». Если всё это наличествовало, юноши допускались к приёмным испытаниям.

Тем, кто нуждался в деньгах, выплачивали стипендию. Но это было не бескорыстным поступком. Если юноша принимал деньги, он обязан был пойти на работу в школу учителем начальных классов. Так было и с Грузиновым.

Изучал же Иван Васильевич такие предметы, как русский и церковнославянские языки, закон божий, арифметику, геометрию, русскую и всеобщую историю, географию, естествознание, чистописание и рисование, основы педагогики, гимнастику и пение.

После учёбы в учительской семинарии подался в Москву. Был вольнослушателем на лекциях в Народ-

ном университете имени А.Л. Шанявского и какое-то время отучился на Филологическом факультете МГУ¹.

Всё это происходит с Грузиновым с 1910-го по 1915-й год.

5

Примерно в это же время были и первые литературные опыты Грузинова². В периодической печати он

.....
¹ Образованность Грузинова чувствуется в его текстах. Но факт учёбы в МГУ кроме автобиографий ни чем не подтверждён. Имажинисты писали точно также, что какое-то время учились на Филологическом факультете – по крайней мере, встречаются такие данные – и Кусиков, и Мариенгоф, и Шершеневич. Если в их слова ещё можно поверить (они или их семьи были в состоянии оплатить учёбу), то слова Грузинова можно поставить под сомнение. Тот же выходец из крестьянской среды Сергей Клычков попал в своё время в поле зрения Модеста Ильича Чайковского, брата знаменитого композитора. И тот стал меценатом, оплатившим учёбу в МГУ и свозившим юного поэта в Италию. У Грузинова таких знакомых не было. Так что стоит говорить скорее об одном Народном университете им. А.Л. Шанявского.

² А.Л. Соболев в книге «Летейская библиотека» (М.: Трутень, 2013) пишет: «В 1912 году, еще в школе, [Грузинов] дебютировал стихотворением в журнале «Хмель» (такая эфемериды оргийного направления, «месячник молодых»)». Если мы отталкиваемся от 1893-го года рождения, то, во-первых, к 1912-му году Ивану Васильевичу уже было 19 лет, что несколько превышает школьный возраст. Скорей всего, журнал «Хмель» появился всё-таки во время учёбы в учительской семинарии. Во-вторых, наверное, речь идёт о ежемесячном литературно-критическом журнале, в котором среди прочих печатались Н. Клюев, И. Эренбург, В. Лидин, А. Ширяевец и т.д. То есть – никак не эфемерное издание. «Месячником молодых» он назывался в самом начале, когда был не журналом, а альманахом для молодых писателей.

Послесловие

397

~
~
~

стал появляться в 1912-м году. Дебютная книга стихов – «Бубны боли» появилось в конце 1914-го года. На обложке поставили – 1915. Вышла она тиражом в тысячу экземпляров.

Это нечто из ряда вон выходящее.

«Камень», первая книга Осипа Мандельштама, – появился за счёт автора в 1913 году тиражом 300 экземпляров. В 1918-м году «Витрина сердца» Анатолия Мариенгофа, как говорил автор, вышла тоже тиражом в 1000 экземпляров, но, оказавшись в Москве, поэт распродал последние 15 книг (остальные сгорели при пожаре). Видимо, это далеко от истины, просто тираж был значительно ниже тысячи экземпляров. Первый поэтический сборник Владимира Маяковского – «Я!» – вышел тиражом 300 экземпляров.

Учитывая, что сегодня «Бубны боли» можно найти только в РГБ и РНБ, а на аукционах она уходит за большие деньги, можно сказать, что первая книжка Грузинова – во-первых, большая редкость, во-вторых, была издана куда меньшим тиражом, нежели 1000 экземпляров.

Сборник соединил в себе стихотворения, написанные в 1910–1915-е года. У Грузинова ещё не сформировалась собственная поэтика. Поэт находится между отживающим своё символизмом Блока и новомодным футуризмом Каменского и Маяковского. И, конечно, большая часть сборника построена в строгой форме сонета.

Но, так или иначе, первая книга – первая серьёзная попытка заявить о себе.

Лёгкий лёт лукавых лун.
Латы. Факелы. Газели.
Голубые акварели
Льют шелка в эмаль лагун.

Бледный блеск атласных глин.
Вёсла. Ласточки. Газели.
В малахитовые мели
Выплывает Лоэнгрин.

Каждая буква «Л» в этом стихотворении – наконец-ник стрелы, а всё стихотворение – град стрел. Может быть, это те, что появлялись в предыдущем стихотворении «Богатыри»: «Фиолетовые стрелы в небо ринула вечерняя заря»?

Аллитерация, поиск новых форм, неожиданные образы, причудливый синтаксис, богоборческие выкрики – с одной стороны, а с другой – поиски Прекрасной Дамы, ночные прогулки, амулеты, сонеты, мелодичность и напевность.

Голос молодого поэта ещё не сформировался. Если бы он остался в Москве, успел бы познакомиться с футуристами и символистами и был бы в компании Маяковского.

Или, допустим, если бы Есенин¹ с Клюевым покоряли не Санкт-Петербург, а Москву, Грузинов раньше бы сошёлся с ними.

Но всё получилось так, как получилось: Грузинов ушёл на фронт. Служил недалеко – в запасном полку в Коломне, потом на Юго-Западном фронте. Наверное, стоило ожидать от крепкого крестьянина, что он станет обычным рядовым. Но катастрофически не хватало грамотных людей, поэтому Ивана Васильевича определили писарем. Сказать, что он пережил какие-то ужасы войны, нельзя. Отрицательно к этому относиться – мол, отсиделся в штабе, пока остальные воевали, – тоже нельзя. Взять любого иного литератора – Есенина, Маяковского, Шкловского, Брика, Мариенгофа – все старались не лезть на рожон.

Были, конечно, и иные.

.....
¹ Между прочим, Сергей Есенин двигался тем же путём, что и Иван Грузинов: церковно-приходская школа, затем учительская семинария, университет Шанявского, а дальше – попытка покорить литературную общественность. Когда Есенин работал над макетом книги «Трерядница», Грузинов видел в нём «сельского учителя, занятого исправлением детских тетрадок».

Гумилёв да Зощенко, например, гордо носили Георгиевские кресты. Если говорить о будущих товарищах Грузинова по Московскому Ордену имажинистов, то и они не отставали.

В газете «Раннее утро» от 22 января 1915 года была заметка «Московские футуристы на войне», в которой писалось: «В.Г. Шершеневич недавно отправился на театр военных действий в качестве начальника санитарного автомобиля в летучем санитарном отряде московского автомобильного общества. Работать В.Г. Шершеневичу приходилось все время на передовых позициях. На днях к одному из его друзей пришло письмо с вестью о полученной В.Г. Шершеневичем ране. Во время одного из сражений автомобиль, в котором находился г. Шершеневич, был послан к передовой цепи взять раненого офицера. Проезжавший вдоль цепи автомобиль подвергся обстрелу ружейным огнем. Кузов был пробит несколькими пулями. Одна из пуль задела В.Г. Шершеневичу плечо. Приказ был, однако, исполнен: раненого офицера автомобилисты вывезли из сферы огня. Никто больше при этом не пострадал. Рана, полученная В.Г. Шершеневичем, легкая. Он остался при исполнении своих обязанностей. Гостит сейчас в Москве другой футурист, художник Г.Б. Якулов. Он прибыл сюда раненый. Г.Б. Якулов получил рану, когда вел роту в лесу в атаку. Шесть пуль изрешетили шинель. Седьмая пробил навывлет легкое. Художник-прапорщик представлен к ордену и к производству в подпоручики».

Разные поэты. Кто-то под пулями вёл роту в атаку, кто-то сидел в штабе и занимался бумагами, кто-то вытаскивал раненых с поля боя. На талант военные действия не влияли.

Сам же Грузинов разок да с Рюриком Ивневым сошёл с разговоров о литературе на армейскую тему¹: «Возьми армию. Она не состоит из одной пехоты или артилле-

.....

¹ Ивнев Р. Богема. – М.: Вагриус, 2010.

рии. Поэзии, как армии, нужны все виды оружия, а у нас каждый думает, что только его орудие стреляет в цель, и потому получается кавардак. Представляешь, что стало бы с армией, если бы саперы отвергали конницу да еще кидали палки под копыта лошадей. Каждый считает себя умным, да только таким умникам можно повторять слова мужика, который сказал про своего помещика: «Барин-то у меня умный, да ум у него дурак»».

Наверное, сходным образом он думал и про свою службу писарем.

Видел ли поэт что-то кроме службы при штабе? Точно ответить на этот вопрос невозможно, но есть ряд стихотворений, позволяющих сказать, что на передовой Грузинов появлялся. Взять хотя бы стихотворение «На доли палевый туман...» (1917):

Вот – вражеский аэроплан
Кружится над лесом хищной птицей.
Что там за призраки? Солдаты.
У догорающих костров –
Тот дремлет, тот занул.
Мне снится зной. Обрывок фразы.
Орудий мерный гул.
Ах, сквозь удушливые газы
Бежать на сталь штыков...

Или можно вспомнить другое стихотворение – «Бубны боли» (1914):

Зубы выбитых барбетов
Бороздить бурьяном бомб.
В небесах балет болидов
Бросил бусы. Бронза брызг!
К облакам батальный бант.
Брёвна, сабли, губы, рёбра
Раздробить в багровый борщ.
«Брац!..»
«Урра-а-а-а-а!..»

Трубы бреют бубны боли;
Бредит братом барабан.

Аллитерация, с помощью которой построено стихотворение, лишней раз указывает на военные действия: «б – б – б» – постоянные удары и взрывы. Есть ещё один похожий текст, но построенный на постоянном жужжании пуль и скрежете орудий – «Жернова заржали жаром» (1914):

Жалонеры. Ружья. Жерла.
Жрут. Жиреет жаба жути.
Дирижабли дребезжат.

Был ли Грузинов на передовой, не был – точно не сказать. Но каждую вариант надо иметь в виду.

6

402

Олег Демидов

Служил Грузинов недолго и уже в конце 1917 года вернулся в Москву. Работал в Московском уездном совете по внешкольному образованию. Иного судьба ему не предоставляла – исключительно работа с бумагами.

В качестве редактора он успел обозначиться в ленинградской «Красной газете», где главным редактором выступал В. Володарский. Значит, какое-то непродолжительное время в 1917-1918 годах Грузинов жил в Петрограде.

Александр Соболев отмечает, что Иван Васильевич успел податьсь в «Союз советских журналистов»¹ и вступить в Московский Пролеткульт. Молодого человека бросает из огня да в полымя.

Примерно в это же время происходит знакомство с имажинистами. Первую декларацию он не подписывает, ...

¹ В Союз советских журналистов вступали многие писатели и поэты. Среди знакомых Грузинова в нём числились Сергей Есенин и Анатолий Мариенгоф, Сергей Клычков и Пётр Орешин и многие другие.

да и в других документах его подписи редки. Зато можно говорить о тесном товариществе. Дружба выходит только с Есениным. Активная роль в «банде» выпадает ему нечасто. Существует «четыре слона имажинизма»: Мариенгоф, Есенин, Шершеневич, Кусиков. Когда кто-то из них отсутствует, Грузинов работает на подхвате¹.

Участвует Иван Васильевич вместе со всеми в акциях прямого действия. Сегодня мы бы назвали их – перфомансами.

О росписи стен Страстного монастыря в своих мемуарах писал Матвей Ройзман²:

«В конце мая 1920 года после полуночи с черного хода «Стойла Пегаса» спустилась группа: впереди шагали Шершеневич, Есенин, Мариенгоф, за ним приглашенный для «прикрытия» Григорий Колобов – ответственный работник Всероссийской эвакуационной комиссии и НКПС, обладающий длиннющим мандатом, где даже было сказано, что он «имеет право ареста». Рядом с ним – Николай Эрдман. Следом шел в своей черной крылатке художник Дид-Ладо, держа в руках несколько толстых кистей. За ним Грузинов, Кусиков и я несли раскладную стремянку и ведро с краской».

Показав постовому милиционеру документы, имажинисты принялись за дело. Наутро вся Москва читала их стихи со стен Страстного монастыря. Были ли среди прочих строчки Ивана Грузинова? Ни один мемуарист об этом не говорит. Да и, если просмотреть те тексты, что были написаны к 1915-му году, ничего подходящего для такой акции не найти.

¹ Захар Прилепин в книге «Непохожие поэты» отмечает, что четвертым активным участником Московского Ордена имажинистов поочередно были то Кусиков, то Ивнев, то Грузинов. В исторической перспективе (с отъездом Кусикова и Есенина за границу, с отходом Шершеневича и Мариенгофа в театральную сферу) – может быть и так, но по факту основной состав – «четыре слона».

² Ройзман М.Д. Всё, что помню о Есенине. – М.: Советская Россия, 1973.

Был один знаменательный творческий вечер – «Суд над имажинистами». Литераторы уже состоявшиеся и классики пытались опровергнуть догматы молодой нахальной литературной группировки.

Есть воспоминания об этом вечере у Галины Бениславской: «1920 год. Осень. «Суд над имажинистами». Большой зал Консерватории. Холодно и не топлено. Зал молодой, оживленный. Хохочут, спорят и переругиваются из-за мест (места нумерованные, кто какое займёт). Нас целая компания. Пришли, потому что сам Брюсов председатель. А я и Яна – ещё и голос Шершеневича послушать, очень нам нравился его голос <...> Наконец на эстраду выходят. Подсудимые садятся слева группой в пять человек. Шершеневич, Мариенгоф и ещё кто-то...».

Молодая девушка, конечно, обратила внимание на двух высоких юношей – на Мариенгофа и Шершеневича. А между тем были ещё Есенин и Грузинов.

Что же происходило на этом вечере? Шершеневич, Мариенгоф, Есенин и Грузинов взяли себе в адвокаты поэта Фёдора Жица. Из зала пытался острить Маяковский. Со сцены о чём-то нудно философствовали корифеи символизма. А имажинисты... сидели, переговаривались, что-то жевали. Им было по большому счёту всё равно и всем своим видом они это показывали. Они ждали своей минуты – времени, когда закончится бесконечная болтовня и они смогут выйти, всё высказать и прочесть свои стихи.

Перфомансы или литературные вечера поэты обычно заканчивали межгалактическим гимном:

Вы, что трубами слав не воспеты,
Чье имя не кружит толп бурун, –
Смотрите –
Четыре великих поэта
Играют в тарелки лун.

А 17 ноября 1920 года состоялся уже ответный вечер – имажинисты устраивали «Суд над литературой». Матвей Ройзман вспоминал: «... в Большом зале Политехнического музея был организован ответный вечер <...>. Не только аудитория была набита до отказа, но перед входом стояла толпа жаждущих попасть на вечер, и мы – весь «Орден имажинистов» – с помощью конной милиции с трудом пробились в здание.

Первым обвинителем русской литературы выступил Грузинов. Голос у него был тихий, а сам он спокойный, порой флегматичный, – недаром мы его прозвали Иваном Тишайшим. На этот раз он говорил с увлечением, громко, чеканно, обвиняя сперва символистов, потом акмеистов и особенно футуристов в том, что они пишут плохие стихи.

– Для доказательства я процитирую их вирши! – говорил он и, где только он их откопал, читал скверные строки наших литературных противников.

Уже встал со стула второй обвинитель – Вадим Шершеневич, когда в десятом ряду поднялась рука, и знакомый голос произнес: «Маяковский просит слова!». Владимир Владимирович вышел на эстраду, положил руки на спину стула и стал говорить, обращаясь к аудитории:

– На днях я слушал дело в народном суде, – заявил он. – Дети убили свою мать. Они, не стесняясь, заявили на суде, что мать была дрянной женщиной. Однако преступление намного серьезней, чем это может показаться на первый взгляд. Мать это – поэзия, а сыночки-убийцы – имажинисты!

Слушатели стали аплодировать Маяковскому. Шум не давал ему продолжать свое выступление. Напрасно председательствующий на суде Валерий Брюсов звонил в колокольчик – не помогало!»

Дальше Шершеневич успокоил аудиторию, а Маяковский продолжил свою речь: прошёлся по Кусикову и остальным имажинистам. Удар держал Вадим Габриэлевич. Потом Брюсов объявил Есенина, и Сергей Александрович продолжил полемику.

А в заключение вечера имажинисты – к радости аудитории – стали читать стихи и завершили своё выступление уже традиционным межгалактическим гимном.

7

Прежде чем продолжить разговор об имажинистах, необходимо заглянуть в небольшой дом по Столешникову переулку¹. По приезду в Москву именно здесь поселился Грузинов.

Вокруг него всегда были творческие люди – писатели, критики, художники, краеведы. Так случилось и в этот раз. Соседом по квартире оказался Ипполит Соколов – поэт, который грезил имажинизмом. Даже написал книгу «Имажинистика», которую ему помог издать Александр Кусиков.

Шершеневич вспоминает о последнем: «Издавать – было его стихией. Он всегда мечтал: кого бы издать и как бы издать? <...> Критикам делать было нечего. Они приходили к Кусикову, заколачивали ему баки и брали заказ на ту или иную книгу об имажинистах. После написания рукопись приносилась к Сандро, и он или выправлял её сам, или предлагал выправить. Так было со Львовым-Рогачевским, который написал книгу «Имажинизм и его образности»².

Так было – продолжим мы – с Абрамовичем, который написал книгу «Современная лирика» о Клюеве, Кусикове, Ивнине и Шершеневиче. И, надо думать, так было и с Ипполитом Соколовым, который написал «Имажинистику».

Вышла книжечка в издательстве «Орднас». Главлит расшифровывал это название как «нас орда». Но это всего лишь перевёрнутое имя Сандро – всё того же Александра Кусикова.

.....
¹ Столешников переулок, дом 5, квартира 12.

² Шершеневич В.Г. Великолепный очевидец / «Мой век, мои друзья и подруги». – М.: Московский рабочий, 1990.

В этой книге Соколов пытается через «экспериментальную психологию» постичь «динамику восприятия». Одним из механизмов, по которым можно всё это отследить, предлагает сделать художественные приёмы. В первую очередь – образ. Если говорить современным языком, то Ипполит Соколов нащупывают дорогу к «клиповому мышлению».

Лучшим доказательством его теории могут послужить «каталоги образов» Шершеневича и Мариенгофа.

Чуть позже, когда «четыре слона» всё-таки не приняли Соколова в Московский Орден имажинистов¹, он стал активно продвигать экспрессионизм. Правда, получалось плохо. Он «был и остался до конца существования группы экспрессионистов единственным официальным ее представителем».²

Стихи же его во многом были ориентированы на практику имажинистов, но имели и свои – экспрессионистские – нотки. Приведём небольшое стихотворение «Монне Лизе»:

Это я отправлял телеграммы из семи слов: }

«Париж. Лувр. Монне Лизе. }

Я в тебя влюблён». }

Это я украл Монну Лизу из Лувра.

Лизнув радугой губ

по ресничному карнизу

ея атласных щёк,

я вытащил из рамы одно

лишь тюлевое тело.

Бережно, как в пальцах щелчок,

запята она в корзину сердца

под двойное дно.

¹ Максимум, чего добился поэт, – это подписи от Есенина и Мариенгофа на своём заявлении в литературное объединение «Дворец искусств».

² Грузинов И.В. Маяковский и литературная Москва / «Мой век, мои друзья и подруги». – М.: Московский рабочий, 1990.

Здесь и «радуга губ», и «ресничный карниз», и «корзина сердца» – попытка смешать чистое и нечистое, как настаивал Мариенгоф. Только в результате получается какое-то ОБЭРИУ. Или «бутерброды любви», как говорил Есенин.

Вообще такая тяга к Московскому Ордену имажинистов сегодня выглядит удивительной. Казалось бы, молодые поэты должны искать дружбы символистов и футуристов. Или чуть позже – пролетарских поэтов. Или ориентироваться на эмигрантов, на их приобретённый на Западе опыт.

Между тем, какое-то время – пусть и короткое, но всё-таки – к имажинистам примыкали Сергей Спасский, Сергей Третьяков, Велимир Хлебников. В 1920 в родном для Грузинова городе Можайске (надо думать: не без его участия) образовалась группа имажинистов, в которую входили: Александр Жаров (председатель можайского отделения Всероссийского союза поэтов), Александр Тучнин (секретарь можайского отделения ВСП), Сергей Малахов (председатель фракции имажинистов можайского отделения ВСП), Сергей Шишкин (секретарь фракции имажинистов).

Обращает на себя внимание поэт Жаров, который стремительно перековался в пролетарские поэты и добился больших высот как поэт-песенник¹. Читатели старшего поколения хорошо помнят главную пионерскую песнь:

Взвейтесь кострами,
Синие ночи!
Мы пионеры, –
Дети рабочих!

¹ Самые известные его песни – «Взвейтесь кострами» (муз. С.Ф. Кайдана-Дёшкина), «Песня былых походов» (муз. З.Л. Компанейца), «Заветный камень» (муз. Б.А. Мокроусова), «Грустные ивы» (муз. М.И. Блантера), «Ходили мы походами» (муз. К.Я. Листова), «Мы за мир» (муз. С.С. Туликова) и многие другие.

Сергей Малахов писал не только стихи, но и критические очерки о футуристах и конструктивистах – яростные и боевые, как у имажинистов. Поэтические сборники его выдержаны и названиями, и формой, и видом в пролетарском стиле – «Кожанка», «О партии, о любимой и о другом» и т.д.

Стихи в 1920-м году писал под Мариенгофа:

Я один. Ни отца у меня, ни матери.
Только твой я, Республика, сын.
Ой, куда вы?.. куда вы?.. –
Прямо к кровати.
Солнечные усы.
Ой, как босые щекочут пятки,
Тормошат пушистые волосы сна!
А потом на улицу без оглядки,
Прыгая через нас.

Послесловие

Здесь и тематика стихотворения «Острым холодным порезу килем» Мариенгофа, и причудливые образы, совмещающие несовместимые вещи («волосы сна»), и строфика, и рифма.

409

Пролетарские поэты вообще учились у имажинистов. Влияние последних можно найти в творчестве Михаила Герасимова, Василия Александровского, Сергея Обрадовича, Георгия Якубовского, Владимира Кириллова, Григория Санникова и Веры Инбер.

Вадим Шершеневич писал¹: «Целый ряд молодых поэтов учился у нас и шёл долгое время с нами, так что, если б это не звучало анекдотически, можно было бы сказать, что не мы, а они были попутчиками. Иногда, открывая сборник молодёжи с маркой Пролеткульта или иного издательства, которое чуралось имажинизма, как огня, мы могли отчётливо указать: это молодой Есенин, это второй Мариенгоф, это ученик Шершеневича».

.....
¹ Шершеневич В.Г. Великолепный очевидец / «Мой век, мои друзья и подруги». – М.: Московский рабочий, 1990.

Были и поклонницы – Сусанна Мар, Нина Грацианская, Надежда Вольпин, Мальвина Марьянова, – которые тоже пытались стать имажинистками. Был Союз поэтов, в котором каждый второй, если не каждый первый, охаживал «четырёх слонов», а с некоторого момента и Ивана Грузинова. Словом, те 1920-е годы, которые сложилось в массовом сознании, были принципиально иными.

Но мы заговорились о стихах и о влиянии имажинистов. Между тем в Столешниковом переулке проживал ещё один приметный литератор. Соседом Ивана Грузинова был... Владимир Алексеевич Гиляровский, «дядя Гиляй». Он жил в соседней квартире – №10. Интересовался современной поэзией. Захаживал в кафе «Домино». Читал даже сборничек «СОПО» – Всероссийского союза поэтов – книжки Сергея Есенина, Василия Каменского или того же Ипполита Соколова.

Евгения Кисилёва пишет¹: «Сосед дяди Гиляя по дому в Столешниковом Ипполит Соколов жил этажом выше. <...> у них [в квартире Грузинова и Соколова] стали собираться молодые поэты: Борис Земенков, Галина Владычица, Сергей Спасский, Семен Родов. Случалось, вся молодая компания заходила к дяде Гиляю. С интересом присматривался он к этому молодому поэтическому сообществу. Их горячность была достойна поощрения и уважения, но стремления иногда вызывали сожаление.

– Преходяще! – говорил дядя Гиляй, рассматривая очередную маленькую книжечку стихов И. Соколова, на обложке которой стояло: «Ипполит Соколов. Полное собрание сочинений, издание не посмертное. Том 1, не стихи».

Иногда Иван Грузинов заглядывал в Столешники один. <...> За чаем, не умолкая, рассказывал он о Есенине, читал его стихи».

.....
¹ Кисилёва Е.Г. Рассказы о дяде Гиляе. – М.: Молодая гвардия, 1983.

Пытались в этом же доме прописать и Сергея Есенина. Об этом вспоминает Василий Козлов: «А жил я в Столешниковом переулке в доме № 5, квартире 15 и был членом домоуправления Жилтоварищества. В этом же доме проживали Иван Васильевич Грузинов и Владимир Алексеевич Гиляровский <...> На другой день я встретил Гиляровского (он обычно рано утром выходил на прогулку) и рассказал ему, что мы с Грузиновым решили помочь Сергею Есенину получить жильё. Гиляровский был обрадован: “Вася, дай Бог, чтобы Сережа пожил в нашем доме, это же память на века, – и добавил: – Зайди ко мне, расскажи, как сложатся дела”».

Дела, увы, не сложились. Есенин написал заявление, но квартиру ему не выдали.

Сегодня дом в Столешниковом переулке имеет другие координаты – дом 9, строение 1. На нём висит памятная табличка с портретом Гиляровского. Хочется думать, что рано или поздно рядом появятся и соседи «дяди Гиляя».

411

8

Случались и неприятные истории.

Однажды Шершеневич поссорился с Мандельштамом, и Осип Эмильевич вызвал обидчика на дуэль. Секунданты акмеиста составили «Протокол дуэли» и обозначили Грузинова в качестве секунданта Вадима Габриэлевича.

Сам Иван Васильевич вспоминал всё происходящее так:

«1920 г. Зимнее утро. Я в книжном магазине «Озарь», на Б. Никитской, у приятеля книгопродавца. Является Есенин. Вызывает меня и книгопродавца из магазина. Стоим в дверях. Есенин спрашивает книгопродавца, знает ли тот о предстоящей дуэли двух поэтов: Мандельштама и Шершеневича. Тот отвечает, что знает; знает, что упомянутые поэты поссорились в Камерном театре, ссора перешла в драку – отсюда дуэль. Есенин

хочет принять участие в дуэли, хочет быть секундантом со стороны одного из поссорившихся поэтов. Правда, секундант у этого поэта уже есть, но он плох – он почему-то медлит, почему-то оттягивает дуэль. Есенин просит книгопродавца достать оружие, и как можно скорее; хорошо, если бы удалось достать оружие для обоих противников. Есенин хочет испытать храбрость дуэлянтов. Он уверен, что они трусы. Оба – трусы. Как только узнают, что дуэль неминуема – наверное, разбегутся».

Собственно, так и случилось. Точней, ничего не случилось. Мандельштам уехал в Киев, а Шершеневич ушёл с головой в свои творческие занятия. Не стал Иван Васильевич секундантом, не приобрёл такой интереснейший жизненный опыт.

Можно привести и другую дурную историю, случившуюся с Есениным в январе 1920-го года в кафе Союза поэтов. Поэт, выйдя на сцену, стал ругаться на чём свет стоит да бранить зрителей. Они были к такому не готовы. У нас же непросвещённая публика. В Париже дадаисты ведут себя точно также: кидаются едой в зрителей, вместо стихов читают с выражением ресторанные меню, посылают всех, куда подальше и т.д.¹. И европейцы относятся к ним с пониманием. А здесь: «Рассея, ты моя Рассея, азиатская сторона».

Поступил звонок в МЧК, приехал комиссар, но обнаружил, что скандал практически сошёл на нет. Тем не менее, необходимо было составить протокол. Начали разбираться. Восстановив картину, вызвали представителей администрации. А кто в кафе Всероссийского Союза поэтов несёт ответственность? Иван Грузинов, секретарь СОПО.

В одном из приложений к протоколу он описывает ситуацию: «Президиум Всероссийского Союза поэтов заявляет, что выступление поэта Есенина, имевшее ме-

.....
¹ Подробнее об этом см. в книге Леонида Ливака и Андрея Устинова «Литературный авангард русского Парижа» (М.: ОГИ, 2014).

сто в кафе при Союзе, происходило не от Президиума, и Президиум ВСП ни в коем случае не может брать ответственность за отдельные личные выступления членов Союза; всё же меры к тому, чтобы впредь подобные выступления не повторялись, Президиум обязуется принять»¹. И, конечно же, президиум обязуется впредь не допустить подобных выступлений в дальнейшем.

В итоге разрешили сложившийся вопрос. Грузинов отвлёл неприятную ситуацию.

9

Но перейдём к поэзии.

У Ивана Васильевича случился большой перерыв в написании стихов. Первая книга вышла в 1915-м году, а четыре последующих – только в 1921-м². Сначала появилась «Западня слов»³ с текстами, посвящёнными Есенину, Мариенгофу и Ивневу. И здесь уже начинается звучать подлинный голос поэта:

¹ Хлысталов Э. 13 уголовных дел Сергея Есенина. – М: Эксмо, 2006.

² В конце ноября – в начале декабря 1919 году вышел в свет еженедельник «Вестник театра» № 44. В нём сообщалось о подготовке книги «шести», в которую должны войти стихи Есенина, Рексина, Решетова, Грузинова, Шехтель и Черыгина. Писали, что «книга будет издана художественно с массой иллюстраций, возможно, в шёлковой обложке – литографским способом». Но проект не был реализован. Также планировался выход сборника имажинистов – «Золотой выводок» (М.: Имажинисты, 1919). Среди участников значились Есенин, Мариенгоф, Грузинов, Шершеневич, Эрдман. Планировалась и книга «Лапта звезды» (М.: Имажинисты, 1920). Среди участников – Есенин, Кусиков, Мариенгоф, Шершеневич, Эрдман, Грузинов и Третьяков. Оба издания не состоялись. Грузинов вообще участвует активно в альманахах и поэтических сборниках. Но собственной книги он ожидал долго.

³ Часто встречается иное название этой книги – «Западня слов». Но оно явно ошибочное.

К оврагу струдились ометы.
На мхи прилёт седой овин.
Репейник под шатром рябин.
Полей сияет позолота.

Усвоив опыт символистов и футуристов и переступив порог школы имажинизма, Грузинов вобрал в себя все три направления. Неправильно называть его крестьянским поэтом, но точно также неверно называть его имажинистом. У него был свой путь.

Следующие книги – «Роды» и «Бычья казнь» (обе – 1921).

Если «Западня снов» вышла в издательстве «Имажинисты», то эти две в издательстве «Имажинист». Есть ли какая-то разница? Может быть, речь идёт о простой опечатке? Наборщик забыл напечатать букву «ы»?

Дело в том, что у Московского Ордена имажинистов было одно общее издательство – одноимённое; а также каждый поэт пристраивал свои книги в различные типографии под маркой вымышленного издательства. Так Александр Кусиков умудрился издать одну из книг в типографии ОГПУ, Сергей Есенин – в типографии поезда Льва Троцкого. И вот Иван Грузинов где-то успел издать тоненькие брошюрки (в каждой по одному стихотворению) под маркой издательства «Имажинист».

В этих двух книгах-стихотворениях уже видны попытки переформатировать себя и теснее сойтись с имажинистами. Шершеневич, Мариенгоф, Кусиков и Есенин активно экспериментируют со словом, со строфической, с формой, с метафорами. Грузинов также пробует писать иначе.

Получается витиевато и замысловато. На сцене звучит дико, но оригинально – как раз то, что нужно в «кафейную эпоху», чтобы разбудить и возбудить застывший зал кафе «Домино» или «Стойла Пегаса». Иной раз, когда Грузинов отсутствовал на вечере имажи-

нистов, выходили его товарищи или почитательницы всего Ордена – Сусанна Мар, Надежда Вольпин, а то и Нина Грацианская – и говорили: «Внимание! Сейчас вы услышите, как рождает Иван Грузинов!» – и зачитывали «Роды». Естественно, такие слова производили нужный эффект.

А тем временем Грузинов пробует себя не только в поэзии, но и в теории нового литературного направления и пишет книгу «Имажинизма основное», где среди прочего проговаривает: «Имажинизм – поэзия космическая. Ощущение космического нудит и повелительно требует установить отношение к самой отдаленнейшей из звезд, установить отношение к самому отдаленнейшему болиду, блуждающему в небесных полях... Осознаю себя как звено, соединяющее прошедшее с будущим, как зерно, прорастающее из земной почвы настоящего в небо будущего».

Может быть, из этой книги вышли будущие поэты-биокосмисты, о которых напишет Грузинов в «Гостинице для путешествующих в прекрасном»? Биокосмисты и поэт Григорий Ширман.

За исключением нескольких пассажей книга «Имажинизма основное» Грузинова не предлагает в отличие от «Буяна-острова» Анатолия Мариенгофа, « $2 \times 2 = 5$ » Вадима Шершеневича и «Ключей Марии» Сергея Есенина какой бы то ни было теории имажинизма. Потому, наверное, Ивана Васильевича всерьез не воспринимали ни Вадим Габриэлевич, ни Анатолий Борисович¹.

¹ В «Великолепном очевидце» («Мой век, мои друзья и подруги» / М.: Московский рабочий, 1990) Шершеневич написал о Грузинове всего лишь два маленьких абзаца: «Это был вялый человек, выпустивший какую-то скучнейшую книгу по имажинизму <...> Был он тих и басталанен <...> Года два назад я встретил его в Воронеже. Он что-то делает, но, к счастью для поэзии, он об ней забыл». С.В. Шумихин предполагает, что такая реакция поэта вызвана в первую очередь письмом Есенина и Грузинова о роспуске имажинистов.

Довольно комично смотрится его попытка соотнести имажинизм и татарские частушки. Эта книга получилась больше литературоведческой. Близкий к имажинистам и сам пытающийся стать имажинистом, он увидел все процессы изнутри и доходчиво об этом написал.

В какой-то момент Грузинов осознал, что с ним не будут говорить на равных, перестал делать попытки изменить свою поэтику, вернулся к привычному стихосложению и работал уже на стыке символизма, футуризма и имажинизма.

А в книге «Имажинизма основное» он ещё раз проговаривает принципиальные для себя вещи: «Мною эстетически изжит Город хамов и мещан. Я не могу эстетически оправдать тот Город, перед которым преклоняются Верхарн, Уитмен или Маринетти. Я, современный поэт, одержим соблазном ока, тем соблазном ока, о котором говорил Учитель и, на исходе второго тысячелетия, Уолтер Патер. Для моего изощренного зрения невыносима дикая смесь красок и линий современного Города. Этот лупанарий красок и линий следует подчинить воле художника и поэта».

Грузинов бежит города, суеты, «дикой смеси красок и линий».

10

Стоит привести небольшой разговор Грузинова и Рюрика Ивнева, дабы лучше понять Иван Васильевича. Обратимся к роману «Богема»:

«Мы прошли мимо Страстного монастыря и поравнялись со знаменитым Настасьинским переулком, в котором находилось кафе, где часто выступали Каменский, Маяковский и Бурлюк, затем, перейдя на другую сторону, направились к Трехпрудному переулку.

– Ваня, ты, кажется, уезжаешь в деревню?

.....

В своих знаменитых мемуарах Мариенгоф ни разу не упомянул о Грузинове. Надо думать: у него были те же причины, что и у Шершеневича.

– Ненадолго, – сказал Грузинов. – Там сейчас не житуха, а чертуха, да и вообще, я в городе притулился. <...>

За чаем Грузинов начал рассказывать о себе, о планах на жизнь.

Я слушал с удовольствием. В Иване была теплота, спаянная с простотой, если можно так выразиться. В нем я чувствовал человека преданного, любящего и бескорыстного. Я понимал, что Грузинов, любит меня не за что-то – например, за стихи, или характер, или за то, что я отношусь к нему хорошо, – а просто так, любит во мне Рюрика Ивнева. Такие чувства бывают очень редко, но внешне я не показывал, что считаю Грузинова одним из самых обаятельных людей.

Иван рассказывал, что, живя в деревне, в окружении простых людей, занятых заботами о земле, он оказался не тем, кем его надеялись видеть родные и односельчане, – он выбрал тернистый путь сельского учителя, а почувствовав влечение к поэзии, начал писать. Русскую литературу и ее классиков знал в совершенстве. Его любимыми поэтами были Батюшков, Баратынский и Тютчев.

Грузинов – самородок, образованный и умный публицист, интересный поэт, хотя и оказавшийся под влиянием Сергея Есенина, объективный и доброжелательный человек, с мягким юмором относящийся к человеческим слабостям, но принципиальный в своих выступлениях и полемически острый».

Хочется добавить в список почитаемых Грузиновым авторов – Пушкина и Фета.

Что до Тютчева, то его можно назвать одним из предтеч имажинизма. Есть, например, у Фёдора Ивановича стихотворение «Конь морской» (1830):

О рьяный конь, о конь морской,
С бледно-зеленой гривой,
То смирный-ласково-ручной,
То бешено-игривый!

Ты буйным вихрем вскормлен был
В широком божьем поле,
Тебя он прядать научил,
Играть, скакать по воле!

Люблю тебя, когда стремглав,
В своей надменной силе,
Густую гриву растрепав
И весь в пару и мыле,
К брегам направив бурный бег,
С веселым ржаньем мчишься,
Копыта кинешь в звонкий брег –
И в брызги разлетишься!..

Стоит ли напоминать, что у имажинистов было особенно трепетное отношение к коням. Особенно у правого крыла – Есенина, Кусикова и Грузинова. У Ивана Васильевича можно вспомнить стихотворение «Рыжий конь» из первой книги «Бубны боли». Столь же искусно, как и у Тютчева, сделанный образ: рыжий конь – сродни красному петуху обозначает пожар. У нашего героя римский император Нерон устраивает своеобразный перформанс. Древние предания гласят, что пожар был устроен по указанию императора. Когда город был охвачен огнём, Нерон выехал из города, одетый в театральный костюм, и, оказавшись на безопасном расстоянии, начал играть на лире и декламировать поэму о гибели Трои.

Катакомбы. Светильника тусклый диск поник
Ореол позолотил твой неизъяснимый лик.
Трепетала, как бледный голубь, твоя узкая ладонь.
Внезапно свистящий топот, и вскрик.
Пылая, выплыл из мрака Рыжий Конь.

И от рук моих надменный Рим пепел и прах.
Но ответно живых факелов свет зажжён.
Ликовал победивший Нерон
На развалинах и гробах.

Ф.А. Шерешевская,
А.Б. Мариенгоф,
И.В. Грузинов,
В.Г. Шершеневич,
С.А. Есенин.
1920 г.

Ещё одна примечательная деталь: у Грузинова что ни конь, то обязательно рыжий. И на этот раз дело не в образе большого пожара, а в масти жеребца. Стоит вспомнить и большую литературоведческую статью поэта – «Конь»¹, в которой он проанализировал, как часто и как именно имажинисты прибегают к этому животному.

Но хватит о стихах.

Вот другой мимолётный портрет Ивана Васильевича, сделанный Матвеем Ройzmanом: «Грузинов ходил из угла в угол по комнате, вынимал из кармашка часы и поглядывал на них, как будто читал лекцию и опасался не закончить ее вовремя». То есть, хоть и бежал поэт от спешки, но всё попадал под её влияние.

Тот же Ройzman описывал ещё один занимательный эпизод: «Оказалось, что [Есенин] и Иван возвращались ночью домой. За углом бандит потребовал, чтоб Есенин отдал ему свой бумажник, пригрозил ножом. Отвлекая внимание грабителя, Сергей полез в карман пиджака левой рукой, а правую сложил в кулак, как учил дед, и хватил бандюгу по уху и виску. Тот кувырнулся на тротуар и не поднялся...»

Надо думать, что и Грузинов, такой же простой деревенский юноша, мог бы постоять за себя, «как учил дед».

11

Между тем остаётся один вопрос: куда кроме деревни бежал Иван Васильевич? На кого или на что он мог обратить внимание, чтобы отвлечься от большого города?

В самом начале 1920-х годов он познакомился с Ниной Оболенской, которая выступала в печати под псевдонимом Нина Хабиас. В свое время она тесно обща-

.....
¹ Грузинов И.В. Конь (анализ образа) // Гостиница для путешественников в прекрасном. – 1924. – № 4.

лась с братьями Бурлюками и Алексеем Кручёных. Много экспериментировала со словом. В итоге пришла к новому эксперименту – футуристическая заумь в эротической поэзии. Это, кстати, принесло ей большую славу. В литературных кругах поэтессе стали называть «Графиней Похабиас» и «Барковым в юбке».

Вместе с Грузиновым они выпустила две тоненьких книжечки – «Стихетты» и «Серафические подвески». Обе официально датированы 1922-м годом, но вышли под конец 1921-го года.

За оформление книг взялся Г.А. Ечеистов – один из самых приметных художников-оформителей той эпохи. Он мог одновременно работать над «похабными» книгами Грузинова и Хабиас, «декадентствующим» «Разочарованием» Мариенгофа и детскими книгами Бианки и Барто.

Издавали «Серафические подвески» и «Стихетты» нелегально, без разрешения цензурного комитета. Чтобы запутать следы, поставили оттиск петроградской типографии. На деле же печатали в Москве¹. Обе книги вышли крошечным тиражом – по сто экземпляров.

Но, конечно, получился скандал. Иначе и быть не могло. И имажинисты, к которым относился Грузинов, и футуристы, в которых числилась Хабиас, выстраивали свою творческую биографию на подобных историях.

Михаил Осоргин писал о случившемся: «Классическая эротика русской литературе чужда; гораздо более ей свойственна порнография, пышно расцветшая под покровом политической реакции и моральной катастрофы последних лет. Футуристы начали, имажинисты продолжили и «ничевоки», эти наглядные спецы

.....
¹ В.В. Нехотин предполагает, что вместе с Грузиновым и Хабиас в той же подпольной типографии напечатал свою книгу и поэт Захаров-Мэнский. См.: Нехотин В.В. «Меж свечой и мной» // Слово: Российский журнал художественной литературы и общественной мысли. – 1999. – № 6.

грубейшей порнографии, завершили своеобразное литературное течение. В 1920-21 г. г. с подмостков дряненького московского кафе «Стойло Пегаса» публика, лучшего и не заслуживающая, ошарашивалась такой ритмической площадной руганью, какая была бы решительно недопустима в извозчичьей чайной, даже и с продажей крепких напитков. Все рекорды наивного Баркова были побиты «поэтом» Грузиновым, выпустившим книжку стихов «Серафические подвески» – брошюрку воистину высокой мерзости, без малейшего намека на поэзию или хотя бы просто искусное стихосложение. Уверяют, что и его рекорд был побит московской же поэтессой-ничевокшей, имени которой, в ее интересах, лучше не называть».

Почему вдруг Хабиас записывают в ничевоки, одному Осоргину известно.

Ещё одну про особенность этого издания рассказал Константин К. Кузьминский¹: «По сообщению библиофила и библиографа Л.М. Турчинского, в начале 1960-х ему на черном рынке предложили (за сто рублей, по тем временам весьма дорого) особый экземпляр «Стихетт», в который была вложена типографски размноженная графическая картинка. На ней изображалась дама в популярной позе (по возможности изящно выражаясь, – в позе сансег'ом) и готовящийся приступить к даме мужчина в картузе (может быть, и в армейской фуражке). По словам продавца, такие картинки торговавший «Стихеттами» в 1920-х В.Г. Шершеневич вкладывал исключительно в экземпляры для особо доверенных покупателей...»

А ещё был суд. Проходил в три дня: 9, 13 и 15 февраля 1922 года. Тарас Мачтет писал об атмосфере всего действия²: «... в зале нашем стояла непечатная ругань и

.....
¹ Сайт Константина К. Кузьминского [Режим доступа]: <http://www.kkk-pisma.ru/habias.htm>

² Дневники Тараса Мачтета см. в кн.: Дроздов В.А. Dum spiro spero. – М.: Водолей, 2014.

тяжелая атмосфера порока». За «порнографию» Ивана Васильевича вывели из состава членов Всероссийского Союза поэтов на год, а Нину Петровну – на полгода.

В провинции появились газетные статьи¹:

«1923 литературный год в Советской столице начался под знаком развивающейся нэповской вакханалии.

Литературные «премьеры» 1922 года принадлежат к ожившим и поднявшим голову подонкам литературной Москвы: Мариенгофу, Ярославскому, Хапиус и прочим рыцарям трактирно-кабаретной литературы. <...> Грузиновы, Арсовы продолжают свои кривлянья, выбрасывая бог весть, каким средством отпечатанные брошюрки с геометрическими изысканиями на обложках и нечленораздельными «словами» и знаками в тексте.

В бесчисленных ночных кабаре («Маска», «Стойло Пегаса», «Домино» и проч.) они выступают с читкой своих произведений, доводя до экстаза плешивых, напوماженных посетителей с моноклями. Некая Хапиус выступает в «Домино» с произведениями, изданными «на правах рукописи» и замечательными тем, что в них без всяких обиняков приводятся трехэтажные «ломовые» ругательства и выражения, какие можно услышать от чересчур уже пьяной проститутки... <...>

Нужно выбросить из нашей улицы всех этих рыцарей ночи, улавливающих на свою мякину простодушных провинциалов, паломничающих в Москву (москвичи не читают и не слушают этих произведений) и доверчиво попадающих в объятия ее литературных подонков».

Что же ужасного было? Что же «рыцари ночи» и «литературные подонки» сотворили? Вот небольшое стихотворение из «Стихетт» Нины Хабиас:

.....
¹ Орский В. Подонки литературной Москвы (Письмо из Москвы) // «Коммунист» (Харьков). – 1922. – № 34 (626). – 11 февраля. – С. 3. [См.: ЖЖ А.Л. Соболева].

Сопо китайский домику
 Людей опенково банк
 Лягаш гуляще застегнутый
 Христос Грузинов Иван
 Хорда плечо близоруко
 Взмет лица меня прочь
 Сердцу укушена мукой
 Карей повидла ночи
 Стыдно стону стенкам
 Обмоткам мокро души
 Стально давит коленом
 Сладчайше Грузинов Иван
 Гиря тело вагону
 Трава деревень мель-мельк
 Станциям три поклона
 Колокола дли-ми-ни-длень
 Запястья сердец загибом
 На рыси рельсовых кос
 Память стынет заливы
 Салфеток сиов Хабиас

424

Олеи Демидов

Иван Васильевич писал о поэзии Нины Хабиас так: «Стихи [её] мгновенно отличишь: из тысячи поэтов; своеобразный словарь и синтаксис; крайне сентиментальные; что-то монашеское, аскетизм и нежность близкая Франсису Жамму». Что ж, возможен и такой подход.

Спустя пару лет, Грузинов будет держаться той же позиции: Нина Петровна Оболенская, она же поэтесса Хабиас, – невинное существо. И каждый передовой поэт, он же имажинист, обязан взять себе в жёны монашку. Звучало это так: «Чтобы быть вполне последовательным, каждый имажинист должен жениться на монахине; так поступил в свое время Лютер, выразив этим протест: Риму и католицизму. Между нами: Рюрик Ивнев уже сделал предложение игуменье Зачатьевского монастыря».

А уже между нами: Грузинов тоже сделал свой выбор и взял в жёны Нину Хабиас. Насколько серьёзно

это было, данные разнятся¹. Большинство очевидцев сходится во мнение, что это был гражданский брак.

Между тем, «Серафические подвески» и «Стихеты» были конфискованы. Причиной тому послужило обилие обсценной лексики. 6 апреля 1922 года Грузинова и Хабиас уже встретили сотрудники ОГПУ и арестовали за незаконное издание под фиктивной маркой. В стране кризис, катастрофически не хватает бумаги, а имажинисты печатают всякую похабщину. Помимо Грузинова привлекались примерно в это же время и Анатолий Мариенгоф с Сергеем Есениным за книги «Развратничаю с вдохновением» и «Исповедь хулигана», и Вадим Шершеневич с Матвеем Ройзманом – за общий сборник стихотворений под названием «МЧК» («Мы чем каемся»)².

По постановлению Коллегии ГПУ от 6 июня 1922-го года Иван Васильевич был обвинён в «контрреволюционной деятельности». Его дело было направлено в Московский ревтрибунал. Но всё завершилось сравнительно благополучно. В дело поэтов вмешался Международный Политический Красный крест. Грузинов и Хабиас провели два месяца в Бутырской тюрьме, а 16 июня уже были освобождены под подписку о невыезде.

И уже в июле должен был состояться вечер Нины Хабиас.

Тарас Мачтет записал в своём дневнике: «Она только что вернулась из Бутырки, где сидела с Грузиновым за свои стихи. Когда мы просим её прочесть свои стихеты, она весело отнекивается: «Не хочу ещё раз в Бу-.....»

¹ 25 июня 1930 поэт Николай Савкин года давал показания в ОГПУ: «Грузинова я знал по Союзу поэтов и издательству [«Современная Россия»], т.к. он был секретарем издательства. Оболенскую я встречал, она значилась женой Грузинова». Здесь важную роль играет слово «значилась».

² Изъяли ещё одну книгу «Красный алкоголь». На всякий случай. А ещё изначально планировалось, что будет книга «ВЧК» («Вы чем каетесь»). И состав её был другим: Матвей Ройзман и Сергей Есенин.

тырку попасть». Однако читает что-то пустячное <...> Что касается самой Хабиас, то она на свои стихи совсем не похожа и очень симпатичный человек».

Надо понимать, что и Грузинов не стремился на своих выступлениях читать те стихотворения, за которые попал в тюрьму. А современники между тем шептались после всего случившегося: «О нашем времени скажут – век Грузинова и Хабиас!».

12

Вокруг имажинистов всегда было много молодых поэтов. С одной стороны – Пролеткульт, о котором мы уже говорили. С другой стороны – поэты СОПО, «сопатки», Всероссийского союза поэтов.

Задолго до организации в 1934-м году Союза писателей СССР поэты всевозможных направлений решили централизованно выступить и объединить вокруг себя людей передовых взглядов. С первых же дней важную роль в этом литературном объединении начали играть имажинисты. Председателем союза выбирали то Каменского, то Брюсова, то Аксёнова, но следом в секретариате появлялись Кусиков, Ивнев, Грузинов и другие представители Московского Ордена.

Не без оглядки на творчество имажинистов писали Иван Рукавишников, Георгий Русаков, Иван Аксенов, Мальвина Марьянова, Николай Берендгоф, Николай Минаев, Карп Коротков, Григорий Сидоров-Окский, Сергей Буданцев, Наталия Кугушева, Сусанна Мар, Николай Власов-Окский и другие.

Надо думать, что не без помощи того же Грузинов Гиляровский пристроил в издательство Всероссийского союза поэтов свою самую известную книгу – «Москва и москвичи».

Сохранилось и несколько стихотворений членов «сопатки», с посвящениями Грузинову. Григорий Ширман, грезивший с детства космосом, звёздами и иными планетами, привносил всё это в свою поэзию. Есть у

него с десятком отсылок к Мариенгофу и Есенину, чуть меньше – к Шершеневичу, Кусикову и Ивневу. Но есть и акrostих «Ивану Грузинову»¹:

Изба России передрогла в дым,
Война прошла чугунными шагами,
А мы по-прежнему поем стихами
Немое поле с куполом седым.

Угрюмым звоном сумрак шевелим,
Гремим строкой всё крепче и упрямей,
Ручьи созвездий будим в сонной яме
Ужасным содроганием своим.

Звените звонче, трепетные строки,
Иные дни, но тот же блеск жестокий
Над нами в недоступной высоте.

Огонь журчит всё тот же шелковистый
В подземной неостывшей темноте,
У нас в душе всё те же злые свисты.

Это был не самый видный поэт. Он не гнался за популярностью и новыми открытиями в области поэзии. Ширман вошёл в русскую литературу как мастеровитый поэт, отличающийся любовью к сонетам и космо-су.

Был ещё и Николай Минаев²:

Я не кричу до хрипоты
Как стаи нынешних павлинов;
Моей поэзии цветы
Не для витрин и магазинов;

¹ Ширман Г.Я. «Изба России передрогла в дым...» / Ширман Г.Я. Зазвёздный зов. – М.: Водолей, 2012.

² Минаев Н.Н. «И.В. Грузинову» / Минаев Н.Н. Нежнее неба. – М.: Водолей, 2014.

Но знаю, их оценишь ты,
Иван Васильевич Грузинов!

Уже упоминавшийся Николай Сергеевич Беренд-
гоф посвятил Грузинову своё стихотворение «Дом»
(1924)¹:

Руки отмороженные – свёкла –
Создай холодный, серый дом.
И замазкою гноятся стёкла,
Как порезы взрытые трудом.
Тщетно силясь с дымом приподняться,
Полымем торжественно зардев,
Кубики прессованного мяса
Слиплись в бесконечной чехарде.
Потому лишь по камням невнятно
Воля каблуками застучит,
На асфальте проступают пятна,
Кровяные пятна – кирпичи.
И когда рассвет, руками хрустнув,
Облачную ватой сдавит крик,
Пред глазами дома будут грустно
На стеблях бесцветить пузыри,
Замяукает, повертываясь с болью,
В пасти чёрной узница – доска.
Ей сквозь сон: янтарные мозоли.
Зной. И сень под мышкою сука.
И когда пушистой серой кошкой
Путь перебежит мотору дым,
От извёстки дому станет тошно.
Ей он брызнет голубем живым.

Грузинов ценил и Минаева, и Ширмана, и Беренд-
гофа, и других поэтов² – пролетарских и из «сопатки».

.....
¹ РГАЛИ. Ф. 1030. Оп. 2. Ед. хр. 2.

² В РГАЛИ есть фонд Ивана Грузинова. В нём сохранилась поэтическая коллекция, в которой представлены стихотво-

Наверное, видел у себя и у них что-то общее. Может быть, судьбу? Шумные 1920-е годы, плавное завершение Серебряного века – и... безвестность.

13

Но до безвестности ещё долго. На дворе 1923-й год. Сложный год, неоднозначный, изрешечённый осколками времени. Сергей Есенин вместе с Айседорой Дункан уехали за границу. Александр Кусиков покоряет Берлин. Вадим Шершеневич и Анатолий Мариенгоф пробуют себя в театре. Рюрик Ивнев далёк от громких акций и от кипучей деятельности. Матвей Ройзман и остальные молодые поэты-имажинисты не так близки Грузинову.

Поэтому мы можем проследить за ходом жизни Ивана Васильевича только по его стихотворениям. А в них – деревня, сложные отношения с любимой женщиной да тоска по нереализованным возможностям.

Послесловие

429

Линялой бичевой на пустыри легла
Дорога. С утренних озёр –
Утятником и сладостной прохладой.
По близорукости моей не разберу –
В тени кленовой дева ли, пастух ли.
И в тишине стеклянной голоса.
Я эту речь совсем не понимаю,
Запомнить не могу, она неповторимей
И призрачней чем щебет птиц.

Поэзия этих месяцев (и, наверное, самые лучшие строчки Грузинова) – это родное Шебаршино да родные можайские края.

Как только возвращается Есенин, активизируется весь Московский Орден имажинистов. Правда, вско-

рения С. Боброва, Ю. Верховского, Г. Вяткина, М. Марьяновой, Н. Славнина Е. Титова, В. Блюменфельда, А. Авилова, В. Александровского, О. Колычева и других.

ре случается его ссора с Мариенгофом. Пока он ездил с Дункан покорять Европу и Америку, его лучший друг вжился в роль «первой скрипки» и, как казалось Есенину, подмял под себя журнал и издательство, не давал денег сёстрам Кате и Шуре и разорил кафе. Конечно, всё было совсем не так. Скорее сказалось разочарование Есенина в западном мире и попытка резко оборвать старые связи, чтобы начать принципиально иную жизнь.

Четвёртый номер имажинистского журнала выходит как всегда эпатажным и колким на язык. Статьи Шершеневича, Мариенгофа, Ройзмана и Кржижановского, стихи Шершеневича, Ройзмана, Ивнева, Мариенгофа, а также молодых петроградских имажинистов (В. Ричиотти, И. Дементьев, И. Афанасьев, С. Полоцкий). Понятное дело: ни одного стихотворения Есенина напечатано не было.

Иван Грузинов отдаёт в этот номер свои стихи и три (!) больших статьи: одни выходят под его собственным именем, другие под псевдонимом Искона. Иван Васильевич обладал цепким взглядом и колким языком. Проблема, которую он подмечал в рецензируемой книге, беспощадно выносилась на первый план. Формулировал её критик примерно так: «С. Бобров и в прозе и в стихах – замечтавшаяся гиря»¹.

.....
¹ Грузинов И.В. «Московский Парнас», второй сборник, 1922 [Рецензия] // Гостиница для путешественников в прекрасном. – 1923. – № 2.

М.Л. Гаспаров тоже отметил эту особенность критического взгляда Ивана Васильевича: «Гибридизация: И. Грузинов называл И. Аксенова: повесть Третьяковского и Малларме». См.: Гаспаров М.Л. Записи и выписки. – М.: НЛО, 2008.

Чуткость к слову и всё тот же особенный критический взгляд отметил в нём и Рюрик Ивнев. В своём дневнике за 1923-й год (Дневник 1906–1980. – М.: Эллис Лак, 2012) он сделал такую запись: «Вчера в “Известиях” были помещены дрянные и “заигрывающие с коммунизмом” стихи. Я прочёл Грузинову и просил, чьи они? И назвал ряд поэтов.

А после публикации журнала Грузинов неожиданно заявил: «Баннный номер! Настоящий баннный номер!»¹ Что побудило его к этому? Наверное, разрыв левого крыла имажинистов с Есениным.

Чуть позже они вместе напишут письмо о роспуске группы. Журнал «Гостиница для путешественников в прекрасном» закроется, но на Иване Васильевиче всё это никак не скажется².

Примерно в это же время случится действительно знаковое событие. В августе 1924-го года открывается новое издательство «Современная Россия». Члены инициативной группы: К. Большаков, Б. Глубоковский, С. Есенин, П. Орешин, А. Мариенгоф, Г. Сидоров-Окский, А. Скворцов, А. Топорков, Г. Якулов и Я. Апушкин. Председателем был Николай Савкин, секретарём – Иван Грузинов.

В «Современной России» вышли книги Сергея Есенина («О России и Революции» и «Персидские мотивы»), Анатолия Мариенгофа («Новый Мариенгоф»), Николая Савкина (поэма «Бурлак» и сборник стихов «Багровые васильки»), Сергея Вашенцева («Героические поэмы»), Тараса Мачтета («Коркин луг»), Василия Александровского («Подкованные годы»), Николая Минаева («Прохлада») и, конечно, Ивана Грузинова («Избяная Русь» и «Малиновая шаль»).

.....

Он ответил убеждённо и с жаром: «Никто из поэтов не мог написать такую дрянь. Разве только Городецкий». Я расцеловал Грузинчика».

¹ Ройзман М.Д. Всё, что помню о Есенине. – М.: Советская Россия, 1973.

² В.А. Дроздков в книге «Dum spīgo sprego» приводит документы, согласно которым Иван Грузинов ещё долгое время сотрудничал с имажинистами. То есть выход его из группы был формальным, как у Рюрика Ивнева. К тому же последняя опубликованная книга «Вечность номер три» (1927) выполнена по всем имажинистским лекалам: остроты в адрес футуристов, попытка создать новый образ, «смешение чистого и нечистого» и т.д.

Планировалась антология поэтов в 1925-м году: Александровский, Грузинов, Есенин, Казин, Приблудный, Рождественский, Савкин, Тихонов, Эрдман, Якулов. Но издание не состоялось.

В августе 1924 года поэты обратились в Наркомиссариат внутренних дел и предложили организовать вокруг издательства одноименное литературное сообщество. Тогда бы к ним приходили новые и новые поэты. Но – получили отказ.

А куда же делось книгоиздательство «Имажинисты»? Почему потребовалось новое? Видимо, «Современная Россия» – это попытка выйти одновременно в коммерцию и на более широкие писательские массы. Этим как раз грезил Есенин, когда хотел создавать свой журнал, печатающий всех без исключения и не взирая на групповую принадлежность. В это издательство были привлечены самые разные поэты: имажинисты, экспрессионисты, новокрестьянские и просто левые поэты. Началась работа.

Но откуда появились деньги на это издательство?

Николай Савкин, который заведовал «Современной Россией», до этого был заведующим кафе имажинистов «Стойло Пегаса» и редактором их же журнала «Гостиница для путешественников в прекрасном». Оба дела прогорели.

Галина Бениславская писала: «Он систематически не давал денег, причитавшихся Сергею со «Стойла», затеял «коммерческую операцию» – закрыл «Стойло» и открыл театр – и кончил крахом. Мы думали, что всё идет ему в карман, кажется же, в данном случае всё утонуло в театре (ремонт и пр.)».

История эта туманная. Всех деталей не рассмотреть. Когда обанкротилось «Стойло Пегаса», возникло два кафе – «Мышиная нора» (принадлежало Сергею Есенину и Ивану Грузинову) и «Калоша» (принадлежало Анатолию Мариенгофу и Вадиму Шершеневичу). Ещё был кинотеатр. И вот – издательство «Современная Россия».

Каждый из пайщиков «Стойла Пегаса» получил свою часть и потратил сообразно с его представлениями о вкладах. И Савкин, и Грузинов, и Есенин, видимо, решили открыть новое издательство. Но к 1927-му году и это дело сошло на нет.

14

Есенин к этому времени уже порвал с Айседорой Дункан, успел закрутить и тут же погасить роман с Миклашевской, разошёлся с Бениславской и повстречал новую женщину, которая подарит ему ребёнка, – Надежду Вольпин. Грузинов в свободных отношениях всё с той же Ниной Хабиас, если эти отношения вообще сохранились. То есть времени и неизбежной любви у Ивана Васильевича хватает.

Поэтому-то он и отдаётся с головой – дружбе. Как говорили иные современники, колкие на язык, Грузинов устроился нянькой при Есенине. Может быть, это звучит грубо, но в той или иной степени так и было. Стоит вспомнить хотя бы мемуары той же Надежды Вольпин¹:

«Иван Васильевич Грузинов. Добрый, чуткий человек. Роста он среднего, коренастый, плечистый. Тяжелое, прямоугольное лицо, вырубленные топором черты – и к этому тонкое понимание поэзии. Стихи свои с эстрады сам никогда не читает. Меня он с первых дней моего появления в СОПО дружественно опекает. Он не только одобряет, и очень, мои стихи, но ценит и манеру чтения – ритмическую подачу стиха, но без столь частого в те годы у авторов «подвывания». Когда только есть возможность, Грузинов включает меня в группу выступающих от Союза поэтов по всевозможным клубам, военным училищам – особенно, если платят хлебом. Нередко поручает мне прочесть и за него – бла-

.....
¹ Вольпин Н. Свидание с другом // Юность. – 1986. – № 10. См. гл. «Наш общий друг».

го память у меня безотказная, прочту «без шпаргалки». Заботу свою он объясняет тем, что знает: живу одна, без родных, в голодной Москве – долго ли пропасть девчонке, тает на глазах, в чем только душа держится. <...> Забота, привычная дружеская забота Грузинова всегда конкретна. Но ни о ком он не заботился так сердечно, с такою самоотдачей, как о Есенине. «Наш общий друг», – мысленно окрестила я Ивана Васильевича».

Грузинов был какое-то время поверенным в их отношениях. Потом у Есенин появились другие планы (поэту трудно в реальной жизни, он постоянно стремится куда-то за горизонт видимого), и «общий друг» стал не ухаживать за Вольпин, не «ходить» с ней, а оберегать заодно и её: «В те дни у меня с Сергеем был очередной разлад. Из «Стойла» меня всегда кто-нибудь провожал. Свой переулок я в шутку называла «Пятисобачьим», потому что в нем проживало пять поэтов; да и на Молчановке жили Буданцев с Ильиной. Нередко шли со мною Иван Грузинов или Марцелл Рабинович, случалось – Ечеистов и другие художники... Сергей всегда ревниво смотрел нам вслед, однако ни тут же, ни при новой встрече не позволял себе худого слова о моих провожатых...»

Когда Грузинов понял, что у Есенина с Вольпин ничего не выйдет, попытался сделать её активной помощницей в своих делах – в заботах о большом поэте. Крепкий крестьянский мужик, он понимал, что мужчине необходима крыша над головой, необходимо место, куда можно вернуться, и необходима женщина, которая всегда сможет утешить. Поэтому Иван Васильевич начал вести разговоры с Надеждой Давыдовой: кого бы сосватать Есенину? А то в одиночку Грузинов уже не справляется: сегодня надо вытаскивать Есенина из кабака, завтра подыскать ему надёжный ночлег, после разрешить скандал.

«В последние дни перед отъездом наблюдаю, – писала Вольпин, – друзья Есенина озабочены подыскать

ему «сильную подругу», такую, чтоб могла удерживать от пьянства. Сейчас возлагают надежду на Анну Абрамовну Берзину. Во мне Грузинов изверился. И не стесняется обсуждать со мной эти планы!»

Может возникнуть вопрос: а как же остальные друзья? Неужели, кроме Ивана Васильевича, больше не нашлось никого? Шершеневич да Мариенгоф полностью ушли в семью, Анатолий Борисович к этому времени обзавёлся не только женой и ребёнком, но ещё и тещу из Киева выписал. Позже с имажинистами Есенин вовсе разругался. Клюев не в Москве. Новокрестьянские поэты – сами без тёплого угла.

Вот и выходит, что Грузинов, такой же вечно неприкаянный, и выхаживал Есенина.

А заодно вместе с Галиной Бениславской делил роль литературного секретаря. Сохранилось письмо Ивана Васильевича от 13 января 1925 года, в котором он попрекает Есенина¹: «Милый Серёжа! Вместо привета шлю тебе упрёк. – Не пишешь мне ни строчки. Второй упрёк за то, что не ставишь даты под своими стихами : мне пришлось принять участие в их редактировании; большая неряшливость: нет дат».

А потом саркастически добавляет: «Говорят: ты ешь малину. Приятного аппетита».

15

Сергей Александрович в долгу не остался. Из всего многообразия окружавших его людей к началу 1925-го года у него осталось не так много друзей – Иван Грузинов да Вольф Эрлих. Где-то рядом была Галина Бениславская, самозабвенно идущая за своей любовью.

А Есенин между тем решил жениться. В невесты выбрал внучку Льва Николаевича Толстого – Софью. Грузинов был единственным имажинистом, кого при-

.....
¹ Письмо цитируется по кн.: Сергей Есенин и Галина Бениславская. – СПб.: Издательство «Росток», 2008.

гласил Есенин на венчание. Был составлен список гостей, который потом Александр Сахаров переделал в стихотворение:

Приглашение на обручение –
им радость, а нам мучение.
А.С. Воронский, Сахаров, Петр Пильский,
Казанский, Казин, Богомильский,
с ним Аксельрод и Вс. Иванов,
Шкловский из «Лефа», 5 болванов,
2 Савкина, один Берлин,
Грузинов, Марк, 5-6 скотин,
Ан. Абрамовна, Като,
Т. Либединский без пальто.
Сам Ключарев, Яблонский,
Орешин, Клычков
И даже Бабель
Без очков.

436

Олеи Демидов

Помимо женитьбы вынашивается план нового журнала, а то и новой группы. Рюрик Ивнев вспоминал знаменательный эпизод¹:

«Есенин охотно перешел к разговору о толстом журнале, который он собирается издавать. О «Гостинице для путешественников в прекрасное» он не хотел больше слышать.

– Пусть Мариенгоф там распоряжается, как хочет. Я ни одной строчки стихов туда не дам. А ты... ты как хочешь, я тебя не неволю. Все равно в моем журнале ты будешь и в том и в другом случае. Привлеку в сотрудники Ванечку Грузинова. Он хороший мужик. Это не то что многие... да ну их... и вспоминать не хочу. Грузинов хорошо разбирается в стихах, из него бы критик вышел дельный и, главное, честный. Не юлил бы хвостом. И стихи у него неплохие, есть из чего выбрать для

.....
¹ Ивнев Р. У подножия Мтацминды. – М.: Советский писатель, 1973.

журнала. Правда, любит мудрить иногда, но это пройдет, да и кто в этом не грешен.

– Знаешь что, – сказал он мне вдруг, – давай образуем новую группу: я, ты, Ванечка Грузинов...»

Надо признаться, поэтов в группу Есенин подбирал мастерски: Ивнев где только ни побывал, везде оставался в тени; Грузинов после письма о роспуске банды был согласен на всё.

В письме к Д.К. Богомильскому он просил помочь с изданием журнала¹: «Милый Федя! <...>Теперь дело в том, чтоб ты устроил печатание нашего журнала в кредит. Участвуют со стороны прозы Пильняк, Иванов, Никитин и все др. Со стороны поэзии Казин, Грузинов, Савкин, Есенин, Тихонов, Орешин и тоже др. Прошу тебя, устрой, после поговорим».

Проект реализовать не удалось.

Но даже после Сергей Александрович писал уже самому Грузинову²: «Милый Ваня! Христов сидня! Злюка бракадабрская! Отдашь ты мне статью или не отдашь? Критик ты расейский! Стихотворец ты московский, отдай, ради Бога, отдай, чтоб не задержать до сезона»³.

.....
¹ С.А. Есенин, письмо Д.К. Богомильскому, август – до 3 сентября 1924 г. Москва (М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. Наука; Голос, 1995–2002).

² С.А. Есенин, письмо И.В. Грузинову, сентябрь-октябрь 1925 года. (М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. Наука; Голос, 1995–2002).

³ Сергей Есенин высоко ценил поэзию Грузинова. Тем не менее, Вадим Шершеневич в своих мемуарах записал и такой эпизод: «Про имажиниста Ивана Грузинова он [Есенин] съязвил, что его строки так же похожи на стихи, как лицо Грузинова на диаметрально противоположную часть тела Грузинова». Но здесь скорее всё та же неприязнь самого Шершеневича, нежели действительное мнение Есенина.

Чтобы мог прислать Грузинов? Свежие тексты, что попадут буквально через считанные недели в сборник «Избяная Русь»¹, который, между прочим, выйдет в издательстве «Современная Россия», – те стихотворения, что наполнены деревней: её бытом, её радостями, её жизнью.

Под граблями вздымаются гвоздики,
Ромашки рыжие, сквозная резеда.
Расстѣгнут ворот. Томен на груди
Девический загар. Мутнеет синева.
Вдали алеет пыль. Бредут стада.
Спадает зной. Пора копнать. Роса.

Книга получилась достойной внимания. Были и рецензии в ведущих «толстых» журналах. Правда, критики говорили о недостаточной перековке Грузинова. Видели в нём замшелого и не способного к литературному перерождению поэта. Как писал о глубокой старине, так и пишет.

Если отойти от политики, то о литературе как таковой в первую очередь писал В. Красильников в «Новом мире»²:

«Тематика книги сообщена в названии. Не деревенская Россия нашего социального дня, а Русь – Русь избяная, скифская, где «всяческая быль и небыль», где «так легко упасть и не проснуться». Начав от Блока³.....»

¹ Вместо предисловия было опубликовано стихотворение Рюрика Ивнева, которое мы приводили в самом начале нашего разговора о поэте, – «Портрет Ивана Грузинова» (1923).

² Красильников В. Иван Грузинов. «Избяная Русь» [Рецензия] // Новый мир. – 1925. – № 8. – С. 150–151.

³ Влияние А.А. Блока можно проследить и в более ранних стихотворениях Грузинова. Например, «Веер ресниц» (1921): «Вхожу, печальный Дон Жуан / Под своды древне-

(стихотворения «Русь», «Монголы», 4-я часть стихотворения «Из дерева»), Грузинов в развитии блоковской темы пошел по своему оригинальному пути, но – в этом его несчастье – путь привел к трудно читаемым, нудным стихам. Поэт только штрихует, зарисовывает: его стихи – случайные наброски деревенской *nature morte*¹, т.е. вещей избы, русского пейзажа, изображенных, как самоцель, без намека на сюжетную связь. Писать о предметах потому, что они – рядом (пространственно) – единственный принцип авторской композиции. Поэтому стихи не действенны, темп их замедлен, и, кажется, что вообще они не имеют конца². Тягучему движению стихотворной строчки еще более способствуют мелочные подробности в описаниях <...>

Люди – редкая, случайная тема Грузинова. Но если его внимание обращается к ним (стихотворение «Монголы»), получается то же мертвое описание – человеческая *nature morte*. Изредка в стихе видно лицо самого поэта, отрекающегося от современности («Не всё ли мне равно – стеклянный век, железный, деревянный»). <...>

Книга «Избяная Русь» – на любителя вспоминать поросшее быльем. Безритменные описывающие стихи

.....

го собора». Под блоковским влиянием были и Мариенгоф, и Шершеневич, и Ивнев, и Есенин.

¹ «Деревенская *nature morte*» или «человеческая *nature morte*», о которых пишет В. Красильников, – результат деятельности Грузинова в качестве критика. Непредвзятый взгляд, скрупулёзный анализ и практически полное отсутствие эмоциональности – всё это инструментарий критика.

² Здесь скорее уместно говорить о притягательном и запомнившемся с детства образе деревни, который «тягучестью движений» напоминает сон – сродни «Сну Обломова». Так и Шебаршино, и можайские местечки выглядят как места, в которые лирический герой стремится. К тому же это происходит не только в «Избяной Руси», но и на протяжении всего периода творчества Грузинова.

вообще только при условии очень острых тем в состоянии заинтересовать читателя, но вместо остроты Грузинов даёт описания, рассказ, перечисление мертвых вещей».

Ещё одна видная рецензия появилась за подписью «Г.К.» в журнале «Октябрь»¹:

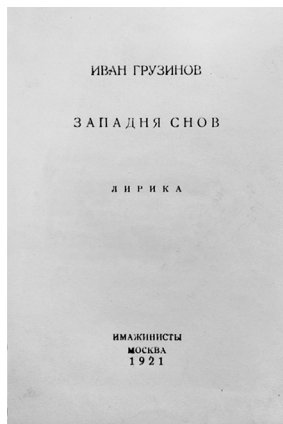
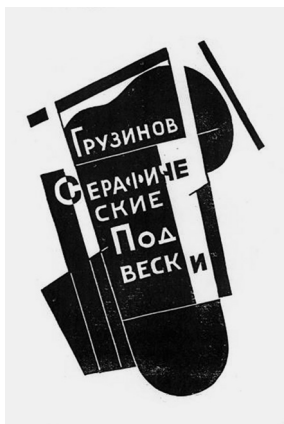
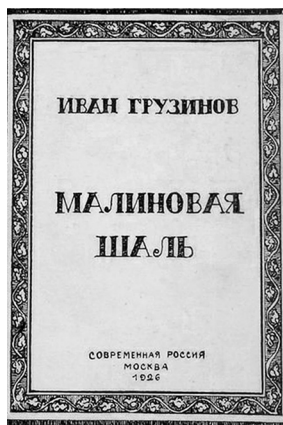
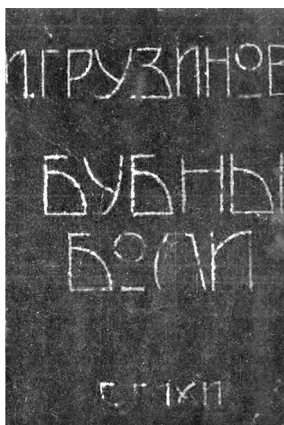
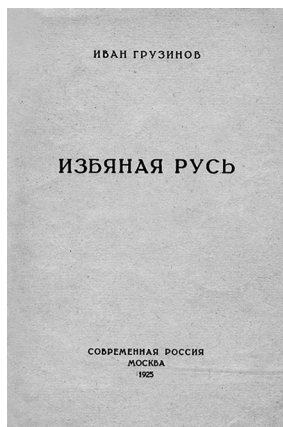
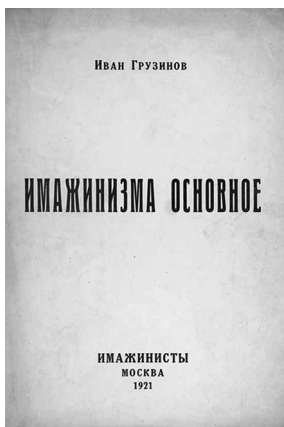
«Странная книга, очень даже странная и, если хотите, немного смешная. Книга снабжена портретом автора и открывается стихотворением Рюрика Ивнева «Портрет Грузинова», так что мы имеем два портрета: Ивана Грузинова и Рюрика Ивнева. О первом сказать нечего: лицо как лицо – лобастое, носастое, ушастое, глазастое, все как следует, а вот Рюрик Ивнев рисует такой портрет Грузинова <...> [что] в этом стихотворении есть одно достоинство: оно говорит об избе, о России, а сам Грузинов в своих стихах проглядел и Русь и избу; только раз он обмолвился: «Какая пустота в моей избе, / Как тихо дышит Русь...»

Вот эта «пустота в избе» и тихое дыхание России (стихотворение написано в 1920 г.) характерно для Грузинова. Стихи его очень, очень странные, не то белые стихи, не то ассонансы, не то рубленая проза, встречаются и такие прелести: «О, холодный путь. О, ветер забвенья», «Биясь над холодным серебром».

Таких перлов у Грузинова порядочно.

Единственным стихотворением, в котором есть намек на поэзию, на избяную Русь, можно считать стихотворение «Дичь». В деревне идет слух о волчице, и молодой охотник, «жадно ловя эти слухи», собирается на охоту за ней. Стихотворение, не в пример другим, написано почти «избяным» языком. В этом стихотворении нет таких выражений, как «рыбарь не мерит на караты», нет таких усечений, как, например «фиолетовой» вместо фиолетовый. Об идеологии Ивана Грузинова трудно что-нибудь говорить. В «Избяной Руси»

.....
¹ Г.К. Иван Грузинов. «Избяная Русь» [Рецензия] // Октябрь. – 1925. – № 5. – С. 163–164.

он только глядит, нюхает, слушает, грезит, но не думает. Впрочем, и это особая идеология».

После трёхлетнего перерыва эта книга сыграла важную роль для Грузинова. Он отошёл от экспериментов со словом и обратился к стандартной силлабо-тонике, в которой и будет работать до последних дней. С «Избьяной Руси» можно проследить за уже сформировавшимся его и исключительно его стилем.

17

И главное – поэт успел показать эти стихи своему ближайшему другу Есенину. Тот их одобрил. Хотел печатать в своём новом журнале. Но ни стихотворений, ни новой критики Грузинов отправить ему не успел. Уже было некуда. 28 декабря 1925 года Есенина нашли мёртвым в ленинградской гостинице «Англетер».

Незадолго до этих роковых событий, в ноябре месяце, Есенин заходил к Грузинову и просил подготовить некролог. Зачем и почему? Ответ найдём в воспоминаниях Грузинова¹. Есенин в крайне возбуждённом состоянии говорил ему: «Я скроюсь. Преданные мне люди устроят мои похороны. В газетах и журналах появятся статьи. Потом я явлюсь. Я скроюсь на неделю, на две, чтобы журналы успели напечатать обо мне статьи. А потом я явлюсь. <...> Посмотрим, как они напишут обо мне! Увидим, кто друг, кто враг!»

Удивительно, но ещё один элемент этой затеи можно найти в выступлении И.М. Гронского перед работниками Центрального государственного архива литературы и искусства в 1959 году: «Когда С.А. Есенин и С.А. Клычков приехали в Ленинград, они задумали разыграть небольшую историю, чтобы о них заговорили. Они решили инсценировать самоубийство. И Есе-

.....
¹ Грузинов И.В. Есенин / С.А. Есенин в воспоминаниях современников. В 2 т. – М.: Художественная литература, 1986.

нин, готовясь к этому, написал письмо к В. Эрлиху, рассчитывая, что тот сразу придет в гостиницу и предотвратит самоубийство. Он ведь не вешался на крюке или еще на чём-нибудь, он привязал веревку к батарее. А В. Эрлих, получив письмо, пришел только на следующий день. Видимо, шаги по коридору показались С.А. Есенину шагами В. Эрлиха, и он, привязанный к батарее, упал на пол. Но никто не вошел к нему, и С.А. Есенин умер. Этот факт мне рассказал Павел Васильев»¹.

Некоторые факты не совпадают, но общая канва правдива.

Учёные до сих пор ломают голову, что же произошло в ночь с 27 на 28 декабря? Может быть, роковая случайность? Ожидался розыгрыш – случилась трагедия.

На следующий год появилось бессчётное количество мемуаров о жизни и творчестве Есенина. Писали все: и близкие, и друзья, и литературные оппоненты, и первые встречные. Попадались и подделки. Каждый стремился пристроиться к большому поэту.

А что Грузинов?

Печатает два текста – «Есенин» и «О смерти Есенина». Но они больше походят не на воспоминания, а на попытку филологического анализа. Такой же, скупой на эмоции текст, но толковый, появляется в виде отдельной брошюры – «С. Есенин разговаривает о литературе и искусстве».

Следом издательство «Современная Россия» выпускает сборник стихотворений «Малиновая шаль». В нём стоит посвящению Сергею Есенину. Иные литературоведы называют эту книгу наряду с «Избяной Русью» – лучшими в творчестве Грузинова.

Из заглавного стихотворения можно привести небольшой отрывок:

.....
¹ Гронский И.М. О крестьянских писателях... // Минувшее: Исторический альманах. № 8. С. 148.

Всё равно мне. Я теперь как птица.
Холод сердца изживу едва ль.
Только ты везде мне будешь сниться,
Русь моя, малиновая шаль!

Гладко, крепко да с образом, позаимствованным у Есенина. Причём сразу из двух стихотворений 1916-го года:

О Русь – малиновое поле
(«*Запели тёсанные дроги...*»)

Уже давно мне стала сниться
Полей малиновая ширь,
(«*Опять раскинулся узорно...*»)

А что нового пишет поэт? И может ли вообще что-то новое быть? Может:

444

Говори со мной как можно проще,
Я от книжной мудрости устал.
Мне теперь ручей поёт за рошей,
У костра сияет береста.

Олеи Демидов

У Грузинова – всё то же стремление в русскую глупинку. Подальше от суетной Москвы да от бесконечных диспутов. А то расплодилось биокосмистов, иллюминистов и прочих небольших литературных героев одного дня. Есть желание уехать, но, надо думать, никуда не двигается Иван Васильевич. Пока всё только на словах.

Появились и рецензии на эту книгу. Стоит отметить разбор «Малиновой шали» А. Барковым в «Новом мире»¹:

«Иван Грузинов страдает пороком <...> а именно – «упадочностью» и нытьем. Он грустит и о «прошлых

.....
¹ Барков А. Михаил Юрин – «Солнечная юность», Иван Грузинов – «Малиновая шаль», «Вьюжные дни» – Сборник // Новый мир. – 1926. – № 4. С. 184–186.

Иван Грузинов.
Начало 1920-х годов
(из журнала
«Гостиница для
путешествующих
в прекрасном»)

«Есенин
разговаривает
о литературе
и искусстве»
(1927)

днях» и по поводу настоящего, которое ему почему-то не нравится <...> Впрочем, автору не всегда ничего не нужно. Он не прочь пометать очень «империалистически»: «Я бы мог, как мальчик Бонапарт, / Бросить в бой мильоны и мильоны...».

Но, сообразивши, что ему все-таки далеко до Бонапарта, Грузинов спешит примириться с более скромной участью и начинает уверять: «Я бы мог, но разве это нужно?». И в заключение утешает и себя и читателя идиллическим сельским пейзажем.

Стихи Ивана Грузинова все приличны, все гладки, некоторые тщатся быть «страстными» (постоянное упоминание о «ноже» автора, «окрашенном не раз в багрец») и почти все, за исключением двух-трех, невыразительны и скучноваты. Книжка посвящена Есенину, это ко многому обязывает. А Грузиков, очевидно, решил, что это обязывает лишь к некоторой подражательности».

446

Подражательность, которую отметили и мы, – лишь первый пласт, который можно считать, но есть же и другие. Аллюзии на «Войну и мир» Л.Н. Толстого не случайны, как это показалось Баркову. Мы-то знаем, что поэт родом из деревни Шебаршино, что находится недалеко от знаменитого Бородинского поля, – на противоположном берегу реки Москвы разгорались исторические события. Неудивительно, что для Грузинова всё это было особенно близко. В одном из неопубликованных стихотворений он писал:

Мальчишкой тот двор постоялый
Искал я, любовью томим,
Где ночью тревожной мечтала
Ростова увидеться с «ним».

К полям Бородинским крутая
Дорога змеится в глуши.
Наверное, здесь Каратаев
Портянки на солнце сушил.

И, пахнувший порохом, с боя
Летал корсиканец в пыли.
И вот, как сейчас, голубое
Полоской меж туч провели.

Да и в целом «Малиновая шаль» выглядит много интересней предыдущих книг Ивана Грузинова. Особенно – имажинистского периода.

18

Пока Нина Хабиас была погружена в новый роман с поэтом Борисом Садовским¹, Иван Грузинов нашёл новый объект влюблённости.

Есть мемуары Натальи Кончаловской² – «Волшебство и трудолюбие»³. В них она пишет следующее: «У Герасимовых, живших на Тверском бульваре в старинном особняке со сквериком, где находились и Литера-.....»

¹ Надо отметить, что Грузинов, видимо, никогда не рвал отношений с Хабиас. В альбоме А.Е. Кручёных сохранился фотопортрет Грузинова, под которым поэт оставил запись: Алеше Крученых дружески Иван Грузинов. 17 мая 1924 г.» – сбоку записан стихотворный экспромт:

А где же Мотя Ройзман? –
– Желчь разлилась.
– В чем дело? –
– Портрета нет!!
Портрета!
– Не говорите!
– Четыре дня лежит без
памяти!
– Ах, Мотя, ну зачем
Ты дал им шесть
червонцев.

² Наталья Кончаловская – гражданская жена Павла Васильева, супруга детского поэта Сергея Михалкова, мать Никиты Михалкова.

³ Кончаловская Н.П. Волшебство и трудолюбие. – М.: Молодая Гвардия, 2004.

турный институт, и квартиры многих писателей, собирались друзья-поэты. Был там и Кириллов, Грузинов, Клычков, был прозаик Михаил Никитин, бывал и Павел Васильев, приударявший за Ниной и посвятивший ей стихи, которые начинаются такими строчками:

Опять вдвоем,
Но неужели,
Чужих речей вином пьяна,
Ты любишь взрытые постели,
Моя монгольская княжна...

Вероятно, ни одному поэту не пришло бы в голову сравнивать томную московскую красавицу с монгольской княжной».

Нина – это жена Михаила Герасимова. Познакомились они с Павлом Васильевым в 1934-м году. В доме семьи Герасимовых тогда собирались многие поэты и прозаики. На одном из вечеров могла состояться встреча Васильева и Грузинова. Первый уже был достаточно знаменит и входил свободно в любой литературный дом, а второй как раз вернулся из Воронежа.

Но не всё так просто. Этих двух поэтов связывает ещё пара нюансов. Есть стихотворение Грузинова с посвящением Наталье Кончаловской, опубликованное во втором сборнике «Новых стихов», изданном Всероссийским союзом поэтов в 1927-м году.

Каждый день – туманно ли, светло ли –
Лишь на миг один глаза смежишь,
снится мне в дали далекой поле,
Звезды синие качаются во ржи.

Чем вокруг шумней и говорливей,
Чем пронзительней машинный гул –
Тем ясней мне, как в ржаном разливе
Березняк по пояс затонул.

И осинки, те, что помоложе,
Трепеща взбираются на кручи.
Можжевель усатый и колючий
Им вослед карабкается тоже.

Жаль ивняк кривой и низкорослый.
Ах, ему бы крылья стрекозы,
Или лодочку да лёгенькие весла –
Пусть бы резал золотую зыбь!

Русь моя, в просторе роковом
Обречен я грезить и грустить...
Вот ивняк – последнее прости –
Мне кивнул зеленым рукавом.

Казалось бы, что это стихотворение далеко от любовной лирики. Но, во-первых, Грузинов, как и Есенин, как и поэты новокрестьянской купницы, часто обращался к фольклору, к русскому романсу, к русской народной песне. Мы знаем большое количество примеров того, как через олицетворение природы передаются человеческие чувства. Особенно – любовного плана. «Среди долины ровныя, на гладкой высоте...» – которую поёт Кулигин в «Грозе» Александра Островского, – «Ой, цветёт калина», «Тонкая рябина», «Шумел камыш» и т.д.

Во-вторых, строчка, с которой начинается стихотворение Грузинова, – прямая реминисценция на стихотворение Афанасия Фета – на один из ярких примеров любовной лирики:

Я полон дум, когда, закрывши вежды,
Внимаю шум
Младого дня и молодой надежды;
Я полон дум.
Я все с тобой, когда рука неволи
Владеет мной, –

И целый день, туманно ли, светло ли, –
Я все с тобой.
Вот месяц всплыл в своем сиянье дивном.
На высоты,
И водомет в лобзанье непрерывном, –
О, где же ты?

Таким образом, в стихотворении Грузинова можно увидеть второй план, на котором берёзки, можжевельник, ивы и особенно «осинки, те, что помоложе» читаются иначе.

Влюблялись в Наталью Кончаловскую часто. Тот же Павел Васильев написал довольно откровенное стихотворение с посвящением ей. Вот небольшой фрагмент:

В наши окна, щурясь, смотрит лето,
Только жалко – занавесок нету,
Ветреных, весёлых, кружевных.
Как бы они весело летали
В окнах приоткрытых у Натальи,
В окнах незатворенных твоих!

И ещё прошеньем прибалую –
Сшей ты, ради Бога, продувную
Кофту с рукавом по локоток,
Чтобы твоё яростное тело
С ядрами грудей позолотело,
Чтобы наглядеться я не мог.

Я люблю телесный твой избыток,
От бровей широких и сердитых
До ступни, до ноготков люблю,
За ночь обескрылившие плечи,
Взор и рассудительные речи,
И походку важную твою.

Оба поэта влюбились в одну и ту же женщину. С разницей в несколько лет. Одному хватило смелости

на откровенные стихи, другому – на метафорическое описание чувства.

Но ещё можно сказать, что Васильев определённо читал книги Грузинова. Рюрик Ивнев, давший дорогу в жизни молодому поэту, мог посоветовать что-то. Или Сергей Клычков, с которым поэт тесно сдружился. Или ещё кто из есенинского окружения.

У Васильева есть стихотворение «Мясники» (1929).

Сквозь сосну половиц прорастает трава,
Подымая зеленое шумное пламя,
И теленка отрубленная голова,
На ладонях качаясь, поводит глазами.

Бытовой эпизод разделывания мяса, превратившийся в сознании поэта в целую скотобойню, позаимствован напрямую из «Бычьей казни» Грузинова.

Кровавые рога
В навоз вонзая,
Ободранная стынет голова.
Два зеркала – остекленевшие глаза:
В одном – небесная синева,
В другом качается распяленная туша.

Послесловие

451

}\n}\n}

Вот она, голова быка, на которой заканчивает своё описание Иван Грузинов, у Павла Васильева превращается в голову телёнка, которая «на ладонях качаясь, поводит глазами». И поводит глазами, понятное дело, в разные стороны: одним – в небо, вторым – на тушу¹.

19

С любовной линией всё понятно. Но появляется ещё и очередная книга – «Вечность номер три» (1927), названная повестью. На самом деле, это, конечно, боль-

¹ Демидов О.В. Павел Васильев и имажинисты // Нижний Новгород. – 2016. – № 3.

шое драматическое произведение¹. Пишет Грузинов об обычном русском крестьянине, который летит в космос. Тема, согласитесь, на первый взгляд довольно неординарная, но весьма актуальная для 1920-х годов и органичная только для этого времени.

А нацелено произведение на борьбу с футуризмом – в первую очередь с Маринетти и Маяковским. Несколько поздногато. В духе раннего имажинизма. Московский Орден выпустил в 1925-м году последнюю книгу – общий сборник «Имажинисты», в который вошли Мариенгоф, Шершеневич, Ивнев и Ройзман. Петроградские поэты тоже завершили своё творчество под флагом «Образа»².

Что побудило Ивана Васильевича на написание данного текста?

В предисловии он проговаривает: «Цель автора повести «Вечность номер три» – борьба с упадничеством. Средства борьбы – внутренние и внешние. Внутреннее средство – здоровый смех, внешнее – нормальное питание <...> Автор считает не лишним указать, что сатирическое жало повести направлено против футуристов, против Маринетти и его русских подражателей. Этим обстоятельством объясняются некоторые особенности стиля некоторых мест повести».

Среди героев этого произведения можно угадать многих футуристов. Так Профессор, один из второстепенных персонажей, но при этом принципиально важ-

¹ В самой повести Грузинов предположил, что из этого текста может получиться фильм: «Редакция полагает, что данная повесть является первым сценарием, и недурным сценарием, для говорящего кино».

² Правда, они пытались организовать антологию поэтов и художников-имажинистов, в которую входили бы И. Грузинов, Р. Ивнев, А. Кусиков, С. Есенин, А. Мариенгоф, С. Полоцкий, В. Ричиотти, М. Ройзман, В. Шершеневич, Г. Шмерельсон, Н. Эрдман, Б. Эрдман, Г. Якулов, В. Эрлих.

ный для понимания повести, ходит с моноклем да раздаёт будущим покорителям Вселенной «космический порошок» и «голубой пузырёк», чтобы было чем питаться в пути. Есть соблазн принять его за Маринетти. Тем более, что Грузинов в предисловии обозначает итальянского футуриста первым делом. Но в Профессоре зашифрован скорее Давид Бурлюк.

В детстве ему в драке выбили левый глаз. Уже будучи поэтом Бурлюк не без юмора называл себя «одноглазым сатиром», ходил с моноклем и лорнетом. Тогда же получил прозвище – «полутораглазый стрелец».

В «Вечности номер три» много контекстуальных вещей, которые не так просты, как кажется, и не совсем очевидны простому читателю. Тот же монокль (или его аналоги: лорнет, пенсне и т.д.) – излюбленный аксессуар не только футуристов¹, но и имажинистов², и ничевоков³, и французских дадаистов, сюрреалистов и тесно сотрудничающих с ними русских поэтов Парижа⁴. Вещь – модная и играющая особую роль на изломе 1910-1920-х годов в поэтической среде.

Правда, был похожий аксессуар и у самого Грузинова. Об этом рассказывает Олег Ласунский⁵: «Анна Андре-

}

}

}

.....
¹ Можно вспомнить «Облако в штанах» Маяковского: «... солнце моноклем / вставляю в широко растопыренный глаз».

² Ирина Мягкова в книге «Чужая девочка» (М.: НЛО, 2014) вспоминает одну из встреч с Анатолием Мариенгофом – он был в монокле; Рюрик Ивнев писал: «На станциях выхожу из вагона / И лорнирую неизвестную местность, / И со мною всегдашняя бонна – / Будущая известность...».

³ В.Ф. Степанова вспоминала: «Один маленький «ничевок» в пенсне выступил на юбилейном вечере Маяковского с речью, что Маяковский умер; тогда Володя встает во весь свой рост, вытягивается, стоит некоторое время и садится – гром аплодисментов».

⁴ Об этих поэтах см.: Ливак Л., Устинов А. Авангард русского Парижа. – М.: ОГИ, 2014.

⁵ Ласунский О.Г. Литературные прогулки по Воронежу. – Воронеж: Логос, 1993.

евна Русанова... рассказывала, как мужиковатый на вид Иван Васильевич буквально преображался, когда начинал декламировать. Тщательно зачесанные на лысину волосы тогда лохматились, а в самые патетические моменты на вислый нос торжественно водружалось золоченое пенсне. Оно появлялось там и в тех случаях, когда Иван Васильевич, особенно если он был под хмельком, повествовал о нравах, царивших в кафе «Стойло Пегаса», и о встречах своих с Сергеем Есениным».

То есть текст этот хоть и с выпадами на футуристов, но не без самоиронии.

Другой персонаж пьесы, узнаваемый сразу, – Капитан. Правда, в нём зашифровано сразу несколько футуристов. Это молодой человек, который руководит полётом космического корабля. Как не вспомнить Василия Каменского, одного из первых российских пилотов? У Капитана «в одной руке компас, в другой телескоп, за поясом финский нож».

У Каменского было стихотворение «Эмигрант качается изысканно»¹. Вот небольшой отрывок из него:

У мачты белый капитан
Уперся вдруг в бинокль.
Какой-то пьяный шарлатан
Рисуетя в монокль.

И опять возникает этот футуристический монокль². А образ персонажа этого стихотворения – капитан с биноклем – перекочёвывает в повесть Грузинова. Капитан становится именем собственным, а бинокль – телескопом. Но это и понятно: когда летишь сквозь тьму да к звёздам, необходимо средство помощней.

¹ В.В. Каменский, подборка стихотворений в кн.: «Поэзия большевистских дней». – Берлин: Мысль, 1921.

² Частое использование монокля вызвало критическую реакцию и у Шершеневича ещё в 1916-м году. В статье «Два последних слова» он писал: «Разбейте монокль веков, вревавшийся в тело!»

Тут же вспоминается и Казимир Малевич: «Человек смотрит в телескоп на звезды и забывает, что он сам – звезда». Абсолютно футуристичное и футуристическое высказывание.

Помимо Каменского в Капитане зашифрован и Маяковский. Во-первых, персонаж выглядит очень похоже:

И лысину клонит.
Квадрат как квадрат.
И блеск от квадрата слегка фиолетов.

Во-вторых, так же, как Владимир Владимирович, Капитан громокипяще говорит о новой эпохе:

– Я ваш капитан.
Успокойтесь! – он тихо сказал, –
А это небесный вокзал.
А бросить стишки да и женщин – не плохо.
Такая настала эпоха.
Такая эпоха.
Э–ПО–ХА!

Послесловие

455

∫
∫
∫

Такие диковинные названия, как «Жиркость» и «Плодовина», о которых говорит Капитан, – тоже неслучайны. В типографии при фабрике «Свобода», что входила в трест «Жиркость», были напечатаны «Доски судьбы» Велимира Хлебникова.

Вообще с футуристическим контекстом Грузинов поработал плотно.

Главный персонаж повести – Поэт. За этой маской скрывается, конечно, сам Василий Иванович. Гюстав Флобер говорил: «Мадам Бовари – это я». Вслед за ними мы имеем право высматривать в главных персонажах литературных произведений если не прямое проявление, то хотя бы малейшую тень их автора. В целом же в образе Поэта выведен ещё и собирательный образ типичного крестьянского поэта.

Если же говорить о концепции, то всё довольно просто. Даже удивительно, что есениноведы, которые недолюбливают имажинистов, до сих пор не обратили внимания на «Вечность номер три».

Поэт, пока собирался в космос и пока летел в космическом корабле, тосковал по Земле, по своей деревне, по полям, лугам да животине. Оказавшись в «безвоздушие», понял, что с космическим исследованиями ему не по пути, вырвался из условного¹ шаттла и упал обратно на Землю.

Так поэт-традиционалист вырывается из модернистского дискурса.

Задумка «Вечности номер три» – грандиозная. И текст состоялся бы, имел бы успех и какое-никакое, но признание публики. Если бы был написан не в 1927-м году, а много раньше, когда шла острая борьба футуристов и имажинистов. А так – любопытный документ из творческой биографии Грузинова.

Что же говорил сам поэт? Как объяснял столь позднее появление книги? В предисловии он писал: «Цель автора повести «Вечность номер три» – борьба с упадничеством». Но после разъяснений всё равно не совсем понятна его мотивация.

Владимир Нехотин проясняет ситуацию²: «На единственном (16 июня) допросе поэт «по существу дела показал»: «В феврале 1927 г. я закончил свою поэму «Вечность № 3» и отослал ее в Главлит на просмотр. Главлит ее запретил. Я этим обстоятельством был очень возмущен и говорил, что Главлит оказывает всяческие привилегии одной литературной группе и давит

¹ Т.к. «Вечность номер три» направлена против футуристов, то и используется их инструментарий: весьма условный космический корабль, условные имена персонажей, абстрактные Розовая и Голубая Дама и т.д.

² Нехотин В.В. «Меж свечой и мной»: Известные страницы биографии поэта Ивана Грузинова // Слово: Российский журнал художественной литературы и общественной мысли. – 1999. № 6.

другие (меня, как б<ывшего> имажиниста). В 1921 г. я заявлял, что Лебедев-Полянский не у места, ничего не понимает в литературе и что ему надо держать в руках не перо, а метлу».

Одна литературная группа, которой так возмущается Грузинов, конечно, не футуристы, но РАПП, в котором состояли многие бывшие футуристы.

Более трезвый взгляд был у Вадима Шершеневича¹: «Сейчас трудно, да и, может быть, не нужно, говорить об имажинизме уже по одному тому, что наличие отдельных имажинистов отнюдь не знаменует самый факт существования имажинизма. Имажинизма сейчас нет ни как течения, ни как школы. <...> Борьба между имажинизмом и футуризмом была жестокая. О победе говорить не приходится, ибо побежденными оказались обе школы. Если имажинизм сейчас мертв, то футуризм уже благополучно похоронен. Это произошло в силу объективных причин, лежащих вне поэзии. <...> Теперь сама поэзия пущена в рукопашную. Здесь побеждает уже не мастерство, не точность прицела, не разрыв лиризма, а более крепкий кулак».

У Грузинова был «крепкий кулак», но это ему не помогло. Вслед за претензиями к Лебедеву-Полянскому последовала ссылка в Сибирь.

20

Но что же может скрываться за «пропагандой, направленной в помощь международной буржуазии»? За что выслали поэта?

Первая версия – следствие борьбы Грузинова с Главлитом за повесть «Вечность номер три». Но возникает вопрос: были ли такие возможности у Лебедева-

.....
¹ Шершеневич В.Г. Существуют ли имажинисты? / Шершеневич В.Г. Листы имажиниста: Стихотворения, поэмы, теоретические работы. – Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1996.

Полянского, чтобы натравить компетентные органы на мешающего ему поэта?

Вторая версия – религиозные стихи. Анна Русанова вспоминала: «Папа и мама не спрашивали его, за что он был выслан. Я была менее тактична или более любопытна. Не очень охотно рассказал он мне, что его «взяли» за религиозные стихи, и прочел мне их:

Взойдут втроем и самый древний
В вечнозеленом, тот,
Кого я встретил за деревней
У полевых ворот,
Мне скажет: «Мы не обветшали,
Но вот – осуждены».
И вдруг лучи на складках шали
Заблещут у жены.
А самый юный улыбнется,
В лучах клонясь ко мне,
И на рассвете у колодца
Следы среди камней.

Помню еще две строчки из другого стихотворения:

В третий раз проснулся кочет,
Отрекись – не отрекусь.

Когда я рассказала это папе и маме, папа сказал: «Не понимаю. Написал какие-то стихи, которых никто не читал и не знает – и выслали. Не Лермонтов же он, в самом деле».

Третья версия – всё от той же Русановой. Оказавшись в середине 1930-х в Москве, она познакомилась с Ниной Хабиас. Та ей рассказала о других причинах для ссылки: «Выслали его не за стихи, а за издание её сборника под псевдонимом «Хабиас», составленного из порнографических стихов с неприличным названием и еще более неприличными рисунками на обложке. <...> Она с полным натурализмом объясняла, как «уламы-

вала» Грузинова издать сборник, чего он делать не хотел. Я спросила, почему же в таком случае на высылку отправили издателя, а не автора. Она, словно удивясь, вытаращила на меня глаза и захохотала: «Деточка! Я просто сказала, что мне все это продиктовал Грузинов, а я, как женщина, не разобралась, понятия не имею, что значат все эти слова. И он подтвердил. Поверили!»».

Ещё больше сомнений вносит статья Владимира Нехотина, в которой литературовед максимально подробно разобрал весь алгоритм процесса. В ночь с 10 на 11 июня 1927 Грузинова выпроваживают из дома. Пока поэта везут в участок, в его комнате проходит обыск¹.

В протоколе от 10 июня 1927 года среди изъятых бумаг числятся:

1. Автограф С. Есенина «Отрывок из Пугачева» на 1 листе;
2. Записка С. Есенина к Грузинову на 1 листе;
3. Два письма Есенина к Мариенгофу на 3 листах.

На протоколе расписка производившего обыск сотрудника: «Указанное в протоколе получил полностью». Правда, дальнейшие следы этих рукописей теряются.

16 июня было предъявлено обвинение в «пропаганде, направленной в помощь международной буржуазии».

24 июня уполномоченный Пятого («литераторского») отделения Секретного отдела ОГПУ Константин Григорьевич Гендин выносит следующее заключение: «в 1924 г. Грузинов был арестован СО ОГПУ по делу «Ордена русских фашистов» как соучастник. С момента освобождения из-под ареста Грузинов непрерывно ведет антисоветскую пропаганду, поддерживая тесную связь с контрреволюционным элементом, в присутствии многих лиц заявлял, что теперь большевикам скоро наступит конец <...> На допросе Грузинов отка-

.....
¹ Далее идёт информация из упоминавшейся статьи В.В. Нехотина «Меж свечой и мной».

зался от правдивых показаний, отрицая свою принадлежность к контрреволюционным группировкам».

1 сентября постановлением ОСО при Коллегии ОГПУ высылается в Сибирь сроком на три года. Ссылку поэт отбывал в городе Киренске, что в Иркутской губернии. Пока Грузинов добирается до места назначения, его нагоняет амнистия. 6 ноября, как раз к десятилетию революции, срок сокращают на одну четверть.

Наверное, надо учитывать все три версии – и борьбу с Главлитом, и религиозные стихи, и подпольную типографию, и вообще все старые грешки имажинистского периода. Ещё особый интерес вызывают отрывки, которые вспомнила Анна Русанова – в известных архивах и рукописных собраниях Грузинова этих стихотворений или подобных отрывков не найдено.

21

460

Попробуем же посмотреть на творчество Ивана Васильевича глазами литературного советника при компетентных органах и найти в творчестве поэта контрреволюционную составляющую. Для начала вспомним важное для Грузинова стихотворение (написанное 23 декабря 1924 года):

Пусть другой глядит в грядущие века,
Я хочу сегодня жить.

Ах, дорога ли моя, дорога далека!

Ах, поля бегут без краю и межи!

<...>

Хорошо, что тройку дикую нельзя остановить,

Хорошо, что рвут пристяжки повода,

Хорошо, что есть звериное в крови!

Будь, что будет. Пропадать, так пропадать.

Если поэт не хочет «глядеть в грядущие века», он не хочет идти в ногу со временем, не хочет творить на бла-

го своей отчизны, не хочет трудиться вместе с рабочими и крестьянами.

«Тройку дикую нельзя остановить» – наверное, от гоголевской птицы-тройки производит он свою? Раз он собрался пропадать, значит, считает, что страна идёт не туда? Что ж, значит, «звериное в крови» ему не по нутру? Тогда партия и советская власть сделают всё, чтобы дорога для поэта оказалась далека.

Надо думать, что есть и второе прочтение: стихотворение построено на диалоге с пролетарским поэтом Яковом Бердниковым. К 1924-му году он уже известный поэт, имеющие десятки публикации в газетах и журналах и несколько изданных книг. У него есть стихотворение «Темнеет день, теплом лаская взоры» (1921):

Село, село, мне близкое когда-то,
С пастушьей дудкою и с песней ямщика,
В твоих полях, в малиновом закате
Я вижу новые грядущие века...

Послесловие

461

Если у Бердникова «грядущие века» – под красным стягом, под знаменем революции, то у Грузинова идёт их явное неприятие. Поэт понимает, что с революцией ему не по пути, что «грядущие века» будут строиться на иных принципах. У того же Бердникова есть «Рабочий сонет», в котором прочитываются схожие мысли:

Но шум лесной и жизнь родной природы
Я променял на город, на заводы,
В надежде счастья здесь, – а счастья нет,
Но верю я, что тяжкий труд не долог,
Что с каждым днем редет ночи полог,
Что мысль растет и близится рассвет...

Но Бердников – член Пролеткульта. Неказистость строк ему простительна. Всё придёт с опытом. И заблуждения пройдут. К тому же у него есть стихи, понятные рабочему классу.

А вот с Грузиновым всё намного сложнее. Можно вспомнить ещё одно его стихотворение:

Понял я – пути иного нету,
Всё, что есть, что было – суждено.
И давно сказал себе – не сетуй,
Что песчинкой упадёшь на дно.

Два процитированных выше стихотворения – предельно понятны. «Пропадать, так пропадать» и «песчинкой упадёшь на дно» – вот жизненная программа поэта. Казалось бы, чем ещё может удивить этот поэт? Но обнаружено третье стихотворение – самое странное, самое необычное и несвойственное Грузинову. Он отнёс его в журнал «Красная новь». Называется – «Ночное посещение» (1927). Значится «отрывком из повести». Вот небольшие, но примечательные фрагменты из этого стихотворения:

462

Олеи Демидов

В наше время, как это ни странно,
подавай роман, да иностранный.
Чацкого устами Грибоедов
Сетовал... От прадедов и дедов
Повелось так (Правда, не сродни мне
Знатные прапрадедушки эти, –
Есть теперь у них на белом свете
Правнуки, грустящие о гимне).
С давних пор, точь-в-точь как в наши дни,
На Руси Жанлис и Жомини,
Ричардсон... И званным, и незванным
Рады мы, особенно ж «Гарзанам».

Во-первых, обращают на себя внимание саркастические нотки, которых ранее не наблюдалось в творчестве Грузинова. Что же он хочет сказать? Что не даётся прохода простому поэту? Что общество настолько безыдейно и безвкусно, что требует лёгкие романчики? Но это ещё цветочки, ягодки – впереди. Раз он сам по-

думывает взяться за написание такого произведения, надо поставить вопрос: а не состоит ли Грузинов в связях с «правнуками, грустящими о гимне» и, продолжим мы, грустящими о былом строе, о царе, о капитализме? Наверное, он провокатор, вражеский лазутчик и работает на подрыв культурного поля.

Всё это выглядит довольно странно и двусмысленно.

Само собой, редакция журнала «Красная новь» не стала публиковать это стихотворение. Может быть, кто-то даже довёл – спасибо им! – до сведения компетентных органов о таком поэтическом опусе.

Тем более, что Грузинов устами лирического героя говорит какие-то совершенно буржуазные вещи:

О, кончено! Можно получить
Прибыль, и не малую. Ещё бы!

И поэта даже не останавливается низкопробность этого жанра и такое понятие, как писательская честь. Он пишет:

Но мораль! Писательская честь!
Что потомство скажет про меня!
Нет. Решил. Уж лучше променять
Ремесло священное поэта
На другое.

А дальше что он пишет? Не про наших ли лучших поэтов – Демьяна Бедного и Владимира Маяковского?

Впрочем, выход есть.
Выход есть из положенья. Где-то
Слышал я, что покорить сердца
Можно с одой.

<...>

Пусть они там с одой...

Значимо здесь местоимение «они». Грузинов уже противопоставляет себя рабоче-крестьянскому народу и его первым поэтам. Он проводит чёткую границу: есть «мы» и есть «они».

А заодно и дальше продолжает свои мещанские и буржуазные мечтания:

В оны дни устроился же Тютчев.
Дипкурьером. Вот и мне б в Нью-Йорке,
В Мексике... Дела свои улучшив,
Я б женился на богатой даме.

Словом, если выйти уже из роли литературного советника при компетентных органах, можно сказать, что были «грешки» за Грузиновым. Легко находится в его творчестве довольно серьёзное размежевание с советской действительностью. Если учесть ещё, что поэт постоянно лез на рожон, выделялся, попадал под следствие, а теперь ещё пытался защитить свою книгу «Вечность номер три» от Лебедева-Полянского, то становится понятным: на ссылку в Сибирь он наговорил, написал, натворил. Дальше нужно было только найти повод. Но, как гласит фольклор, был бы человек, а статья найдётся.

22

Но остаётся ещё один довольно важный вопрос: зачем же Грузинов на допросе называет годом своего рождения – 1886 год? К чему? Что это меняло?

Вообще статья 58.15 Уголовного кодекса РСФСР от 1 января 1927 года, по которой был обвинён поэт, предполагает в качестве наказания – «изгнание из пределов Союза С.С.Р. или лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет».

Допустим, он хотел выглядеть постарше: думал, что старика не вышлют из страны. И срок будет короче. Или вообще не будет. Но примерно в это же время вы-

дворили Льва Троцкого. А бывший нарком был много старше Грузинова.

Кажется, ответ на этот экстраординарный вопрос стоит искать в столь же необычном контексте. Не стоит забывать, что Иван Васильевич тесно общался с Сергеем Есениным, Сергеем Клычком и Николаем Клюевым – с теми поэтами, кто был не чужд религиозной мистики.

Грузинову на момент ареста – 33 года. Знаковый возраст – «возраст Христа».

У него также есть три стихотворения – 1925, 1928 и 1932 года – в них Иван Васильевич работает с одной и той же темой: Египет, пустыня, в небе горит путеводная звезда, которая должна привести его к Спасителю. В первом тексте всё подаётся через любовную лирику:

Смуглы плечи. Взор сверкает карий.
Снится мне папирусный Египет.
Не заметил я, склонясь к гитаре,
Что давно бокал последний выпит.

Над песками над зыбучими в пустыне
Ты, звезда ль моя, в малиновом тумане.
У костра зола седая стынет.
Солнце выпито. Звезда моя увянет.

И далее по сюжету появляется цыганка, которая до утра пытается разгадать судьбу лирического героя – ясное дело, судьбу роковую. Стихотворение так и называется – «Цыганка». Может быть, и в биографии Грузинов был подобный эпизод. Только поэту нагадала не милая девушка в перерывах между романсами и танцами, а обычная, с улицы, которая, если не позолотить ручку, плюнет в спину.

И выпало, как водится, тюрьма, сума да дальняя дорога. Единственный приятный момент – возраст, в котором всё это случится. Это хоть как-то объясняло бы заикленность на столь неординарной тематике стихов.

Появляются новые стихи, в которых Иван Васильевич постоянно проговаривает: всё предрешено, всё было известно с самого начала:

Судьба наметила заранее –
Тому уют у кошелька,
И канарейка, и герани,
Тому дорожная клюка.

Второй текст уже лишён прежнего благодушия. Поэту не до романтики. Прошёл арест. Состоялся суд. Идёт ссылка. Под ногами хрустит снег, а у поэта:

Хрустит песок. Звезда сверкает.
Тропа меж диких скал.
Звезда ль ведёт? судьба ль такая?
Забвенья ль я искал?

466

Третий текст – белый стих. Уже говорится не о терниях, а строго о звезде, которая несёт спасение.

И она легка, как одуванчик,
Осиянный пухом золотым,
И близка, совсем близка как факел,
Предо мной несомый великаном...

Может быть, когда Иван Васильевич называл иной год рождения, он пытался отвести от себя удар судьбы? Не 33 года, а почти 40. Но и здесь он прогадал. И прошёл через Киренск и Воронеж, через голод и холод, как душа усопшего проходит 40 дней через препятствия, чтобы прийти на Страшный суд.

Версия, может быть, не очень убедительна. Отсутствуют фактические данные. И всё, на что можно ориентироваться, – это стихи и их филологический анализ. Тем не менее, необходимо привести ещё одно стихотворение – «Гадание на картах» (1935), которое в этой концепции ставит всё на свои места.

Говорит какой-то вздор,
А сама глядит, как птица,
В горы. Месяц серебрится.
Едет рыцарь из-за гор.

Как судьба кренит коня
Великан рукой упрямой,
Держит щит с червонной дамой,
Пику длинную клоня.

Дальний путь, печальный дом
Ведьма дряхлая пророчит.
А из мрака смотрит в очи
Дама с розовым цветком.

И всю ночь томит меня
Тень с цветком моей любимой.
И всю ночь проходят мимо
Тени гор и тень коня.

Здесь и гадалка, и предсказанные тернии, и по-
блоковски прекрасная дама – надо думать, Нина Пе-
тровна Хабиас, которой поэт был очарован всегда, и
взгляд его не менялся, не смотря ни на что. Есть одна
важная деталь – великан. До этого он нёс, как факел,
нёс путеводную звезду. Здесь же у него в руках – «щит
с червонной дамой». Следует вспомнить третью вер-
сию, на которой мы остановились, пытаясь понять при-
чины высылки Грузинова в Сибирь. А это – издание
книги «Стихетты» Нины Хабиас.

К гадалке не ходи, а можно сказать, что мистики, в
том числе и религиозной, было в жизни Ивана Васи-
льевича предостаточно. И не обращать на это внима-
ние – было бы ошибкой исследователя¹.

.....
¹ Здесь можно вспомнить и об одном довольно странном до-
кументе, сохранившемся в архиве Алексея Кручёных. Речь
идёт о рисунке рыцаря в латах и листе с несколькими за-

Пора бы перейти к ссылке. К Иркутской губернии.

2 июня 1928 года уже из Киренска Грузинов предлагал кооперативному издательству писателей «Никитинские субботники» проект своей новой книги «Есенин и московская богема»: «В книге не меньше десяти печатных листов. В художественной форме, в виде хроники, даны наиболее характерные фигуры литературной Москвы с 1918 по 1926 г., а также та среда, в которой живут и действуют поэт и другие люди искусства. Причем каждая мельчайшая деталь – правда¹. Если издательство “Никитинские субботники” изъявит желание выпустить в свет вышеназванную книгу, то я пришлю рукопись».

Из всего вышенаписанного следует, что рукопись уже существует и Грузинов готов выслать ее издательству. Удивляет объём и хронологические рамки. Можно было бы предположить, что позже этот текст был переделан в мемуары «Маяковский и литературная Москва», но объём и хронологические рамки разнятся.

На письме, обнаруженном в РГАЛИ, есть небольшая приписка: «Отвечено 7/VIII. Левин». Ответное письмо пока не найдено. Ни в архиве Грузинова, ни в архиве издательства рукописи нет. Видимо, уже и не обнаружится.

Может быть, её вообще не было? А Иван Васильевич писал в Москву в надежде заработать. Так или иначе, мы теперь об этом не узнаем.

.....
 пиями, сделанными имажинистами – Есениным, Мариенгофом, Шершеневичем, Грузиновым – и рядом близких им лиц. На листе сделана надпись «М`орден имажинеров», под ней – «фамильный склеп» и его рисунок, надгробный крест и подписи всех причастных. Исследователи рассматривают этот исторический документ как игру имажинистов в масонов.

¹ Письмо от 2 июня 1928 г. Благодаря этому письмо у нас есть и адрес, по которому проживал поэт: Сибирь, г. Киренск Иркутской губернии, Советская ул., дом 17.

Интересно же другое. Что было в Киренске? Чем занимался Грузинов? Как зарабатывал на жизнь? Где и кем трудился? С кем общался?

Об этом периоде не написано мемуаров. Поздних автобиографий нет. Рассказов очевидцев не обнаружено. Пересказов друзей и знакомых поэта не имеется. Всё, что мы можем, – проследить за жизнью лирического героя и предположить, что нечто подобное испытывал и сам поэт.

Первое время Грузинов храбрится:

Это мне как раз и было нужно –
Путь. Долины, горы ли, тайга ли –
Всё равно.

Описывает Сибирь, тайгу, реку Лену, города Киренск и Усть-Кут, людей, которые его окружают. Учитывая, что оба города – места ссылки, куда попадают не только за свои политические убеждения, встречается и уголовный элемент.

И это довольно удивительная рифма судьбы: Грузинов, до этого «жихтаривший», в какой-то момент погружается в ту среду, с которой активно заигрывал и язык которой часто использовал.

Знаменательно стихотворение, озаглавленное как «Отрывок» (1934):

<...>
На старике большие пятна –
Он душегуб и конокрад.

В бегах провёл немало лет.
Да и теперь он с «липой» тоже.
Умело держит финский ножик,
Искусно замечает след.

Матёрый каторжник. Но есть
(Помимо сказанного выше)

В нём нечто, чем он жив, чем дышит –
Любовь к опасности и честь.

Да, честь. Коль слово дал кому,
Так слово – слово, уж будьте
Покойнички... я с ним в Усть-Куте
Впервые встретился...

Судя по многим топонимам, появляющимся в стихах, и по частым упоминаниям лошадей, повозок, саней, ямщиков, Грузинов много передвигается по Иркутской губернии. Встречаются в текстах сцены рыбалки и охоты. Поэт вообще ходит часто и много. Изучает окрестности. Каждую мало-мальски приметную деталь обрабатывает в стихах. То домик декабриста, то сплав по реке, по рыбацкую лачугу.

Если до ареста у него было ощущение, что в скором времени наступит смерть или дальняя дорога и только потом смерть, то в Киренске уже появляются иные строчки:

Вот я и на том свете.
Иль это только во сне?
Бледнее бледного сети.
Призрачен тонкий снег.

И это не единственный пример. Смерть кружит округ Грузинова, рядясь в атласный кафтан бесконечных снегов. Он и боится её, и восхищается её убранством, каждый миг стараясь задокументировать свои ощущения в стихах. Рюрик Ивнев, его товарищ по имажинистскому прошлому, уже много позже, в 1980-е годах, успел написать стихотворение, отходя в мир иной. Можно расценивать и прощальные есенинские строчки схожим образом.

Иван Васильевич пишет:

Перед каждым бронзовым сребрится
Мельничка колёсиком шурша.
У лягушки, мельнички и птицы
Тоже есть поющая душа.

Мне и ей, всходившим не однажды,
Эта клеть телесная тесна.
И она, и я томимся жаждой
И самозабвения, и сна.

Помимо прочего, появляются в поэзии Грузинова и буддийские нотки. Их можно было бы расценивать как часть социокультурного поля – поначалу так и было – но поэт спустя десятилетие будет писать в стихотворении «Мария Вечерняя»:

Не двигаться.
Не говорить.
Не дышать.
Пальцем о палец ударишь,
ступишь шаг –
и мгновенно
страшный обвал.

Послесловие

471

∫
∫
∫

Этот мир возник в молчанье.
Без слова он существует.
Здесь слово как взрыв.
Как выстрел.
Скажешь –
и рухнут вершины гор.

Это же знаменитый буддийский коан¹ про хлопок одной ладонью.

Учитель попросила ученика показать хлопок одной ладонью. Юноша серьёзно задумался и ушёл размыш-
.....

¹ Коан часто рассматривают как буддийскую притчу, хотя и с оговорками: у притчи всегда есть мораль, у коана её не может быть.

лять над этой проблемой. Когда он услышал музыку гейш, решил – это оно и есть. Но на следующий день, учитель сказал: «Ты совсем ничего не понял».

Тогда ученик ушёл в тихое место, чтобы не отвлекаться ни на какие звуки. Погрузился в медитацию. Услышал, как капает вода, и решил – это оно и есть. На следующий день он рассказал о своей догадке учителю, но тот лишь ответил: «Попробуй ещё раз».

И в третий раз ученик ушёл медитировать. Какие бы звуки он ни пытался услышать или представить, ничего не получалось. Прошёл целый год. Ученик перебрал все возможные варианты, долго и упорно медитировал и, наконец, когда достиг подлинной медитации понял, в чём состоит казус хлопка одной ладони. Он нашёл учителя и сказал ему: «Я больше не могу собирать звуки, поэтому я вышел на новый уровень и постиг беззвучный звук». И тогда учитель одобрительно кивнул головой. Ученик разгадал его коан.

Вообще коаны рассказываются о людях, которые достигли просветления. Решить такую парадоксальную загадку – невозможно, на неё не может быть ответа. А цель её – заставить человека понять истинную природу вещей. В буддийской практике – это иллюзорность всего сущего и пустота.

Поэтому хлопок одной ладони или, если уже говорить о стихотворении Грузинова, удар пальцем о палец¹ – это уже действие, способное перевернуть мир. Неслучайно же: «Пальцем о палец ударишь, / ступишь шаг – / и мгновенно / страшный обвал». И ещё: «Здесь слово как взрыв. / Как выстрел».

Отсюда же следует логичный вывод:

Иль дыши –
и живи в непроглядном мраке.

.....
¹ Нельзя не вспомнить русский фразеологизм – «пальцем о палец не ударить», который как раз и подразумевает нулевой результат.

Иль не дыши –
да сияет небесный свет.

Да и сам образ горы не случаен. Во-первых, он появляется прямо перед вариацией Ивана Васильевича на знаменитый коан. Во-вторых, наталкивает на мысли о значимой в буддийской космологии горе Сумеру. Название её расшифровывается как «Благая Меру». Из обоих названий уже могла появиться грузиновская «Мария Вечерняя»: и «Меру» – Мария, и «Сумеру» – близкие русскому уху сумерки.

24

Как мы видим, из сибирской ссылки Грузинов возвращается несколько иным человеком – не надломленным, а закалённым, с философским взглядом на мир.

16 августа 1929 постановлением ОСО при Коллегии ОГПУ Грузинов был лишен права на проживание в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе и Ростове-на-Дону (режим «минус шесть»¹). Новым местом жительства ему выпал Воронеж, к которому поэт был прикреплен на три года. Но вместо того, чтобы отправиться прямо туда, он поехал в столицу.

6 ноября Иван Васильевич был обвинён в самовольном приезде. Так значилось в официальных бумагах. На деле же всё было чуть иначе. Поэт обращался в прокуратуру: требовал разрешение на пребывание в городе (сроком на две недели). Надо было бы распродать то, что ещё осталось. Денег не было вовсе. А так получилось бы собрать хоть какие-то крохи.

На допросе Грузинов дал показания: «Заехал в Москву по пути в Воронеж с целью продажи оставшихся на квартире вещей. Ночевал у брата, Грузинова Нико-

.....
¹ У имажиниста Матвея Ройзмана есть роман «Минус шесть», что говорит не только об актуальности этого явления, но и его значимости в среде интеллигенции.

лая Васильевича, 1891 г. рождения, корректора типографии ОГПУ. Также ночевал у знакомого, Новожилова Василия Михайловича, по адресу: 1-й Зачатьевский пер., 6, кв. 2».

В этот раз поэт отделался легко. Уголовного преследования не было. Брат и знакомый не пострадали. Грузинов же в спешном порядке отправился по месту назначения. Но здесь надо остановиться, перевести дыхание и поговорить о трёх людях, близких поэту.

Брат, полный тёзка Гоголя, как вы уже успели заметить, получил хорошее образование. Непонятно кого в корректоры ОГПУ не возьмут. Труды отца не прошли даром. Николай Васильевич вместе со своим братом часто проходил через серьёзные испытания. Арест – одно из них. Будут ещё.

Живёт он, кстати, в доме № 5 по Столешникову переулку. Как перебрался Иван Васильевич в Москву, перевёз и брата. Поэтому, когда Грузинов возвращается по ссылке в столицу, он возвращается домой.

Была ещё и сестра – Бочарова Дарья Васильевна, крестьянка, проживала в дер. Павлицево Можайского уезда. И не чужой Грузинову человек – Василий Михайлович Новожилов. Это был художник, товарищ Александра Осмёркина и Петра Кончаловского, его картины выставлялись в Третьяковской галерее; его отец, как вы помните, основал в Шебаршино школу, в которую ходил Иван Васильевич. Женой Новожилова стала сестра Грузинова.

Анна Русанова рисовала такой портрет художника и Дарьи Васильевны: «Жена художника, крепкая женщина с круглым добрым липом, встретила нас приветливо. Внешне это была простая крестьянка в белой кофточке, темной юбке, фартуке и светлом платочке. Но чувствовалась в ней горделивость и большая внутренняя культура. Сам Новожилов был небольшого роста, с круглой черноволосой головой, спокойный и молчаливый. Глаза у него были ищущие, оценивающие и смотрели так пристально, что становилось не по себе.

Василий Михайлович Новожилов с первой женой,
Полиной Адриановной Новожиловой. 1922 г.

<...> В Кунцево, в лесу, у них был небольшой бревенчатый домик, всего две комнаты: кухня и мастерская. Большая кухня напоминала избу: русская печь, деревянный стол, лавки по стенам, табуретки, посуда на полках, три небольшие окошечка, забранные частыми переплетами — чисто, тепло и светло. Мастерская помещалась через сенцы, очень большая, высокая, наполненная светом окна во всю стену. Кроме мольберта и картин у стен, там ничего не стояло. Под потолком широкие полаты с постелью и к ним деревянная лесенка. На стекле окна художник пробовал краски. В одном углу оно было испещрено круглыми разноцветными пятнами — веселый, яркий узор, особенно, когда в окно светило соллиле. Это был удивительный дом, в котором ничего лишнего не было — ни комнат, ни вещей. Все было рассчитано на спокойный быт и работу художника без помех, на полной свободе».

Когда Грузинову негде остановиться, когда в его жизни возникают какие-то трудности, он всегда может найти приют в кунцевском доме Новожилова или опереться на братское плечо.

Уезжая из столицы, Грузинов пишет такие стихи:

Пенснэ платочком вытер.
Смотрю — скамеек ряд.
Кондуктор и кондитер
О ценах говорят.

Вокзал пустынный гулок.
Томит гранитный гул.
Зачем я в переулок
Знакомый не свернул!

Ведь нужно бы проститься —
Далёк и страшен путь.
Сказать бы ей: «Сестрица,
Прости и позабуди».

Сестрицу здесь мы можем рассматривать с двух сторон. И как сестру Грузинова – Дарью Васильевну, и как вечную возлюбленную Нину Петровну. Учитывая весь контекст творчества, уместней предположить Прекрасную даму. С ней не увиделся поэт, но оставил весточку о себе. И скоро эта весточка приятно аукнется.

25

Перед тем, как отправиться в Воронеж, Иван Васильевич успеваеет написать письмо П.М. Керженцеву. Этот партийный функционер бросался с одного участка политического фронта на другой. Какое-то время имел отношение к Наркомату Просвещения. В основном занимался театром. Имена имажинистов (по крайней мере, Мариенгофа, Есенина и Якулова) ему были хорошо знакомы.

Поэтому, наверное, Грузинов обращается именно к нему: «Платон Михайлович! Как Вам не стыдно – с 1927 г. меня ни за что, ни про что гоняют по тюрьмам, ссылкам и минусам, создают мне атмосферу для самоубийства – а Вы и пальцем не шевельнете. Ведь Вы не можете не знать, что делают со мной, так как об этом знает вся литературная Москва. Какая гадость. Я на Вашем месте поступил бы иначе».

Удивительное письмо! И тоном, и самонадеянностью, и... резолюцией, которую наложил Керженцев: «Кто это такой? Видимо, психически больной?» Если бы «вся литературная Москва» говорила о ссылке Грузинова, до нас бы дошли мемуары, письма, дневники. Но – увы. Скорее, эта фигура речи подразумевает под собой небольшой ряд поэтов: Галина Владычина, Михаил Герасимов, Николай Минаев, Нина Хибиас и, может быть, кто-то ещё.

Что до самоубийства, то говорить об этом трудно. Если и были такие настроения, то точно до ареста

в 1927-м году¹. После – острое желание выжить, пережить случившееся и идти за своей Путеводной звездой и Прекрасной дамой.

Таким образом, в Воронеж поэт попадает ни с чем. Как же он обустроился и где?

В городе была своя группа имажинистов. Т.А. Тернова в своём исследовании пишет: «В 1920-е годы идеи имажинизма пропагандировал А.Ю. Жендзян, он же был участником чтений стихов московских поэтов-имажинистов. Представителями имажинистского движения в Воронеже были также Б. Дерптский (Б.В. Хижинский), Н. Задонский, Каланыч (Н.Н. Григорьев), Б. Ирисов, А. Киров (А.Г. Тихов), состоявшие в Коммунистическом союзе журналистов (Комсожур)».

Может быть, поэт находит поддержку с их стороны? Это было бы логично: всё-таки, во-первых, идеи имажинизма в 1920-е годы отстаивались горячо и во многом применялись как принципы жизни в целом; во-вторых, заезжий московский гость, хоть и опальный, вызывает большой интерес в провинциальной интеллигенции. Но судьба преподнесла поэту сюрприз. Выручает Прекрасная дама. Нина Хабиас через своих знакомых находит приличный дом, в котором могли бы приютить поэта, – это дом семьи Русановых.

И вот в ноябре-декабре 1929 года Грузинов появляется в городе. Анна Русанова даёт такой портрет некогда известного москвича²: «В прихожей стояла фигура в рваном черном тулупчике, неописуемо изношенной меховой шапке и разношенных валенках. Я никак не могла подумать, что это поэт и издатель <...> Вещей у него не было, кроме потертого портфеля, из которого он поспешно начал извлекать «Малиновую шаль» и .....

¹ При желании это можно увидеть в поэзии Грузинова из книг «Избяная Русь» и «Малиновая шаль».

² Русанова А.А. Иван Васильевич Грузинов в Воронеже (1929–1933) и в Москве (1935–1939) // Русановы из века в век. – Воронеж: Издательско-полиграфическая фирма «Воронеж»: Газета «За возрождение», 1996.

какие-то две газеты с его портретом времён «Стояла Пегаса», очевидно, чтобы удостоверить свою личность. Был он небрит, смущен и явно голоден. <...> Сняв тулупчик, он оказался в сильно поношенном синем костюме, давно не стиранной рубашке и в свернувшемся в трубку черном галстуке. Был Грузинов невысокий, коренастый, с узкими плечами и большой головой, обширная лысина на которой прикрывалась зачесом темных жидких волос. Лицо простое, мужицкое, одутловатое. Брови шалашами, глаза маленькие и толстый висячий нос».

Мы видим потрёпанного жизнью человека. Сибирская ссылка далась ему нелегко. Аресты должны были надломить его. Поначалу так и кажется: исхудалый, одет бедно, ни с кем не разговаривает, рукописей своих никому не показывает. Но мы-то знаем: стихи Грузинова после 1927-го года – его лучшие стихи. Киренск дал поэту и тему, и вдохновение, и по-новому преобразил его мастерство.

А что Воронеж? Чем Иван Васильевич занимается на новом месте?

Анна Русанова вспоминала: «Все были моложе Грузинова. Иногда он уединялся за ширмой и там лежал. Первое время, пока он еще не работал, он с утра шел гулять. Мы старались его привлекать в свою компанию. Он не отказывался. Ходил с нами на лыжах, просто гулять, в кино». А ещё ходил на охоту с братьями Русановой, правда, без ружья, просто наблюдал. В кино ходил редко¹, театр не любил.

Чтобы очаровать молодых девушек рассказывал о собратях по перу. Может быть, не очень лестно и где-то перегибая палку, но всегда – правду. Каждой характеристике можно найти конкретный эпизод у других мемуаристов.

.....

¹ Может быть, не ходил в кино, потому что в это время активно шли фильмы по сценариям Мариенгофа и Шершеневича, – не хотел видеть их успех?

Впрочем, судите сами: «Мы не хотели верить, что «Сергея Есенин – кулачок», и что Грузинов не решился бы привести его в наш дом. Мама сразу же выгнала бы обоих за хулиганство. Если бы мы захотели пригласить «матерого мужика Маяковского», надо сначала ободрать все мещанство: занавески, абажуры, портреты Толстого и Чехова, иначе он плюнет и уйдет. А «Ося чокнутый, – как называл он Мандельштама, – Это не Ося, а Надя. Надя его к вам не пустит: слишком много красивых девушек и все моложе Нади. Вдруг Ося посвятит стихи вам или Лидочке. Невозможно. Пастернака он считал юродивым: «Он заговорит вас до смерти, будет бегать за всеми, всем объясняться в любви. Вы сами от него убежите». Мы начинали возмущенно спорить. Он отвечал, приглаживая свой зачес: «Аня, Лидочка, Лизочка! Вы людей не знаете. Знаете только их стихи. А я знаю и самих людей»».

Или ещё хороший пример: «Никола, жуликоватый святитель, – говорил он о Клюеве, – как только начнет разматывать свои онучи, так вы его сами выгоните...».

Потихоньку приходя в себя, Грузинов начинает работать. Русановы сшили ему коричневую блузу, нашли брюки попримличней, рубашку и ботинки, подшили валенки и починил тулупчик. Помогли и устроиться на работу – корректором в газету «Коммуна». Думалось, подходящее место, чтобы начать заново печататься, но Грузинов за всё это время не опубликовал ни одного стихотворения.

Постепенно он съезжает с проспекта Революции и поселяется вместе с другом семьи Русановых – Сергеем Ивановичем (фамилию история не сохранила), преподавателем Сельскохозяйственного института – рядом с СХИ, почти в лесу. Появляются у Грузинова и собственные друзья-товарищи: Владимир Кораблинов и Поль Гавердовский. Это весьма кстати, потому что в но-

вой среде кроме семейства Русановых он был не понят и не принят. Его не знали ни как поэта, ни как издателя. Некогда модное словечко «имажинизм» к 1930-м годам уже поистёрлось и потеряло былую мощь. К тому же не каждый захочет связываться со ссыльным человеком. А семья, принявшая его, хоть и была бесконечно добра к поэту, не всегда могла поддержать его взыскательные литературные интересы.

Анна Андреевна писала: «На работе он был только корректором. Поэтом никто его не считал. Он не делился с нами своими думами, но приходил к нам, как в свой дом. Ходил с моими братьями на лыжах на далекие прогулки и даже на охоту, хотя без ружья. Но внутренний мир его был от нас закрыт. Не могу сказать – был ли он добр, очень умен, образован, любил ли людей».

Мы тоже не можем сказать – только предполагаем и угадываем.

Что же за люди Владимир Кораблинов и Поль Гавердовский?

Последний – обыкновенный ценитель поэзии. Он ничего не писал, но много читал. Его стилизованное на французский манер имя в русском изводе – Ипполит. Уже второй Ипполит в жизни Грузинова: и такой же целеустремлённый, почти энциклопедист. Гавердовский нигде не работал. Видимо, был знатного происхождения. Сидел на иждивении у матери.

Появление его в жизни Грузинова выглядит анекдотически. Русанова вспоминала: «Как-то под вечер он пришел к нам в дом и запинаясь, попросил допустить его к Грузинову. От кого-то из знакомых он узнал, что Грузинов живет у нас. Он просил представить его настоящему поэту и издателю, хотя это величайшая дерзость с его стороны. Иван Васильевич жил в это время в СХИ и мы поехали туда на трамвае. Уже темнело и была сильная метель. Грузинов был дома один и сидел возле стола, собираясь пить чай. Я представила ему Гавердовского, как поклонника его таланта, и быстро ушла, оставив их вдвоем – замершего в безмолв-

ном созерцании Гавердовского и не очень довольного Грузинова. Едва я пришла домой, как меня позвали. В прихожей стояла величественная дама большого роста, толстая, в меховой шубе. Она смотрела неприязненно и громким голосом спросила: «Это вы – Анна Андреевна? Если вы действительно Анна Андреевна, то где мой сын?» Она была мне совершенно незнакома. «А кто ваш сын?» «Как кто!? Поль Гавердовский! Надеюсь, не будете же вы утверждать, что не знаете его, если он пошел к вам, чтобы увидеть какого-то Грузинова. Я думала, что Анна Андреевна – это дама, но если это вы – немедленно позовите моего сына! Я знаю, что он здесь и вы его прячете»».

Что и говорить – очень яркие портреты всех действующих лиц. А Русанова в итоге отвела мамашу в квартиру Грузинова. Прокатила её на трамвае за свои деньги. Та, как водится, с криками и упрёками в адрес Ивана Васильевича увела своего сына домой. Но эта оказия не остудила пыл юного любителя поэзии. А скорее, как и любой запрет, подействовала ровно противоположным образом. Гавердовский стал всё чаще навещать к Грузинову и даже подружился с поэтом.

Другой друг – Владимир Кораблинов, личность куда более интересная. Это был поэт и немного художник, человек весёлый, со вкусом. Когда не пойми откуда сваливались неприятности, он не посыпал голову пеплом. Что ещё нужно?

Родился Кораблинов в семье священника. После революции учился в Воронежских художественных мастерских, а чуть позже успел познакомиться с Андреем Платоновым и Борисом Пильняком.

Заприметив уютный быт Ивана Васильевича и Сергея Ивановича в СХИ, Кораблинов мигом сделал шарж на поэта и преподавателя. Картина называлась «Молодая мать». «Тушью был изображен Сергей Иванович, держащий на руках маленького Грузинова в полосатых носочках с ниточками на носках и в длинной рубашке, – вспоминала Анна Русанова. – В руках – бутылоч-

ка с соской. Сходство было очень большое. Особенно похож был Грузинов, сжимающий в обеих ручках бутылку с прозрачным содержимым. Никто, конечно, на карикатуру не обиделся. Грузинов посмеялся»

Ещё Олег Ласунский в своей работе писал: «Кораблинов посвятил ему шутовское стихотворение. К сожалению, [оно] потерялось, и автор помнил лишь начало своего опуса:

Ходил поэт Иван Грузинов
С тоскою мимо магазинов...

И в такой компании жизнь сама собой потихоньку налаживалась. Вот студенческая и рабочая молодёжь Воронежа запела песню на стихи Грузинова. В сборнике «Малиновая шаль» она так и называется – «Песня». И построена технически и сюжетно, как старинный русский романс. Началось всё, конечно, в узком семейном кругу – с братьев Русановой, а потом «Песня» ушла в народ.

Анна Андреевна вспоминала: «Они пели [стихи] на мотив популярного в то время «Чижовского вальса»: «Милый, купи ты мне шляпу...». С легкой руки моих братьев песня на стихи Грузинова распространилась среди студентов медицинского и лесного институтов, где они учились. Можно было услышать эту песню и просто на вечерних улицах Воронежа! Грузинову это нравилось. Он считал, что песня стала народной, и любил, когда мои братья и их друзья хором исполняли. На прогулке где-нибудь в лесу или на берегу Усманки, лежа на травке, Иван Васильевич просил: «Юра, спойте!» И Юра начинал, слегка в нос, душевным тенором: «Кто мне откроет калитку? / Сад вечеряющий пуст...» Иван Васильевич, лежа на спине, глядел в небо и, помахивая в такт рукой, подпевал. Хор подхватывал во

.....
¹ Ласунский О.Г. Литературные прогулки по Воронежу. – Воронеж: Логос, 1993.

всю силу восьми «необработанных» голосов <...> Иван Васильевич бывал растроган, и песня допевалась до конца».

Но были в воронежской жизни и неприятные моменты.

27

В конце апреля 1931 года семейство Кораблиновых отмечало день рождения Елены Александровны – сестры поэта. Девушке исполнялось 28 лет. Среди прочих гостей был и Иван Васильевич, который читал свои и есенинские стихи. Неожиданно пришли люди из ОГПУ с ордером № 4449 на обыск и арест. Изъяли тетрадки стихов Кораблинова, а его самого арестовали.

Что послужило тому причиной? С чем мог быть связан внезапный обыск? Только ли есенинские стихи тому виной? Думается, в первую очередь сотрудники ОГПУ хотели проверить Грузинова: готов ли он к возвращению в Москву? Срок-то его «минуса» истекал. Три года пролетели быстро. Вдруг поэт написал ещё каких-то крамольных стихов. Или систематически подрывал веру в советский строй у провинциальной интеллигенции. Или буржуазно разлагал её. Чтобы проверить всё это, собственно, и конфисковали тетрадки Кораблинова.

Пока суд да дело, Грузинов, видимо, хочет обезопасить окружающих и поселяется отдельно – снимает комнату в доме улице Освобождения труда. Русановы даже называют его комнатуху берлогой. А с 1932-го года с ним жил другой человек сложной судьбы – художник Феонин. Его тоже выслали из Москвы за написанную картину.

Между тем, Кораблинова активно допрашивают. Шьётся «дело краеведов». Благодаря осведомителям компетентные органы узнали, что в кружке при газете «Коммунна» существует альбом с карикатурами на Сталина. Был такой или нет, доподлинно неизвестно.

И.В. Грузинов.
Рисунок
Г.А. Русанова
(1930)

И.В. Грузинов.
1930-е гг.
(из собрания
Г. Маквея)

Пока не найден. Но, зная историю с шаржем на Грузинова, можно предположить, что такой альбом имелся у Кораблинова.

К тому же на одном из запросов он дал словесное описание рисунков: ««Организатор всех наших побед» стоит в луже крови с жезлом в руке, а перед ним красноармеец в форме ОГПУ отдает честь... «Верный соратник Ленина» в поварском костюме держит на вертеле-штыке подкулачника с надписью «ТКП» (Трудовая Крестьянская партия) и инженера-вредителя с надписью «ПП» (Промпартия); под вертелом огонь, выходящий из форменной фуражки ГПУ... По дороге к пропасти шажком идет капиталист, его бегом обгоняет «вождь мирового пролетариата»; буржуй: «Пожалуйста, я охотно уступаю Вам первенство...» «Знаменосец коммунизма» сидит возницей на коляске, в которую впряжены трое зеков; у среднего хомут в виде цифры «пять» (то есть осужден на пять лет лагерей: популярная тогда мера пресечения для «врагов народа»)».

В итоге коллегия ОГПУ решением от 23 августа 1931 года отправила поэта и художника на 3 года в Мариинск. Там Кораблинов работал на лесоповале. На волю вышел только в ноябре 1933 года. Грузинов к этому времени уже покинул Воронеж.

А что же происходит с творчеством самого Грузинова? Русановым он об этом по первой не говорил. Краснея, заявлял, что завязал с поэзией. Но, конечно, всё было не так. Или не совсем так.

Стихотворений, в которых бы угадывался Воронеж, мы у поэта не найдём. Тот же Мандельштам, который был в ссылке, или Мариенгоф, который приезжал вместе с женой, устроившейся на работу в Драматический театр, вывезли из города память о нём. У одного – «Воронежские тетради», у другого – стихотворение «Нелёгкая, брат, в Воронеж занесла...». У Грузинова же ничего подобного нет.

С ноября-декабря 1929 года и по 1933 год – всё та же рефлексия над сибирской ссылкой, думы о своём пред-

назначении и о Прекрасной даме, египетские мотивы и, конечно, сильное желание вернуться домой в Москву.

Я в раздумье. Минуты как год.
Что же? Войти, как входит тать?
Или же – в битве во имя свободы
Прах и пепел в крови растоптать?

А где дом, там вспоминается и детство.

Как будто детство за холмом.
Взойди на холм. Закат дымится.
И смотрит облачная птица
На старый сад, на старый дом.

И тени шаткие легли
У накрасившегося дома.
О чём-то близком и знакомом
Рассказывают журавли.

Здесь светлых дней моих следы.
И я невольно славословлю
И эту сгорбленную кровлю,
И горечь бедной лебеды.

Мы, опять же, лишены каких-либо документов. Поэтому прибегаем к филологическому анализу. Хочется думать, что мы недалеко от истины.

28

В 1933 году Грузинов возвращается в Москву. В столице его уже давно подзабыли. Многие вехи литературного процесса он не заметил. Было просто не до этого. В первый ряд вступили молодые. Толстые журналы печатают какие-то незнакомые имена. Маяковский застрелился. Об имажинистах – ни слуху, ни духу, как будто их и не было. Схожим образом обстоят

дела и у футуристов. Про мелкие группки и говорить не приходится.

В Столешниковом переулке тоже многое переменялось. У брата – семья. К ним не подселиться – что сесть у чужого очага. Знакомых практически не осталось. А те, что в Москве, ничем помочь не могут.

Грузинов, надо думать, возвращается в Шебаршино. Русанова вспоминала, что Иван Васильевич «жил где-то под Москвой». Встречались они то у двоюродной сестры Анны Андреевны, то у Новожилова в Кунцево, то в метро.

Поэт отлично знал Москву, любил рассказывать о её улочках, доходных домах, церквях и храмах. Водил часто воронежскую подругу в Третьяковскую галерею или в вернисаж на Кузнецком мосту, показывал картины Кончаловского, Новожилова и классиков отечественной живописи.

Водил Анну Андреевну к Лиле и Осипу Брикам. Убивал сразу двух зайцев: и подругу приятно удивил интересными людьми, и договорился с правопреемниками Маяковского о мемуарах.

Когда заходили в Денежный переулок (здесь жила двоюродная сестра Русановой), Грузинов мог рассказывать о бесстрашном террористе Якове Блюмкине, который убил немецкого посла в одном из соседних домов, о его приключениях на Украине и в России, о совместных вечерах в «Стойле Пегаса», о его невысказанной храбрости и столь же необычайной трусости.

Русанова даёт ещё более подробный очерк из жизни Ивана Васильевича: «Работал он в типографии. Ни жизнью, ни работой доволен не был. Очевидно, старая среда не очень ласково его встретила. <...> Когда мы встречались у моей двоюродной сестры Дунаевой в Денежном переулке, часто появлялась жившая в соседней квартире Нина Петровна Оболенская. Трудно было вообразить, что в течение долгих лет Иван Васильевич мог не только преданно ее любить, но и посвящать ей задушевную лирику «Малиновой шали», при

полном её равнодушии и даже презрении. Это была женщина, урожденная княжна, в одном из многих замужеств, княгиня Оболенская, существо с очень тёмной биографией. Высокая, сухоощавая, смуглая, лицом похожая на жабу, сходство с которой увеличивалось вытарашенными глазами за большими стеклами очков и растянутым покрашенным ртом. Постриженная под «бубекопф», с челкой, вызывающе одетая, уже немолодая, совершенно беззастенчивая в речах и поступках, она вызывала временами чувство гадливости и удивления. Грузинова она считала плебеем и гостинодворцем, главным пороком его было «отсутствие элегантности»: он ходит, загребая ногами, сопит, первый вваливается на извозчика или в автомобиль и плюхается с правой стороны от дамы, и не умеет подать пальто».

Чего больше в этих воспоминаниях: правды или ревности? Думается, всего поровну. Да и так ли важно, как выглядит для поэта Прекрасная Дама? Ведь это образ недосыгаемый – и в этом его главная прелесть.

Через ту же Нину Петровну он пытается выйти на старых знакомых. Сохранилось письмо Хабиас-Оболенской к Минаеву: «Милый друг, Николай Николаевич, не только я, но и Анна Ипполитовна, и Иван Васильевич Грузинов были бы рады Вас повидать и поговорить с Вами. Не хорошо так забывать своих друзей»¹. Часто бывает Грузинов в доме поэта Герасимова и художника Кончаловского. Надо думать, что видится и с Рюриком Ивневым.

Продолжает ли писать стихи? Ещё как. И даже надеяться их издать. Составляет два сборника – один в 1939-м году, второй в 1940-м. Частично они пересекаются, но большей частью в них попадают исключительно новые стихи.

Среди любопытных – «Дюманш», «Двое в зелёном» и «Мария Вечерняя». О последнем стихотворении мы уже говорили, поэтому сейчас – о первых двух.

.....
¹ Письмо от 15 марта 1934 года / ГЛМ, Ф. 383, Оп. 1. Ед. хр. 205.

«Дюманш» выглядит как попытка Грузинова если и не ответить на вопрос, то по-своему обрисовать ситуацию, сложившуюся вокруг «Дела Сухово-Кобылина». Известнейший российский драматург был одним из главных подозреваемых в убийстве своей любовницы Луизы Симон-Деманш, приехавшей из Парижа модистки. К делу были подключены многие высокопоставленные особы. Но приговор, который вынес Государственный совет, так и не дал прямого ответа – не назвал убийцу. Этот судебный процесс вызвал колоссальный резонанс в обществе (1850–1857). Сам Сухово-Кобылин написал на этом материале драматургическую трилогию – «Свадьба Кречинского», «Дело» и «Смерть Тарелкина».

С этой трилогией Грузинов мог познакомиться не только в печатном виде¹, но и в театре. В.Э. Мейерхольд ставил пьесы в 1917-м году, а также в 1930-е годы появлялась отдельная инсценировка «Свадьбы Кречинского» (1933).

Другое весьма интересное стихотворение – «Двое в зелёном» – поэтизация хода времени. Лирический герой, наблюдающий степенный приход неких двух существ, одетых в зелёное, – на самом деле наблюдает рост деревьев.

Ассоциации с деревьями не случайны:

Может быть,
вы,
как два великана,
будете вместе стоять на страже
у зелёной могилы моей.

.....
¹ Например, Грузинов мог читать статью Леонида Гроссмана – «Преступление Сухово-Кобылина». Она была напечатана в журнале «Новый мир» – в одном из последующих номеров, после августовского номера, в котором была рецензия на его книгу.

Но это только одно из прочтений. Зелёный цвет в православии¹ – цвет гармонии, предвечный покой. В эти цвета облачались юродивые и подвижники. В этом плане «двое в зелёном» – тени, образы, может быть, ожидания от самого себя каких-то свершений, на которые поэт никак не может решиться.

Что ни говори, а стихи с каждым годом становились у Грузинова всё загадочней и изощрённей. 14 марта 1939 года он отправил письмо в издательство «Советский писатель», в котором предлагал свой сборник к печати: «Рукопись содержит стихотворения, которые нигде до сих пор не были напечатаны. Таких – подавляющее большинство. Исключение составляют несколько стихотворений. Эти несколько стихотворений приводятся здесь потому, что редакция почти всех их существенно отличается от текста, опубликованного раньше. Всего в рукописи 89 стихотворений».

Но поэту отказали.

491

29

Помимо поэзии, как мы уже отмечали, были у Ивана Васильевича и другие планы. Получив одобрение от Лили и Осипа Бриков, он засел за мемуары о Маяковском. Приближалось десятилетие со дня смерти поэта.

Как Грузинов собирался их писать? Ведь он не был хорошо знаком с Владимиром Владимировичем. Видимо, катастрофически нужны были деньги, поэтому Иван Васильевич шёл на хитрости. И собирался писать то, что помнил, описать какие-то историко-культурные анекдоты, а заодно и поведать об остальном московской поэтической богеме.

К Маяковскому Грузинов относился с интересом. Рюрик Ивнев вспоминал такой диалог²:

¹ Вообще для Грузинова семантика цвета всегда играла важное значение: от первой книги «Бубны боли» и вплоть до последних стихотворений.

² Ивнев Р. Богема. – М.: Вагриус, 2010.

– Скажи, Рюрик, – спросил Грузинов после моего рассказа о Маяковском, – он и тогда любил острить?

– Мариенгоф рассказывал, что, когда они встречались, Маяковский острил или пытался.

– Когда он читал стихи, острить не было повода.

– Если все и было так, как рассказывал Анатолий, это происходило потому, что Мариенгоф не пытался говорить с ним просто. Недоразумения происходят оттого, что каждый считает себя выше другого и не разговаривает, а снисходит до разговоров, вот и получается, они стоят как два петуха и ждут момента, чтобы клюнуть друг друга.

– Послать бы их в деревню, там широко, вольготно, всем места хватит.

– Что же ты приехал в город? – Я улыбнулся.

Грузинов ответил:

– Я имел глупость сорвать плод с дерева познания. В городе, конечно, по сравнению с деревней – ад, но ад благоустроенный. И если не так много пищи для живота, для ума – уйма. И потом, я – деревенский, злобы у меня меньше, она не прирожденная, а прилипшая, отмыть ее легче. Я не могу не любить Маяковского-поэта, но мог бы полюбить его как человека, если бы он не фыркал на меня, как кошка на собаку.

– А разве он фыркал?

Ваня ответил:

– Фыркнешь, если по головке не поглядят. Каждый выражает, чем дышит. Разве это плохо? И Мариенгоф хочет, чтобы все дышали, как он прикажет. Возьми, например, Демьяна Бедного. Анатолий забросал его лакированными туфельками. А чем плох мужик? Говорит с народом его языком, не придумывает. Демьян сделал для революции больше всех нас, и это надо помнить. Да и с художественной стороны, если мерить реалистическим аршином, он далеко не плох.

– Но ты его тоже лягнул? – заметил я осторожно.

– Лягаться должны все, без лягания нет литературы, – ответил Грузинов.

Диалог – яркий, пряником из буйный и бурных 1920-х годов – вызывает большой интерес. Такими же должны были получиться и мемуары.

Перед тем, как отправить рукопись, Грузинов отправил в издательство статью. В ответ пришло письмо: «Статья не имеет предмета. Она озаглавлена «Неопубликованные стихи Маяковского», а стихов-то и не оказалось. Нельзя печатать статью, когда она ничего не заключает. Предположения о некоторых эпиграммах малоинтересны. Тем более, что эпиграмм-то и нет. Отклонить. 21/V 41г».

Когда же Грузинов принёс рукопись в журнал «Знамя», отвергли её и там. Сохранился отзыв Тарасенкова от 17 марта 1941: «По своей крайне малой общественной значимости вряд ли заслуживает внимания»¹.

Публикации не состоялось ни в толстом журнале, ни в издательстве.

Дела обстояли всё хуже и хуже.

Ольга Мочалова запомнила поэта в далеко не лучшем виде²: «Грузинов работал редактором учрежденческой стенгазеты. Постепенно он терял зрение. Тон его беседы был спокойный, рассудительный».

Анна Русанова писала: «В конце июня 1942 года он прислал письмо, где писал, что из типографии его уволили, что он работает в аптеке, моет пузырьки и получает продуктовую карточку служащего. Есть ему нечего. Новожиловы из Москвы уехали. Он просил разрешения приехать в Воронеж, в наш дом, где его никто не обижал и так хорошо кормили, в том числе редиской и помидорами... Не было никакой возможности ответить ему. Город бомбили круглосуточно. Немцы стоя-

¹ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Ед. хр. 1062.

² Мочалова О.А. Голоса Серебряного века. Поэт о поэтах. – М.: Молодая гвардия, 2004.

ли близко. 4 июля мы были вынуждены спешно покинуть Воронеж. 6-го в город ворвались немцы».

Чем мог быть занят Грузинов? Немцы подходили к Москве. Если у него оставались силы, он мог копать кунцевский противотанковый ров, который как раз возводился летом и осенью 1941 года. Если сил не было, скитаться по друзьям. Исследователи до сих пор не установили, где и как он умер. В Москве или в Шебаршино?¹

Правда, Анатолий Марков немного проясняет ситуацию²: «В 1969 году, как было упомянуто, мне довелось быть гостем Владычиной, тогда в разговоре о Есенине Галина Леонидовна вспоминала и о Ванечке – так называла она Грузинова. Рассказала о смерти его в 1942 году – умер поэт от истощения на руках Г.Л. Владычиной».

Последнее из уже найденных стихотворений Ивана Васильевича датировано 23 января 1941 года. Забегав в библиотеку им. В.И. Ленина, он подарил рукопись П.А. Попову. Случилось это 25 апреля 1941 года. Вот это стихотворение:

Перестаю различать –
Эти лучи холодны, иль теплы.
Ночь. На столе оплывает свеча.
Чувств несказанных наплыв.

¹ Взять хотя бы воспоминания той же А.А. Русановой: «Скитаясь по дорогам войны, мы ничего, конечно, не знали про Грузинова. Только в 1944 году я приехала в Москву. Моя двоюродная сестра умерла, Оболенская исчезла, Новожиловых в Москве не было. Моя тетка сказала, что, кажется, Грузинов умер. В 1946 году я встретила художника Феонина, но он был так смертельно пьян, что долго не мог меня узнать и сообразить, о каком Грузинове я говорю. Потом подтвердил, что Иван Васильевич умер, но когда и где его похоронили, сказать не мог. Так это и осталось для меня неизвестным».

² Марков А. Магия старой книги. – М.: Аграф, 2004.

Я и свеча. Меж свечой и мной
Хлеб и вино. Из скрестившихся рук –
Знак приглашенья. И тенью ночной
Третий предстанет на светлом пиру.

Я и свеча. За сияньем свечи
Третий. Внимая мольбе и хвале.
Он, затмевая земные лучи
Благословляет вино и хлеб.

В.В. Нехотин полагает, что это стихотворение могло попасть в руки к Борису Пастернаку, который развил его до «Зимней ночи». Что ж, вполне вероятно. Литературный мир мал. Все так или иначе были друг с другом знакомы или, по крайней мере, слышали друг о друге.

Образы в стихотворении Ивана Грузинова и Бориса Пастернака – одни и те же. «Чувств несказанных наплыв» и «скрестившиеся» в первой случае скорее наполнены метафизическим опытом. В то время, как во втором случае «скрещенья рук, скрещенья ног» и «жар соблазна» позволяют говорить о лёгкой эротике.

Было заимствование или нет, покажут новые находки.

Пока же, видимо, Иван Васильевич идёт по натопанной тропинке той судьбы, которую ему напроначала поэтесса Евгения Кунина в стихотворении «Адалис»¹:

Пред Адалис благородной
Двое рыцарей сидят,
Оба смело и свободно
Прямо в очи ей глядят.
Одного зовут Грузинов,
А другой – Сергей Бобров;
Не похожи на грузинов,
Не похожи на бобров!

.....
¹ Кунина Е.Ф. Из неопубликованных стихов // Литературное обозрение. – 1999. – № 4.

Знаменитые поэты!
Написали то и то,
И из них державной Леты
Не изведает никто.

Хочется верить, что настоящее издание его стихотворений позволяет исправить сложившееся положение. Закончить же разговор об Иване Васильевиче Грузинове хочется его стихами. Точней – небольшими отрывками, которые должны бы контрастно выступить со стихотворением Куниной.

Сотни лет пройдут, а я останусь,
Чтобы тлеть в тиши могильной книг.
Прикоснись ко мне, далёкому, устами –
Голову златистую склони.
*(«Сотни лет пройдут, а я останусь»,
2 августа 1925)*

Лишь стихов нетленные эмали
Будут дальним в вечности гореть.
(«Лепестки ли рассыпают, снег ли», 1929)

КОММЕНТАРИИ

Собранные в этом издании тексты стихотворений печатаются по книгам, изданным при жизни автора, – с сохранением книжной редакции, без внесения последних правок 1939-1940-х годов. Перед началом Великой Отечественной войны Грузинов хотел издать два сборника стихотворений. Они хранятся в РГАЛИ в виде рукописных книг. Помимо до сих пор не изданных текстов он обращался к тем, что были напечатаны в ранних книгах. Все его последние правки касаются изменений в одном-двух словах. Иные случаи, когда меняется строфика или переписывается стихотворение заново, учитываются и приводятся в этом издании.

Всего при жизни Грузинова вышло семь поэтических сборников и одна повесть в стихах:

- «Бубны боли» (М.: 1915)
- «Западня снов» (М.: Имажинисты, 1921) 497
- «Роды» (М.: Имажинист, 1921)
- «Бычья казнь» (М.: Имажинист, 1921) }
- «Серафические подвески» (П.: 1922) }
- «Избяная Русь» (М.: Современная Россия, 1925) }
- «Малиновая шаль» (М.: Современная Россия, 1926)
- «Вечность номер три» (М.: Сегодня, 1927)

Помимо этого в книге представлены стихотворения, которые были напечатаны в журнале имажинистов «Гостиница для путешественников в прекрасном», а также в альманахах и коллективных сборниках: «Конский сад», «Золотая кумирня», «Поэзия большевистских дней», «Поэты наших дней», «Сегодня», «Сегодня Русской Поэзии», «Новые стихи», «Коралловый корабль», «Памяти Есенина: Воспоминания, статьи, стихи», «СОПО: Первый сборник стихов», «СОПО: Второй сборник стихов».

Они представлены в рубрике «Из коллективных сборников».

Большая часть стихотворений Грузинова не издана. Всё это хранится в РГАЛИ. Тексты, написанные в сибирской ссылке и во время пребывания в Воронеже, разложены автором по двум поэтическим сборникам: «Стихи» (1939) (РГАЛИ. Ф. 1058. Оп. 1. Ед. хр. 4) и «Стихи» (1940) (РГАЛИ. Ф. 1058. Оп. 1. Ед. хр. 2).

Некоторые тексты, которые стилистически и тематически примыкают к книге «Серафические подвески» можно найти в собрании Н.М. Рудина (РГАЛИ. Ф. 2850, Оп. 1, Ед. хр. 78). Тексты разных лет – в собрании П.А. Попова (РГАЛИ. Ф. 2591, Оп. 1. Ед. хр. 165) и в собственных нераспределённых собраниях Грузинова (РГАЛИ, Ф. 1058. Оп. 1. Ед. хр. 1). В том числе и последнее стихотворение, датированное 23 января 1941-го года.

Все вышеперечисленные тексты воспроизводятся в хронологическом порядке в рубрике – «Неизданные стихотворения».

В РГАЛИ также хранится поэма «Двадцать четыре», но она практически полностью повторяет повесть в стихах «Вечность номер три», поэтому её в данном издании не будет.

Критика и публицистика Грузинова взята из журнала «Гостиница для путешественников в прекрасном», из собранных рецензий на Э.Г. Каминскую (РГАЛИ. Ф. 2713, Оп. 1. Ед. хр. 59), а также представлены книгой «Имажинизма основное» (М.: Имажинисты, 1921).

Тексты мемуарного характера «Есенин» (1926) и «О смерти Есенина» (1926) из альманахов «Сегодня» и «Памяти Есенина» соответственно. Книги «С. Есенин разговаривает о литературе и искусстве» (М.: Современная Россия, 1927) и «Маяковский и литературная Москва» (М.: Московский рабочий, 1990) воспроизводятся по имеющимся изданиям.

Все тексты воспроизводятся по канонам современной орфографии и пунктуации.

СТИХИ

«Бубны боли» (1915)

С. 7. «Бубны боли». *Барбетты* – сооружение, защищающее артиллерийское орудие.

С. 8. «Жернова заржали жаром». *Желонеры (желнёры, желонёры)* – пехотинец, у которого на штыке ружья крепится цветной флажок, по которому можно понять дислокацию батальона или роты.

С. 8. «Рыжий конь». «*Пылая, выплыл из мрака Рыжий Конь*» – «рыжего коня» стоит рассматривать, как и «красного петуха», в качестве метафоры пожара. В преданиях высказывается версия, что пожар был устроен по указанию императора Нерона. Когда Рим был охвачен огнём, он выехал из города, одетый в театральный костюм, и, оказавшись на безопасном расстоянии, начал играть на лире и декламировать поэму о гибели Трои.

С. 9. «Когда безмолвный и покорный...». «... мне снились тени / Казнённых древле христиан...» – Нерон считается первым римским императором, который устроил гонения на христиан, а также – казнь апостолов Петра и Павла.

С. 9. «В час, когда миры, как вихры пыли...». «*Deine weissen Lilienfinger*» – Константин Бальмонт перевел эту строчку как «Твои белые лилии-пальцы».

С. 10. «Вечер пряный...». «*И ревниво нежит шея / Отблеск томного рубина...*» – рубин или красный драгоценный камень появляется в мировой культуре только на полотне Бернардино Луини – «Саломея с головой Иоанна Крестителя». На других картинах и в текстах Саломея предстаёт иначе. Ее образ в предреволюционной России был чрезвычайно популярен. Через писателя Оскара Уайльда и художника Обри Бёрдслея Саломея пришла к Блоку, Бальмонту, Мариенгофу и другим поэтам.

С. 11. «В час, когда бред литаний». *Литания* – в католичестве короткие молебные воззвания, обращённые к Иисусу Христу, Деве Марии или святым.

С. 12. «Трактир». *«Кричит сапожник полупьяный: / “Кры-кыrrrr!.. Аллюриста и смачна!”*» – аллюриста – от слова «аллюр», которое изначально обозначало вид движения, ход движения лошади (рысь, галоп и т.д.); но со временем этот термин стал применим и к людям. Когда говорят о девушке, имеют в виду её грациозную походку. *«Трактирищик закурил “Трезвон”*» – одни из самых дешёвых папирос. За 5 копеек можно было купить 20 штук. Выпускались петербургской табачной фабрикой «Товарищество Ла-ферм». *«“Сухую Корочку”, “Варяга” / Визгливо тянет граммофон»* – обе песни о неминуемой смерти. «Сухая корочка» – о разладе души и тела: «Разойдутся, разведутся – тело вниз, душа наверх, / А я бедный куда денусь, с кем остаться мне навек? // <...> Мне бы с вами, мне бы с вами, хоть на корочке сухой. / Хоть на краешке скамьи – с вами, милые мои!..». «Варяг» – знаменитая песня русско-японской войны: «Прощайте, товарищи! С богом, ура! / Кипящее море под нами! / Не думали мы еще с вами вчера, / Что нынче умрем под волнами».

С. 13. «День Святого Духа». *«Скрип гармоники корявый. / Пересмехи. Из берёзок отголосок: / “Ты, канава! ты, канава!”*» – из русской народной песни «Канава»: «Эх, канава, ты, канава, / Ты, канавушка моя! / Эх, теперь, моя канава, / Едет милый на коне».

С. 15. «Тлели облаков лоскутья синие...». *Наяды* – духи источников вод в древнегреческой мифологии.

С. 16. «Смех твой, Майя, смех певучий...». *Майя* – в индийской философской традиции иллюзорная видимость бытия, скрывающая его истинную природу. К этому образу обращался и Константин Бальмонт в одноимённом стихотворении (1899): «Бешено мчатся и люди и боги... / Майя! О, Майя! Лучистый обман! / “Жизнь – для незнающих, призрак – для йоги, / Майя – бездушный немой океан!”».

С. 19. «Падение». *Рахиль* – в Ветхом Завете жена Иакова. Её сестра *Лия*, о которой также идёт речь в стихотворении, тоже была женой Иакова. Лаван, их отец, обманом выдал сестер замуж. Иаков полюбил Рахиль, но Лаван согласился отдать ему дочь только после того, как Иаков отслужит у него семь лет. По истечении этого срока Лаван под покровом ночи привёл Лию. Наутро Иаков обнаружил подмену. Чтобы получить Рахиль, ему пришлось отработать ещё семь лет.

С. 20. «Челлини». *Челлини (1500–1571)* – итальянский деятель Эпохи Возрождения.

С. 21. «Богатыри». *«Рыдайте, ворота! Вой голосом, город!»* – из Книги пророка Исаяи (стих 14, глава 31). *«Муж мне подал на щите своём стожарном»* – изначально слово «стожары» в древнерусском языке обозначало скопление звёзд в созвездии Тельца. Стожарный щит – значит яркий, блестящий. Ср., как это слово используется у Николая Клюева: «Чтобы сны стожарные / В явь оборотить...»

С. 22. «В ответе». *Беатриче* – муза и возлюбленная итальянского поэта Данте Алигьери.

С. 22. «Содомляне». *«Но если вы неумолимы, / Узнайте дочерей моих...»* – к Лоту пришли два ангела, которые хотели проверить, так ли испорчен Содом, как о нём говорят. Лот пригласил их в дом. Но вскоре пришли содомляне и потребовали вывести к ним гостей. Лот отказал, взамен предложив двух своих девственных дочерей. После уничтожения Содома и Гоморры, единственным человеком, которому удалось спастись, был Лот. Позже его потомки заселили разрушенный город.

С. 23. «Роняют ржавые спицы...». *«Отрешает от ветхой колесницы / Конец Рука Нетленная...»* – многие слова-маркеры (колесница, опалит и пр.) указывают на Илью Пророка и его огненную колесницу.

С. 25. «Лёгкий лёт лукавых лун...». *Лоэнгрин* – герой немецких преданий о короле Артуре, рыцарь Святого Грааля, плывущий в лодке, влекомой лебедями. *Селена* – в древнегреческой мифологии богиня Луны.

«БЫЧЬЯ КАЗНЬ» (1921)

С. 26. «Бычья казнь». *Пялы* – распялка, приспособление с перекладной, на которое можно что-то повесить.

«РОДЫ» (1921)

С. 28. «Роды». В рукописях Грузинова это стихотворение имеет и другое название – «Человек приходит в мир». К нему есть и примечание: «Давно я задумал написать о том, как человек приходит в мир. Первоначально эту прекрасную тему я предложил одной поэтессе. Я послал ей письмо, в котором изложил – как нужно изобразить приход человека в мир. Поэтесса с задачей не справилась. Мне поневоле пришлось взяться за перо самому. Я вспомнил – как повествует о рождении человека «Книга Бытия»: «И вышел Иаков весь красный, держась за пята брата своего». Не ручаюсь за точность: цитирую на память. Я вспомнил также Рембрандта. Итак, при исполнении моей маленькой поэмы мною руководили Рембрандт и Библия». *Ветошка* – старая, ветхая тряпка. *Дух щаной* – щаной – щи. *Потной онучей* – онучи – портянки, которые заправлялись в лапти. *Лепёшкой клёклой* – непропечённой. *На лубочную зыбку* – зыбка – подвешенная кровать.

«ЗАПАДНЯ СНОВ» (1921)

С. 31. «Виясь над хладным серебром...». *Теплынь* – казалось бы, это недавно появившееся в русском языке слово, однако его использовали и Тургенев, и Сухово-Кобылин, и Грузинов, и многие другие русские писатели. *Солнцелень* – У Даньданы в своей диссертации «Традиции фольклора и авангард в поэзии С.А. Есенина 1910-х годов» объясняет это слово принципами имажинистской поэтики: «Шершеневич акту-

ализировал принцип нетрадиционных, неожиданных и в целом случайных связей слов, что нашло широкое применение в поэтической практике, порождало новые и экспрессивные образы с установкой на чрезвычайность и визуальность».

С. 32. «**К оврагу сгрудились оméты...**». *Омёт* – сложенная в кучу солома. *Овин* – строение для сушки снопов. *На прутьях тына* – тын – забор, частокол. *Охра* – жёлтая, оранжевая, красная краска. *Стреноженные кони* – т.е. их ноги связаны путами.

С. 32. «**Мне мучительно долго снится**». *Глаза бырят оранжевую муть* – быреть – краснеть.

С. 33. «**Кремля боярский воротник**». *Чернец* – монах.

С. 34. «**Ни снов ли смутное биенье**». *Повилика* – сорное растение.

СЕРАФИЧЕСКИЕ ПОДВЕСКИ (1922)

С. 35. «**В помадно резеда...**». *Помадня* – она же помадница, коробок для хранения помады. *Резеда* – травянистое растение с конусообразными пахучими соцветиями. *Канцона* – форма любовного стихотворения, наиболее распространённая у трубадуров. *Лобызун* – от слова лобзать – целовать. *Ерник* – в России это название прижилось и для обозначения карликовой берёзы, и для – небольшого колючего кустарника. «*Слюнявит десятиаршинные / Морщины пизд*» – Сергей Бирюков в своей работе «Тело языка и язык тела в русской авангардной поэзии» даёт такой комментарий: «В книге Грузинова “Серафические подвески” 1922 года немало откровенных стихов с глобальными образами (чего стоят хотя бы “десятиаршинные морщины пизд”). Мужские стихи авангардной эпохи вообще насыщены глобалистикой, для них характерны прямые выбросы энергии. Особенно этим отличался стих “красивого, двадцатидвухлетнего” Маяковского. Его

поэма “Облако в штанах” стала настоящим сексуальным взрывом в русской литературе начала XX века». В этом стихотворении Грузинова несколькими строками выше было: «Фальшивым облаком торгуя / Косоворотка / Ночную мусть жуёт как медленную жвачку».

С. 36. «Любовь по бёдрам сонною мокрицей...». *Почеревок* – сальная часть с живота животного. *Миткаль* – неотделанный ситец.

С. 37. «Пока Антихристу не выстриг...». «*Слоновую болеть*» – она же слоновость и элифантиаз. При этой болезни какая-либо часть тела увеличивается за счёт разрастания кожи. *Кострика* – она же костра – жёсткая часть стебля волокнистых растений (льна, конопли и т.д.). *Мятель* – он же мятл – широкая верхняя одежда, напоминающая плащ или мантию. *Сулема* – ядовитый порошок хлорной ртути. Имеет белый цвет.

С. 38. «Монголы». *Аман* – самоназвание монголов. *Кус* – кусок. *Шальвары* – шаровары. *Монисты* – подвески из монет, бус или разноцветных камней.

С. 39. «Почти забыл, как нивы пахнут...». «*Когда жухтрит небесный ржавый серп...*» – жухтрит – от слова «жухторить» – жевать, пережёвывать.

С. 40. «Мужик». «*Подсинькой выкрасили небо...*» – от слова синька – минеральная синяя краска, которая употребляется при стирке белья. «*Оглохший скрип возов...*» – возы – телеги. «*Волоковыми дырами сентябрьская дрожь...*» – волоковыми – от слова волочить, передвигать, при этом русские крестьяне выделяли «волоковые окна» – через которые выходил дым.

С. 41. «Как зноен день и как прохладен творог....». *Повойник* – женский головной убор замужних женщин – полотняная шапочка (часто – с твёрдым очельем), полностью закрывающая волосы. *Картузище* – картуз – мужская фуражка с козырьком.

С. 42. «Из дерева». *Ситник* – ситный хлеб. В словаре Фасмера есть предположение, что было заимствование из греческого языка: «σῖτος» (ситос) – пшеница, хлеб. *Приздынул* – приподнялся. *Китайские орехи* – арахис. *Волоцкие орехи* – они же волошские, грецкие орехи. «*На пряниках аляповато: “Вяз”*» – значит, пряники были из г. Вязьма. *Божница* – киот, полка с иконами. *Восковой венки* – такие венки делали на свадьбу. *Стеклярус* – в данном стихотворении, видимо, бисерное свадебное украшение невесты. «*Из Индии небесной / Весенний караван...*» – издавна Индия для русского человека была сакральной страной. Известны сказания об «Индийском царстве», «Хождение» Афанасия Никитина, «Хождении Зосимы к рахманам» и т.д. Небесная Индия Грузинова, с одной стороны, восходит Небесному Иерусалиму и Афону как «Небесным вратам». С другой стороны, к «Белой Индии» Николая Клюева: «На дне всех миров, океанов и гор / Хоронится сказка – алмазный узор, / Земли талисман, что Всевышний носил / И в Глуби Глубин, наклонясь, обронил...». «*Из застрех в сени каплет лунный воск...*» – застреха – нижний, выступающий край крыши.

С. 45. «Говорят, что ты неумоя...». *Неумоя* – неумойка, неумыва – от слова «умыть»; грязнушка, неряха.

С. 48. «Рыбы». *Уключина* – металлическая двурогая вилка. Применяется для того, чтобы весло плотней упиралось о лодку. *Крушинник* – волчья ягода.

С. 48. «Не всё ли мне равно...». «*Стеклянный век, железный, деревянный...*» – может быть, стоит рассматривать эти строки по аналогии со свадебной тематикой, где «деревянная свадьба» празднуется через 5 лет брака, «стеклянная» – 15, «железная» – 65. *Сошник* – острый наконечник сохи. *Песнь Дамаскина* – преподобный Иоанн Дамаскин – христианский святой, написавший каноны и другие песнопения – Канон Пасхе, Канон Рождеству, «Октоих», «О Тебе радуется...» и другие.

С. 50. «Дичь». *Шпиастр* – он же шпиатр, шпеат (от польского слова «szpeat» – что значит «смесь») – сплав в любых пропорциях меди, цинка, никеля, олова, свинца и железа. *Скусные* – вкусные. *Жеребой* – лошадю. *Пуздры* – в словаре Даля это: «часть брюха у животного ниже пупа».

С. 52. «Хлеб». «Светится медяною повесть...» – повесть – помещение для хранения дровней, корма для скота и хозяйственного инвентаря.

С. 53. «Эту синеву ничем не расплескать...». «Галилей. Да-Винчи. Цеппелин» – учёные, конструкторы, изобретали. Цеппелин – конструктор дирижаблей.

С. 54. «Пастух-июль прилёт в тени леска...». *Жалейка тростниковая* – она же брёлка, сопелка, пишалка – дудочка. *Лопаточник* – навес. *Коленкор* – бумажная ткань. *Копнать* – сгребать сено, собирать его в копны. «Пока над кринкой чванился подойник...» – кринка – она же крынка, кувшин для молока; подойник – ведро, в которое доят.

С. 55. «Заброшен сад. И тень, и плесень...». *Лемяга* – простенок между окнами. *Чуг* – широкий плащ из шерстяного сукна. *Хорь* – хорёк. *Векши* – белки.

С. 57. «Вкруг полей веду крутые межи...». *Межа* – граница, узкая полоса необработанной земли. *Зарница* – всполох, вспышка.

С. 58. «Всё, что мне рассказывали травы...». «На говардовской пером корявым...» – с 1919 года работает бумажная фабрика Fort Howard Paper Company (сегодня – HSPG: Howard Smith Paper Group). *Блузники* – рабочие.

«МАЛИНОВАЯ ШАЛЬ» (1926)

С. 59. «Сумочку-котомочку за плечи повесил...». «Не узнаешь из уютных кресел – / Чем живут, чем дышат на Руси...» – аллюзия на знаменитую поэму Н.А. Некрасова: «Кому живется весело, / Вольготно

на Руси?». *Олеарий* – известный немецкий путешественник, исколесивший Московию и вышедший через Россию в Персию. «*Уж не зря ль ты выдумал, пиита, / Будто б вздёрнута Россия на дыбы!*» – аллюзия на «Медный всадник» А.С. Пушкина: «О мощный властелин судьбы! / Не так ли ты над самой бездной, / На высоте, уздой железной / Россию поднял на дыбы?»

С. 61. «*Все-то ночи, все-то дни в истоме...*». «*На пуховики сквозь тонкий лунный луч...*» – пуховик – подстилка в виде длинного мешка, набитого перьями или пухом.

С. 63. «*Изогнула берёза спину*». «*Ничего не надо в этом мире, / Нет ни обид, ни утрат. / Ясно всё как дважды два четыре, / И никто, никто не виноват*» – аллюзия на стихотворение «Грубым даётся радость» (1923) С.А. Есенина: «Грубым дается радость, / Нежным дается печаль. / Мне ничего не надо, / Мне никого не жаль...».

С. 64. «*Цыганка*». Рубинчик Агнесса Давыдовна (1895–1965), актриса, декламировала стихи советских поэтов, написала воспоминания «Сергей Есенин. Первая встреча».

С. 65. «*Всю-то ночь, ноченьку не спится*». А.Б. – можно аккуратно предположить, что за этими инициалами скрывается Анна Абрамовна Берзинь. Именно её Грузинов пытался сосватать Сергею Есенину, когда понял, что с Надеждой Вольпин у них ничего не получится. Последняя вспоминала: «... друзья Есенина озабочены подыскать ему «сильную подругу», такую, чтоб могла удерживать от пьянства. Сейчас возлагают надежду на Анну Абрамовну Берзину. Во мне Грузинов изверился. И не стесняется обсуждать со мной эти планы!». «*Всю-то ночь, ноченьку не спится...*» – аллюзия на стихотворение «Темна ноченька, не спится» (1911) С.А. Есенина.

С. 66. «*Песня*». Анна Андреевна Русанова (в доме её родителей Грузинова нашёл приют после сибирской ссылки) вспоминала: «Моим братьям особенно нрави-

лись стихи: «Кто мне откроет калитку?» Они пели их на мотив популярного в то время «Чижовского вальса»: «Милый, купи ты мне шляпу...». С легкой руки моих братьев песня на стихи Грузинова распространилась среди студентов медицинского и лесного институтов, где они учились. Можно было услышать эту песню и просто на вечерних улицах Воронежа! Грузинову это нравилось. Он считал, что песня стала народной, и любил, когда мои братья и их друзья хором исполняли».

Также можно отметить сюжетное сходство со старинным романсом «Калитка»: «Отвори потихоньку калитку / И войди в тихий сад, словно тень, / Не забудь потемнее накидку, / Кружева на головку надень».

~
~
~
«Мчались горячие кони, / Пел бубенец под дугой» – аллюзия на знаменитый романс «Бубенцы» Александра Кусикова (музыка В.Р. и Н.Р. Бакалейниковых): «Слышу звон бубенцов издалёка – / Это тройки знакомый разбег, / А вокруг расстелился широко / Белым саваном искристый снег».

С. 72. «Пусть другой глядит в грядущие века...».

Возможно, что стихотворение построено на диалоге с пролетарским поэтом Яковом Бердниковым. К 1924-му году он уже известный поэт, имеющие десятки публикации по газетам и журналам и несколько изданных книг. У него есть стихотворение «Темнеет день, теплом лаская взоры» (<1921>): «Село, село, мне близкое когда-то, / С пастушьей дудкою и с песней ямщика, / В твоих полях, в малиновом закате / Я вижу новые грядущие века...». *Коренник* – лошадь, запрягаемая в оглобли, средняя лошадь в тройке.

С. 76. «Малиновая шаль». «Только ты везде мне будешь снится, / Русь моя, малиновая шаль!» – аллюзия сразу на два стихотворения С.А. Есенина: «О Русь – малиновое поле» («Запели тёсаные дроги...», 1916) и «Уже давно мне стала снится / Полей малиновая ширь...» («Опять раскинулся узорно...», 1916).

С. 77. «Только лодки в утреннем тумане...». *Ветла* – белая ива.

С. 80. Часть первая «Космическая лаборатория». Глава «Пузырёк и порошок». *Сиварь* – сельский житель. *Мужикет* – В.В. Нехотин отмечает, что это в первую очередь интимное прозвище Грузинова, данное Н.П. Хабиас-Оболенской. В альбоме А.Е. Кручёных есть фотография поэта, подписанная Ниной Хабиас: «Душка-мужикет! Хобітка/24 г.» (РГАЛИ. Ф. 1334. Оп. 1, Ед. хр. 1088. Л. 27).

С. 82. Часть вторая «Небесный вокзал». Глава «Куклим». *Фелюга* – небольшое парусное или моторное беспалубное судно. *Шапо* – шапка.

С. 84. Глава «Бюро вечность». «Куда там Дункан или Гельцер!» – Айседора Дункан и Екатерина Васильевна Гельцер – известные танцовщицы. Первая – основоположница свободного танца. Вторая – балерина.

С. 86. Глава «На шушу». «За каждую мумию несколько катек» – катки, катеньки – дореволюционные банкноты номиналом 100 рублей. Сравните с «Магдалиной» А.Б. Мариенгофа: «А я говорю: прячь, Магдалина, любовь до весны, как проститутка “катеньку” за чулок». *Рестораньша* – хозяйка ресторана. «Русское слово» – дореволюционная ежедневная газета. «Речь» – дореволюционная ежедневная газета, орган Конституционно-демократической партии. *Сиамить* – видимо, от «сиамские близнецы», т.е. в значении «действовать сообща», вместе, чуть ли не синхронно. *Берёт на шушу* – шушукается. *Числить за муром* – возможно, от слова «мура» – что-то неважное, глупое. *Концессия* – уступка, разрешение.

С. 87. Глава «Получите с Пушкина». *Калькурируй-те* – считайте, вычисляйте. *Сикомора* – смоковница.

С. 88. Глава «Фирма Фи-Фу». «А? кто там?! / Э... как его... тот, кто горланит... / Про это... Про эти... / По-моему – он захудалый поэтик» – реминисценция на В.В. Маяковского и его книгу «Про это». «И тот, кто прожектик в стихах сочинил – / Крематорий – /

В итоге и он литератор не приткный» – реминисценция на В.Г. Шершеневича и его книгу «Крематорий».

С. 89. Глава «Полевой устав». *Келейка* – келья. *Межушок* – нечто, что нельзя отнести к какой-либо категории.

С. 91. Глава «Дискуссия». *«Ведь был же на свете, который / В компании... Как его... Домби! / И сын»* – реминисценция на Чарльза Диккенса.

С. 93. Глава «Стальное на сером». *«И вот неотвязно знакомый мотив – / «В час роковой»...»* – старинный вальс: *«В час роковой, когда встретил тебя, / Трепетно сердце забилося во мне, / Страстно, безумно тебя люблю, / Был я весь день как во сне...»*

С. 94. Глава «Египет и прочее». *Жихтарить* – жить (из уголовного жаргона).

С. 95. Глава «Двенадцать». *«И этак у ней маркишки...»* – речь идёт о женской груди.

С. 100. Часть третья «Безвоздушье». *Тае* – того (вводное слово).

Встречающиеся дальше слова уголовного жаргона объяснены Грузиновым в предисловии повести.

ИЗ КОЛЛЕКТИВНЫХ СБОРНИКОВ

С. 119. Из поэмы «Можай». Опубликовано в сборнике «Конский сад» (М.: Имажинисты, 1922). *«Как тень, мелькнул Наполеон. / И пыль дорожная кружит / Следы, оставленные Пьером»* – аллюзии на роман «Война и мир» Л.Н. Толстого неслучайны: Бородино находится близ Можайска и родной деревни Грузинова – Шебаршино. *Кивот* – киот, ящичек или полка для икон. *Тропарь* – песнопения в честь православного праздника или святого. *«Мужики несут Миколу»* – несут икону Николая-угодника, покровителя пахарей.

С. 121. «Веер ресниц». Опубликовано в сборнике «Золотая кумирня» (часть 1) (Киев, 1921). *Н.Н. Минаев* – поэт, артист балета. Был знаком с И.В. Грузиновым

вым, С.А. Есениным, В.Г. Шершеневичем и Р. Ивневичем. См. подготовленную А.Л. Соболевым книгу: Минаев Н.Н. Нежнее неба. – М.: Водолей, 2014. *«Вхожу, печальный Дон Жуан»* – аллюзия на «Шаги Командора» А.А. Блока. *Рака* – ковчег с мощами святых.

С. 121. «Шлейф гранитный». Опубликовано в сборнике «Коралловый корабль» (Рязань: Государственное издательство, Рязанское отделение Всероссийского Союза поэтов, 1921).

С. 122. «Ода мне». Опубликовано в сборнике «Коралловый корабль» (Рязань: Государственное издательство, Рязанское отделение Всероссийского Союза поэтов, 1921).

С. 122. «С каждым днём нежнее ветер вешний...». Опубликовано в сборнике «Памяти Есенина: воспоминания, статьи, стихи» (М.: Всероссийский союз поэтов, 1926). *Жнеи* – они же жницы.

С. 124. «Каждый день – туманно ли, светло ли...». Опубликовано во втором сборнике «Новые стихи» (М.: Всероссийский союз поэтов, 1927). *Наталья Кончаловская* – детская писательница, поэтесса и переводчица; дочь художника П.П. Кончаловского, жена С.В. Михалкова, мать А.С. и Н.С. Михалковых. *«Каждый день – туманно ли, светло ли»* – аллюзия на стихотворение «Я полон дум, когда, закрывши вежды...» А.А. Фета.

С. 125. «Суданский зной». Опубликовано в сборнике «Золотая кумирня» (часть 1) (Киев, 1921).

С. 126. «Я весь травяной да медвежий...». Опубликовано в альманахе «Сегодня» (часть 1) (М.: Кооперативное издательство «Сегодня», 1926).

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

С. 133. «Запад золот и ал...». *Хорал* – хоровое исполнение.

С. 133. «Среброкованные святки». Во время святок совершается освящение водоёмов (прудубей, купе-

лей), заканчивается пост – и молодым людям разрешается жениться (начинается малая свадебница). В это же время проводятся и гадания на суженого.

С. 135. «Линялой бичевой легла...». Стихотворение «Линялой бичевой на пустыри легла...» публиковалось в книге «Избяная Русь», но с иным строфикой и с иным окончанием.

С. 136. «Любовь по бедрам розовым лучится...». Стихотворение «Любовь по бедрам сонною мокрицей» публиковалось в книге «Серафические подвески». Новый вариант – подцензурный.

С. 137. «В суглинок илистый...». *Кушак* – пояс из широкого куска ткани или шнура. *Сукманки-сарафаны* – одежда из грубого шерстяного сукна.

С. 140. «Мочёной глине лысынами влипли...». Стихотворение частично повторяет другой текст И.В. Грузинова – «В суглинок илистый...». Но всё же разительно отличается от него – и строфикой, и содержанием. *Гашик* – пояс, которым подвязывают штаны. *Рухлые* – незатянутые. *Пуздро* – брюхо, живот. *Хлизда* – слизь.

С. 141. «Каждым полнолунием...». В.В. Нехотин отмечает, что в этом стихотворении И.В. Грузинов проводит параллели со стихотворениями Н.П. Хабиас-Оболенской из книги «Стихетты». «Новую прессу Богородицу» – «Христос Грузинов Иван», «Узкий крестик плеч» – «Узких плечиков крестик» и т.д.

С. 142. «Ныне Иисусу подрабатывать...». *Шикозно* – шикарно.

С. 146. «В кустарниках стежка тaitся...». *Стёжка* – тропинка. *Курслеп* – лютик. *Красик* – колонок (из семейства куньих). *Крушина* – крушинник, волчья ягода.

С. 146. «Дней сентября минуло восемнадцать...». *Кисея* – легкая прозрачная бумажная ткань.

С. 147. «Можайские стихи». *Раешник* – человек, устраивающий раёк (потешное представление). *Ростова*, *Каратаев* – персонажи романа «Война и мир» Л.Н. Толстого.

С. 150. «Ночное посещение» (отрывок из повести). Стихотворение было найдено в материалах журнала «Красная новь». При жизни И.В. Грузинова опубликовано не было. *Жанлис* – графиня де Жанлис, (1746–1830) – французская писательница, автор сентиментальных романов «Дух» (М., 1808), «Осада Ла-Рошели, или несчастье и совесть» (М., 1808), «Маленькие эмигранты, или переписка детей» (М., 1811), «Альфонсина, или материнская нежность» (М., 1815), «Иоанна французская», историческая повесть (М., 1816), «Петрарка и Лаура» (М., 1822), «Госпожа Мен-тенон» (Орёл, 1825) и других. *Жомини* – барон Генрих Жомини (1779–1869) – обрусевший француз, генерал от инфантерии (1826), писатель, мемуарист. Среди его книг выделяются «Рассуждения о великих военных действиях или критическое и сравнительное описание походов Фридриха и Наполеона...», «Политическая и военная жизнь Наполеона», а также «Очерки военного искусства». *Ричардсон* – Сэмюэл Ричардсон (1689–1761) – английский писатель, родоначальник «чувствительной» литературы. Среди его произведений наибольшую известность получили романы «Памела, или Награждённая добродетель» (1740), «Кларисса, или История молодой леди» (1748) и «История сэра Чарльза Грандисона» (1753). «*Тарзан*» – полное название романа Эдгара Берроуза звучит как «Тарзан, приёмш обезьян». «*Ключи Счастья*» – роман Анастасии Вербицкой (1861–1928). В книге повествуется о сексуальной свободе женщин. Оттого публикация романа наделала много шума в 1909 году. *Салиас* – граф Евгений Салиас-де-Турнемир (1840–1908) – писатель, автор романов «Найденыш», «Братья Орловы», «Волга», «Мор на Москве», «Принцесса Володимирская», «Граф Тятин-Балтийский» и многих других. «*Петербургские труппы*» – авантюрный роман Всеволода Крестовского. «*Заговор императрицы*» – нашумевшая пьеса А.Н. Толстого и П.Е. Щеголева. Появилась в 1925 году и сразу же была поставлена на сцене Мо-

сковского театра «Комедия». Спустя неделю состоялась постановка в Ленинграде – в Большом Драматическом театре. Вскоре «Заговор императрицы» шёл одновременно на шести сценах столицы.

С. 153. «Гривою потряхивает рыжий...». *Хлюстики* – карточная игра.

С. 156. «Ни товарный не гремит, ни скорый...». *Таймень* – рыба из семейства лососёвых.

С. 161. «Нам только б вольность – плыть иль ехать...». «Куда ж нам плыть» – эпиграфом взяты последние слова стихотворения А.С. Пушкина «Осень».

С. 167. «Оглядишь-ка, ширь какая!». *Гать* – дорога через затопленный участок суши.

С. 172. «Из широт – берём какая шире...». *Линней* – Карл Линней, шведский естествоиспытатель (ботаник, зоолог, минералог). Основные работы – «Система природы» (1735), «Роды растений» (1737), «Виды растений» (1753).

С. 181. «Затеплишь свечку – никого...». *Morgenfrüh* – в переводе с немецкого обозначает «раннее утро», «ранним утром», «завтра утром».

С. 183. «День кончен. Ладья у причала...». *Максун* – рыба семейства лососёвых.

С. 184. «Ветхий домик декабриста...». Можно предположить, что Грузинов описывает дом, который находится в исторической части Киренска и в котором, действительно, проживал князь Валерьян Голицын. Он был сыном ярославского губернатора. Воспитывался в петербургских и московских пансионах. Отслужил в Преображенском полку. Был членом Северного общества, за что и был приговорен к вечной ссылке в Сибирь. В Киренске ему выделили дом. Родные содержали молодого князя и вскоре добились его перевода на Кавказ.

С. 191. «Как будто детство за холмом...». *Жерлица* – наживка для ловли щуки, судака, сома, налима и других хищных рыб.

С. 192. «Лесная невеста». «У невесты на груди подснежник. / И бледна она и холодна...» – есть народная

примета, согласно которой наличие в доме подснежников предрекает скорую гибель одного из домочадцев. У Грузинова этот цветок выполняет схожие функции. Отсюда, вероятно, и название стихотворения – лесная невеста – не лешачиха, не кикимора, но русалка.

С. 198. «Отрывок». *«Да и теперь он с «липой» тоже...»* – *липа* – поддельные документы (из уголовного жаргона). *Усть-Кут* – один из первых русских городов в Восточной Сибири; был основан в 1631 году; долгое время являлся местом политической ссылки. Находится сравнительно недалеко от Киренска, куда был сослан Грузинов.

С. 199. «У фонтана». *«Натали, Наташенька, Наталья...»* – предыдущее посвящение Грузинова Наталье Кончаловской и дальнейшее их тесное знакомство (в том числе и в 1934-м году) позволяет аккуратно предположить, что и в этом стихотворении речь идёт об этой поэтессе.

С. 200. «С седых морей, из-за тайги...». *Доха* – шуба до пят, с мехом внутрь и с мехом наружу.

С. 202. «Друзья, о где же, где же вы?». *«Иных уж нет, а те далече»* – строчка из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина: «Но те, которым в дружной встрече / Я строфы первые читал... / Иных уж нет, а те далече, / Как Сади некогда сказал».

С. 206. «Над зыбью водной зыбь ветвей...». *Ненюфары* – водяные лилии.

С. 206. «Сибирь». *Горбыль* – пилёное бревно, доска.

С. 210. «Дюманш». *Дюманш* – Луиза Симон-Дюманш, любовница Сухова-Кобылина. Некогда, будучи модисткой, приехала из Парижа. Со временем стала российской купчихой.

ИМАЖИНИЗМА ОСНОВНОЕ

С. 222. Эвфония – совокупность приёмов звукописи в художественном тексте.

С. 225. *«Ныне / Солнце, как кошка, / С небесной вербы...»* – строки из стихотворения С.А. Есенина «Преображение» (1917), посвящённого Р.В. Иванову-Разумнику.

«На цыпочках день уходит...» – строки из стихотворения А.Б. Кусикова «Тайна исхода» (1919).

«Дрогнет и стучится мне в окно котенок...» – строки из стихотворения А.Б. Кусикова «Котёнок» (<1919–1920>).

«Медленно с окраин ночь...» – строки из поэмы А.Б. Мариенгофа «Слепые ноги» (1919), посвящённой А. Авраамову.

«Как сбежавший от няни детеныш – мой глаз...» – строки из стихотворения В.Г. Шершеневича «Ритмический ландшафт», посвящённого Р. Року.

«Росы шафранной пелена...» – строки из стихотворения И.В. Грузинова «К оврагу сгрудились ометы...» (1920).

С. 226. *«Я, современный поэт, одержим соблазном ока, тем соблазном ока, о котором говорил <...> Уолтер Патер...»* – Уолтер Патер (1839–1894) – английский искусствовед, главный идеолог эстетизма («искусство ради искусства»).

Луиджи Пульчи (1432–1484) – итальянский поэт-гуманист.

Пьетро Аретино (1492–1556) – итальянский писатель эпохи Возрождения.

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

БОРИС ПАСТЕРНАК «СЕСТРА МОЯ ЖИЗНЬ» [Рецензия].

С. 230. *«Как сидит Кавказ за печалью...»* – строки из стихотворения «Памяти Демона» (1917).

«Рядком сквозных, красивых / Трепещущих курсивов...» – строки из стихотворения «Давай ронять слова...» (1917).

«*И песнь небес: «твоя, твоя»...*» – строки из стихотворения «Балашов».

«*Жемчужную шутку Ватто*» – строки из стихотворения «Любимая – жуть! Когда любит поэт...».

«*... на пари / Порыв паров пути...*» – строки из стихотворения «Заместительница» (1917).

«*В волчках волочась за чулками...*» – строки из стихотворения «Степь» (1917).

«*Маяковский, идущий от Курочкина и Минаева...*» – Курочкин Василий Степанович (1831–1875) – поэт-сатирик; Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835–1889) – поэт-сатирик.

«Московский Парнас» [Рецензия].

С. 231. «*Пикассо и окрестности*» – книга И.А. Аксёнова (М.: Центрифуга, 1917). «*Беспорядок дня*» – стихотворение И.А. Аксёнова, помещённое в сборнике.

Пушкин и мы

С. 235. *Лемонте* – Пьер Эдуар Лемонте (1762–1826) – французский писатель, член Законодательного собрания и французской академии.

«*... когда имеем в виду имажинистическую поэзию...*» – обращает на себя внимание прилагательное «имажинистическая» – на протяжении всего существования Московского Ордена имажинистов долго шли споры, как производить прилагательное от названия новой школы: имажинистическая, имажинистская, имажическая, имажная и т.д.

С. 236. «*Город – асфальтовый колокол...*» – строки из поэмы А.Б. Мариенгофа «Развратничаю с вдохновением» (1919–1920). «*Жнецов ли, птиц ли голоса...*» – строки из стихотворения И.В. Грузинова «Ни снов ли смутное биенье», посвящённого Рюрику Ивневу. «*Се изб древесчатый живот...*» – строки из стихотворения «Сорокоуст» (1920) С.А. Есенина, посвящённого А.Б. Мариенгофу. «*... условный воровской язык (блатной)...*» – надо отметить, что, действительно, практиче-

ски все имажинисты обращались к уголовному жаргону. Грузинов – в «Вечности номер три», Мариенгоф – в чередѣ стихотворений и в ряде пьес (как 1920-х годов, так 1940-х). Так в записных книжках Мариенгофа сохранился небольшой словарик: набрать снегу – это украсть белье, невод – решѣтка, плевательница – револьвер, плюнуть – застрелить, под красный галстук – зарезать, поднять паруса – обворовать лавку, подсолнух – золотые часы; и т.д. Часто критики имажинизма отмечали, что в их кафе «Стойло пегаса» собираются преимущественно воры и проститутки, фальшивомонетчики и наркоманы. У Есенина связь с блатным миром продекларирована в стихах: «Я читаю стихи проституткам / И с бандюгами жарю спирт...»

С. 238. «*Сие есть самая великая исповедь...*» – строки из стихотворения «Исповедь хулигана» (1920) С.А. Есенина.

«*Фраза Есенина пародирует известную молитву пред причастьем*» – возможно, Грузинов имел в виду молитву святого Иоанна Златоуста, которая читается священником при выносе чаши: «Верую, Господи, и исповедую, что Ты истинно Христос, Сын Бога живого, пришедший в мир спасти грешников, из которых я первый. Верую также, что именно сие есть пречистое Тело Твое, и именно сия есть честная Кровь Твоя...»

С. 239. «*В письме к Вяземскому...*» – имеется в виду письмо А.С. Пушкина от 1–8 декабря 1823 года (из Одессы в Москву).

«*... будущий академический словарь несомненно может получить из наших книг значительное количество доселе незафиксированных слов и оборотов...*» – у членов петроградского отделения Ордена имажинистов была идея составить подобный словарь и словарь образов.

«*... священное слово служит определением к далеко не священнойму...*» – можно дополнить рассуждения Грузинова и строками из стихотворения «Друзья» А.Б. Мариенгофа: «Стихи глаголет / Ивнев, / Как псалмы, / Псалмы поѣт как богохульства...»

С. 240. «[Пушкин] в заметке о Сильвио Пеллико говорит...» – в критическом обзоре А.С. Пушкин рассматривает книгу Пеллико «Об обязанностях человека» («Новые книги» / «Современник», 1836, т. III)

Сильвио Пеллико (1789–1854) – итальянский писатель.

С. 242. «... готов поверить, что Русь чудесная приснодева...» – отсылка к есенинскому стихотворению «Пришествие» (1917), посвящённому Андрею Белому: «О Русь, приснодева, / Поправшая смерть! / Из звездного чрева / Сошла ты на твердь...»

«Он [Тредиаковский] имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков» – Грузинов цитирует Пушкина (статья о Радищеве «Путешествие из Москвы в Петербург», глава «Русское стихосложение»: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 11. – М.–Л., 1949).

Элоквенция – риторика.

«Я хотел бы отвергнуть рифму и от стиха драматических сочинений...» – из предисловия В.К. Тредьяковского к «Тилемахиде».

С. 243. *Гипербат* – перестановка слова, приводящая либо к простой инверсии, либо к разделению двух членов предложения, обычно связанных друг с другом.

«Красное место! Драгой берег Сенски!» – строки из «Стихов похвальных Парижу» (1728) В.К. Тредиаковского.

«Он красотой зовет, что есть языку вред...» – первые строки стихотворения В.К. Тредиаковского. Грузинов уходит от прямого обозначения адресата этого стихотворения. Литературоведы отмечают, что им может быть и Ломоносов (К.В. Урванцева), и Сумароков (Б.А. Успенский).

«О! коль доблественна сила / Нашу радость украсила...» – строки из оды I «О торжественной сдаче города Гданска» (1752) В.К. Тредиаковского.

С. 244. «Смутно в воздухе / Ужасно в ухе!», «Треск в лесу с Перуна. / И темнеет луна...» – строки из сти-

хотворения «Описание грозы, бывшая в Гааге» (1726–1727) В.К. Тредиаковского.

«Тот, кто направил дул згу...», «А те, кто безумней вдвое...» – строки из поэмы А.Б. Мариенгофа «Слепые ноги» (1919), посвящённой Арсению Авраамову.

С. 245. «Как дождь я словом потеку...» – строки из оды XVIII «Парафразис вторья песни Моисеевы» (1752) В.К. Тредиаковского.

«Тот принес ему гром в руки...», «Облака сжимал рукой...» – строки из стихотворения Г.Р. Державина «На рождение в севере порфиородного отрока» (1779).

«За тучи тянется моя рука. / Бурею шумит песнь...» – строки из стихотворения С.А. Есенина «Преображение» (1917), посвящённого Р.В. Иванову-Разумнику.

«До Египта раскорячу ноги...», «Говорю вам – весь воздух вытью / И кометой вытяну язык...» – строки из поэмы С.А. Есенина «Инония» (1918), посвящённой пророку Иеремии.

С. 246. «Как блеклую суровую холстину / Подсинькой бабы выкрасили небо...» – строки из стихотворения «Мужик» (1922) И.В. Грузинова.

«И зори розовые мыши / Обнюхивают город труп...» – строки из стихотворения «Пока Антихристу не выстриг...» (1921) И.В. Грузинова.

«Не Пинд ли под ногами зрю?», «В крови Молдавски горы тонут...» – строки из оды «Блаженные памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года» В.М. Ломоносова.

«Только звенеть, только хлопать / Тарелками лун: дзин-бах...» – строки из стихотворения А.Б. Мариенгофа «Встреча» (1920), посвящённого Сергею Есенину.

«Сегодня Страстной монастырь из горла выдавлю. / Завтра кухмистерскую...» – строки из поэмы А.Б. Мариенгофа «Слепые ноги» (1919), посвящённой А. Авраамову.

«Красота весны! роза о прекрасна!» – строки «Оды в похвалу цвету розе» (<1735>) В.К. Тредиаковского.

С. 247. «Отнеле ж все, хвалу от удивленной / Ему души со славою гласят...» – строки из оды IV «Похвала ижерской земле и царствующему граду Санкт-Петербургу» (1752) В.К. Третьяковского.

«Из городов в серебряных рек вены...» – строки из поэмы «Анатолеград» (1919) А.Б. Мариенгофа.

«И опустил в утренних облаков гуд...» – строки из стихотворения «Руки галстуком» (1919) А.Б. Мариенгофа.

«Тебя стола вокруг ожидая...» – строки из стихотворения «Приглашение к обеду» (1795) Г.Р. Державина.

«В чешуйчатом флот там серебре...» – строки из стихотворения «Ласточка» (1792, середина 1794) Г.Р. Державина.

«Пленной поэта канарейкой / В клетке луна седая...» – строки из стихотворения И.В. Грузинова.

«Полярной метель сулемы / На асфальтовую кору...» – строки из стихотворения И.В. Грузинова.

«Впрягись в земли оглобли...» – строки из стихотворения «Пантократор» (1919) С.А. Есенина.

«В твой в синих рощах скит...» – строки из стихотворения «О боже, боже, эта глубь...» (1919) С.А. Есенина.

«В долине тишина глубокой...» – строки из оды «Блаженныя памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года» В.М. Ломоносова.

С. 248. «В свирепом как перо огне...» – строки из стихотворения «Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния» (1743) М.В. Ломоносова.

«Все чаще и настойчивей некоторые из имажинистов говорят о романтизме...» – так, например, В.Г. Шершеневич, раздумывая о корнях имажинизма, писал: «Символизм был ближе к пушкинскому романтизму, чем к натурализму. И символизм продолжал жить, перейдя через футуризм, в имажинизме, который питался соком символизма и романтики, резко враждуя с футуризмом. Схематически эти смены шли так: одна линия:

натурализм – футуризм – пролеткультовщина; другая линия: романтизм – символизм – имажинизм» («Великолепный очевидец»).

С. 249. «Отсылаем читателей к статье о Катенине...» – имеется в виду статья А.С. Пушкина «Сочинения и переводы в статьях Павла Катенина» (1833).

С. 250. «Я обманывать себя не стану...» – начальные строки из одноимённого стихотворения (1922) С.А. Есенина.

«Не жалею, не зову, не плачу...» – начальные строки одноимённого стихотворения (1921) С.А. Есенина

«Когда ж придет конец (а он придет, увы)...» – строки из стихотворения «Не нам построить жизнь...» (1922) А.Б. Мариенгофа.

«Мои ли протекут глаза...» – строки из стихотворения И.В. Грузинова «Ни снов ли смутное биенье» (1920), посвящённого Рюрику Ивневу.

522

Конь (анализ образа)

С. 252. «Слово о полку» – единственный памятник древнерусского искусства...» – это утверждение неверно. Скорее всего, его стоит рассматривать как манифестарное и полемическое.

С. 253. «Из рук возницы возжи рвут...» – строки из стихотворения «Колесница» (1793) Г.Р. Державина.

«... над самой бездной, / На высоте, уздой железной / Россию вздернул на дыбы...», «Куда ты скачешь, гордый конь, / И где опустишь ты копыта?» – строки из поэмы «Медный всадник» (1837) А.С. Пушкина.

С. 254. «И за мостом летит на меня, / Всадника длань в железной перчатке / И два копыта его коня...» – строки из стихотворения «Заблудившийся трамвай» Н. Гумилёва.

«... лошадь как лошадь...» – отсылка к В.Г. Шершеневичу: у него был поэтический сборник с таким названием (М.: Книгоиздательство «Плеяда», 1920), и были строки в стихотворении «Принцип басни», посвящённом А.Б. Кусикову: «Закат запыхался. Загнанная лиса.

/ Луна выплывала воблою вяленой. / А у подъезда стоял рысак. / Лошадь как лошадь. Две белых подпалины...»

«В 1825 году Пушкин пишет Вяземскому по поводу перевода басен Крылова на французский язык...» – имеется в виду письмо П.А. Вяземскому, написанное около 7 ноября 1825 года.

С. 255. «*Полно Пушкин в шляпу бздеть, / Пора на голову надеть...*» – этот стишок не выдумка И.В. Грузинова, а зафиксированный фольклором элемент эпохи. В романе «Альбом для марок» (1995) Андрея Сергеева (1933–1998) есть такая запись: «ДНЕВНИК: 23 января 1945 г. Зима. Мимо памятника идет прохожий и говорит: «Полно, Пушкин, в шляпу бздеть, – / Пора на голову надеть!». Вообще в тексте Сергеева собрано много анекдотов про Пушкина. Следом за этой записью идёт ещё одна: «Пушкин играл в прятки и спрятался в куче мха. Его разыскивали, но не нашли, и стали звать: «Александр Сергеевич, где вы?». А он в ответ: «Во мху я! Во мху я!» Все в ужасе разбежались. Рассказал папа».

С. 256. «*Друг мой, друг далекий, / Вспомни обо мне...*» – строки из стихотворения «Облаком волнистым...» (1843) А.А. Фета.

С. 257. «*Я еду в среброспицной коляске Эсклармонды...*» – строки из стихотворения «В коляске Эсклармонды» (1914) И. Северянина.

С. 258. «*... в батистовой сорочке, / На легких дамских каблучках... / <...> Узнав, что рубят мясо в битве, Она садится на коня...*» – строки из стихотворения «На почерневших от крови досках...» (1921) Рюрика Иванова.

С. 258. «*Простую мудрость солнца и телеги...*» – строки из стихотворения «На Оке» (1923) Рюрика Иванова.

С. 259. «*Не уйти из родной конюшни...*» – строки из стихотворения А.Б. Мариенгофа «Встреча» (1920), посвящённого С.А. Есенину.

С. 260. «*Приводит на аркане / В конюшню / Ветрокопытного коня...*» – строки из стихотворения А.Б. Мариен-

гофа «Разочарование» (1921), посвящённого С.А. Есенину.

«*Даже в драме у него – кобылы похороны...*» – имеется в виду пьеса А.Б. Мариенгофа «Заговор дураков», посвящённая С.А. Есенину.

«*... через ритмические ухабы, по черному тракту строк, в блистательной карете головы...*» – строки из стихотворения «Друзья» (1921) А.Б. Мариенгофа.

«*... под визги пьяного галоп сквозь обручи безумных строф...*», «*Седок, ты раб коня, / Ты врос в седло седок...*» – строки из стихотворения «Фонтаны седины» (1920) А.Б. Мариенгофа.

«*Протряс сентябрь – сумрачный возница / По колеям свой жёлтый тарантас...*» – строки из стихотворения «Сентябрь» (1920) А.Б. Мариенгофа.

«*...копытами в небо / Разнузданный конь русский...*» – строки из стихотворения «Толпы, толпы, как неуёмные рощи» (<1919>) А.Б. Мариенгофа.

С. 261. «*Эй! Берегитесь – во все концы / С пожарища алые головни...*» – начальные строки А.Б. Мариенгофа из одноимённого стихотворения, посвящённого В.В. Каменскому.

«*На Млечный Путь / Сворачивай ездок, / Других по округу / Дорог нет...*» – строки из стихотворения «Застольная беседа» (1921) А.Б. Мариенгофа.

«*В полях / Остановил коня...*» – строки И.В. Грузинова из стихотворения «Серебряный и синий / По утру...» (1921), посвящённого С.А. Есенину.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МАНИФЕСТЫ

С. 263. «*... литературные манифесты собраны Н. Бродским и Н. Сидоровым в одну большую книгу...*» – эта книга впервые вышла в 1924 году (М.: «Новая Москва»). Впоследствии перерабатывалась и дополнялась. Издаётся по сей день.

Биокосмизм – направление в российской литературе (и философии) начала 1920-х годов, основными принципами которого были: максимальная свобода лично-

сти, свобода творчества, свобода передвижения в космосе и его покорения, управление временем и материей. Основателями были А. Агиенко (выступал под псевдонимом А. Святогор) и А. Ярославский.

С. 265. *Экспрессионизм* – направление в европейской культуре, в рамках которого автор стремится не столько к воспроизведению действительности, сколько к выражению своего эмоционального состояния. В СССР в 1920-е годы нишу экспрессионизма занял Ипполит Соколов (1902–1974), объявивший о создании новой литературной группы, которая будет «значительно левее футуристов и имажинистов». В группе числились Борис Земенков, Гурий Сидоров, Сергей Спасский, Борис Лапин, Евгений Габрилович, но всеми делами (практика экспрессионизма в поэзии, создание манифестов, выпуск книг) занимался исключительно Ипполит Соколов.

Форм-либризм (формлибризм) – направление в российской литературе 1920-х годов, главным принципом которого было описание в художественных текстах конкретных фактов. В 1922-м году в первом выпуске «Абракса» была опубликована «Декларация формлибризма» Ореста Тизенгаузена, где среди прочего было: «Произведение искусства – конкретный факт. Мерило оценки – ход через технику. Ценность произведения искусства – удовлетворительное расположение материалов».

С. 266. *Люминизм* – направление в российской литературе 1920-х годов, среди основных принципов которого была «объективизация индивидуальности (выхождение за пределы узкосубъективного психологизма)» и «монументальная лиричность (наша лирика это то, что вырубается на граните резцом по бронзе для передачи векам, мы пишем вне сегодняшнего дня)». В группу люминистов входили Вениамин Кисин, Дмитрий Майзельс, Николай Решиков, Тарас Мачтет и Наталья Кугшева.

С. 267. *Фуизм* – направление в российской литературе 1920-х годов, созданное Борисом Перелешиним.

Особых отличительных черт не имело – только неясные ориентиры: «Да будет стадия всеевропейского обезумления трамплином нового прыжка. Штопором куда-то на плоскостях подлинного общения с миром...» и «Завтра еще стихи и – какие-нибудь – теории...»

Ничевоки – поэтическая группа 1920-х годов, не только тесно сотрудничающая с имажинистами в творческих проектах, но и в личном общении. Так, например, был небольшой период отношений Сусанны Мар и Анатолия Мариенгофа. Ориентировались на дадаистов. Среди ничевоков были Рюрик Рок, Борис Земенков, Илья Березарк, Сусанна Мар, Олег Эрберг и многие другие.

С. 268. *Конструктивизм* – в 1923 году конструктивисты создали ряд манифестов и объявили о создании нового литературного течения. Был создан «Литературный центр конструктивистов». Среди участников – Илья Сельвинский, Вера Инбер, Владимир Луговской, Борис Агапов, Корнелий Зелинский и другие. Была провозглашена близость поэзии к «производственной» тематике (среди сборников конструктивистов – «Госплан литературы», «Бизнес» и другие), была сделана ставка на очеркизм, широкое применение «прозаизмов», использование нового размера – тактовика, эксперименты с декламацией.

Ольга Чичагова (1886–1958) – больше известна как автор детской литературы. Вместе с сестрой Галиной (1891–1966) училась в Высших художественных мастерских (ВХУТЕМАС). О себе писали: «Мы начинаем. Самостоятельные художники. Создаём «производственную детскую книгу»» (1922). Среди книг – «Путешествие Чарли», «Откуда посуда», «Детям о газете», «Что из чего», «Каждый делает своё дело», «Для чего Красная армия», «Егор-монтёр» и другие.

С. 269. «*Луңц, он же Гофманский Теодор, хозяин, нежный отец и друг своих братьев...*» – имеется в виду группа «Серрапионовы братья», в которую входили Лев Луңц, Михаил Зоценко, Константин Федин, Николай Тихонов и многие другие.

Эмоционализм – направление в российской литературе 1920-х годов, во многом схожее с экспрессионизмом. В Петрограде поэты издавали альманах «Абракадабра». Лидером группы был Михаил Кузмин.

Кляризм – от слова *clarus* (лат.) – «яркий». Михаил Кузмин выводил это понятие в противовес всему непонятному и туманному в поэзии.

Неоклассики – группа поэтов, которая воздерживалась от экспериментов и ориентировалась на традиционную русскую литературу. Создавалась на основе Всероссийского союза поэтов. В группу входили В. Бутягина, Д. Варлыгин, Н. Захаров-Мэнский, Г. Поповский, П. Терский и другие.

С. 270. *Пролетарские поэты* – поэты, у которых был ориентир на широкие рабочие массы. Во многом ориентировались на имажинистов. Самая многочисленная группа. Среди участников – Михаил Герасимов, Владимир Кириллов, Сергей Обрадович, Илья Садофьев и другие.

С. 271. *«Имажинисты рождают; пролетарские играют роль восприемников...»* – об этом писал и В.Г. Шершеневич («Великолепный очевидец»): «Целый ряд молодых поэтов учился у нас и шёл долгое время с нами, так что, если б это не звучало анекдотически, можно было бы сказать, что не мы, а они были попутчиками. Иногда, открывая сборник молодёжи с маркой Пролеткульта или иного издательства, которое чуралось имажинизма, как огня, мы могли отчётливо указать: это молодой Есенин, это второй Мариенгоф, это ученик Шершеневича».

«Поэзия и РЕКЛАМА»

С. 276. *«Поэтому я считал необходимым поместить <...> небольшую статью: Маяковский в рекламе»* – о написании подобной статьи ничего неизвестно. Однако идея, которую И.В. Грузинов полушутливо выдвигает в своей статье, была взята на вооружение Д.Л. Быковым в книге «Тринадцатый апостол» (М.: Молодая гвардия, 2016).

«ОБ АКТЁРСКОМ ЧТЕНИИ СТИХОВ»

С. 279. *Хмара* – вероятно, И.В. Грузинов имеет в виду Григория Михайловича Хмару (1878–1970), российского актёра, эмигрировавшего в 1922 году.

С. 280. *Эльза Каминская* – Эльза Моисеевна Каминская (1894–1975) – актриса. Читала с эстрады произведения классической и современной ей русской поэзии.

МЕМОУАРЫ

ЕСЕНИН

С. 283. *«Есенин спрашивает книгопродавца, знает ли тот о предстоящей дуэли двух поэтов: Мандельштама и Шершеневича...»* – дуэль в итоге не состоялась: Шершеневич был занят делами, Мандельштам уехал из Москвы. Подробно об этой истории см.: Дроздков В.А. Dum Spiro Spero. – М.: Водолей, 2014: Нерлер П.М. Соп amore: Этюды о Мандельштаме. – М.: НЛО, 2014.

С. 284. *С.Ф. Быстров* – Быстров Семён Федорович (1877–1942), поэт, знакомый имажинистов. В первой половине 1920 года С.А. Есенин и А.Б. Мариенгоф жили у него. Работал Быстров вместе с поэтами в лавке «Московской Трудовой Артели Художников Слова».

С. 285. *«Есенин читает драматический отрывок. Действующие лица: Иван IV, митрополит Филипп, монахи и, кажется, oprичники. Диалоги Ивана IV и Филиппа <...> Не знаю, сохранился ли этот драматический опыт Есенина»* – до сих пор разыскать этот текст не удалось.

С. 290. *«Есенин читает новую поэму “Гуляй-Поле”»* – текст неизвестен.

С. 292. *Поэт Чекрыгин* – Николай Чекрыгин, поэт и художник. Привлекался вместе с братом Петром, Алексеем Ганиным и Борисом Глубоковским по делу «Ордена русских фашистов». Его рисунок лошади по-

мещён в журнале «Гостиница для путешественников в прекрасном».

С. 295. «*Крученых предложил издательству «Современная Россия», в котором я работал, книгу, направленную против Есенина»* – А.Е. Кручёных выпустил несколько подобных книг: «Гибель Есенина» (М.: издание автора, 1926), «Чёрная тайна Есенина» (М.: издание автора, 1926), «Хулиган Есенин» (М.: издание автора, 1926), «Лики Есенина. От херувима до хулигана. Есенин в жизни и портретах» (М.: издание автора, 1926), «Новый Есенин. О первом томе Собрания стихотворений» (М.: издание автора, 1926), «Проделки есенистов» (М.: издание автора, 1926).

С. 296. «*«Напишите это и подпишитесь!»* – *засуетился Крученых»* – литературоведы не единожды отмечали тягу А.Е. Кручёных к собирательству и коллекционированию. В РГАЛИ хранится множество его альбомов с вырезками, автографами известных поэтов и поэтов второго и третьего ряда.

О СМЕРТИ ЕСЕНИНА

С. 308. «*Все, наконец, / Зажглось, горит, горит и прогорает»;* «*...но будешь добр и будешь / В одной из звезд...*» – строки из стихотворения «Тленность». И.В. Грузинов ориентируется на перевод В.А. Жуковского.

«*С земли на незримую сушу / Отчалить и мне суждено...*»; «*О, пусть они, те, кто во мгле / Нас пьют лампадой в небе...*» – строки из стихотворения «Пантократор» (1919) С.А. Есенина.

С. 309. «*Ставил я на пиковую даму, / А сыграл бубнового туза...*» – строки из стихотворения «Сочинитель бедный, это ты ли...» (1925) С.А. Есенина.

С. 310. «*«Дама ваша убита», – сказал ласково Чекалинский...*» – отрывок из повести «Пиковая дама» (1834) А.С. Пушкина.

С. 311. «*Бей! – кричат...*» – строки из сказки «Красный карбункул» Гебеля (в переводе В.А. Жуковского)

С. ЕСЕНИН РАЗГОВАРИВАЕТ О ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

С. 313. *«Есенин увлекается Меем»* – Лев Александрович Мей (1822–1862) – поэт, переводчик, прозаик.

С. 325. *«Я начинаю работать над Решетниковым...»* – намерение С.А. Есенина не осуществилось.

С. 326. *«Хочу организовать журнал. Буду издавать журнал...»* – С.А. Есенин думал издавать журнал «Россияне», но издание не осуществилось.

С. 331. *«Как родная меня мать / Провожала. Тут и вся моя родня / Набежала...»* – строки из популярной песни «Проводы» (1918) (музыка народная, стихи Демьяна Бедного).

МАЯКОВСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНАЯ МОСКВА

530

С. 338. *«А из сигарного дыма ликерною рюмкой / вытягивалось пролитое лицо Северянина...»* – строки из поэмы «Облако в штанах» (1914–1915) В.В. Маяковского.

С. 339. *«Будем лопать пустоту, / Высоту и долготу...»* – строки из стихотворения «Из Артюра Рембо» (1913) Давида Бурлюка.

С. 344. *«Это были Сергей Спасский, Сергей Заров и Галина Владычина».* *Сергей Спасский* – поэт, примыкавший то к имажинистам, то к футуристам, то к пролеткультовцам. В издательстве «Водолей» вышел его сборник «Всадник. Неудачники (две книги из собрания Василия Молодякова)» (М., 2016). *Сергей Заров* – поэт, входил во Всероссийский союз поэтов. *Галина Владычина* – поэт, публиковалась с имажинистами, жена Бориса Земенкова.

С. 347. *Василий Казин* – пролетарский поэт, основатель литературной группы «Кузница».

С. 349. *«Кое-кто из московских поэтов был знаком с их журналом «Гиперборей»...»* – «Гиперборей» – ежеме-

сячник стихов и критики, издававшийся в 1912–1913 годах в Петербурге. Вышло всего десять номеров. «Гиперборей» был органом «Цеха поэтов», но наряду с «цеховиками» (Гумилёв, Мандельштам, Ахматова, Городецкий) печатал Блока, Кузмина, Клюева, Эренбурга.

С. 351. «...наименование «СОПО» красуется на первом коллективном сборнике стихов Союза поэтов, изданном в 1918 году...» – Грузинов ошибается: первый сборник СОПО, где кроме Грузинова участвовали Рюрик Ивнев, Сергей Буданцев, Иван Аксенов, Сергей Бобров, Андрей Белый, Валерий Брюсов, Фёдор Сологуб и многие другие, – вышел в 1921 году. Это устанавливается по выходным данным: «РСФСР, четвертый год первого века».

С. 353. «В России тягостный царизм / Скатился в адский люк...» – строки из стихотворения «Я на барьер слегка прилег, / Встречая вихрь течений...» (1918) В.В. Каменского.

С. 357. «Так на холсте каких-то соответствий / Вне протяжения жило лицо...» – строки из стихотворения «Бобэоби пелись губы...» (1908–1909) В. Хлебникова.

С. 373. «...Маяковский преподнес Кусикову книгу «Всё»...» – имеется в виду сборник «Всё, написанное Владимиром Маяковским» (1919). Существуют и другие свидетельства. На книге «Человек» (М.: АСИС, 1918) Маяковский сделал надпись: «К чему спорить из-за вкусов и из-за кусиков, пусть одному нравлюсь я, а другому Кусиков. В. Маяковский» (Опубликовано библиофилом А.Ф. Марковым в книге «Магия старой книги: Записки библиофила» – М.: Аграф, 2000).

С. 3779. «А потом вошел в жилище. / Раскидал кругом порога / Всю хозяйственную утварь...» – строки из «Песни о Гайавате» Генри Лонгфелло.

С. 382. «После 1922 года группа ничевоков стала заметно хиреть и разваливаться...» – Матвей Ройзман так описывал распад ничевоков («Всё, что помню о Есенине»): «Группа ничевоков просуществовала около

трех лет, а исчезла буквально за тридцать минут. В начале 1923 года заседало правление Союза поэтов, вопросов было много. Около одиннадцати ночи представитель ничевоков Рюрик Рок спохватился, что опаздывает в гости, извинился и выбежал из комнаты. Когда после заседания мы собрались расходиться, кто-то обратил внимание на туго набитый портфель, лежащий на подоконнике. Чей он? Никто на этот вопрос ответить не мог. Тогда председатель ревизионной комиссии открыл портфель и извлек оттуда хлебные, продуктовые, промтоварные карточки, ордера на готовую обувь, головные уборы, мужскую и женскую одежду. Все дело объяснили вторые печать и штамп Союза (первые хранились под замком в ящике письменного стола в комнате президиума). Стало ясно: Рок заказал штамп и печать, подделал подпись председателя Союза (в тот год им был И.А. Аксенов) и написал требования на всевозможные карточки и ордера. Он мог сбыть их на Сухаревке. Председатель ревизионной комиссии позвонил по телефону в уголовный розыск, оттуда приехали оперативные работники, составили акт, захватили с собой портфель. Той же ночью Рюрик Рок был арестован, и группа ничевоков распалась».

БИБЛИОГРАФИЯ

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ:

- Бубны боли. – М., 1915.
Имажинизма основное. – М.: Имажинисты, 1921.
Бычья казнь. – М.: Имажинист, 1921.
Роды. – М.: Имажинист, 1921.
Западня слов. – М.: Имажинисты, 1921.
Серафические подвески. – П.: 1922.
Избяная Русь. – М.: Современная Россия, 1925.
Малиновая шаль. – М.: Современная Россия, 1926.
С. Есенин разговаривает о литературе и искусстве. – М.: Современная Россия, 1927.
Вечность номер три. – М.: Сегодня, 1927.

ПУБЛИКАЦИИ В ПЕРИОДИКЕ:

- «Веер ресниц», «Суданский зной» / Золотая кумирня. Часть 1. – Киев: Золотая кумирня, 1921. }
«Веер ресниц», «Суданский зной» / Поэзия большевистских дней. – Берлин: Мысль, 1921. }
«Ода мне», «Шлейф гранитный» / Коралловый корабль: Стихи. – Рязань: Государственное издательство, Рязанское отделение Всероссийского Союза поэтов, 1921.
«Ситцевый полог чуть колыхнулся...» / «СОПО»: первый сборник стихов. – М.: Всероссийский союз поэтов, 1921.
Из поэмы «Можай» / Конский сад (Вся банда). – М.: Имажинисты, 1922.
«Весенней пахнет сосной...», «На асфальте вспомнил соты и гвоздики...» / Поэты наших дней: Антология. – М.: Всероссийский союз поэтов, 1924.
«Мужик» / Сегодня Русской Поэзии. – Нью-Йорк: Китоврас, 1924.
«Осень. Глушь. Шагаю наугад...», «С каждым днем нежнее ветер вешний...», «О смерти Есенина» / Памяти Есенина: Воспоминания, статьи, стихи. – М.: Всероссийский союз поэтов, 1926.

«С. Есенин разговаривает о литературе и искусстве», «Я весь травяной, да медвежий...» / Сегодня: Альманах 1-й. – М.: Кооперативное издательство «Сегодня», 1926.

«Есенин» // Сергей Александрович Есенин. Воспоминания. – М.–Л.: Госиздат, 1926.

«Вечность номер три»: отрывки из поэмы / Сегодня: Альманах 2-й. – М.: Кооперативное издательство «Сегодня», 1927.

«Н. Кончаловской» / Новые стихи. – М.: Всероссийский союз поэтов. 1927.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ:

«Маяковский и литературная Москва» / «Мой век, мои друзья и подруги». – М.: Московский рабочий, 1990.

«Зыбь пыльной пелены...», из поэмы «Можай», «Виясь над хладным серебром...», «Веер ресниц», «Русь», «Бычья казнь», «Ситцевый полог чуть колыхнулся...», «Из дерева», «На асфальте вспомнил соты и гвоздики...», «Линялой бичевой на пустыри легла...», «Дичь», «Хлеб», «Пастух июль прилёт в тени леска...», «К сердцу седина. Любимой на ресницы...», «Вкруг полей веду крутые межи...», «В тумане кони потанули...», «Сумочку-котомочку за плечи повесил...» / Поэты-имажинисты. – СПб.: Петербургский писатель, 1997.

«Зыбь пыльной пелены», «Русь», «Бычья казнь» / Поэзия Серебряного века. – М.: Эксмо, 2004.

«Зыбь пыльной пелены», из поэмы «Можай» / Поэзия узников ГУЛАГА. – М.: Материк, 2005).

«Примитив», «Смех твой, Майя, смех певучий...», «Полночный чай, уснули звуки...», «Амулет», «Дьяволятки голенькие, хилые...», «Жернова заржали жаром», «Веер Венеры», «Мне мучительно долго снится...», «Нужда петлю плетёт тугую...» / Сонет Серебряного века: В 2 т. Т. II. – М.: Центрполиграф, 2005.

«Есенин», «С. Есенин разговаривает о литературе и искусстве» / Живой Есенин. – М.: Амфора, 2005.

«С. Есенин разговаривает о литературе и искусстве» / Сергей Есенин глазами современников. – СПб.: ООО Издательство «Росток», 2006.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

- 1893 – родился в Шебаршино
- 1912 – появляются первые стихотворения в серьёзном «толстом» журнале «Хмель».
- 1915 – выходит первая книга стихов «Бубны боли», Грузинов служит писарем в запасном полку в Коломне, а потом – на Юго-Западном фронте.
- 1917 – приезжает в Москву.
- 1918 – принимает участие во многих литературных обществах «Вольные мастера», «Молодая Россия», «Желтый дом», «Секта поэтов», «Литературный особняк», к середине будущего года становится имажинистом, а спустя ещё несколько лет – секретарём Всероссийского союза поэтов.
- 1922, февраль – Грузинова вывели из состава членов Всероссийского Союза поэтов – на год (а Хабиас – на полгода) – за публикацию книги «Серафические подвески».
- 6 апреля – Грузинова и Хабиас арестовывает ГПУ: за бесцензурное издание их книг под фиктивной маркой.
- 16 июня – Грузинов и Хабиас были освобождены под подписку о невыезде
- 1924, август – появление нового издательства «Современная Россия»
- 1924, сентябрь – Грузинов совместно с Есениным печатает письмо о роспуске Московского Ордена имажинистов.
- 1927 – новый арест, причина: «пропаганда, направленная в помощь международной буржуазии». Ссылка в Киренск.
- 1929, 6 ноября – последовал четвертый и последний арест Грузинова – по обвинению в «самовольном приезде в Москву без к тому оснований, т.к. лишен права проживания в 6 пунктах».
- 1929, зима – перебрался из Киренска в Воронеж.
- 1933 – перебрался из Воронежа в Москву.
- 1942 – умер от голода. Могила до сих пор не найдена.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1910–1941

БУБНЫ БОЛИ

	Бубны боли.....	7
	Жернова заржали жаром	8
	Рыжий конь.....	8
~	«Когда безмолвный и покорный...»	9
~	«В час, когда миры, как вихри пыли...»	9
~	«Вечер пряный...»	10
	«Позлащённых крыш сосульки хрупкие...»	11
	«В час, когда бред литаний...»	11
536	Примитив.....	12
	Трактир.....	12
	День Святого Духа.....	13
	«Средь безграничного простора...»	14
	«Тлели / Облаков лоскутья...»	15
	«В час багряного заката...»	16
	«Смех твой, Майя, смех певучий...»	16
	«Дьяволятки голенькие, хилые...»	17
	«Зыбь пыльной пелены...»	17
	Амулет	18
	«Полночный час. Уснули звуки...»	18
	Падение	19
	«Поэты / Пленяющие радужностью музыки...»	20
	Челлини.....	20
	Богатыри	21
	В ответе	22
	Содомляне	22
	«Роняют ржавые спицы...»	23
	Веер Венеры.....	24
	«Лёгкий лёт лукавых лун...»	25

БЫЧЬЯ КАЗНЬ

Бычья казнь.....	26
------------------	----

РОДЫ

«Ситцевый полог чуть колыхнулся...».....	28
--	----

ЗАПАДНЯ СНОВ

«Серебряный и синий...»	30
«Виясь над хладным серебром...».....	31
«К оврагу сгрудились омёты...»	32
«Мне мучительно долго снится...»	32
«Кремля боярский воротник...»	33
«Ни снов ли смутное биенье...»	34

Собрание сочинений

537

СЕРАФИЧЕСКИЕ ПОДВЕСКИ

«В помадню резеда...»	35
«Любовь по бёдрам сонною мокрицей...»	36
«Пока Антихристу не выстриг...»	37

ИЗБЯНАЯ РУСЬ

Монголы.....	38
«Почти забыл...»	39
Мужик	40
«Как зноен день и как прохладен творог...»	41
Из дерева.....	42
«На асфальте вспомнил соты и гвоздики...»	44
«Говорят, что ты неумоя...»	45
«Линялой бичевой на пустыри легла...».....	45
«Отроком ты был золотоглазым...»	46

«Мне сегодня вечер целый...».....	47
Рыбы.....	48
«Не всё ли мне равно...».....	48
Дичь.....	50
«Нужда петлю плетёт тугую.....».....	51
Хлеб.....	52
«Эту синеву ничем не расплескать...».....	53
«Пастух-июль прилёт в тени леска...».....	54
«Заброшен сад. И тень, и плесень...».....	55
«К сердцу седина. Любимой на ресницы...».....	56
«Воспоминанье, как спирт...».....	56
«Вкруг полей веду крутые межи...».....	57
«Всё, что мне рассказывали травы...».....	58

Малиновая шаль

538	<i>Иван Грузинов</i>	«Сумочку-котомочку за плечи повесил...».....	59
		«Говори со мной как можно проще...».....	60
		«Все-то ночи, все-то дни в истоме...».....	61
		«Душные асфальты надоели...».....	62
		«Изогнула берёза спину...».....	63
		Цыганка.....	64
		«Всю-то ночку, ноченьку не спится...».....	65
		Песня.....	66
		«Что ты значишь, голос издалёка?».....	67
		«Есть пределы, времена и сроки...».....	68
		«Я бы мог как мальчик Бонапарте...».....	68
		«Я вышел поздно. Полдень синий...».....	69
		«Соседней рощи не узнать...».....	70
		«Дрожат увядшие ракиты...».....	71
		«Пусть другой глядит в грядущие века...».....	72
		«Всё проходит. Всё. И не вернуть...».....	73
		«В тумане кони потонули...».....	74
		«Осень. Глушь. Шагаю наугад...».....	74
		«Сотни лет пройдут, а я останусь...».....	75
		Малиновая шаль.....	76
«Только лодки в утреннем тумане...».....	77		

ВЕЧНОСТЬ НОМЕР ТРИ

Вечность номер три..... 78

ИЗ КОЛЛЕКТИВНЫХ СБОРНИКОВ

Из поэмы «Можай».....	119
Веер ресниц.....	121
Шлейф гранитный.....	121
Ода мне.....	122
«С каждым днём нежнее ветер вешний...».....	122
«Каждый день – туманно ли, светло ли.....	124
Суданский зной.....	125
«Я весь травяной да медвежий...».....	126

Собрание сочинений

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

539

«Гаснет, меркнет, догорает...».....	127
«Смущённо и трепетно...».....	128
«Я, как Датский принц, разрушил цепь времён...»...129	129
«Где над омутом весь день туман и мгла...».....	129
«На доли палевый туман...».....	130
«Ветер осенний...».....	131
«Как зыбки тени! Не во сне ли...».....	132
«Запад золот и ал...».....	133
«Среброкованные святки...».....	133
«Груда серая камней...».....	134
«Линялой бичевой легла...».....	135
«Восточных глаз ультрамарин...».....	136
«Любовь по бедрам розовым лучится...».....	136
«В суглинок илистый...».....	137
Обсерватория.....	138
«Мочёной глине лысынами влипли...».....	140
«Каждым полнолунием...».....	141
«Ныне Иисусу подрабатывать...».....	142
«Лохани дамьих маток...».....	142

«Только перед смертью и приснится...»	143
«Безумные дикие сны есть...»	144
«Быть может, к далёким мирам марсиане...»	145
«В кустарниках стежка таится...»	146
«Дней сентября минуло восемнадцать...»	146
«Можайские стихи»	147
«Сентябрь коготком ястребиным...»	148
«Я знаю, что в жизни никчёмней...»	149
«Ночное посещение» (Отрывок из повести)	150
«Речная зыбь играет лодкой...»	152
«Это мне как раз и было нужно...»	153
«Гривую потряхивает рыжий...»	153
«За мстью мсть, за карой кара...»	154
«Дни северные побледнели...»	154
«Мне сегодня не поются песни...»	155
«Ни товарный не гремит, ни скорый...»	156
«Догорела ночная свеча...»	156
«Шепчутся докучливо полозья...»	157
«Снились мне невиданные дали...»	158
«Тоненькие северные тени...»	159
«Сотни вёрст плывёшь – одно и то же...»	159
«Дальнее, забытое в закатах...»	160
«Нам только б вольность – плыть иль ехать...»	161
«Циферблат пустой. Взлетают стрелки...»	162
«Ласточка ли, лодочка ль...»	163
«Хрустит песок. Звезда сверкает...»	164
«Так бывает только в детстве...»	164
«Я люблю в глухих просторах...»	165
«В этом мире и дряхлом, и гулком...»	166
«Оглядишь-ка, ширь какая!»	167
Небесный вокзал	168
«Вот я и на том свете...»	169
«Лепестки ли рассыпают, снег ли...»	170
«Что за глушь! И глушь такая...»	170
«Уж скоро вновь начертит иней...»	171
«Из широт – берём какая шире...»	172
«Мне чем-то близким и простым...»	172
«Свет зари. Столбы зелёной пыли...»	173

«Розовеет и златится...»	174
«Мир ночной глубок и страшен...»	175
«Пенснэ платочком вытер...»	176
Остров открытый мною	177
«Леденцы рассыпала заря...»	180
«Серая птица, полночная птица...»	180
«Затеpliшь свечку – никого...»	181
«Конь да лодка. Синяя тайга...»	182
«Три звезды дрожат в колодце...»	182
«День кончен. Ладыя у причала...»	183
«Ветхий домик декабриста...»	184
«Тень мелькнёт в луче закатном...»	185
Собаки	186
«Наш городишко и досель...»	187
«Плывём на север. Мир как дым...»	188
«Кружась в полях, пересеклись...»	188
«Я слышу – как шуршат шелка...»	189
«Снилось мне, что я иду в пустыне...»	190
«Как будто детство за холмом...»	191
Лесная невеста.....	192
«Глубоким утром под листвой...»	193
«Голос, зовущий меня, не обманет...»	194
«Глухая осень, а закат...»	194
«Стекланный день. Стекланный хруст...»	195
«Какая тишь. Какая рань...»	196
«От розы тонкая струя...»	196
«По-детски надломлен голос...»	197
Отрывок	198
У фонтана	199
«В окошко глянул – жёлтый день...»	200
«С седых морей, из-за тайги...»	200
«Я ухожу на юг. Прощай...»	201
«Друзья, о где же, где же вы?»	202
«Ты мне напоминаешь детство...»	202
Гадание на картах.....	203
«Я тебя на севере встретил...»	204
На Родине	204
«В мартовскую снеговую замять...»	205

«Над зыбью водной зыбь ветвей...»	206
Сибирь	206
Иван-да-Марья.....	209
Дюманш.....	210
Двое в зелёном.....	212
«Мария Вечерняя»	214
«Мне не спится. Ах, о чём тревога!».....	216
«Я не знал, что такие бывают сны...».....	217
«Перестаю различать...»	218

ИМАЖИНИЗМА ОСНОВНОЕ

Имажинизма основное.....	219
--------------------------	-----

542

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

КРИТИКА

Борис Пастернак «Сестра моя жизнь» (М.: Издательство Гржебина, 1922).....	229
«Московский Парнас», второй сборник, 1922.....	231
«Леф», №1, март, Госиздат	232

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Пушкин и мы	235
Конь (анализ образа).....	251
Литературные манифесты.....	263
Поэзия и реклама (По корректуре: «Поэты наших дней», антология, Союз Поэтов, Москва, 1924)	272
Об актёрском чтении стихов	279

МЕМОАРЫ

Есенин.....	283
О смерти Есенина.....	305
С. Есенин разговаривает о литературе и искусстве.....	312
Маяковский и литературная Москва.....	338
О. Демидов. «Я прошёл. Следы мои сияли. Я погас. Следы мои горят...»	390
Комментарии	497
Библиография	533
Основные даты жизни и творчества.....	535

Собрание сочинений

543

∩
∩
∩

Грузинов Иван Васильевич

Собрание сочинений

Технический редактор *А. Ильина*

Корректор *Н. Корсакова*

Подписано в печать 03.10.16. Формат 84x108/32

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Печ. л. 17. Заказ №

Издательство «Водолей»

127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23

Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>

E-mail: info@vodoleybooks.ru

Отпечатано: Публичное акционерное общество

«Т8 Издательские Технологии»

109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5

Тел.: 8 (499) 322-38-30

